

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Алексей Горбылев Путь невидимых. Подлинная история нин-дзюцу

<http://fictionbook.ru>

«Горбылев А.М. «Путь невидимых. Подлинная история нин-дзюцу.»»: «Харвест»; Минск; 1999
ISBN 985-433-174-1

Аннотация

Эта книга написана человеком, сочетающим в одном лице историка-япониста и практика традиционных японских боевых искусств по школе Катори Синто-рю. Она совершенно уникальна в том смысле, что автор опирается на материалы, практически неизвестные за пределами Японии: исследования японских историков нин-дзюцу, старинные хроники, трактаты самих ниндзя. Книга читается словно захватывающий боевик, но при этом все, что в ней говорится, исторически достоверно. Данная книга впервые в западной и отечественной литературе дает точные ответы на вопросы о том, кто такие настоящие, а не мифические ниндзя, как и когда они появились на исторической сцене, каким образом совершали свои удивительные деяния, когда и почему исчезли. Она не оставляет камня на камне от претензий многочисленных самозванцев на их принадлежность к подлинной традиции нин-дзюцу. Любой человек, серьезно интересующийся боевыми искусствами Востока, просто обязан прочесть эту книгу.

Книга размещена с разрешения автора.

Авторский сайт www.kyokushinkan.ru

E-mail: agor@kyokushinkan.ru

Введение

Средневековые японские шпионы и диверсанты ниндзя и их загадочное профессиональное искусство нин-дзюцу относятся к наименее исследованным областям. История изучения этого феномена на западе не насчитывает и пятидесяти лет. Все началось с небольшой заметки в журнале «Ньюсуик» за 3 августа 1964 г. В ней автор рассказывал о волне ниндзямании, захлестнувшей страну Восходящего солнца, вкратце описывал сущность и методы нин-дзюцу, представлял последнего мастера этого загадочного искусства Фудзиту Сэйко. Заметка вызвала большой интерес у американских ученых. По свидетельству одного из крупнейших японских специалистов в области истории нин-дзюцу Ямагути Масаюки, в том же

1964 г. из Гарвардского и Калифорнийского университетов, а также университета г. Гонолулу, Гавайские острова, в Японию поступили запросы о предоставлении материалов о ниндзя.

Автору книги неизвестно, каковы были результаты исследований американских историков. Но именно после этой заметки в США начался бум ниндзя. Он был подстегнут многочисленными киноевчиками о японских «невидимках», авантурными романами и популярными рекламными книжонками многочисленных авторов.

Спрос на информацию о ниндзя был колоссальный. И мощная американская индустрия с готовностью откликнулась на него: магазины заполнились униформой и снаряжением ниндзя, практическими наставлениями «по боевой технике воинов-теней». Свою долю пирога поспешили урвать и последние «мастера нин-дзюцу». Так появились огромные организации, объединяющие сотни тысяч поклонников ниндзя по всему свету – Будзинкан-додзё, Гэмбукан-додзё, Всемирная академия нин-дзюцу Роберта Басси и другие, по сути, представляющие собой своеобразные коммерческие предприятия, занимающиеся торговлей «заморской диковинкой».

При этом использовались отработанные методы привлечения широкой публики: побольше загадочности и мистики, побольше обещаний и заверений типа «наше искусство – самое древнее и крутое», побольше необычных приемов, побольше басен о сверхвозможностях. Все это нужно было подать под «правильным соусом». Ведь средневековые приемы маскировки, беганья по лесам и физическое и духовное самоистязание в духе спецназа могут заинтересовать разве что некоторых чудаков-любителей и профессионалов из спецподразделений. Широкая публика в массе своей останется к этим малопонятным «забавам» равнодушна. И вправду, зачем это клерку, рабочему или школяру? Однако «популяризаторы» нин-дзюцу сумели найти приманку для «широких народных масс». Нин-дзюцу стало рекламироваться не столько как искусство шпионажа и разведки, сколько как учение о достижении гармонии с окружающим миром и реализации творческого потенциала человека. Соответственно и ниндзя превратились в носителей тайного знания, в членов «тайных кланов», озабоченных реализацией высоких религиозно-философских идеалов и гонимых за свои убеждения. Жаль только, что у этого впечатляющего мифа нет практически никакой реальной исторической основы, о чем пойдет речь далее.

«Новая концепция рекламы» быстро позволила «построить в ряды» десятки тысяч последователей во всем мире. Еще бы, гармония с окружающим миром, духовное здоровье, реализация творческих потенций – разве это не идеал? В то время как в других восточных единоборствах наметился отток «любителей», организации нин-дзюцу стали стремительно набирать вес.

Однако рост интереса к нин-дзюцу отнюдь не стимулировал активность научных изысканий. Почти все изданные к настоящему моменту вне Японии книги об этом искусстве носят исключительно популярный и рекламный характер и ни в коей мере не являются научными исследованиями. Именно поэтому мы не найдем в них ни детального, основанного на фактах, анализа истории нин-дзюцу, ни ссылок на исторические источники, ни отрывков из «секретных» трактатов.

Зато повсеместно мы будем наталкиваться на высказывания, уже ставшие штампами и при этом не имеющие под собой никакой исторической основы. Например, из книги в книгу кочует утверждение о полном отсутствии источников по нин-дзюцу, связанном со спецификой секретной деятельности ниндзя. Но так ли это?

Японские источники, описывающие события XIV – XVII вв., пестрят упоминаниями о действиях ниндзя. Подчас среди них можно найти и детальные описания операций хитроумных лазутчиков. В этом плане значимы произведения жанра «воинских повестей» (гунки): «Хэйкэ-моногатари»¹, «Тайхэйки»², «Ходзё годайки»³, «Канхассю-року»⁴, «Сикоку-гунки»⁵,

¹ «Повесть о доме Тайра».

² «Повесть о великом мире».

³ Хэйкэ-моногатари.

«Мацуо-гунки»⁶ и др. Большую ценность представляют дневники тех времен, например, «Тамон-ин никки»⁷. Довольно полную картину организации разведки в средневековой японской армии можно составить по дошедшим до наших дней приказам по армии. Здесь следует выделить распоряжения Като Киёмасы, главнокомандующего японского экспедиционного корпуса в Корею во время Имджинской войны конца XVI в. Кроме того до настоящего времени сохранилось свыше 50 наставлений по нин-дзюцу, включая такие выдающиеся произведения как десятитомная «энциклопедия» «Бансэнсюкай»⁸ и «Сёнинки»⁹, несколько десятков родословных знаменитых семей ниндзя, их воспоминания, служебные отчеты, китайские трактаты, повлиявшие на формирование теоретической базы нин-дзюцу... Дошли до наших дней и образцы снаряжения и вооружения, и так называемые «шпионские усадьбы», где ныне созданы музеи.

Как видим, реальное положение дел никак не согласуется с утверждением большого числа «трудов» по нин-дзюцу. Это вынуждает исследователя не только доискиваться истины в источниках, но попутно еще и анализировать и ломать штампы, сложившиеся благодаря «усилиям» лгунов-популяризаторов, заинтересованных не в серьезном исследовании вопроса, а в саморекламе. И начать приходится с самого понятия «ниндзя».

Кто такие ниндзя?

Слово «ниндзя» записывается двумя иероглифами: «нин» (в другом прочтении «синобу») – 1) выносить, терпеть, сносить; 2) скрываться, прятаться, делать что-либо тайком); и «ся» (в озвонченной форме «дзя»; в другом прочтении «моно») – «человек». Существительное «синоби», образованное от глагола «синобу» означает: 1) тайное проникновение; 2) соглядатай, лазутчик, шпион; 3) кража.

Слово «ниндзя» появилось лишь в XX в. Ранее его эквивалентом было иное прочтение тех же иероглифов – «синоби-но моно», буквально, «скрывающийся человек», «проникающий тайно человек». Так в Японии, начиная с XIV в., называли лазутчиков.

Во многих работах по истории нин-дзюцу можно встретить анализ взаимоотношения составных частей иероглифа «нин» с целью показать некое скрытое философское изначальное значение слова «ниндзя». Так, этот иероглиф интерпретировали, например, как «сердце (или дух) контролирует и направляет оружие».

Однако, думается, что это не более, чем позднейшие интерпретации и гимнастика ума. Подтверждается это тем, что задолго до того, как шпионов в Японии стали называть «синоби», в японском языке уже существовали многочисленные производные от глагола «синобу» слова со вполне «шпионскими» значениями: синобиёру – подкрадываться; синобиру – тайно проникать куда-либо; синоби-аруку – ходить крадучись; синобисугата-дэ – переодевшись, инкогнито, под чужим именем; синобиаси-дэ – на цыпочках, тихонько и т.д.

«Синоби» был далеко не единственный термин для обозначения представителей шпионской профессии. В источниках мы встречаем упоминания о кандзя («шпион», «человек, [проникающий через] отверстие»), тёдзя («шпион»), камари («пригибающийся»), уками-бито

⁴ «Записи 8 провинций Канто».

⁵ «Воинская повесть о Сикоку».

⁶ «Воинская повесть Мацуо».

⁷ «Дневник обители Тамон».

⁸ «Десять тысяч рек собираются в море».

⁹ «Книга об истинном нин-дзюцу».

(«вызнающий человек»), суппа («волны на воде», «проникающие [куда-либо] волны»), сэппа (то же), раппа («мятежные волны»), топпа («бьющие волны»), монокики («слушающие»), тоомэ («далеко [видящие] глаза»), мицумоно («тройные люди», «растраивающиеся люди»), дацукко («похитители слов»), кёдан («[подслушивающие] болтовню за угощением»), яма-кугури («подлезающие под гору»), куса («трава») и т.д.

В «Букэ мёмокусё»¹⁰ о синоби-но моно говорится: «Синоби-но моно выполняют различные шпионские задания. Их называют еще „кандзя“ или „тёдзя“. Служба их заключается в том, чтобы тайно проникнуть в чужие провинции и узнать положение дел во вражеском стане или по временам, смешавшись с противником, вызнать его слабые места. Проникнув во вражеский лагерь, они пускают огонь, и еще в качестве [наемных] убийц убивают людей. Во многих случаях используются эти синоби. Называют их также „моно-кики“ („подслушивающие“), „синоби-мэцукэ“ („тайные агенты, цепляющие к глазам“) и т.д. Все это одна сторона их службы. Если с самого начала служебные обязанности их не оговорены, нет таких заданий, которые бы им не поручали. Служат в качестве синоби простолюдины, асигару (легко вооруженные воины низшего ранга), досин (полицейские стражники), раппа, сэппа и другие».

А вот что говорится о синоби-но моно в «Этиго гунки»¹¹ (глава «О том, как Кагэтора послал армию к границе провинции Эттю и о возвращении ее в лагерь без боя»): «В 5-й день 10-й луны того же года (1548) [Уэсуги] Кагэтора присвоил звание кикимоно-яку – „служащие слушателями“ – семерым приближенным слугам. Трех он послал в провинцию Каи, а [остальные] четверо поселились в [провинциях] Эттю, Ното и Кага. Кикимоно-яку – это такой вид [служащих], которых называют [еще] синоби-но моно, мэцукэ или „ёкомэ“ („косящие глаза“). Они ежедневно сообщают о государственной политике правителей других провинций, о поступках [их] чиновников и даже об обычаях простонародья. От них получают драгоценные знания о хороших и плохих делах [других] провинций».

Еще один штрих к характеристике сущности синоби-но моно находим в историческом сочинении середины XV века «Ноти кагами»¹²: «Что касается синоби-но моно, говорят, что происходят они из провинций Ига и Кога и с легкостью тайно проникают во вражеские замки. Они соблюдают тайну и известны лишь под псевдонимами. В Западной стране (т.е. в Китае) их называют „сайсаку“. А стратеги их зовут „кагимоно-хики“ („вынюхивающие и подслушивающие“).

Анализ этих цитат показывает, что синоби-но моно могли происходить из любого социального слоя. Это могли быть самураи, порой из знатных родов, горные отшельники ямабуси, буддийские монахи-воины сохэй, разбойники «гор и полей», дзи-дзамураи¹³, воры... Кого только среди них не было! Объединяли их два момента: во-первых, та специфическая функция, которую они выполняли в японском средневековом обществе – все они были тайными агентами, шпионами, разведчиками, а, во-вторых, владение необходимыми для выполнения этой функции навыками – методами шпионажа. Характерно, что «Ноти кагами» проводит параллель с китайскими шпионами.

Все это в корне подрывает устоявшееся представление о ниндзя как особом социальном слое, «касте отверженных».

Несколько слов о «тайных кланах»

¹⁰ «Термины самурайских родов».

¹¹ «Воинская повесть [провинции] Этиго».

¹² «Последующее зеркало».

¹³ «Земельный самурай» – мелкий военный феодал, не имеющий над собой господина.

Сразу оговоримся, что сам этот термин совершенно нелеп. Слово «клан» в русском языке имеет значение «род, родовая община». А посему возникает законный вопрос, как может быть род или семья «тайными»?

Однако особенность развития шпионажа в Японии состояла в том, что на определенном этапе в ней появились семьи, зарабатывавшие на жизнь торговлей разведывательной информацией и поставкой профессиональных шпионов и диверсантов противоборствующим феодалам. Речь идет о нескольких десятках семей мелких земельных феодалов (госи) из провинции Ига и уезда Кога провинции Оми. Шпионаж был для них таким же бизнесом, как торговля горшками – разница только в товаре. О том, какие обстоятельства позволили им заняться столь необычным бизнесом, будет подробно говориться в тексте книги.

О школах «нин-дзюцу»

В литературе по нин-дзюцу имеет место совершенно дикая путаница в том, что означает слово «школа нин-дзюцу». В одной статье автор на двух страницах одним и тем же словом «школа нин-дзюцу» умудрился обозначить 4 (!) совершенно разных по сути явления, для обозначения которых в японском языке применяются разные термины. Отчасти это связано с непониманием сущности предмета обсуждения, отчасти с чрезвычайной широтой русского «школа».

Итак, русским термином «школа нин-дзюцу» в текстах зачастую обозначают:

1) единую техническую традицию, обладающую теоретическим обоснованием и установленным техническим арсеналом, как правило, зафиксированным в специальных «каталогах» (мокуроку), японский термин – рю (точнее рюха или рюги), европейский аналог, например, – импрессионистская школа живописи;

2) место, где проходят тренировки в воинском искусстве, японский термин – додзё;

3) тайную организацию, занимающуюся шпионажем и располагающую агентурной сетью, японский термин – «химицу сосики» – «тайная организация»;

4) семью (клан), занимающуюся шпионажем и культивирующую рю нин-дзюцу;

японский термин – «нинкэ» – «семья ниндзя».

Очевидно, что ни рю, ни додзё в исторических событиях участвовать не могут, ибо первое есть чистое знание, а второе – строение. С другой стороны, прилагать термин «школа» для обозначения «секретной организации» или «семьи, практикующей нин-дзюцу» неправильно.

Важно также отметить, что между нинкэ и химицу сосики знак равенства ставить ни в коем случае нельзя, так как несколько семей, практикующих нин-дзюцу, могли входить в одну и ту же секретную организацию, а секретные организации могли создаваться японскими князьями-даймё из своих собственных самураев без привлечения членов нинкэ. Что такое нин-дзюцу?

Японские историки указывают, что как особое искусство нин-дзюцу сложилось не ранее конца XV в. Что оно собой представляло в период своего расцвета лучше всего показывает, пожалуй, знаменитая «энциклопедия» XVII в. по нин-дзюцу «Бансэнсюкай». Автор этой книги дзёнин организации ниндзя из Ига Фудзибаяси Ясутакэ разделяет шпионское искусство на 2 основных раздела: Ёнин («Светлое нин-дзюцу») и Иннин («Темное нин-дзюцу»). Ёнин – это уровень стратегии и тактики. Японские историки иногда называют этот раздел «дзуйно нин-дзюцу» – «нин-дзюцу головного мозга», поскольку в него входят методы организации шпионских сетей, анализа полученной информации, разработки долгосрочных стратегических планов на основе учета разнообразных факторов – политических, экономических, военных, географических и т.д., прогнозирование ситуации. Это уровень политика высшего эшелона, командующего армией и руководителя организации разведки и шпионажа – дзёнина.

Иннин имеет дело с конкретными приемами добывания секретной информации. В него входят способы проникновения на вражескую территорию с использованием легенды, различные уловки для обмана бдительности стражи, приемы подслушивания и подсматривания, ускользания от погони и многое другое.

Кроме того, в подготовку ниндзя входили и многочисленные вспомогательные навыки:

хэнсо-дзюцу (методы переодевания), мономанэ-но дзюцу («искусство подражания» голосам и звукам), суйэй-дзюцу (плавание), хаягакэ-но дзюцу (скоростной марафонский бег) и т.д.

Для эффективного выполнения заданий ниндзя использовали различные специальные инструменты (нинки, нингу): приспособления для подъема на стены, разнообразные плавсредства, воровской инструмент.

Несколько особняком стоит применение зажигательных смесей, взрывчатки и огнестрельного оружия – искусство ка-дзюцу, которому в «Бансэнсюкай» посвящен отдельный том.

Характерно, что «Бансэнсюкай» не описывает никаких приемов рукопашного боя – ни с оружием, ни без него. Дело в том, что нин-дзюцу как искусство шпионажа имеет совершенно особую сферу применения и особые методы. Это отдельная дисциплина, не включающая в себя приемы поединка. Однако это вовсе не означает, что ниндзя вообще не изучали так называемые «боевые искусства» – фехтование мечом, копьем, стрельбу из лука, борьбу без оружия. Дело в том, что обучение во всех классических школах носило комплексный характер. Например, в Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю изучалось кэн-дзюцу (фехтование мечом), иай-дзюцу (методы молниеносного выхватывания меча для атаки или контратаки), нагината-дзюцу (техника боя алебардой), бо-дзюцу (фехтование шестом), со-дзюцу (приемы боя копьем), сюрикэн-дзюцу (метание лезвий), кумиути (борьба в доспехах) и другие искусства, в одном ряду с которыми стоит и нин-дзюцу, или собственно искусство шпионажа и разведки.

Таким образом, нин-дзюцу предстает как целостная система стратегического шпионажа и войсковой разведки, располагающая тщательно разработанной теорией, богатым арсеналом приемов, оригинальной методикой подготовки агентов, опирающаяся на использование большого арсенала специальных технических средств, сложившаяся в Японии в конце XV – первой половине XVII вв.

Вехи истории нин-дзюцу

Разумеется, такая система не могла родиться в одночасье. Потребовались столетия, чтобы из разрозненных приемов разведки, шпионажа, диверсий смогла развиваться столь стройная система, особое искусство. Перед исследователем неизбежно встают весьма сложные вопросы: каковы истоки искусства шпионажа, какие факторы позволили ему именно на японской земле в период средневековья достичь наивысшего развития в мире, с какого момента можно говорить о существовании нин-дзюцу как особого искусства?

Что касается истоков нин-дзюцу, думается, искать их нужно во временах доисторических, так как многие разделы этого искусства: следопытство, маскировка, методы выживания в условиях дикой природы – по своему происхождению связаны с охотой. Со временем эти охотничьи уловки становились все более изощренными, а с началом столкновений между объединениями первобытных людей дали начало военному искусству, в котором различные хитрости «ниндзевского» толка заняли весьма почтенное место.

Однако люди охотились и воевали во всем мире, но именно в Японии искусство шпионажа и военной разведки в период средневековья достигло наивысшего развития. Чем это объяснить? Думается, свою роль здесь сыграла целая совокупность разнообразных факторов: географических, исторических, психологических.

Говоря о географических факторах, нужно в первую очередь отметить близость великой цивилизации Китая. Почти каждый скачок в культурном развитии Японии был связан с усилением китайского влияния. Сказалось это влияние и в искусстве шпионажа. Правда проявилось оно не столько в сфере конкретных приемов, сколько в области теории и психологии.

И еще. Сложный горный рельеф, обилие речушек способствовали развитию методов малой войны – неожиданных нападений, засад, диверсий, предопределили исключительную важность личного мастерства воина, возникновение малочисленных, но чрезвычайно боеспособных отрядов, способных эффективно действовать в самых сложных условиях.

К историческим факторам следует отнести, конечно же, существование в Японии особого военного сословия – самураев и сильную раздробленность страны в период средневековья.

Господство самурайского сословия способствовало росту престижа военного дела и стимулировало развитие военного искусства во всех его формах. Раздробленность вела к постоянным конфликтам, войнам, которые опять-таки подстегивали изучение военного дела. К тому же, начиная с первой половины XIII в., в Японии начала складываться особая социальная прослойка наемников, жившая за счет войны. Именно из нее со временем и выделились нинкэ – семьи, сделавшие своим бизнесом шпионаж.

Немалое значение имели и особенности национальной психологии японцев. Особо нужно отметить два момента. Во-первых, это бережное отношение к наследию предков. Для японцев все, что связано с предками, священно. И подходят они к своему наследию как рачительные хозяева: все важное, полезное, значимое запомнят, освоят, отшлифуют и применяют, когда надо. Некоторые японские историки считают, что именно в процессе такого отбора и фиксации различных военных хитростей уже в глубокой древности сложилась знаменитая система нин-дзюцу.

Однако другие исследователи полагают, что без заимствований со стороны – из Китая и Кореи – нин-дзюцу вряд ли достигло бы своего, по тем временам поистине фантастического, уровня развития. Они указывают на другую замечательную черту психологии японского народа – способность к активному усвоению достижений других народов.

Действительно, вся японская история являет собой замечательный пример того, насколько можно ускорить развитие национальной культуры, если без всяких предвзятостей, но с умом обратиться за опытом к соседям. Не для того, чтобы просто «передрать», а для того, чтобы увидеть их достижения, осмыслить их, переделать на свой лад и применить на родной земле.

Когда же нин-дзюцу стало искусством? Хотя некоторые легенды утверждают, что нин-дзюцу существовало с незапамятных времен, реальные исторические источники позволяют говорить о существовании нин-дзюцу как самостоятельного искусства не ранее второй половины XV – середины XVI в. Именно в этот период сложились крупнейшие школы Ига-рю и Кога-рю. А весь предыдущий период японской истории, по сути, можно рассматривать как период накопления знаний в области шпионажа, их осмысления и упорядочивания.

В целом всю историю нин-дзюцу можно разделить на три важнейших периода: период формирования (VI-XIV вв.), период расцвета (XV – первая половина XVII вв.) и период упадка (вторая половина XVII-XIX вв.).

В каждом из трех этих больших этапов можно выделить более мелкие, но сущностно важные периоды. Всего автор насчитал их одиннадцать.

I период продолжался со времен доисторических до начала периода Нара (710-784). Это период первичного накопления знаний в области разведки и диверсионной войны и их первой письменной фиксации. В это время в Японию из Китая был привезен трактат «Сунь-цзы», заложивший основу теории шпионажа, проникла буддийская магия, ставшая впоследствии одним из важнейших методов психологической подготовки лазутчика.

II период по временным рамкам в основном совпадает с периодом Нара (710-784). Он характеризовался возникновением в среде отшельников-ямабуси искусства партизанской войны, включавшего в себя приемы маскировки и рукопашного боя.

III период охватывает время от начала периода Хэйан (794-1192) до войны Гэмпэй (1180-1185), он ознаменовался возникновением военного сословия самураев, укреплением религиозных объединений и появлением монахов-воинов, зарождением в среде разбойников прообраза агентурных сетей.

IV период охватывает войну Гэмпэй (1180-1185) и первые годы сёгуната Минамото (1192-1333). Согласно традиции, в это время нин-дзюцу впервые было выделено в особую отрасль военной науки, появились первые профессиональные разведчики.

V период, совпадающий по времени с Камакурским сёгунатом (1192-1333), характеризовался мощным влиянием на искусство шпионажа со стороны дзэн-буддизма.

VI период охватывает реставрацию Кэмму (1333-1336), период Намбоку-гё (1336-1392) и далее до начала эпохи Сэнгоку-дзидай (1467-1573). В это время впервые создаются агентурные сети, возникают первые школы воинского искусства.

VII этап, совпадающий с эпохой Сэнгоку-дзидай (1467-1573), ознаменовался широчайшим

использованием шпионов враждующими феодалами, развитием в нин-дзюцу методов применения огнестрельного оружия, складыванием крупнейших школ Ига-рю и Кога-рю.

Следующий, VIII период – это время первых объединителей Японии – Оды Нобунаги (1573-1582) и Тоётоми Хидэёси (1583-1598), проводивших политику «собирания» страны путем подавления всех непослушных элементов – буддийских монастырей, мелкофеодалных кланов, в том числе тех, которые занимались нин-дзюцу. Эта политика вылилась в поход армии Оды на провинцию Ига и разгром большинства кланов ниндзя.

IX период – время борьбы за власть в стране Токугавы Иэясу (1598-1615). Иэясу хорошо понимал и высоко ценил возможности ниндзя и создал лучшую по тем временам службу шпионажа.

X период – мирное время правления сёгунов династии Токугава (1615-1867). В Японии создается колоссальный полицейский аппарат, использующий в качестве тайных агентов бывших ниндзя. Начиная со второй половины XVII века, нин-дзюцу, не находя применения в войнах, приходит в упадок.

XI период начинается с революции Мэйдзи (1868) и завершается поражением Японии во Второй мировой войне (1945). В это время на основе нин-дзюцу и европейских разработок в области шпионажа возникает и используется современная японская система шпионажа.

В настоящей работе широко представлены материалы исторических источников. Всего задействовано около 60 текстов. Однако обрывочность сведений, содержащихся в них, и недоступность источников во всей их полноте вынуждают автора в поэтапном изложении истории нин-дзюцу в основном следовать канве, проложенной японскими исследователями.

В этой связи необходимо сказать несколько слов о японской традиции историописания, которая следует китайскому шаблону. По этой традиции, исходящей из признания древности «золотым веком», история – это процесс передачи изначальной мудрости от мудрецов-родоначальников к их потомкам.

Отсюда стремление удревить всякое явление и тем самым подчеркнуть его истинность и значимость, слияние мифа и реальности. В результате и в источниках, и даже в большинстве современных японских работ по истории нин-дзюцу реальность неотделима от мифа. Это препятствует созданию подлинно научной истории нин-дзюцу, но помогает понять сущность этого искусства как бы изнутри, ведь миф о нин-дзюцу в то же время есть отражение нин-дзюцу в сознании человека.

Поэтому в тексте настоящей работы с сообщениями надежных исторических источников соседствует большое число легенд. Думается, это поможет читателю составить более полное представление о том, что же такое нин-дзюцу, как его воспринимали сами ниндзя, и чем оно для них было.

Глава 1

У истоков нин-дзюцу

К началу периода Нара (710-784) японский народ уже успел накопить солидный опыт в области военного шпионажа. Этот опыт был зафиксирован в древнейших письменных источниках страны Восходящего солнца: «Кодзики»¹⁴ (712 г.) и «Нихонги»¹⁵ («Нихон сёки»; 720 г.).

Первое тысячелетие нашей эры было для Японии временем активных контактов с

¹⁴ «Летопись древних дел».

¹⁵ «Анналы Японии».

материком. Острова не раз становились прибежищем для китайских и корейских переселенцев. Китайцы и корейцы переправлялись в Японию целыми общинами. Как правило, семьи переселенцев даже на общем фоне высокоразвитой культуры отличались богатыми познаниями. Дело в том, что основными причинами миграции были причины политические. Нашествия кочевников, государственные перевороты, восстания – все это приводило в движение не столько угнетенную крестьянскую массу, сколько правящие слои. Именно аристократы, образованные, утонченные, и бежали в страну Восходящего солнца.

Переселенцы привозили с собой свои представления о мире, верования, философию, научные знания, производственные и технические навыки, письменность, литературу, искусство и, разумеется, военную науку. Так с ними на острова проникли приемы и методы боя, даосские психомедитативные упражнения и буддийская магия, заложившие основу психологической подготовки ниндзя, замечательные трактаты по военному искусству и среди них «Сунь-цзы», в котором впервые в мире была разработана теория военного и политического шпионажа.

Осознавая превосходство иммигрантов, японцы активно перенимали их достижения, а чуть позже стали сами ездить в Китай на учебу.

Большое влияние на становление японского искусства шпионажа оказала корейская культура. В III – VII вв. н.э. японцы проводили активную политику в отношении Корейского полуострова и даже имели там свои владения. В столкновениях с корейскими государствами Силла, Пэкчэ и Когурё они знакомились с их военным искусством. Корея раньше, чем Япония, оказалась втянутой в сферу влияния китайской цивилизации. Поэтому многие достижения китайской культуры и, в частности, военной науки к тому времени, как японцы лишь начинали с ними знакомиться, были ее жителями уже освоены. И именно корейцы продемонстрировали японцам применение принципов китайской стратегии на практике, дали первые уроки организованного шпионажа.

Таким образом в первый период истории нин-дзюцу сложилась основа, на которой в дальнейшем стало развиваться собственно японское искусство шпионажа нин-дзюцу.

Лазутчики из небожителей

Во введении уже говорилось о подсознательном стремлении японцев выводить истоки всякого явления от времен незапамятных. Поэтому нет ничего странного, что уже в древности предпринимались попытки отыскать корни нин-дзюцу в мифологии. К тому же, если внимательно познакомиться с мифами «Кодзики» и «Нихонги», при наличии фантазии некоторые деяния богов можно интерпретировать как прообраз разведывательно-шпионских операций. Например, в «Кодзики» и «Нихонги» рассказывается о том, как Таками Мусуби-но Ками, один из центральных богов японского пантеона, посылал нескольких богов рангом пониже во враждебную землю Идзумо, чтобы разведать положение дел и усмирить тамошних обитателей.

В качестве таких «разведчиков» в «Кодзики» и «Нихонги» упомянуто несколько богов, в том числе и покровители воинов и воинских искусств Такэмикадзути-но микото и Фуцунуси-но микото. Интересно, что с важнейшими центрами почитания этих богов, храмами Касима-дзингу и Катори-дзингу связаны две крупнейшие школы японского боевого искусства: Касима Синто-рю и Катори Синто-рю, каждая из которых включает в свою программу детально разработанную систему шпионажа и разведки – синоби-но дзюцу.

Этот миф о Така-ми Мусуби-но Ками был очень популярен среди «невидимок» из Ига, которые стали почитать этого бога прародителем нин-дзюцу.

Ниндзя из Кога тоже искали истоки своего искусства в древней мифологии. Но, по сообщению 14 патриарха школы Кога-рю Вада-ха Фудзиты Сэйко, признали родоначальником нин-дзюцу другого важного бога японского пантеона – Сусаноо-но микото.

Согласно «Кодзики», во время своих странствий Сусаноо-но микото повстречал старика со старухой и молодую девушку по имени Кусинада-химэ, которые сидели и плакали. Сусаноо поинтересовался, в чем причина их горя, и старик ему отвечал: «Моих дочерей... Ямато-но ороги – Змей-страшилище. Восемьхвостый-Восемьголо-вый из Коси каждый год являясь

проглатывает. Ныне время когда он должен явиться...»

Тогда Сусаноо-но микото вызвался помочь несчастному семейству, но в награду потребовал Кусинаду-химэ в жены. Получив согласие родителей, он превратил девушку в гребень и спрятал его в своей косичке, а старику со старухой приказал: «Вы восьмижды очищенное сакэ сварите, а еще кругом ограду возведите, в той ограде восемь ворот откройте, у каждого ворот помост сплетите, на каждый тот помост бочонок для сакэ поместите, в каждый бочонок того восьмижды очищенного сакэ полным-полно налейте и ждите!»

Когда все было в точности исполнено, как и предполагалось, показался страшный змей Ямата-но ороты. Завидев такое изобилие прекрасного сакэ, он тут же в каждый бочонок по голове своей свесил и осушил всю водку до дна. После этого он, естественно, опьянел, растянулся на земле и впал в сон. Тогда Сусаноо-но микото обнажил свой меч и разрубил его на кусочки.

На первый взгляд ничего особенно «ниндзевского» в этом эпизоде нет. Но, если вдуматься, здесь скрыты две важнейшие идеи, которые легли в основу нин-дзюцу. Во-первых, идея одоления большей силы при помощи хитрости. А во-вторых, идея слияния с естественным окружением и использования в маскировке самых обычных неприметных вещей, чтобы стать полностью невидимым для сил зла.

Мити-но Оми-но микото – родоначальник криптографии

С переходом от эры богов к эре героев в японской мифологии встречается еще больше претендентов на звание создателя нин-дзюцу. Так некоторые предания ниндзя из Ига и Кога основателем нин-дзюцу называют Хи-но Оми-но Микото, родоначальника знатной фамилии Отомо.

В «Нихонги» рассказывается, что во время Восточного похода легендарного основателя японского государства императора Дзимму («Божественный воин»; по традиционной версии правил в 660 – 585 гг. до н. э) Хи-но Оми-но микото вел его армию по незнакомой местности, следуя за священным вороном, посланным богиней солнца Аматаэрасу Оомиками. За это Дзимму дал ему имя Мити-но Оми-но микото – «Министр путей». По-видимому, в обязанности Мити-но Оми-но микото входила разведка местности, работа проводником армии и решение различных нестандартных ситуаций, что явствует из следующего эпизода.

Когда Мити-но Оми-но микото привел императора Дзимму в деревню Укэти в местности Уда, тамошний властитель Ё-Укаси решил убить вождя пришельцев. Но когда выяснилось, что армия Дзимму очень велика и в открытом бою с ней не совладать, он решил пойти на хитрость. Ё-Укаси укрыл свои войска в засаде и специально выстроил новый дворец с капканом внутри, чтобы заманить в него Дзимму. Однако младший брат Ё-Укаси – Ото-Укаси обо всем сообщил Дзимму, и тот выслал вперед Мити-но Оми-но микото, чтобы разведать обстановку. «Министр путей» сразу раскусил коварный план Ё-Укаси, и, как сообщает «Кодзики», он вместе с Окумэ-но микото, «вдвоем призвали к себе... Ё-Укаси и, бранью его осыпав, сказали так: „Во дворец, который возвел, ты первым и войдешь и покажешь, как ты собираешься государю послужить“, – ухватились за рукоятки мечей, копыя выставили, стрелы на луки наложили и загнали его туда. И тут же убило его тем капканом...».

Однако подлинное «ниндзевское» хитроумие Мити-но Оми-но микото проявилось несколько позже, когда Дзимму уничтожил последних врагов в долине Ямато. Император приказал Мити-но Оми-но микото выкопать большую землянку в деревне Осака, устроить там пышный пир и пригласить на него 80 врагов, чтобы истребить их разом. Мити-но Оми-но микото в точности исполнил повеление императора. Отобрав лучших воинов, вооруженных мечами, он приказал им смешаться с врагами и по сигналу его песни броситься на врагов и убить их. Когда враги – хвостатые люди цугигумо – запьянели, Мити-но Оми-но микото запел:

В обширной подземной обители
В Осака
Много людей
Помещается

Пусть много людей
Помещается, –
У храбрых парней Кумэ
Мечи с рукояткой, как молот,
Мечи каменные.
Сейчас нападут – ох, славно будет !

Услышав песню, воины Дзимму разом обнажили мечи и закололи всех цутигумо до единого. Считается, что это был первый случай шифрования информации в виде краткой песенки в военной истории Японии. И очень многие наставления по военному делу отметили этот факт. Именно отсюда ниндзя через много веков выводили истоки своего искусства «иньской речи» – профессионального жаргона, непонятного для других людей (арго).

От Мити-но Оми-но микото берет свое начало знаменитый военный род Отомо, из поколения в поколение передававший секреты военного дела и, возможно, особую традицию шпионажа и разведки. Отомо были лучшими мастерами воинского искусства и служили в императорской охране, были полководцами. Интересно, что Отомо-но Якамоти первым удостоился звания «сёгун», а Отомо-но Сайдзин, о котором речь пойдет далее, стал первым профессиональным шпионом в истории Японии.

Похитители священной глины

В описании Восточного похода Дзимму в «Нихон-ги» содержится и еще один весьма любопытный эпизод, который часто вспоминают исследователи истории нин-дзюцу. Во время боев за местность Исо в области Ямато будущему императору никак не удавалось одолеть врага, но однажды во сне его посетило видение, из которого он узнал, что для победы нужно добыть глины со священной горы Ама-но Кагу-яма и вылепить из нее священные кувшины. Задача была не из легких, так как Ама-но Кагу-яма находилась в самом центре расположения вражеских войск. И тогда Дзимму решил прибегнуть к хитрости: "Нарядил он Сипи-нэту-пико (Синэцухико) в рваную одежду, накинул соломенный плащ и шляпу, и тот стал похож на старца, а Ото-укаси на голову надел сито, чтобы стал он похож на старуху, и рек: "Отправляйтесь вдвоем на гору Ама-но Кагу-яма, потихоньку наберите там глины и возвращайтесь...

В тот момент вражеские воины теснились на дороге, и невозможно было пройти вперед. И вот Сипи-нэту-пико принес клятву-обет укэпи, сказав: «Если суждено моему государю этой страной овладеть, то пусть дорога сама по себе станет проходимой. Если же не суждено, то пусть враги нам путь преградят», – так сказал.

Как выговорил он эти слова, так они и двинулись в расположение врага. Тут увидели их два воина из вражеского стана, громко засмеялись и сказали: «Какие мерзкие старик и старуха!» И расступились, чтобы дать тем пройти. Так оба добрались до горы, набрали глины и благополучно вернулись".

Считается, что именно с этого эпизода начинается искусство переодевания для обмана врага (хэнсо-дзюцу), которое со временем стало одним из важнейших разделов нин-дзюцу.

Ямато Такэру – царевич-диверсант

Судя по всему, «ниндзевские» акции были в большом почете у жителей островов. Даже члены императорской фамилии не гнушались прибегать к ним в случае необходимости. Самым ярким примером этого являются подвиги принца Ямато Такэру.

Ямато Такэру действует как заправский разведчик. Он и шагу не делает без предварительной разведки ситуации, активно использует военные и шпионские хитрости, умеет выживать в экстремальных ситуациях.

Принц Ямато был сыном императора Кэйко. Свои подвиги он начал с убийства старшего брата, впавшего в немилость к Кэйко. Сделал это он довольно оригинальным способом: когда рано утром брат зашел в отхожее место, он неожиданно выпал из него «схватил, убил его

руки-ноги повывергал, завернул тело в циновку и выкинул» («Кодзики»). Судя по всему, туалет у японцев был излюбленным местом для отправления на тот свет своих недругов при помощи неожиданного нападения. Во всяком случае, по легенде, князь XVI в. Уэсуги Кэнсин тоже лишился жизни от рук вражеского ниндзя в этой же части своих апартаментов.

В то время Ямато было лет 15-16. Подивившись силе и буйству сына, Кэйко решил найти им лучшее применение и отправил его на остров Кюсю для умирения двух непокорных братьев-богатырей из племени кумасо, отказавшихся приносить дань.

Добравшись до земли кумасо, Ямато Такэру занялся разведкой местности и ситуации. Выяснилось, что недруги заняты постройкой землянки и подготовкой к богатому пиру. Этим и решил воспользоваться царевич.

Когда настал день пира, принц переоделся в платье девушки, предусмотрительно заготовленное его теткой Ямато-химэ, и вместе с женщинами проник в землянку. Видимо, выглядел он в женском одеянии достаточно соблазнительно. Так что братья Кумасо усадили его между собой и принялись веселиться. В самый разгар пиршества Ямато выхватил короткий меч и, держа старшего Кумасо за шиворот, пронзил ему грудь. Младший брат-богатырь попытался убежать, но Ямато Такэру изрубил его, «словно спелую дыню».

Не дожидаясь дальнейших повелений отца, царевич добрался до земли Идзумо с намерением убить тамошнего богатыря Идзумо Такэру. Поклявшись в дружественности своих намерений, Ямато легко вошел в доверие к простоватому силачу и преспокойно стал подготавливать его убийство. Он изготовил деревянный меч и, выдавая за настоящий, подвесил его у пояса. Вместе купались богатыри в реке Хи. Когда царевич вышел из воды, он предложил Идзумо Такэру побрататься. В знак дружбы и верности богатыри обменялись мечами. В руки богатыря Идзумо перешла деревянная подделка, а Ямато Такэру заполучил боевой клинок. Через некоторое время хитроумный царевич предложил простоватому богатырю Идзумо померяться силами в поединке на мечах. Тот согласился, но деревянный клинок попросту застрял в ножнах. Легко догадаться, чем все закончилось.

Отдых Ямато от бранных дел длился недолго – Кэйко сразу же отправил сына умирять непокорные племена востока. Этот поход оказался много труднее прежних. На этот раз обманутым оказался сам Ямато. Правитель земли Самагу заманил его в поле и поджег траву. Пламя приближалось к герою. Но он благополучно вышел из этой опасной ситуации, благодаря своей находчивости. Правда, в описании конкретного способа, к которому прибегнул богатырь, источники расходятся. По одной версии, он прорубил путь в траве волшебным мечом, который за это получил имя «Кусанаги» – «Режущий траву». По другой – при помощи кресала пустил встречный огонь и таким образом сбил пламя. Зато в концовке все источники едины: в наказание за вероломство Ямато истребил весь род правителя и отправился дальше.

Впрочем, странствовать ему пришлось недолго. Сраженный ядом злобного змея, богатырь вскоре умер.

Китайские истоки японского нин-дзюцу

Уже говорилось, что все военное искусство Японии на начальном этапе испытало сильное влияние со стороны китайской традиции. Что же касается искусства шпионажа, то к этому времени китайцы уже накопили огромный опыт в этой области.

Истоки шпионажа в Китае, согласно легенде, восходят к легендарным прародителям китайского народа Фу И и Желтому императору Хуан-ди (по традиционной версии правил в 2696 – 2597 гг. до н.э.). В классическом произведении по военному искусству «Ли Вэй-гун вэньдуй»¹⁶ говорится: «По законам войны, идущим еще от Хуан-ди, на первом месте стоит правильный бой, на втором – маневр, на первом месте – гуманность и справедливость, на втором – хитрость и обман».

Считается, что шпионаж в Китае достиг значительного развития уже во времена правления императора династии Ся (XX – XIX вв. до н. э.) Сюань Юань-ди. И, как указывает

¹⁶ «Диалоги Ли Вэй-гуна»

Сунь-цзы в своем трактате, даже воцарение династий Инь и следующей за ней Чжоу не обошлось без участия шпионов.

Образование древнего царства Инь, сменившего царство Ся, по традиционной хронологии, относится к 1766 г. до н.э. Согласно традиционной исторической версии, Ся пало потому, что жестокость его последнего правителя Цзе-вана подняла против него все население: и народ и князей. В княжестве Шан в то время правил мудрый и добрый Чэн Тан. Он быстро стал главой восставших и, разбив Цзе-вана, вступил на престол.

Большую роль в свержении Ся сыграл И Чжи, который находился на службе у Цзе-вана и был высокодобротельным, в конфуцианском смысле, человеком. Эти свойства настолько прославили его, что Чэн Тан, еще будучи шанским князем, вызвал его к себе и сделал своим наставником и руководителем. Когда Тан-ван поднял восстание, И находился в столице Цзе-вана и во всех подробностях знал положение противника. Вероятно, именно поэтому Тан-ван смог добиться успеха.

Аналогичная история повторилась и при падении династии Инь, основанной Чэн Таном, и водворении на ее месте династии Чжоу (1144 г. до н. э.). Последний государь из династии Инь – Чжоу-ван – также был свирепым тираном, в котором ничего не осталось от добродетельного предка. Опять вся страна поднялась против угнетателя. И опять среди местных властителей оказался высокодобротельный и храбрый князь – У-ван, глава чжоуского княжества, который сверг Чжоу-вана и стал основателем новой династии.

В это время слугой иньских властителей был Люй Я (Люй Шан), которого конфуцианская традиция представляет высокодобротельным мужем. Впоследствии, под именем Тай-гун Вана, он прославился как теоретик военного искусства. Его не сумел оценить его законный государь, но полностью оценил У-ван. Еще отец У-вана – Вэнь-ван – однажды на охоте встретил Люй Я и сразу признал в нем мудреца. И когда чжоуский У-ван восстал, Тай-гун Ван находился у иньского Чжоу-вана и хорошо знал положение противника. Поэтому У-ван с легкостью добился победы.

Таким образом, уже в древнейший период китайцы имели прекрасную возможность оценить возможности шпионов, которые подчас могли низвергнуть государство. Поэтому китайцы стали весьма активно использовать тайных агентов, чтобы подточить изнутри силы врага. И иногда им это удавалось.

В 236-229 гг. до н. э. шла война между княжествами Цинь и Чжао. Во главе циньской армии стоял известный полководец Ван Цзянь. Войсками княжества Чжао командовал Ли Му, прославившийся искусной защитой северных границ княжества от нападений гуннов и соединявший в себе ум и храбрость. Из-за него циньские войска стали терпеть поражение за поражением: был наголову разбит один из крупных военачальников – Хуан Яо, и сам главнокомандующий Ван Цзянь оказался в опасном положении. Тогда Ван Цзянь понял, что в открытом бою ему не справиться с таким противником, и решил действовать иными средствами.

При дворе его противника, чжаоского князя, находился некий Го Кай. Он был любимцем князя. Ван Цзянь знал, что он завидует успехам Ли Му, боится его влияния на правителя и ищет случая его устранить. Поэтому Ван вошел с ним в тайные сношения, поднес ему большую сумму денег и якобы дружески предупредил его, что Ли Му ждет только конца кампании, чтобы расправиться с ним. Так как это совпало с предположениями самого Го, тот, не задумываясь, отправился к князю и наговорил ему, будто Ли Му замышляет его убить, перейти на сторону Цинь и получить из рук циньского князя княжество Чжао. Чжаоский князь поверил своему фавориту, отозвал Ли Му из армии и казнил его. Вместо Ли Му во главе армии были поставлены два других, совершенно неспособных военачальника. Последствия устранения искусного полководца быстро сказались. И всего через три месяца армия Чжао была наголову разбита циньскими войсками.

Китайцы прекрасно освоили тончайшую игру интриг, замечательным образом научились просчитывать замыслы и ходы противника и использовать их себе на пользу. Вот пример весьма хитроумной операции такого рода.

Дело было во время войны между княжествами Цзинь и Шу (первая половина IV в. до н.э.). Войсками Шу командовал Ли Сюн. Во главе цзиньских войск стоял Ло Шан. Борьба

велась без каких-либо результатов для обеих сторон. Тогда Ли Сюн решил прибегнуть к хитрости. Он знал, что Ло Шан непременно воспользуется любой возможностью, чтобы приобрести себе в лагере противника шпиона, и решил ему эту возможность предоставить. По его плану в качестве обратного шпиона должен был выступить преданный вассал Пу Тай. Однажды Ли Сюн при всех придворных обвинил Пу Тая в разных провинностях и приказал страже жестоко избить его. Затем окровавленного сановника за ноги выволокли из дворца и швырнули в ров. Спустя некоторое время Пу Тай, которому пришлось удалиться в глухую деревушку, тайно вступил в контакт с Ло Шаном, а затем и вовсе перебежал к нему вместе с самыми преданными своими друзьями, семьей и челядью.

Ло Шан поверил, что Пу Тай горит жаждой мести, ввел его в свое окружение и даже назначил помощником командующего армией. Под предлогом мести Ли Сюну Пу Тай разработал план разгрома армии Шу. По этому плану, сторонники Пу Тая были должны убить своего начальника и огнем подать сигнал о нападении войскам Ло Шана. Ло Шан согласился, и наконец в лагере Ли Сюна показался огонь. Тотчас же 100 отборных воинов Ло Шана, стоявших наготове, ринулись в атаку. Предполагалось, что в суматохе им без труда удастся проникнуть внутрь укрепления противника. Однако все они были убиты, а войска Ло Шана, двинувшиеся на штурм вражеского лагеря, попали в засаду и были разбиты. Сам Пу Тай в решающий момент битвы, вместе со своими соратниками убил Ло Шана, его сына-наследника и главнокомандующего, обезглавив цзиньское войско. После этого он приказал воинам не оказывать сопротивления Ли Сюну, и княжество Цзинь пало без боя.

Чаще всего в качестве шпионов выступали послы. Попад в стан врага, они имели возможность влиять на обстановку, подкупая чиновников и военачальников, натравливая их друг на друга.

Нередко послы играли роль «шпионов смерти». Их направляли к противнику для отвлечения его внимания притворными переговорами о мире или даже для заключения мира. И когда противник, поверив мирным заверениям, ослаблял бдительность и становился менее осторожным, противная сторона предпринимала решительную военную операцию. Тем самым замысел раскрывался, а посол, находившийся для прикрытия в стане противника, предавался смерти.

В китайских летописях описан случай, произошедший во время борьбы ханьского императора Гао-цзу (206-195 гг. до н. э.) с циским княжеством. Гао-цзу понимал, что ему будет нелегко одолеть противника обычным путем. Поэтому он решил притворно вступить с ним в мирные переговоры и с этой целью направил к нему послом искусного дипломата Ли Ши-цы. Тот так ловко повел дело, что циский князь не только согласился на мир, но и отвел свои войска с границ. Этого только и ждал Гао-цзу. Как только границы лишились защиты, ханьский полководец Хань Синь вторгся в пределы Ци. Посол был казнен, но это не спасло циское княжество от разгрома.

От послов-шпионов не требовалось умения переодеваться, подкрадываться и физически устранять врага. Для них важнее было понимание человеческой психологии, взаимоотношений между людьми, умение точно оценить баланс сил во вражеском стане, военно-политическое положение. В основном это зависело от личных качеств человека, его таланта, а не от специальной подготовки. Возможно поэтому в Китае в древности и не сложилась цельная система подготовки лазутчика. Из-за чего китайские агенты очень часто «садились в лужу». Так, в III в. до н. э., во время борьбы, которую вели циньские войска против Чжао Шэ, они подослали в его лагерь шпиона, но тот ничего не мог разведать. Ничего не могли разузнать и шпионы царства Чу, посланные в лагерь Гао-цзу. Известно и немало других случаев некомпетентности китайских шпионов.

Однако именно китайцы, а точнее китаец по имени Сунь У (Сунь-цзы), сумели впервые в мировой истории создать единую теорию шпионажа. И не только...

Сунь-цзы создал единую концепцию военного искусства, глобальную по охвату и удивительную по глубине постижения закономерностей любого столкновения – будь то война, сражение или рукопашный поединок. Она оказала определяющее влияние на всю дальневосточную традицию военного искусства, послужив фундаментом, на котором развились все остальные формы. Поэтому на военной доктрине Сунь У, изложенной в трактате

«Сунь-цзы», следует остановиться особо.

Военная доктрина Сунь-цзы

С точки зрения Сунь-цзы, война есть борьба. В ближайшем смысле война – это единоборство двух армий. Однако, борьба на войне, как считает Сунь-цзы, не является чем-то резко отличным по своей природе от борьбы вообще: это такая же борьба, как и всякая другая. Поэтому китайский стратег ставит ее в один ряд с борьбой дипломатической, политической и всякой иной. Отличие только в одном: из всех видов борьбы «нет ничего труднее, чем борьба на войне».

Что же такое борьба по Сунь-цзы? «Это – борьба из-за выгоды. Получение выгоды и есть победа,» – так воспринимает его учение комментатор Ван Чжэ.

Итак, борьба ведется ради выгоды. Сунь У считает, что победа нужна не сама по себе, она есть только средство для получения выгоды. Понятие выгоды приложимо к каждому частному проявлению борьбы: борьба за позицию есть борьба за овладение теми стратегическими выгодами, которые эта позиция представляет для занявшего ее; осада крепости есть борьба за те выгоды, которые приобретаются взятием этой крепости, и т.д.

Понятию выгоды у Сунь У подчинены все стратегические расчеты. Выгода направляет всю тактику.

Но выгода не только цель, но и средство. Противник также сражается ради выгоды. А если так, то, управляя этой целью, можно управлять и его действиями. Это значит, что цель для него нужно уметь превратить в средство для себя. Именно на этом Сунь У строит свое учение о заманивании, завлечении противника, о принуждении его к тем или иным желательным действиям. Заставить его предпринять нужное действие можно, предоставив ему какую-либо временную, незначительную, а то и прямо призрачную выгоду. «Уметь заставить противника самого прийти – это значит заманить его выгодой».

Борьба на войне, как и всякая борьба, может привести к успеху или к неудаче. Успех для Сунь У состоит в получении выгоды. Неуспех же есть опасность.

Война – это самый трудный вид борьбы, а значит и наименее выгодный и наиболее опасный. Почему наименее выгодный? Сунь-цзы наставляет: «Наилучшее – сохранить государство противника в целости, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целости, на втором месте – разбить ее».

Если война ведется ради выгоды, то выгоднее овладеть страной противника, не разорив ее, лучше подчинить себе армию противника, не уничтожая ее, а получив возможность распоряжаться ее живой силой и материальными ресурсами.

Но на войне неминуемо хотя бы частичное уничтожение того, чем стремятся овладеть. Поэтому война – наименее выгодный способ приобретения выгод. «Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь».

Война – не только наименее выгодный путь к обретению выгод, но и наиболее опасный. В войне на карту ставится все. Об этом говорится в самом начале трактата: «Война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели». Поэтому прежде чем решиться на войну, необходимо испробовать все прочие средства. Какие же это средства? Сунь У отвечает, что, во-первых, надо разбить замыслы противника, т.е. искусной политикой разрушить план агрессивно настроенного соседа и соответствующими мероприятиями в своей стране сделать осуществление его замыслов невозможным. «На следующем месте – разбить его союзы», т.е. добиться международной изоляции врага, когда он вряд ли может решиться на нападение. И только на третьем месте – «разбить его армию».

Сунь-цзы – сторонник блицкрига. Вся 11-я глава его трактата посвящена аргументации этой доктрины. Сунь У отвергает длительную войну потому, что она невыгодна: «Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству». Понять эту мысль несложно: затяжная война ведет к гибели многих людей, материальным потерям, финансовым затруднениям, упадку хозяйства и в итоге к разорению страны, бунту и крушению государства.

Как же предупредить такие опасности? Сунь У указывает на один способ, которым можно если не полностью устранить трудности войны, то, во всяком случае, значительно облегчить их: надо переложить все тяготы войны на плечи противника. Для этого нужно перенести военные действия на его территорию. Однако таким путем проблему не решить. Решительное средство – это вступить в войну подготовленным во всех отношениях и провести ее быстро. Ввиду этого в трактате много места отведено вопросам подготовки.

Сунь У различает две стороны подготовки: политическую и военную, внутри которых вычленяются подпункты. Прежде всего, стратег говорит о внутривнутриполитической подготовке. Он указывает, что воевать можно тогда, когда «мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений». В другом месте Сунь У дает более широкое толкование этого единства. Он подчеркивает необходимость единства всех слоев населения: «Побеждают там, где высшие и низшие имеют одни и те же желания».

К области военной подготовки Сунь У относит формирование армии, ее оснащение, хорошую организацию, надлежащим образом поставленное руководство и налаженное снабжение.

Из всего этого складывается полнота боевой подготовки. Сунь У в весьма энергичных выражениях требует этого: «Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю его нападение на себя невозможным для него».

Очень большое значение Сунь-цзы придает полководцу: хороший полководец – «сокровище для государства». Он «есть властитель судеб народа, ... хозяин безопасности государства».

В связи с этим Сунь У предъявляет к полководцу очень высокие требования. В первую очередь он требует от него наличия 5 качеств: ума, беспристрастности, гуманности, мужества, строгости. Уму придается первостепенное значение.

После того как проведена вся нужная подготовка, казалось бы можно начинать войну. Но Сунь-цзы считает, что начинать войну можно тогда, когда существует план, выработанный заранее, еще до сражения.

Этот план должен быть основан на том, что Сунь-цзы называет «расчетами». «Расчеты» – это предварительный учет обстановки, соотношения сил и боевой подготовки.

Что же подлежит учету? Все что касается себя и противника, причем именно в сопоставлении. Только знание этого соотношения и может стать прочным основанием оперативного плана. Конкретно взвесить нужно следующее: «Кто из государей обладает Путем? (На языке Сунь-цзы это означает: у кого в стране достигнуто упомянутое выше единство.) У кого из полководцев есть таланты? (т.е. перечисленные выше качества.). Кто использовал Небо и Землю? (т.е. учел факторы времени и пространства). У кого выполняются правила и приказы? У кого войско сильнее? У кого офицеры и солдаты лучше обучены? У кого правильно награждают и наказывают?» Т.е. взвешиванию подлежат и материальные, и организационные, и моральные факторы войны.

Разумеется, что эти расчеты могут быть произведены лишь тогда, когда в распоряжении имеются соответствующие данные, полное знание обеих сопоставляемых сторон. Знание самого себя естественно. Но требуется полное знание еще и противника. Эту мысль Сунь У выражает в своих знаменитых словах: «Если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение».

Но как получить это знание? Сунь У отвечает: «Знание положения противника можно получить только от людей». Т.е. от тайных агентов, шпионов. Подробнее мы поговорим об этом далее.

Сунь У исключительно высоко оценивает значение предварительного расчета. С его точки зрения, это вернейший залог победы. «Кто еще до сражения – побеждает предварительным расчетом, у того шансов много; кто еще до сражения не побеждает расчетом, у того шансов

мало. У кого шансов много – побеждает; у кого шансов мало – не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе. Поэтому для меня – при виде этого одного – уже ясны победа и поражение».

Конечно, враг тоже будет стремиться собрать необходимую информацию. Поэтому Сунь У уделяет большое внимание сохранению военной тайны. «Передвигая войска, действуй согласно своим расчетам и планам и делай так, чтобы никто не мог проникнуть в них». Замыслы полководца не должны быть известны не только противнику, но и собственной армии, даже подчиненным командирам. Более того. Сунь-цзы советует даже намеренно вводить в заблуждение не только противника, но и своих солдат. «Полководец должен сам быть всегда спокоен и этим непроницаем для других... Он должен уметь вводить в заблуждение глаза и уши своих офицеров и солдат и не допускать, чтобы они что-либо знали. Он должен менять свои замыслы и изменять свои планы и не допускать, чтобы другие о них догадывались. Он должен менять свое местопребывание, выбирать себе окружные пути и не допускать, чтобы другие могли что-нибудь сообразить».

По Сунь-цзы, победа в сражении – результат взаимодействия двух сторон – своей и противника. Это результат соединения собственной непобедимости для противника с возможностью победить его. Собственная непобедимость – это результат доведенной до полноты обороны. Возможность победить противника сводится только к одному – к способности наступать. Настоящая оборона – это не признак слабости. Наоборот, она – признак силы. О нее разбиваются все усилия противника. Она есть непобедимость. Однако «когда обороняются, значит, есть в чем-то недостаток». «Тот, кто хорошо сражается, может сделать себя непобедимым, но не может заставить противника обязательно дать себя победить,» – говорит стратег. Именно этого недостает обороняющемуся: возможности победить. Недостает ее потому, что возможность победы над противником заключена в нем самом. Поэтому «в древности тот, кто хорошо сражался, прежде всего, делал себя непобедимым и в таком состоянии выжидал, когда можно будет победить противника». «Когда нападают, значит, есть все в избытке,» – кратко говорит Сунь-цзы.

Как же все-таки одерживают победу? «Тот, кто хорошо сражается, стоит на почве невозможности своего поражения и не упускает возможности поражения противника». «Наука верховного полководца состоит в умении оценить противника, организовать победу». Что же подлежит наблюдению и оценке? «Полнота» и «пустота».

Под «полнотой» Сунь У подразумевает полноту боевой подготовки, способность к активным действиям, полную неуязвимость для противника. Под «пустотой» подразумевается несовершенство подготовки, слабая способность к действиям, уязвимость. Вместе с тем слово «полнота» Сунь-цзы прилагает и ко всякому частному случаю, называя так всякий сильный пункт; словом же «пустота» называет любой слабый, уязвимый пункт.

Именно за этой «пустотой» у противника, за его дефектами, недостатками, слабыми, уязвимыми сторонами и должен следить полководец. Поэтому особенно важно, чтобы он умел оценивать, так как лишь опытный глаз может открыть наличие уязвимого пункта.

В этом плане характерно название, которое прилагает Сунь У к шпионам – «цзяньчжэ» (по-японски, кандзя) где «чжэ» – «человек», а «цзянь» – «промежуток, интервал» – промежуток, или пустота, через которую шпион проникает во вражеский стан, а также та «дыра», которую шпион должен обнаружить у врага.

Полководец должен «пустоте» противника противопоставить свою «полноту», уязвимости противника – собственную неуязвимость, причем именно там, где обнаружилась уязвимость противника. Если у противника обнаружилось утомление, нужно противопоставить ему свежесть своих сил; если у него появился недостаток боеприпасов, нужно противопоставить полноту своего снабжения и т.д. Полководец, сумевший открыть уязвимый пункт противника и противопоставить ему свою собственную неуязвимость, уже тем самым победил. Сражение только оформляет уже достигнутую победу.

Используя понятия «полноты» и «пустоты», Сунь У уподобляет удар уже победившей армии по армии, уже, в сущности, побежденной, удару «камнем по яйцу», «полным по пустому». Победа есть результат столкновения «полноты» у себя с «пустотой» у противника.

Однако, пустота и полнота взаимопреходящи. Японский комментатор Сорай пишет:

«Полнота и пустота так меняются, так переходят друг в друга, что между ними нельзя просунуть даже тончайшего волоска. То, что до сих пор было полнотой, вдруг меняется и становится пустотой; то, что до сих пор было пустотой, вдруг меняется и становится полнотой. Как нет раз навсегда установленной полноты, так нет и раз навсегда установленной пустоты».

Сунь У, как говорилось выше, устанавливает положения собственной непобедимости и возможности победить. Первое положение Сунь-цзы связывает с понятием обороны, второе – с понятием наступления.

При этом в каждом положении заключены и признак слабости и признак силы. Положение обороны – это положение силы, при нем противник не может победить. Но в то же время оно – признак слабости, поскольку и противника нельзя победить. Точно так же и с наступлением. Наступление – это такое состояние, когда я могу победить противника. Но возможность победить, присущая мне, реализуется не одним мной, но и противником, который должен сделать возможным свое поражение. Поэтому в наступлении есть своя сила – возможность победы, и своя слабость – зависимость этой победы от состояния противника.

Но этим не исчерпывается диалектика этих двух явлений. Они сами по себе стоят в диалектическом отношении друг к другу, так как наступление и оборона – по сути дела одно и то же. Окончательную формулу внутреннего соотношения обороны и наступления дает комментатор «Сунь-цзы» Ли Вэй-гун: «Наступление есть механизм обороны, оборона – орудие наступления. Если наступать, не обороняясь, и не обороняться, наступая, это значит не только считать эти два действия разными вещами, но и видеть в них два различных действия по существу».

Таков закон изменений и превращений. Но Сунь У далек от мысли, что должно ограничиться только его наблюдением и констатацией. Он допускает вмешательство в процесс изменений и превращений. И более того – овладение им.

Прежде всего, по Сунь У, нужно познать «изменения». Однако это знание не должно быть пассивным. Оно должно иметь свою направленность, целеустремленность. Полководец должен познавать процесс изменений, чтобы обнаруживать в нем то, что ему может быть выгодно. И тогда это знание станет силой.

Вообще, процесс изменений и превращений для китайцев есть не что иное, как мировой процесс, содержание всего бытия. Поэтому тот, «кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями и одерживать победу, называется божеством».

Уже говорилось, что Сунь-цзы считал, что лучше одерживать победу, не воюя. Сунь-цзы указывает: «Можно, не притупляя оружия, иметь выгоду: это и есть правило стратегического нападения». Для этого нужно поставить противника в такое положение, при котором он увидел бы, что борьба бесполезна и что остается только одно – сдаться. Сунь У полагает, что в этом нет ничего невозможного, если полководец владеет стратегическим искусством, т.е. понимает в совершенстве процесс изменений и превращений на войне и умеет им распоряжаться. Стратегическое нападение состоит из умелого действия категорией, которую Сунь У называет «формой».

Форма – это общее состояние армии, ее потенциальная мощь. Она представляет собой производное от «полноты» и «пустоты», она зависит от соотношения сильных и слабых сторон. Поэтому оперирование формой есть, по сути дела, оперирование сильными и слабыми сторонами. Эта форма должна быть нераспознаваема для противника, чтобы от него были скрыты все мои потенции. «Поэтому предел в придании своему войску формы – это достигнуть того, чтобы этой формы не было,» – говорит Сунь-цзы. «Когда формы нет, даже глубоко проникший лазутчик не сможет что-либо подглядеть, даже мудрец не сможет о чем-либо судить». Следовательно, истинная форма должна быть от противника скрыта; ему должна быть видима только та форма, которую я хочу ему показать. И тогда эта демонстрируемая ему форма становится орудием в моих руках, орудием стратегического – в широком смысле этого слова – нападения.

Сунь У утверждает: «Если я покажу противнику какую-либо форму, а сам этой формы не буду иметь, я сохраню цельность, а противник разделится на части. Сохраняя цельность, я буду составлять единицу; разделившись на части, противник будет составлять десять. Тогда я своими десятью нападу на его единицу...». Смысл этого маневра понятен: будучи равным

противнику по силам, можно добиться десятикратного превосходства над ним, заставив разделить на десять частей; сделать же это можно, показав ему ложную форму, т.е. такое свое состояние, которое заставило бы его это разделение произвести. Сунь-цзы уверен в безошибочном действии этого маневра: «Когда тот, кто умеет заставить противника двигаться, показывает ему форму, противник обязательно идет за ним». Поэтому можно и нужно управлять действиями противника так, чтобы поставить его в положение неизбежной капитуляции. Для этого есть различные средства. «Когда противнику что-либо дают, он обязательно берет; выгодой заставляют его двигаться, а встречают его неожиданностью». Это значит, что оружие стратегического нападения – выгода и вред. Воздействовать выгодой значит воздействовать приманкой. Создание же угрозы – действие «вредом». «Уметь заставить противника самого прийти – это значит заманить его выгодой; уметь не дать противнику пройти – это значит сдержать его вредом».

Орудиями стратегической борьбы могут быть и такие действия, как наступление и оборона. Комбинируя наступление и оборону, нужно добиваться того, чтобы противник не знал, где он будет со мной сражаться: раз он этого не знает, значит он должен быть наготове во многих местах, а значит и распылить силы. И тогда перевес в силах обеспечит почти верную капитуляцию противника, и уж наверняка победу. Таким образом в руках искусного полководца полнота и пустота, выгода и вред, наступление и оборона могут служить орудием стратегического наступления.

Первое и основное правило стратегии Сунь У определяет так: «Тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой». Речь идет о сохранении в своих руках всей полноты инициативы. В этом правиле, в сущности, резюмируется вся стратегическая теория Сунь-цзы. Все остальное – лишь развитие этого принципа. Управлять действиями противника – это значит, во-первых, управлять его движениями: заставлять идти туда, куда я хочу, и не давать идти туда, куда я не хочу; во-вторых, управлять его боевыми действиями: заставлять его принимать бой там и тогда, когда это мне выгодно, и не давать ему возможности вступать со мной в бой, когда это мне не выгодно.

Сохранить за собой всю полноту стратегической и тактической инициативы можно, во-первых, путем предупреждения противника во всех его действиях. Второй способ управления действиями противника – овладеть тем, что ему дорого: «Захвати первым то, что ему дорого. Если захватишь, он будет послушен тебе». Тогда им можно манипулировать как куклой. Близко к этому способу действий подходит прием «нападения на то, что противник не может не защищать». «Если я не хочу вступать в бой, пусть я только займу место и стану его оборонять, все равно противник не сможет вступить со мной в бой. Это потому, что я отвращаю его от того пути, куда он идет». Т.е. речь идет о стратегическом маневрировании, вынуждающем противника к тем или иным действиям. Хорошим средством управлять действиями противника Сунь-цзы считает действия, являющиеся для противника неожиданностью, вследствие чего он оказывается неподготовленным. Неожиданным действием можно вызвать полную растерянность противника. «У того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать». Сунь У считает, что полководец, умеющий так действовать, является «властителем судеб противника».

Таков общий закон ведения войны. На него опираются общая тактика и частная тактика. В основе общей тактики лежит положение: война – это путь обмана. Сунь-цзы говорит о различных приемах военной хитрости: тактической маскировке, различных предосторожностях, использовании недостатков или ошибок противника, воздействии на него изнутри, воздействии на его психологию. При этом хитрости, или «обману», он придает такое значение, что считает возможным заявить: «В войне устанавливаются на обмане».

К области общей тактики относится и развиваемая Сунь-цзы теория «прямого и обходного путей». Особое значение Сунь У придает тому, что он называет «тактикой обходного пути». Для Сунь-цзы в обходном пути скрывается прямой; обходный путь нередко ближе и вернее ведет к цели, чем прямой. Но «трудное в борьбе на войне – это превратить путь обходный в прямой, превратить бедствия в выгоду. Поэтому тот, кто, предпринимая движение по такому обходному пути, отвлекает противника выгодой и, выступив позже него, приходит

раньше него, тот понимает тактику обходного движения». Сунь-цзы очень высоко ставит эту тактику:

«Кто заранее знает тактику прямого и обходного пути, тот побеждает. Это и есть закон борьбы на войне».

Главнейшим условием всех действий на войне Сунь-цзы считает быстроту. Быстрота сама по себе уже представляет мощь. Удар по противнику, если он производится с быстротой, «подобной ветру», уже тем самым обладает сокрушительной силой.

Сунь-цзы особо указывает, что лучшим на войне является быстрое вторжение на территорию противника. Он рекомендует внимательно следить за всеми действиями противника и подстеречь удобный момент, когда тот приоткрывает себя. Умение подстергать малейшую оплошность противника при одновременной искусной маскировке собственных намерений Сунь-цзы рисует очень образно: «Сначала будь как невинная девушка – и противник откроет у себя дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц – и противник не успеет принять мер к защите».

Таково содержание общей тактики Сунь-цзы. Частная тактика состоит из правил о том, как вести бой в различных местностях в зависимости от их топографических и стратегических свойств, как действовать в различных случаях численного соотношения сил сторон и т.д. Сюда же относятся и правила тактической разведки.

Сунь-цзы говорит: «Действий в сражении всего только два – правильный бой и маневр... Вообще в бою схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром». Таким образом, маневр является инструментом победы.

Однако для победы необходимо сочетание правильного боя и маневра: «То, что делает армию при встрече с противником непобедимой, – это правильный бой и маневр». При этом Сунь У подчеркивает, что непроницаемой стены между этими двумя приемами боя нет. Наоборот, их соотношение такое же диалектическое, как и всех прочих элементов стратегии и тактики. Правильный бой в известных условиях переходит в маневр, маневр – в правильный бой. «Действий в сражении всего только два..., но изменений в правильном бое и маневре всех и исчислить невозможно. Правильный бой и маневр взаимно порождают друг друга, и это подобно круговращению, у которого нет конца». Таким образом, и в этой области боя господствует закон изменений и превращений. И как всегда, секрет победы заключается в том, чтобы этими изменениями и превращениями овладеть.

Последнее, что осталось отметить в тактике Сунь-цзы, это его учение об ударе. Он требует, чтобы удар был стремительным, рассчитанным, коротким, сокрушительным. Сунь-цзы считает, что удар наносит не что иное, как «мощь» армии, т.е. ее потенциальная сила, складывающаяся из ряда вышеописанных взаимодействующих элементов.

Такова в общих чертах военная доктрина Сунь-цзы. Как видим, она опирается на глубочайшее философское понимание борьбы вообще. Именно в этом кроется причина ее колоссального влияния на многие сферы жизни.

Учение Сунь-цзы оказало колоссальное влияние на японское искусство нин-дзюцу. Ведь что есть нин-дзюцу как не искусство познания «пустоты» и «полноты», понимания изменений и превращений? В действительности, доктрина Сунь У предопределила стратегию сущность нин-дзюцу, и об этом нужно сказать особо.

Учение Сунь-цзы и стратегемы

Значение трактата «Сунь-цзы», с точки зрения исследователя истории нин-дзюцу, заключается не только в том, что в нем впервые в мировой практике было дано систематическое описание конкретных методов использования шпионов. Вклад китайского стратега в развитие нин-дзюцу огромен потому, что в своем сочинении, он сформулировал особый принцип военного искусства – принцип «стратегического нападения» (Н. И. Конрад) или «нападения посредством стратегемы» (Л. Джайлз).

Перечисляя в I главе своего трактата качества, которые требуются от хорошего полководца, Сунь-цзы на первое место поставил ум. И это не случайно. В главе «Стратегическое нападение» это требование находит свое объяснение. Полководец должен

уметь победить, не сражаясь. А это значит, что он должен уметь «размышлять», «вырабатывать план», «уметь нападать замыслом», «нападать планом».

«Самая лучшая война – разбить замыслы противника», – говорит Сунь У. Китайский комментатор Ду Ю пишет: «Тот, кто умеет устранить бедствие, справляется с ним, когда оно еще не зародилось; тот, кто умеет победить противника, побеждает его, когда он еще не имеет формы».

Победить опасность еще до того момента, как она оформится, можно только в том случае, если удастся заранее раскрыть замысел врага и самому, в свою очередь, разработать такой стратегический план, который позволит при помощи скрытых действий, не вступая в открытое военное столкновение, разрушить его планы. Такие стратегические планы в современной науке называют «стратагемами» (по-китайски: чжимоу, моулюе).

Стратагема – это такой стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Стратагемность, как метод составления и использования стратагем, зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы. Уже в «И-цзине»¹⁷, основное содержание которой датируется X – VIII вв. до н.э. намечаются определенные стратагемные типы поведения.

Стратагема подобна алгоритму, она организует последовательность действий. Стратагемность – это способность предвидеть последствия поступков. Раскрывая способность просчитать ходы в политической или военной игре, а порой и запрограммировать их, исходя из особенностей ситуации и качеств противника, она служит образцом активной дальновидности. В Китае уже за несколько столетий до н.э. выработка стратагем вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями.

Умение составлять стратагемы свидетельствовало о способностях человека, а наличие плана вселяло уверенность в успехе. Поэтому издревле стратегия и стратегические планы стали пользоваться большим уважением. Состязание в составлении и реализации стратагем шло во всем – от политики до игры в китайские облавные шашки (вэй-ци). Появился даже специальный термин «чжидоу», обозначающий такую состязательность. Стратагемность стала чертой национального характера, особенностью национальной психологии.

В процессе практики составления и применения стратегических планов сложилась система из 36 классических стратагем. Впервые 36 стратагем упоминаются в «Истории династии Южная Ци», составленной Сяо Цзысяном (489-537 гг.). В этом произведении упоминаются «36 стратагем почтенного господина Тана». Под «господином Таном» подразумевается знаменитый полководец династии Южная Сун Тан Даоцзи (420-479 гг.).

Точно неизвестно, что представляли из себя 36 стратагем господина Тана, но до наших дней сохранились два трактата, в которых описаны 36 стратагем. Первый из них датируется концом династии Мин (1368-1644) и называется «36 стратагем. Тайная книга воинского искусства». Второй трактат называется «Философия Хуньмынь». Он принадлежит тайному обществу Хуньмынь, основанному ок. 1674 года для борьбы против чужеземной маньчжурской династии Цин (1644-1911) и восстановления коренной династии Мин. Оба трактата были опубликованы в XX веке. Начиная с середины XX в. в КНР, Гонконге и на Тайване многомиллионными тиражами был издан целый ряд исследований 36 стратагем. В 80-е годы подробные исследования 36 стратагем были опубликованы в Корее и Японии. Это показывает их популярность на всем Дальнем Востоке.

Трактат Сунь-цзы, в котором великий китайский стратег требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем, сыграл едва ли не главную роль в развитии стратагемности и того, что японцы называют «боряку» – «хитрость, уловка, маневр, интрига, заговор». Боряку стало одним из ключевых элементов нин-дзюцу, а сами стратагемы и принцип использования стратегических планов с расстановкой ловушек противнику стал фундаментом всего этого искусства. Поэтому Сунь-цзы без преувеличения можно назвать отцом нин-дзюцу как особого искусства и особой науки.

¹⁷ «Книга перемен».

Использование шпионов в доктрине Сунь-цзы

Глава «Использование шпионов» занимает в «Сунь-цзы» одно из главнейших мест. Объясняется это исходными посылками автора, который утверждает необходимость знания себя и противника и использования обмана. При этом шпионы – единственный достоверный источник информации о враге. О шпионах Сунь У пишет:

"1. Сунь-цзы сказал: вообще, когда поднимают стотысячную армию, выступают в поход за тысячу миль, издержки крестьян, расходы правителя составляют в день тысячу золотых. Внутри и вовне – волнения; изнемогают от дороги и не могут приняться за работу семьсот тысяч семейств.

2. Защищаются друг от друга несколько лет, а победу решают в один день. И в этих условиях жалеть титулы, награды, деньги и не знать положения противника – это верх негуманности. Тот, кто это жалеет, не полководец для людей, не помощник своему государю, не хозяин победы.

3. Поэтому просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому, что все знали наперед.

4. Знание наперед нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем умозаключений по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений.

Знание положения противника можно получить только от людей.

5. Поэтому пользование шпионами бывает пяти видов: бывают шпионы местные, бывают шпионы внутренние, бывают шпионы обратные, бывают шпионы смерти, бывают шпионы жизни.

6. Все пять разрядов шпионов работают, и нельзя знать их путей. Это называется непостижимой тайной. Они – сокровище для государя.

7. Местных шпионов вербуют из местных жителей страны противника и пользуются ими; внутренних шпионов вербуют из его чиновников и пользуются ими; обратных шпионов вербуют из шпионов противника и пользуются ими. Когда я пускаю в ход что-либо обманное, я даю знать об этом своим шпионам, а они передают это противнику. Такие шпионы будут шпионами смерти. Шпионы жизни – это те, кто возвращается с донесением.

8. Поэтому для армии нет ничего более близкого, чем шпионы; нет больших наград, чем для шпионов; нет дел более секретных, чем шпионские. Не обладая совершенным знанием, не сможешь пользоваться шпионами; не обладая гуманностью и справедливостью, не сможешь применять шпионов; не обладая тонкостью и проницательностью, не сможешь получить от шпионов действительный результат. Тонкость! Тонкость! Нет ничего, в чем нельзя было бы пользоваться шпионами.

9. Если шпионское донесение еще не послано, а об этом уже стало известно, то и сам шпион и те, кому он сообщил, предаются смерти.

10. Вообще, когда хочешь ударить на армию противника, напасть на его крепость, убить его людей, обязательно сначала узнай, как зовут военачальника у него на службе, его помощников, начальника охраны, воинов его стражи. Поручи своим шпионам обязательно узнать все это.

11. Если ты узнал, что у тебя появился шпион противника и следит за тобой, обязательно воздействуй на него выгодой; введи его к себе и помести его у себя. Ибо ты сможешь приобрести обратного шпиона и пользоваться им. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь приобрести и местных шпионов и внутренних шпионов и пользоваться ими. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь, придумав какой-нибудь обман, поручить своему шпиону смерти ввести противника в заблуждение. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь заставить своего шпиона жизни действовать согласно твоим предположениям.

12. Всеми пятью категориями шпионов обязательно ведает сам государь. Но узнают о противнике обязательно через обратного шпиона. Поэтому с обратным шпионом надлежит обращаться особенно внимательно.

13. В древности, когда поднималось царство Инь, в царстве Ся был И Чжи; когда поднималось царство Чжоу, в царстве Инь был Люй Я. Поэтому только просвещенные государи и мудрые полководцы умеют делать своими шпионами людей высокого ума и этим способом

непременно совершают великие дела. Пользование шпионами – самое существенное на войне; это та опора, полагаясь на которую действует армия."

Характерно, что Сунь-цзы назвал свою главу о шпионах именно «Использование шпионов». Иметь шпионов еще недостаточно, нужно уметь ими пользоваться. Именно в этом состоит искусство полководца. Иными словами, эти наставления стратега адресованы военачальнику.

Комментатор трактата Чжан Юй говорит, что это искусство состоит в умении сохранять строжайшую тайну. Японец Сорай понимает дело шире. «Чтобы узнать что-либо о противнике, – говорит он, – нет ничего лучшего, чем шпионы. Но есть шпионы преданные, есть и изменники. Одни по своим способностям пригодны для шпионской работы, другие нет. В донесениях шпионов бывают и правда и ложь; в том, что они говорят, бывает трудно разобраться, – что есть на самом деле и чего нет. Поэтому употребление шпионов – большое дело для армии». Сорай ссылается на примеры неудачного использования шпионов, засылки в стан врага лиц, не пригодных для подобной работы. Поэтому дело не столько в самих шпионах, сколько в умелом пользовании ими.

Сунь У называет отказ от организации шпионажа или недостаточное внимание к разведывательной работе «верхом негуманности». Он указывает на тяготы войны для финансов государства, на разорение значительной части населения и упадок хозяйственной жизни. Поэтому войну надлежит «решать» как можно скорее. «Решить войну» означает победить противника. Облегчить же победу, а главное, ускорить ее может полное знание врага. Поэтому-то Сунь-цзы и говорит: «Жалеть титулы, награды, деньги и не знать положения противника – это верх негуманности». Кому же нужно раздавать эти титулы, награды, деньги? Разумеется, шпионам.

Сунь-цзы утверждает: «Просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому-то, что все знали наперед». «Государи зря не двигались с места. Если они двигались, то обязательно побеждали... Почему это? Потому, что заранее знали положение противника», – говорит Мэй Яо-чэнь.

Каким же способом можно это знание получить? Сунь-цзы говорит: «Знание положения противника можно получить только от людей». «Только через шпионов» – уточняет комментатор Ли Цюань.

Обрисовав таким образом необходимость шпионской работы, Сунь-цзы переходит к перечислению различных категорий шпионов, которые, вероятно, были хорошо известны в его время. Он выделяет 5 их категорий: шпионы местные (яп. инкан), шпионы внутренние (яп. найкан), шпионы обратные (яп. ханкан), шпионы смерти (яп. сикан), шпионы жизни (яп. сёкан). Если перевести эти названия на современный язык, то первая категория – информаторы, вторая – агенты в лагере противника из среды его собственных людей, третья – агенты противника, используемые против их собственной стороны, четвертая – лазутчики и диверсанты, пятая – разведчики. Считается, что это – наиболее древняя из всех известных классификаций шпионов.

Сунь-цзы сам достаточно подробно объясняет значение каждой категории шпионов. Но следует отметить, что некоторые комментаторы трактата развили идеи Сунь У. Например Ду Му говорит о наборе шпионов жизни: «В шпионы жизни надлежит выбирать людей, внутренне просвещенных и умных, но по внешности глупых; по наружности – низменных, сердцем же – отважных; надлежит выбирать людей, умеющих хорошо ходить, здоровых, выносливых, храбрых, сведущих в простых искусствах, умеющих переносить и голод и холод, оскорбления и позор». Ду Ю указывает на другие качества, требуемые от этих агентов: «Выбирают таких, кто обладает мудростью, талантами, умом и способностями, кто в состоянии сам проникнуть в самое важное и существенное у противника, кто может понять его поведение, уразуметь, к чему идут его поступки и расчеты, уяснить себе его сильные стороны и, вернувшись, донести об этом мне». А японец Сорай говорит и о том, о чем не упоминают его китайские коллеги более ранних времен: как нужно засылать таких агентов. Их следует засылать под видом «шаманов, ямабуси, монахов, горожан, врачей, гейш».

В приведенных выше словах Ду Му содержится, между прочим, требование выбирать для шпионской работы людей, сведущих в «простых искусствах»: рисование и счет, в частности умение производить всякие измерения и исчисления. Это означает, что Ду Му предвидит и

такую работу, которая требует умения сделать зарисовку, набросать план, вычислить расстояние и т.п.

Деятельность 5 категорий шпионов чрезвычайно разнообразна и всеохватывающа, «поэтому для армии нет ничего более близкого, чем шпионы; нет больших наград, чем для шпионов; нет дел более секретных, чем шпионские».

Отсюда и требования, предъявляемые к лицу, пользующемуся шпионами, руководящему их работой. Первое, что требуется, это ум. «Потому что, – поясняет Ду Му, – нужно сначала оценить характер шпиона, его искренность, правдивость, многосторонность ума, и только после этого можно пользоваться им». Мэй Яо-чэнь считает, что нужно иметь большой ум, чтобы распознать «в донесении шпиона ложь, различить правильное и неправильное».

Далее, требуется гуманность и справедливость. Комментатор Мэн-ши говорит об этом: «Когда гуманность и справедливость проявляются, к такому человеку приходят все мудрые; а если приходят все мудрые, он может пользоваться и шпионами». Мэн Яо-чэнь рассматривает вопрос конкретнее: «Если обласкаешь их (шпионов) своей гуманностью, покажешь им свою справедливость, сможешь ими пользоваться. Гуманностью привязывают к себе сердца их, справедливостью воодушевляют их верность. Гуманностью и справедливостью руководят людьми.»

Третье – это тонкость и проницательность. Нужно уметь распознать, что истина и что ложь в донесениях шпиона. К тому же проницательность необходима и для того, чтобы ограждать себя от шпиона, подосланного противником. Вообще, проницательность имеет колоссальное значение. Об этом говорит японец Сорай: «Можно использовать и все то, что наблюдаешь глазами, слышишь ушами: ветром, дующим в поднебесье, ручьем, протекающим в долине, пением петухов, лаем собак – всем этим искусный полководец может воспользоваться как шпионами».

Ясно, что знать, с кем имеешь дело, важно, чтобы определить свою тактику борьбы с противником. «Когда хотят произвести нападение, совершенно необходимо узнать кто находится на службе у противника, кто из них умен, кто искусен, кто нет, и тогда, взвесив их способности, сообразно с этим действовать против них,» – говорит Ду Му.

Но знать противника нужно и для шпионской работы. Ведь шпионы могут работать хорошо только тогда, когда знают, с кем имеют дело. Эта мысль отражена в толковании Мэй Яо-чэня: «Если я поручу своим шпионам заранее узнать все это, мои шпионы смогут действовать».

Особое значение Сунь-цзы придает «обратному шпиону». Поэтому он подробно говорит о его перевербовке. Еще более подробные указания дает комментатор Ван Чжэ: «Нужно со всей заботливостью поместить его, пустить в ход всякие ухищрения в своем красноречии, проявить к нему самую глубокую любовь и после этого насытить его богатыми дарами и пригрозить ему ужасным наказанием».

Что же может дать такой обратный шпион? На это отвечает Чжан Юй: «Через обратного шпиона ты будешь знать, кто из жителей его страны падок до денег, у кого из его чиновников какие недостатки». И таким путем можно будет приобрести себе и местных и внутренних шпионов. «Через обратного шпиона ты будешь знать, как обмануть противника». Через него ты будешь знать «положение противника».

Таким образом, через обратного шпиона открываются самые надежные пути для организации шпионской сети по всем направлениям, а также для обеспечения самых верных условий для шпионской работы. «Начало всей шпионской работы зависит от обратного шпиона», – говорит Мэн Яо-чэнь.

Сунь-цзы особо подчеркивает: «Всеми пятью категориями шпионов обязательно ведает сам государь». Ведь «пользование шпионами – самое существенное на войне; это та опора, полагаясь на которую действует армия».

В трактате Сунь У говорит и о признаках, по которым можно догадаться о замыслах противника:

"Если речи противника смиренны, а боевые приготовления он усиливает, значит, он выступает. Если его речи горделивы, и он сам спешит вперед, значит, он отступает...

Если полководец разговаривает с солдатами ласково и учтиво значит, он потерял свое

войско. Если он без счета раздает награды, значит, войско в трудном положении. Если он бессчетно прибегает к наказаниям, значит, войско в тяжелом положении. Если он сначала жесток, а потом боится своего войска, это означает верх непонимания военного искусства.

Если противник является, предлагает заложников и просит прощения, значит, он хочет передышки. Если его войско, пылая гневом, выходит навстречу, но в течение долгого времени не вступает в бой и не отходит, непременно внимательно следи за ним.

Дело не в том, чтобы все более и более увеличивать число солдат. Нельзя, идти вперед с одной только воинской силой. Достаточно иметь ее столько, сколько нужно для того, чтобы справиться с противником путем сосредоточения своих сил и правильной оценки противника. Кто не будет рассуждать и будет относиться к противнику пренебрежительно, тот непременно станет его пленником."

Особое внимание Сунь У рекомендует уделять поведению послов. И это понятно: послы традиционно выступали в качестве шпионов. Весьма подозрительно, когда вдруг от врага являются послы, «просят прощения и предлагают заложников». Это означает, что противник хочет выиграть время, что состояние у него настолько тяжелое, что он должен получить «передышку», для того, чтобы потом подняться вновь и снова начать войну. Такие действия всегда свидетельствуют о скрытом намерении лучше подготовиться к борьбе.

Вообще поведение послов следует всегда понимать обратно: если они держатся смиренно и даже униженно, а военные приготовления у них в то же время идут, не ослабевая, это значит, что противник готовится к нападению; если же они держатся заносчиво и дерзко, а войска тем, временем производят как будто угрожающие передвижения, это значит, что противник только стремится замаскировать свою слабость и обеспечить себе беспрепятственное отступление.

Некоторое внимание Сунь У уделит и «войсковой разведке». Однако, в этом китайцы, по-видимому, были не сильны. Поэтому все указания Сунь У на этот счет ограничиваются лишь описанием признаков, раскрывающих намерения врага, так называемых разведывательных примет. По мнению Сунь-цзы, по некоторым признакам можно судить о позиции противника, о его намерениях, о его действиях и состоянии:

"Если в районе движения армии окажутся овраги, топи, заросли, леса, чащи кустарника, непременно внимательно обследуй их. Это – места, где бывают засады и дозоры противника.

Если противник, находясь близко от меня, пребывает в спокойствии, это значит, что он опирается на естественную преграду. Если противник далеко от меня, но при этом вызывает меня на бой, это значит, что он хочет, чтобы я продвинулся вперед. Если противник расположился на ровном месте, значит, у него есть свои выгоды.

Если деревья задвигались, значит, он подходит. Если устроены заграждения из трав, значит, он старается ввести в заблуждение. Если птицы взлетают, значит, там спрятана засада. Если звери испугались, значит, там кто-то скрывается. Если пыль поднимается столбом, значит, идут колесницы; если она стелется низко на широком пространстве, значит, идет пехота; если она поднимается в разных местах, значит, собирают топливо. Если она поднимается то там, то сям, и при этом в небольшом количестве, значит, устраивают лагерь.

Если легкие боевые колесницы выезжают вперед, а войско располагается по сторонам их, значит, противник строится в боевой порядок. Если он, не будучи ослаблен, просит мира, значит, у него есть тайные замыслы. Если солдаты у него забегали и выстраивают колесницы, значит, пришло время. Если он то наступает, то отступает, значит, он заманивает. Если солдаты стоят, опираясь на оружие, значит, они голодны. Если они, черпая воду, сначала пьют, значит, они страдают от жажды. Если противник видит выгоду, но не выступает, значит, он устал.

Если птицы собираются стаями, значит, там никого нет. Если у противника ночью перекликаются, значит, там боятся. Если войско дезорганизовано, значит, полководец неавторитетен. Если знамена переходят с места на место, значит, у него беспорядок. Если его командиры бранятся, значит, солдаты устали. Если коней кормят пшеном, а сами едят мясо; если кувшины для вина не развешивают на деревьях и не идут обратно в лагерь, значит, они – доведенные до крайности разбойники."

Кто же привез знаменитый трактат в страну Восходящего солнца? С какого времени началось его изучение в Японии?

В источниках на этот счет имеется совершенно точное указание. Летопись «Сёку Нихонги»¹⁸ утверждает, что «Сунь-цзы» был привезен в Японию Киби-но Макиби, который дважды плавал в качестве посла в Китай. Первый раз – в 716-735 гг., второй – в 752-754 гг. Во время пребывания в Срединном царстве Макиби усиленно изучал китайскую классику. Вернувшись на родину, он привез с собой большую коллекцию книг, и среди них знаменитые трактаты по военному искусству: «Сунь-цзы», «У-цзы», «Ляутао», «Саньлюэ» и другие.

Киби-но Макиби был не только коллекционером литературных произведений, но и прекрасно усвоил их наставления. Согласно «Сёку Нихонги», он даже применял на практике советы Сунь У – в войнах с врагами японских императоров и в обучении воинов.

Однако некоторые данные позволяют предположить, что «Сунь-цзы» и другие китайские военные трактаты попали в Японию еще раньше. Их могли привезти китайские или корейские иммигранты, коих немало переселилось на острова в I-VI вв. н.э. Так в японских источниках можно найти скрытые цитаты из «Сунь-цзы». Например, в «Нихонги» под 527 г. император Кэйтай наставляет главнокомандующего своей армии Мононобэ-но Аракапи-но Опомурази: «Доблесть достойного полководца состоит в том, чтобы распространять добродетель и насаждать снисходительность; управляя людьми, проявлять сдержанность. В бою же он – как быстрая река, в сражении он – как буря... Сам награждай и наказывай...». В этих наставлениях явно чувствуется влияние «Сунь-цзы». Таким образом можно предположить, что знаменитый трактат о военном искусстве попал в Японию задолго до середины VIII в., когда его список привез Киби-но Макиби. Во всяком случае, в «Нихон гэндзайсё мокуроку»¹⁹ (891 г.) упоминаются 6 разных списков «Сунь-цзы».

Корейские «уроки»

Возможно, японцы не смогли бы оценить всей глубины и значимости «Сунь-цзы» и других трактатов китайских стратегов, если бы у них не было «учителей», на практике демонстрировавших превосходство выверенной теории перед спонтанными акциями малообразованных варваров. Такими учителями для обитателей страны Восходящего солнца были корейцы, на несколько столетий раньше приобщившиеся к китайской цивилизации. Интересно, что первое упоминание в японских текстах слова «шпион» (яп. кантё) связано как раз с корейцами. В 22 свитке «Нихонги» под 9 годом правления императрицы Суйко (601 г.) сообщается: «Осень, 9 луна, 8 день. Шпион (кантё) из Силла [по имени] Камада добрался до Тусима (Цусима). Его схватили и доставили ко Двору. Он был сослан в Камитукэнэ (позже иероглифы, обозначающие эту провинцию стали читаться как Кодзукэ)».

В другой раз корейцы сумели при помощи хитроумного плана выкрасть своего принца из японского плена.

Вот как рассказывает эту историю корейская летопись Тонкам (том 4, 18; 418 г.): "Пак Чэсан из Силла поехал в Ва и умер там. Младший брат вана Мисахын приехал из Ва. Перед этим Пок-хо (другой брат вана, который был послан заложником в царство Когурё) вернулся. Ван обратился к Чэсану со словами: «Моя любовь к двум моим младшим братьям подобна любви к левой и правой рукам. Сейчас у меня есть только одна рука. Какую же это имеет цену?»

Чэсан сказал: «Хотя мои способности – это всего лишь способности загнанного коня, я посвятил себя службе своей стране. Какая причина может быть у меня для отказа от этого? Однако Когурё – это великая страна и кроме того ее ван мудр. Твой слуга смог заставить его понять одним словом. Что же касается Ва, нужно использовать стратегию, чтобы обмануть их,

¹⁸ «Продолжение анналов Японии».

¹⁹ «Каталог книг, имеющихся в настоящее время в Японии».

а не убеждать их губами и языком. Я притворюсь, что совершил преступление и скрываюсь. После того, как я уйду, я прошу тебя арестовать семью твоего [покорного] слуги.»

Так он поклялся своей жизнью не встречаться более со своей женой и детьми и отправился в Нюль-пхо. Якорная цепь уже была выбрана, когда его жена приехала за ним, горестно причитая. Чэсан сказал: «Я уже взял свою жизнь в свои руки и уезжаю на верную смерть.»

Через некоторое время он поехал в страну Ва, где стал выдавать себя за мятежника. Правитель Ва засомневался в этом. Перед этим люди из Пэкчэ приезжали в страну Ва и сделали ложный доклад, сказав: «Силла и Когурё сговариваются вместе, чтобы напасть на Ва». Правитель через некоторое время послал войска охранять границу. И когда когурёсцы, вторгнувшись в Силла, убили и этих стражников, правитель Ва понял, что история, рассказанная людьми из Пэкчэ, была правдой. Но когда он услышал, что ван Силла заключил в тюрьму семьи Мисахына и Чэсана, он подумал, что Чэсан действительно был мятежником. Поэтому он послал армию для нападения на Силла, а Чэсана и Мисахына сделал [ее] проводниками. Когда она добралась до одного острова в море, военачальники стали тайно совещаться, как им разгромить Силла и вернуться с женами и детьми Чэсана и Мисахына. Чэсан, зная это, ежедневно отплывал с Мисахыном на лодке под предлогом прогулок. Люди Ва ничего не подозревали. Чэсан посоветовал Мисахыну тайно вернуться в свою страну. Мисахын сказал: «Как хватит у меня сердца покинуть тебя, господин мой, и вернуться одному?» Чэсан сказал: «Предположим, что мне удастся спасти жизнь моего принца и осчастливить великого вана, этого будет вполне достаточно, почему же я должен так любить жизнь?» Мисахын заплакал и удалился, чтобы бежать назад в свою страну. Чэсан один спал в лодке. Он поднялся под вечер и дождался пока Мисахын не был уже далеко. Люди Ва, когда они обнаружили, что Мисахын исчез, связали Чэсана и погнались за Мисахыном, но надвигались тьма и туман, и они не смогли догнать его. Правитель Ва был разъярен. Он бросил Чэсана в тюрьму и спросил его: «Почему ты тайно отослал Мисахына?» Чэсан сказал: «Как подданный [страны] Кэрим (Силла) я просто хотел исполнить желание моего повелителя». Правитель Ва разгневался и сказал: «Поскольку ты теперь стал моим вассалом, если ты будешь называть себя подданным Кэрим, ты должен быть подвергнут пяти наказаниям. Но если ты назовешь себя подданным страны Ва, я непременно щедро награжу тебя». Чэсан сказал: «Я лучше буду псом-игрушкой Кэрим, чем подданным страны Ва. Пусть меня лучше выпорют в Кэрим, чем я буду получать звания и награды в стране Ва.» Правитель Ва разгневался. Он содрал кожу с ног Чэсана, срезал осоку и заставил его пройти по ней (по ее стерне). Потом он спросил у него: «Какой же страны ты подданный?» Он отвечал: «Я – подданный Кэрим». Он также заставил его стоять на раскаленном железе и спросил его: «Какой же страны ты подданный?» Он отвечал: «Я – подданный Кэрим». Правитель Ва, видя, что ему не сломить его, предал его смерти через сожжение».

В целом, в области шпионажа корейцы следовали китайским образцам. Поэтому роль шпионов чаще всего выполняли послы.

Интересную информацию об использовании шпионов дает корейская летопись «Самгук саги». В разделе «Летописи Когурё» рассказывается, что в 11 году правления вана Юри (9 г. до н.э.) когурёсцы использовали своего шпиона для борьбы с сяньбийским царством: "Летом, в четвертом месяце, ван созвал своих сановников и сказал им: «Сяньбийцы, надеясь на неприступность [своих владений], не хотят с нами мира и дружбы. Когда [им] удобно, они нападают и грабят [нас], а когда невыгодно – уходят [к себе] и защищаются. [Вот почему они] вызывают беспокойство [нашего] государства. И если [среди вас] найдется человек, который сможет покорить их, я награжу [его] очень щедро». Выступил Пубунно и ответил: «Сяньби – это крепкая и неприступная страна, люди же ее смелы, но простоваты. Справиться силой трудно, легче согнуть их хитростью».

Ван спросил: «Как же тогда действовать?» Пубунно ответил: «Надо заслать к ним [нашего] человека шпионом. [Он] распространял бы ложные слухи о том, что государство наше маленькое, войско слабое, мы боимся выступить [куда-либо в поход]. Тогда наверняка сяньбийцы, пренебрегая нами, не станут делать [военных] приготовлений. Дождавшись подходящего момента, я возьму лучших солдат, поведу окольными путями, укрою [войска]

среди гор и лесов, наблюдая за столицей [сяньбийцев]. Ван [тем временем] пошлет худых (слабых) на вид солдат, которые появятся к югу от этой крепости. Те же [сяньбийцы] непременно оставят свою крепость и бросятся преследовать [как можно] дальше [наше войско]. [Тогда] я направлю лучших солдат на штурм их крепости, а ведомые лично ваном смелые всадники ударят с другой стороны. И таким образом можно будет одолеть их».

Ван последовал этому [совету]. И действительно, когда сяньбийцы открыли ворота и устремились в погоню за солдатами [Когурё], Пубунно со своим войском [стремительно] ворвался в город. Сяньбийцы, обнаружив это, в большом страхе бросились назад, к крепости. Пубунно преградил путь к крепости и завязал [упорное] сражение, перебил великое множество [врагов]. [Тогда] с развевающимися знаменами и барабанным боем выступило вперед [войско] вана. Сяньбийцы со всех сторон получали [удары] неприятеля. Оказавшись в безвыходном положении и обессилив, [они] покорились и стали зависимой (вассальной) страной".

Этот отрывок из «Самгук саги» интересен еще и тем, что в нем слово «шпион» записано двумя иероглифами, которые по-корейски читаются как «панкан» (кит. фаньцзянь, яп. ханкан), что буквально означает «обратный шпион». Этот термин вне всякого сомнения заимствован из «Сунь-цзы» и свидетельствует, что когурёсцы задействовали в операции переведенного сяньбийского агента.

В середине 70-х гг. в ряде популярных журналов о боевых искусствах Востока появились публикации, рассказывающие о таинственных корейских шпионах и диверсантах сульса (в другом прочтении – соса). Информация исходила от Ли Банджу, утверждавшего, что он – 58 патриарх хварандо, боевого искусства элитарного корпуса хваранов.

По словам Ли Банджу, в гвардейском корпусе хваранов имелся специальный разведывательно-диверсионный отряд сульса, что в переводе, якобы, означает «рыцари ночи». Если обычные хвараны следовали светлоте, янскому Пути, сульса постигали «путь тьмы» (амджа), на котором хитрость и обман считались ключевыми элементами успеха. Сульса должен использовать любые способы, приемы, средства, оружие и стратегию для достижения победы. Для него конечный результат превыше всего и оправдывает средства.

Возникновение сульса объясняется постоянной враждой между несколькими корейскими государствами, в которой шпионаж и контршпионаж были необходимыми условиями выживания.

Сульса представляли собой спецназ, который тренировался в методах проникновения на вражескую территорию, возвращения назад, сборе информации, убийствах и системе выживания. Они учились психологическому, физическому и эмоциональному манипулированию противником, навыкам сбора секретной информации.

Сульса использовали все возможные способы для выполнения заданий. Но не забывали они и своеобразный «кодекс» хваранов: «Государю будь предан; с родителями будь почтителен; с друзьями будь искренен; в бою будь храбр; убивая живое, будь разборчив».

По утверждению Ли Банджу, благодаря сульса своему королевство Силла смогло разгромить соседние государства Пэкче и Когурё и объединить Корею. Прекращение войн, столь благодатное для процветания страны, пагубно сказалось на сульса, которые перестали быть необходимыми и пришли в упадок.

Ли Банджу указывает, что в период своего расцвета сульса овладевали методами маскировки, отвлечения внимания, внушения, бесшумного подкрадывания и камуфляжа. В маскировке они, якобы, следовали концепции слияния духом и телом с окружающим миром: чтобы притвориться камнем, нужно изучить его характеристики и в своем сознании полностью превратиться в камень. Сульса учились прятаться не только на суше, но и в воде, под землей, на деревьях, в любых условиях местности, достигая состояния, когда не существует различий, и все вещи сливаются воедино.

При проникновении в лагерь противника и выходе из вражеского окружения сульса должны были учитывать личностные особенности противника. Они осваивали способы быстрого перемещения, лазания по деревьям, акробатики и подкрадывания. Большое внимание развитию ментальной мощи, овладению управлением внутренней энергии ки, способности читать мысли, развитию терпения, а также методам усыпления противника. Изучалась также прикладная психология.

В одной из статей утверждается, что ученик Ли Банджу, американец Майк Эчанис, использовал многие элементы тайного учения сульса в подготовке элитных спецподразделений.

Поклонники хварандо ныне даже утверждают, что сульса обучили своему искусству нескольких японских воинов, от которых в стране Восходящего солнца и пошла традиция нин-дзюцу.

Однако, у красивого предания о сульса нет практически никакой исторической основы. В старинных текстах такой термин не встречается, нет его и в тех корейских энциклопедических словарях, какие довелось просмотреть автору. Судя по всему, Ли Банджу просто решил воспользоваться интересом широкой публики к ниндзя и в целях саморекламы запустил «утку» насчет сульса. Изучение источников показывает, что единой системы подготовки шпионов и разведчиков в древней Корее по-видимому не существовало. И разведка у корейцев была не на высоте: летопись «Самгук саги» полна сообщений о «неожиданных нападениях» врага. Так же как и в Китае, здесь все решали любители. Правда, иногда среди них попадались настоящие таланты, способные привести к краху целое государство. Вот что рассказывается в «Самгук саги» об одном из них: "Задолго до этого когурёский ван Чансу, втайне замышлявший [нападение] на Пэкче, искал человека, который смог бы шпионить там. И сразу откликнулся на его призыв буддийский монах Торим: «(Я), недостойный монах, не смог постичь буддийское Учение, но думаю о том, как бы отплатить государству за благодеяния, поэтому прошу, чтобы великий ван не считал меня недостойным и указал, что делать. И я постараюсь не провалить [исполнение] повеления». Ван обрадовался и дал ему тайное поручение обмануть [вана] Пэкче. Тогда Торим, как бы преследуемый за преступления, бежал в Пэкче. В ту пору пэкческий ван Кынгэру очень любил играть в шахматы (пакхек). Торим явился к воротам ванского [дворца] и сказал: «Я с юных лет учился шахматам и не раз входил в число [самых] искусных. Мне хотелось бы обрести известность возле вас». Ван пригласил его сыграть в шахматы и [убедился, что] он самый искусный в государстве. Ван оказал ему прием как самому дорогому гостю, близко сошелся [с ним] и сетовал только на то, что так поздно встретился с ним. Однажды, находясь наедине с ваном, Торим сказал: «Хотя я и чужестранец, государь не оставил меня в отдалении и облагодетельствовал весьма щедро. Я же смог отплатить за это только своим искусством и не принес пользы даже на волосок. И сейчас я хотел высказаться, но не знаю, каково будет мнение государя». Ван [на это] ответил: «Прошу [вашего] слова, и если оно на пользу [нашему] государству, то это и будет то, что я жду от учителя». Торим сказал: «Государство великого вана со всех сторон [окружено] горами и холмами, реками и морями, представляющими естественные преграды, а не [искусственные] сооружения. Поэтому соседние государства и не помышляют о [том, чтобы завладеть им], а хотят лишь служить [вам] постоянно. Поэтому должно, чтобы величественным внешним видом и богатым убранством [дворца] людям внушали трепет как самоличное появление, так и молва о Ване. А между тем еще не возведены ни внутренние, ни наружные укрепления [столицы], не оборудованы дворцовые помещения, останки предшествующего вана покоятся во временном погребении под открытым небом, а дома людей часто разрушаются при наводнениях. Я полагаю, что великий ван не должен далее терпеть это». Ван ответил: «Конечно, я так и сделаю».

И вскоре согнал подданных запаривать глину и возводить городские стены. Внутри их построили дворцы, беседки, башни, павильоны – все было величественно и прекрасно. Затем из реки Унниха извлекли каменную глыбу и возвели саркофаг, в котором захоронили прах отца [предшествующего вана], а вдоль рек насыпали вал, тянувшийся к востоку от [крепости] Сасон до северной части [горы] Сунсан. Вследствие этих [работ] казна совершенно опустела, народ испытывал нужду и лишения. Нависшая над ней опасность была больше, чем «у кучи сложенных яиц». Торим бежал к себе назад [в Когурё] и доложил обо всем своему вану. Ван Чансу возрадовался и, решив теперь покорить Пэкче, распределил [командование] войском среди своих приближенных. Когда узнал об этом ван Кынгэру, он позвал своего сына Мунджу и сказал: «По глупости и невежеству я поверил словам коварного человека и дошел до того, что народ разорен, армия ослабела. В момент крайней опасности [для страны] кто станет биться отчаянно ради меня? Я должен умереть за государство, но нет смысла умирать тебе здесь вместе [со мной]. Не лучше ли уйти [тебе] от опасности и продлить [царственный] род государя?» Мунджу тотчас же вместе с Мокхёп Манчхи Чоми Кольчхви... отправился на юг. В

это время когурёский тэро Чеу, Чэсын Кольлу, Кои Маннён... пришли во главе [своих] войск и напали на северную крепость, взяли ее через семь дней, затем перенесли удар на южную крепость (столицу). В городе воцарился страх перед опасностью, а ван бежал. Когурёские военачальники – Кольлу и другие, увидев, как ван спешивается с коня и кланяется им, трижды плюнули ему в лицо. Затем, обвинив его в совершенных им преступлениях, связали его и отправили под стены [крепости] Ачхасон, где и убили его".

Хотя следование китайским шаблонам в корейской традиции очевидно, корейцы все же применяли в шпионаже и некоторые собственные разработки. В частности, они весьма активно использовали диверсантов для убийства вражеских военачальников, порчи вооружения и т.д. В «Самгук саги» имеется несколько эпизодов такого рода. Вот один из них: "Тайными дорогами, петляя в разные стороны, ван прибыл в Южное Окчо, но вэйские войска не прекращали преследование. Рухнули все планы вана, силы [его] были сломлены, и он не знал, что предпринять, и тогда вперед выступил человек из Восточного округа Нью и сказал: «Положение чересчур угрожающее, но не следует понапрасну погибать. У меня есть один план: прошу разрешить мне, [захватив] еду и питье, отправиться угощать вэйских воинов, чтобы воспользоваться удобным моментом и убить их военачальника. Если удастся мой замысел, ван может внезапно ударить [по ним] и одержит полную победу». Ван ответил: «Хорошо». Войдя в [лагерь] вэйского войска, Нью притворился, что сдается, сказав: «Мой государь, совершив преступление перед Великим государством, бежал к морскому побережью, но и там ему негде приютить свое [бренное] тело. Поэтому [он] решил явиться в лагерь [вэйского войска] и сдаться, чтобы вверить свою судьбу великому военачальнику. Но прежде он послал меня, низкого слугу, со скромными дарами угостить людей [великого полководца].»

После таких слов вэйский военачальник решил принять капитуляцию [вана]. Нью, прятая кинжал в посуде с едой, вышел вперед, вынул кинжал и вонзил его в грудь вэйского военачальника, а затем и сам погиб вместе с ним.

Сразу же в вэйской армии началась страшная паника. Ван распределил свои силы по трем направлениям и внезапно напал. Растерявшиеся вэйские солдаты не смогли построиться в боевой порядок, поэтому они отступили через Аннан (Лолан) [к себе]".

В другом случае, во время войны между царствами Пэкчэ и Силла, силлаский хваран Хван Чхаллан проник в столицу Пэкчэ и стал там демонстрировать весьма сложный и зрелищный танец с мечом. Танцы издревле пользовались большой популярностью у корейцев, и Чхаллана пригласили во дворец пэкчэского вана. Во время представления он заколол вана мечом, но сам погиб в схватке с охраной.

Интересно, что иногда в диверсиях использовались и женщины, причем весьма знатные: "Впоследствии [когурёский ван] Ходон, возвратившись в свое государство, тайно отправил человека к дочери дома Чхве с посланием: «Если ты сможешь проникнуть в оружейный склад [своего] государства и [там] разрежешь барабан и сломаешь рог (горн), тогда я приму тебя со всем почетом, а если не сможешь, то не встречу». Ранее в Аннани были барабан и рог, которые сами издавали звуки при приближении вражеских войск, поэтому он велел ей уничтожить их.

И вот дочь дома Чхве с острым ножом тайно проникла в оружейный склад и разрежала поверхность барабана и раструб рога, а затем оповестила об этом Хо-дона. Тогда Ходон уговорил вана напасть на Аннан. Из-за того что барабан и рог не подавали сигналов, Чхве Ри не смог подготовиться [к отпору], и наше войско внезапно оказалось под стенами крепости.

Узнав о том, что барабан и рог повреждены, [Чхве Ри] убил свою дочь, а затем сдался".

Искусство «прятаться за щиты» – начало шпионской магии

В главе XI «Девять местностей» Сунь-цзы высказывает мысль, что обстановка – лучшее условие для создания необходимого настроения в армии, однако нужное для боя настроение может быть подорвано в одночасье неблагоприятными предзнаменованиями. Что же делать, чтобы уберечь своих воинов от пагубного психологического воздействия? Рецепт Сунь-цзы прост и однозначен: «Если запретить предсказания и удалить всякие сомнения, умы солдат до самой смерти никуда не отвратятся». К этим словам присоединяется комментатор Ду Му: «Запрети проигнорировать и не позволяй офицерам и солдатам гадать об исходе боя». Важно также, чтобы сам

полководец не верил в предзнаменования.

Для Сунь-цзы и его последователей характерно резко отрицательное отношение ко всякого рода гаданиям и магической практике. Так Вэй Ляо-цзы пишет: «Чуский полководец Гун Цзы-синь вел войну с цисцами. Как раз в это время появилась комета, рукоятка которой (комета по своей форме уподобляется китайцами метле) была обращена в сторону Ци. Приближенные полководца сказали ему: „Та сторона, куда обращена рукоятка, побеждает. Нападать на Ци нельзя“. Гун Цзы-синь ответил: „Комета... что она понимает? Кто дерется метлой, тот, само собой разумеется, повертывает ее рукояткой и побеждает“. На следующий день он сразился с цисцами и разбил их наголову. Хуан-ди сказал: „Прежде, чем обращаться к богам, прежде чем обращаться к демонам, прежде всего обратись к своему собственному уму“. Этими словами он сказал, что все небесные знамения заключаются только в людях и их делах».

Такой подход характерен для китайских мыслителей, следующих в русле конфуцианской традиции. С их точки зрения, гадания и магия – удел невежества и жадности.

Однако к моменту проникновения трактата «Сунь-цзы» в Японию в Китае развились многочисленные даосские и буддийские секты и школы, подход которых к проблеме гаданий и магии был диаметрально противоположным.

Поэтому почти одновременно с «Сунь-цзы» в Японии появились и трактаты, описывающие различные приемы магии, в частности, направленные на достижение невидимости. Так в «Нихонги» под 602 г. сообщается: «Зимой, в 10-ю луну, сюда прибыл монах Квангын из Пэкче. [Он] преподнес [двору] книги о [составлении] календарей, а также трактаты по астрономии и географии и вместе с ними трактаты об искусстве прятаться за щиты. В это время отобрали трех-четырёх учеников и повелели [им] учиться у Квангына. Тамафуру, предок „фубито“ Яго, учился законам составления календарей. Косо, староста деревни Отомо, изучал астрономию и [искусство] прятаться за щиты. Все они учились [до тех пор, пока не] постигли дело».

В этом отрывке речь идет о так называемом «тонко», что буквально означает «прятаться за щитом» – искусстве становиться невидимым при помощи особого рода магических заклинаний. В «Истории Поздней Хань» говорится: «Предположите, что [вы] в тени шести щитов и затем скройтесь!».

Формулы «тонко» заняли прочное место в практике целого ряда школ японского воинского искусства. Например, методы использования тонко входят в программу двух древнейших школ бу-дзюцу – Нэн-рю, основанной дзэнским монахом Дзионом в XIV в., и Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю, созданную великим мастером меча Иидзасой Иэнао в XV в. Упоминается учение о тонко и в знаменитой энциклопедии нин-дзюцу XVII в. «Бансэнсюкай».

Учение о тонко всегда относилось к наиболее секретным разделам знания традиционных школ, поэтому известно о них немного. По-видимому, существовали различные методы использования тонко, связанные или с даосизмом, или с эзотерическим буддизмом. На связь тонко с даосизмом, в частности, указывает современный патриарх школы Катори Синто-рю Отакэ Рисукэ: "Одной из эзотерических концепций школы Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю является теория Инь и Ян и пяти первоэлементов (онмё-гогё-сэцу). С ней связаны два других эзотерических учения: тонко и хо-дзюцу. Особая форма заклинания и волшебства (ё-дзюцу), способная сделать тело воина невидимым для врага, называется «тонко».

Что же касается буддизма, то японским лазутчикам, без сомнения, была известна мудра невидимости – онгё-ин, один из вариантов которой входит в знаменитые «девять знаков» – «кудзи-ин». В классическом варианте этой мудры, присутствующем на многочисленных изображениях Будды, левая рука образует неплотно сжатый кулак с «отверстием» у большого пальца, а правая в положении ладонью вниз нависает над левой.

Мудра онгё-ин связана с бодхисаттвой Маричи (яп. Мариси-тэн), которую в Японии почитали покровительницей воинов. В Китае Маричи считалась богиней света, которая своей силой поддерживает солнце и луну и обеспечивает правильное взаимодействие инь и ян. На Дальнем Востоке верили, что она обитает на одной из звезд Большой Медведицы. Будучи помощницей бога солнца Сурьи, она постоянно вращается вокруг него, причем так быстро, что становится невидимой. Считалось, что правильное воспроизведение мудры в сочетании с соответствующей мантрой позволяет исполнителю приобщиться к чудесным свойствам

Маричи, о которой сам Будда якобы сказал: «Бодхисаттва Маричи обладает сверхъестественным могуществом. Она постоянно проходит перед богами Солнца и Луны, но они не могут ее узреть, хотя сама она постоянно видит Солнце. Люди не в состоянии постичь и узнать ее, они не могут захватить ее и связать, они не могут причинить ей боль, повредить ей или обмануть ее... Если вы знаете имя Маричи и постоянно повторяете его про себя, люди не смогут постичь или узнать вас, не смогут поймать вас, связать или причинить боль, не смогут вас обмануть...».

Вероятно, именно с практикой тонко связан и обычай ниндзя читать особые заклинания – онгё-но мадзинаи – во время скрывания от врага.

На основании этих сведений можно сделать вывод, что уже с самого первого этапа своего развития нин-дзюцу сочетало самые различные, порой противоречащие друг другу по сути, элементы в стремлении достичь максимальной эффективности в действии. И при несомненном преобладающем влиянии рациональной китайской военной науки и, в частности, учения Сунь-цзы на воинскую традицию Японии (Это с гордостью признает, например, автор «Бансэнсюкай», дзёнин ниндзя Ига Фудзибаяси Ясутакэ), немалую роль в формировании облика нин-дзюцу сыграла и религиозно-мистическая традиция буддизма и даосизма. Различные психоэнергетические практики из арсенала цигун, магические приемы, буддийская медитация заняли важнейшее место в нин-дзюцу. Позже это привело к тому, что обыватели стали представлять ниндзя в качестве «родственников» или «учеников» даосских отшельников, горных аскетов ямабуси, монахов школ эзотерического буддизма. Ниндзя стали восприниматься кудесниками и магами, способными на невероятные поступки. Тем более, что подчас ниндзя действительно совершали деяния, которые для непосвященного казались сверхъестественными. Возникла тенденция связывать происхождение нин-дзюцу с тем или иным святым, гением, мудрецом. Немалую роль в этом сыграло характерное для всей дальневосточной цивилизации стремление подчеркнуть значимость каждого явления, о котором мы уже говорили ранее. Одним из проявлений этой тенденции является предание о создании нин-дзюцу легендарным китайским даосом Сюй Фу, которая имела широкое хождение среди жителей провинции Кии.

Даос Сюй Фу – родоначальник нин-дзюцу провинции Кии

Точных сведений о Сюй Фу не сохранилось. Имя его известно лишь из легенд жителей провинции Кии. По легенде Сюй Фу был выдающимся даосским мудрецом, магом и служил придворным лекарем китайского императора Цинь Шихуанди (246-210 гг. до н.э.). Шихуанди славился своей половой распущенностью и общей неумеренностью. Он очень любил свою сладкую жизнь, страшно боялся смерти и поэтому приблизил к себе большую группу даосских мудрецов, активно занимавшихся поиском эликсира бессмертия, надеясь с их помощью сохранить вечную молодость. Одним из этих мудрецов и был Сюй Фу.

Однажды Шихуанди прослышал от даосов, что в восточном море расположен остров, где якобы растут волшебные деревья, дающие плоды, возвращающие молодость и наделяющие бессмертием. Он тут же распорядился снарядить экспедицию на поиски загадочного острова и назначил ее руководителем Сюй Фу.

После нескольких месяцев плавания китайские моряки наконец увидели землю. Только оказался это не волшебный остров, а японская земля Кии. Туземцы радушно встретили пришельцев и оказали им всемерную помощь в поиске чудодейственных плодов. Однако, обрыскав все окрестности, китайцы их так и не нашли. Экспедиция провалилась, а у Сюй Фу появилось горячее желание навсегда остаться в этих гостеприимных краях: Цинь Шихуанди ошибок не прощал, и возвращение в Китай без волшебных плодов было равнозначно самоубийству. Поэтому Сюй Фу принял японское имя Оюротаюя и при помощи даосской магии стал государем земли Кии.

Как видим, в легенде не сообщается о том, что Сюй Фу передал островитянам какие-либо методы шпионажа или ведения боевых действий. Не упоминается также, был ли он вообще с ними знаком. Нет здесь и описаний каких-либо «ниндзеподобных акций». И все же одного того, что Сюй Фу владел приемами магии оказалось достаточно, чтобы «по сходству» произвести

его в «отцы-прародители» нин-дзюцу.

Известный японский исследователь Окусэ Хэйситиро отмечает также сходство японского имени Сюй Фу – Оюротаюя – с именем знаменитого шпиона Такоя, о котором речь пойдет далее. Он высказывает предположение, что в предании о Сюй Фу как основателе нин-дзюцу соединились два независимых сюжета – легенда о приезде даоса в Японию и исторический факт шпионской деятельности Такоя.

Отомо-но Сайдзин – первый ниндзя

К концу VI в. н.э. источники относят деятельность первого профессионального шпиона в японской истории. Первого «ниндзя» звали Отомо-но Сайдзин (в некоторых работах он назван, Отомо-но Сайню). Он был жителем провинции Ига (по другим сведениям – Оми) и потомком уже упоминавшегося Мити-но Оми-но микото по прямой линии. Служил первый «ниндзя» принцу Сётоку Тайси (гг. жизни – 574-622), одному из величайших деятелей в истории страны Восходящего солнца.

Чем же конкретно занимался Отомо-но Сайдзин? Во многих книгах по истории нин-дзюцу говорится, что в 587 г. он по приказу Сётоку Тайси проник в лагерь мятежника Мононобэ-но Мория и добыл важную информацию о составе вражеских войск, чем способствовал победе принца. Однако в источниках, повествующих о войне Сётоку Тайси против Мононобэ-но Мория, например в «Нихонги», об этом ничего не сообщается. Да и имени Отомо-но Сайдзин там не найти.

Окусэ Хэйситиро приводит иную версию. Он считает, что таланты Сайдзина проявились не на войне, а во время мира. И был он шпионом не военным, а... политическим и полицейским.

Источники, рассказывающие о деятельности Сётоку Тайси, постоянно отмечают замечательную способность принца «разом выслушивать прошения десятерых и решать их дела, не пропуская ни слова» («Нихон рёики»). С этим замечательным свойством было связано одно прозвище Сётоку – Тоётомими – «Чуткое ухо», «Ухо, слышащее далекое». Правда, если рассудить, это прозвище лучше подходит для шпиона...

Окусэ считает, что «чутким ухом» Сётоку Тайси и был Отомо-но Сайдзин. Он обладал замечательной памятью, умел подмечать все происшествия и незаметно для окружающих вызывать все детали. Имея множество знакомых среди простолюдинов, он по сути был связующим мостом между широкими народными массами и дворцовой аристократией, имевшей весьма слабое представление о жизни за стенами дворца. Собрав информацию о происшествиях: кражах, убийствах, случаях проявления недовольства государственной политикой – и проанализировав ее, Сайдзин делал доклад принцу. Если возникало судебное разбирательство по конкретному факту, Сётоку, зная всю ситуацию в деталях с изнанки, мог запросто принять решение, поражая окружающих своей проницательностью и всевидением.

Сегодня это может показаться примитивным и наивным, но, по сути, таким образом был создан прецедент использования шпионов для осуществления контроля за обществом. Переоценить важность этого шага невозможно. Поэтому сегодня практически во всех работах по нин-дзюцу Сётоку Тайси называют первым «мастером пользования» шпионами, а его верного «подручного» Отомо-но Сайдзина – первым японским ниндзя.

Кстати, сам термин, которым в Японии на протяжении веков называли тайных агентов, – синоби, как полагают некоторые исследователи, восходит к прозвищу Отомо-но Сайдзин – Синоби, которым Сётоку Тайси наградил своего верного агента. В источниках это прозвище записывается тремя иероглифами. Вместе они означают «самоотверженность и талант наготове». Но возможно, что принц просто подобрал три китайских иероглифа с нужными чтениями, чтобы записать исконно японское слово, являющееся производным от глагола «синобу» – «быть невидимым». Позже их заменил один-единственный иероглиф – «нин/синобу» – «терпеть, выносить, быть невидимым, скрываться», который используется и сегодня в словах «ниндзя» и «нин-дзюцу».

Вторым японским государственным деятелем, использовавшим шпионов, считается император Тэмму (673-686), которому служил некий Такая, вошедший в японскую историю как «шпион № 2».

Сам Тэмму был человеком незаурядным. Некоторые сообщения источников наводят на мысль, что он прекрасно разбирался во всех тонкостях шпионажа, пользовался его методами на практике. В «Нихонги» сообщается, что Тэмму в совершенстве владел «искусством бегства за щиты» (тонко). А в «Повести о доме Тайра», отстоящей, впрочем, от эпохи Тэмму на добрые 700 лет, говорится:

«Императору Тэмму, в бытность его наследным принцем, угрожали мятежники, и он бежал от них в горы Ёсино, переодевшись в женское платье». Поэтому вполне естественно, что именно он стал активно использовать шпионов.

Такая, тайный агент Тэмму, в отличие от Отомо-но Сайдзина, прославился на поприще диверсионной работы. Это было вполне в духе времени. Ведь даже сам Тэмму взошел на трон в результате государственного переворота.

Такая считается уроженцем центральной провинции Ямато. Он довел до совершенства тактику отвлечения врага при помощи диверсионных акций в его тылу. Пробравшись посреди ночи во вражескую крепость или лагерь, Такая чинил там поджоги, вызывал сумятицу. И пока враги метались в растерянности, главные силы Тэмму могли незаметно подобраться к вражеским позициям и нанести неожиданный удар.

Сравнивая двух первых японских шпионов – Отомо-но Сайдзина и Такого, следует отметить, что в их деяниях воплощены две ипостаси нин-дзюцу – информационно-разведывательная и диверсионная. Таким образом Отомо-но Сайдзин – это классический тип тайного агента-информатора, в то время как Такая – образец лазутчика-диверсанта.

Глава 2

Ямабуси – горные воители

Широкое распространение в японской и западной литературе по нин-дзюцу получила версия создания этого искусства горными отшельниками ямабуси, последователями уникального мистического учения сюгэндо, зародившегося в период Нара (710-784). Попробуем разобраться, что такое сюгэндо, кто такие ямабуси и какое отношение они имеют к нин-дзюцу.

Сюгэндо – Путь обретения сверхъестественного могущества

Слово «сюгэндо» записывается тремя иероглифами. «Сю» (или «осамэру») означает «овладевать, совершенствоваться, упражняться, изучать». «Гэн» (или «кэн», «сируси») – «знамение, очевидное проявление, эффект, чудесное деяние». А «до» (или «мити») – «путь» (вселенский Закон жизни, главный принцип). В целом, сюгэндо можно трактовать как «путь обретения сверхъестественных сил и творения чудесных деяний посредством магической практики».

Под сюгэндо понимается не какая-то оформленная религия, имеющая свою собственную доктрину, а естественно развившаяся синкретическая форма верований. Ядром ее послужили древнейшие синтоистские (синто – «путь богов» – японская национальная религия, в основе которой лежат культ природы и духов предков) верования. Позже на них наложились представления религиозного мистического даосизма, эзотерического буддизма, учения о первоначалах вселенной Инь и Ян (онмёдо).

Особое место в сюгэндо занимают представления о горах как сакральных объектах, «местах силы». Горы издревле занимали важное место в религиозных представлениях японцев. Во-первых, они рассматривались как места обитания богов, распределяющих воду, столь

необходимую для ведения сельского хозяйства. Во-вторых, японцы считали, что в горах обитают души умерших. В-третьих, среди гор встречаются вулканы, которые воплощают в себе колоссальную энергию. Под влиянием буддизма у японцев возникло представление о связи вулканов с долинами ада.

Японцы считали, что религиозная практика в горах позволяет обрести чудесные магические способности. На этой основе развилось особое учение о магической и религиозной практике в горах – сюгэндо. Изначальная цель его, как и многих подобных систем земного шара, – поставить силы природы на службу человеку. Выражается это в способности исцелять болезни, изгонять злых духов, предсказывать судьбу, давать долгосрочные прогнозы погоды, определять время посева и т.д. Несколько позже, под влиянием эзотерического буддизма, последователи сюгэндо стали рассматривать свою аскетическую практику как путь реализации сущности Будды в «этом теле».

Эн-но гёдзя – основатель сюгэндо

По традиции, основателем сюгэндо считается Эн-но Одзуну, более известный как Эн-но гёдзя – Отшельник Эн-но (634-703 гг.). Сведения об этом человеке очень скудны. Самое древнее упоминание о нем содержится в летописи «Сёку Нихонги», созданной в 797 г., где вкратце говорится о ссылке Эн-но Одзуну на далекий остров Идзу в наказание за то, что он «посредством магии соблазнял людей». Гораздо более подробно рассказывает об Эн-но гёдзя сборник «Нихон рёики»²⁰ («Нихон гэмпо дзэнъаку рёики»), составленный на рубеже VIII – IX вв. В «Нихон рёики» об Эн-но гёдзя рассказывается следующее: "Э-но Убасоку происходил из рода Камо-но Энокими. Сейчас [этот род] зовется Такакамо-но Асоми. Он родился в деревне Тихара, что в уезде Кацураги-но Ками провинции Ямато. С рождения он был мудр, был первым в учении и жил с верой в Три Сокровища. Он мечтал летать на пятицветном облаке за краем необъятного неба, быть званым во дворец горных отшельников, отдыхать в Саду вечности, лежать среди цветов и вдыхать живительный воздух. Поэтому, когда ему было уже около 50 лет, он поселился в пещере, сплел одежду из трав, пил росу с сосновых иголок, купался в источниках чистых, смывая с себя грязь мира желаний и читал заклинания «Кудзяку». Он обрел силы чудотворные, повелевал духами и богами.

Однажды он созвал чертей с богами и сказал им так: «Постройте мост в провинции Ямато между горами Канэ и Кацураги». Боги опечалились, и при государе, который правил Поднебесной из дворца Фудзивара, бог горы Кацураги по имени Хитокото Нуси-но Оками сошел с ума и оклеветал его: «Э-но Убасоку хочет свергнуть государя». Государь повелел своим людям схватить его, но тот сотворил чудо, и они никак не могли поймать его. Тогда они схватили его мать. Чтобы ее отпустили, Э-но Убасоку выдал себя. Его сослали на остров Идзу.

Однажды он прошел по морю, как по суше. Он вскарабкивался на гору высотой в десять тысяч дзё²¹ и летал там, словно феникс. Днем волей государя он оставался на острове, а ночью отправлялся на гору Фудзи в Суруга и там подвижничал. Чтобы вымолить освобождение от тяжкого наказания и оказаться поближе к государю, он взбирался на Фудзи по лезвию меча.

3 печальных года прошло с тех пор, как [Убасоку] сослали на остров. И тогда раздался глас сострадания, и в 1 луне 1 года эры Тайхо, в 8 год Быка, он смог приблизиться к государю. В конце концов он стал святым и вознесся на небо...".

С распространением и усилением движения сюгэндо Эн-но гёдзя превратился в одного из самых популярных героев японского фольклора, а много позднее, в 1799 г., был канонизирован в качестве бодхисаттвы Дзимбэн-дайбосацу – Великий бодхисаттва²², способный

²⁰ «Записки о стране Японии и чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела».

²¹ 1 дзё = 3,03 м.

²² Буддийский святой, достигший просветления, но отказывающийся от перехода в состояние райского небытия ради спасения людей.

перевоплощаться в любое тело.

Ямабуси

Последователей Эн-но гёдзя, удалявшихся в горы для аскетической практики, называли «ямабуси» – «спящие в горах» (другие названия: «яма-но хидзири» – «горные мудрецы»; «сюгэндзя» – «занимающиеся практикой для обретения магических способностей», «сюгёся» – «занимающиеся аскетической практикой»; «гёдзя» – «практикующие»). Далеко не все из них оставались в горах постоянно, ведя жизнь отшельников в полном смысле слова. Подавляющее большинство совершало восхождения в горы лишь эпизодически. В остальное время они либо находились в храмах, связанных с сюгэндо, либо странствовали, забредая подчас в самые отдаленные уголки Японии. Постепенно они обрастали приверженцами из числа мирян. Когда наступало время восхождения на святые горы, ямабуси служили для них проводниками и наставниками в постижении таинств горного отшельничества. Таких ямабуси стали называть «сэндацу».

Влияние ямабуси не ограничивалось узким кругом приверженцев. Они были желанными гостями в любой деревне или крестьянской семье, где творили заклинания у ложа больного с целью изгнания из его тела вызвавших болезнь злых духов, заклинаниями же помогали вызвать дождь, столь необходимый в засушливое время года, или же, наоборот, усмирить разбушевавшуюся стихию. Из уст ямабуси люди постигали начала буддийского вероучения, узнавали о хороших и дурных числах, благоприятных и неблагоприятных направлениях, других представлениях даосизма и буддизма. Ямабуси были врачевателями, наделенными сверхъестественными знаниями мудрецами. А еще занимательными рассказчиками, от которых крестьяне узнавали немало интересных легенд и рассказов о чудесах, незаурядными актерами, исполнявшими в ходе рассказа самые различные роли. Иными словами, ямабуси были близки простому люду, и именно эта близость делала их проводниками учения Будды повсюду, где бы они не появлялись.

Поскольку сюгэндо является разновидностью народной религии, оно никогда не имело единой доктрины и в целом всегда было чрезвычайно рыхлым. Достаточно сказать, что некоторые группы ямабуси ассоциируют себя с национальной японской религией синто, другие – с буддизмом, а третьи вовсе утверждают, что сюгэндо – религия самостоятельная. При этом они еще и распадаются на отдельные школы. Например, двумя важнейшими направлениями «буддийского» сюгэндо являются хондзан-ха и тодзан-ха. Течение хондзан-ха связано со школой Тэндай, а тодзан-ха – с Сингон. И все же, говоря о сюгэндо, стоит вкратце остановиться на основах доктрины школы Сингон, поскольку именно она лучшим образом согласуется с той системой психофизической тренировки, которая сложилась в сюгэндо, а позже перешла в нин-дзюцу.

Доктрина эзотерического буддизма Сингон

Школа «Сингон» («Истинное слово») была создана монахом Кукаем в первой половине IX в. Она относится к так называемому эзотерическому, или тантрическому, буддизму (яп. миккё – «тайное учение»). Что же такое эзотерический буддизм? Эзотерический буддизм – это учение о единстве человека, природы и великого всемогущего и всезнающего будды Дайнити. Задача человека – выявить в себе истинную природу Дайнити – Великое солнце, и тогда он сможет вырваться из порочного круга перерождений и страданий и достичь райского блаженства в нирване. Достичь этого можно разными путями, но эзотерический буддизм проповедует подвижничество, которое позволяет выявить истинную природу в течение одной жизни. Подвижничество это заключается в выполнении различных ритуалов, которые и составляют основной секрет «тайного учения».

Кукай в своем трактате "Значение [слов] «стать буддой в этом теле» писал:

[Между] шестью великими [элементами] нет преград

и [они] рошно пребывают в його

Четыре вида мандал не отделены друг от друга.
Если следовать трем «тайным» кадзи,
[Три Тела Будды] быстро выявляются.
Все, что есть в сетях Индры, называют «в этом теле».

В этих строках заключена квинтэссенция учения Сингон. Но чтобы понять их, нужно познакомиться с представлениями «тайного учения» (миккё) о вселенной.

В миккё разнообразные тела, существующие во вселенной, рассматриваются в трех аспектах – «тело», «знак» и «действие».

«Тело» есть материальное тело как таковое. Если для примера взять цветок розы, то данная категория указывает на цветок сам по себе.

«Знак» – это форма, облик вещи. Цветы розы имеют разно-образные формы, бывают разных цветов, отличаются по величине. Это – их «знак».

«Действие» – это действия материальных тел. Например, у цветка розы раскрывается бутон, распускается цветок.

Итак, в миккё вся материя, наличная вселенной, рассматривается с трех сторон – «тела», «знака» и «действия». И сама вселенная также имеет эти три грани.

Согласно учению миккё, «тело»-вселенная складывается из 6 структурообразующих компонентов, которые называются «шесть великих элементов». Это «земля» (дзи), «вода» (суй), «огонь» (ка), «ветер» (фу), «пустота» (ку) и «сознание» (син). «Землю», «воду», «огонь», «ветер» и «пустоту» называют «пятью великими элементами-ми». Они конституируют материальное бытие. При этом «земля» – это нечто твердое; «вода» – жидкое, стекающее вниз; «огонь» – горящее, поднимающееся вверх; «ветер» – то, что движется (воздух); «пустота» – это пространство.

К 5 великим элементам добавляется «сознание», или психика, психические «действия». В нем воплощается духовное бытие. Таким образом, вселенная состоит не только из материи, но в ней изначально присутствует наша психика, сознание.

«6 великих элементов» существуют не сами по себе, по отдельности, они как бы «вплавлены» друг в друга.

Чтобы «стать буддой в этом теле», то есть реализовать высшее просветление, выводящее человека за рамки перерождений и земных страданий, нужно постичь это «истинное тело» вселенной, которое в то же время является телом великого будды Дайнити.

Далее, с точки зрения «знака» вселенная рассматривается в 4 ипостасях, которые выражаются 4 мандалами. Мандала (яп. мандара) – важнейший для миккё Сингон предмет культа. По сути, это схематическое изображение вселенной, на котором в определенном порядке размещены будды с великим буддой Дайнити в центре.

Существует 4 вида мандал. На «Великой мандале» структура вселенной представлена в образах будд. Она включает в себя две мандалы – «мандалу мира алмаза» (Конго-кай мандара) и «мандалу мира чрева» (Тайдзо-кай мандара). На «Самаяя-мандале» изображаются символы будд, мечи, кольца из драгоценностей, цветки лотоса, которые являются «знаками» граней вселенной. На «Дхарма-мандале» изображаются «слова-семена» будд. Это санскритские буквы, которые также символизируют грани вселенной. На «Карма-мандале» символически изображаются «деяния» будд.

На мандалах в 4 видах выражен истинный «знак» вселенной, т.е. истинный «знак» Дайнити). Вселенная едина, поэтому 4 мандалы называются в Сингон «4 не делимые [друг от друга] мандалы».

Итак, вселенная складывается из 6 структурных компонентов и имеет 4 ипостаси.

Третья категория – «действие». На ней делается наибольший акцент. В «действии» концентрируется все, что связано с «тайным учением».

Согласно буддийскому учению, наши повседневные поступки, вся жизнь представляют собой деяния тела, языка и разума. С помощью тела мы передвигаемся, с помощью рта говорим, с помощью разума думаем. Это называют «тремя деяниями», причем «деяние» – это карма, т.е. причинно-следственная связь явлений.

В миккё «три деяния» называются «тремя тайнами». «Три тайны» – это «тайна тела».

«тайна речи», «тайна мысли». Отсюда следует вывод: «Если практикующий Сингон постигает значения „тайн“, он соединяет руки в мудру, произносит „истинные слова“, погружается в самадхи (отдаляясь от пустых размышлений, успокаивает и приводит в порядок свои мысли) и, так как благодаря „трем тайнам“ обретает поддержку, быстро достигает того, чего желает». Соединение рук в мудры («тайна тела»), произнесение «истинных слов» («тайна речи») и молитва с думой о своем «почитаемом» будде («тайна мысли») называется кадзи «трех тайн».

«Мудрой» (яп. кэцуин – «связанная печать») называют определенные позы тела и жесты рук, положения ног, сплетения пальцев, повороты головы, воспроизводящие магические жесты будды Дайнити. Особое сплетение пальцев, по традиционной версии, приводит к замыканию энергетических каналов, благодаря чему человек получает возможность «подключиться» к неистощимой энергии вселенной.

«Мантра» (яп. дзюмон – «заклинание») – это магическая словесная формула, обычно лишенная всякого значения и воспроизводящая фрагмент речи Дайнити. Как правило, это набор различных звуков. В мантрах важен не смысл слов, а само произнесение звуков, вызывающих в человеческом организме особые вибрации, которые, как полагают современные ученые, воздействуют на головной и спинной мозг, изменяя психическое состояние человека.

«Молитва с думой о почитаемом будде» задействует силу сознания – нэнрики, которая поистине огромна. Именно нэнрики является важнейшим фактором приобщения к истинной природе Дайнити. Мудра, мантра и нэнрики должны всегда сочетаться в ритуальном действии последователя Сингон, поскольку они отражают 3 равноприсущих аспекта Дайнити.

Слово «кадзи» буквально означает «добавление и сохранение». Оно выражает двойное усилие: усилие Дайнити просветить людей (ка) и усилие людей воспринять учение Дайнити и удержать в себе (дзи). Мудра, мантра и нэнрики в Сингон называются «кадзи трех тайн». Это означает, что во всех них соединяются силы Дайнити и человека.

Благодаря кадзи трех тайн последователь миккё становится одним целым с великой душой вселенной, которая выражается через «6 великих [элементов]» и 4 мандалы и может обрести способность творить чудеса. В миккё то, что с помощью кадзи трех тайн можно творить чудеса, называют «кадзи трех сил». Три силы – это сила желания Будды спасти человека, сила молитвы спасать живые существа и сила, которая наполняет вселенную.

Сущность кадзи трех сил можно разъяснить таким образом: проводя ритуал кадзи трех тайн, практикующий соединяет три силы, о которых говорилось выше, и переполняющая нас внутренняя энергия находит правильный выход и выплескивается наружу, рождая чудо, недоступное обычному человеку. Благодаря трем тайнам, человек быстро становится буддой в этом теле, т.е. в этой жизни.

Важно подчеркнуть, что сущность миккё невозможно понять, ограничившись только накоплением знаний о нем и изучением догматики. Ее можно постичь только через собственный мистический опыт с помощью искренних молитв и практики.

Кукай писал: «Дхарма Будды (мудрость просветления) не где-то далеко, она близко, в сердце. Истинная „таковость“ (принцип просветления) не где-то вне нас, так зачем искать ее, отбросив наше тело? Если в нас есть и заблуждения, и просветление, то обретем просветление, пробудив в себе мысли о нем. Светлое и темное (светлое – просветление, темное – заблуждения) не в ком-то другом, так что если заниматься практикой, то сразу же обретешь просветление».

Фудо-мёо – главное божество сюгэндо

Последователи сюгэндо поклоняются самым разным богам и буддам. По сути, они стремятся черпать силу из любого доступного источника. Правда, у разных объединений ямабуси, сложившихся вокруг разных священных гор, есть свои предпочтения. Но практически все они поклоняются Фудо-мёо.

Фудо-мёо, на санскрите – Ачаланатха, означает «неподвижный светлый царь» или «неподвижный защитник». Японцы издревле верили в него как в будду, творящего чудеса. В храмах школы Сингон статую Фудо-мёо устанавливают слева от изображения будды Дайнити, справа помещается изображение Великого Учителя Кобо, т.е. Кукай. Фудо-мёо символизирует

мудрость Дайнити, а Великий Учитель Кобо – сострадание.

Кто же такой Фудо-мёо, какое место он занимает среди многочисленных будд?

В отличие от христианства, где есть только один абсолютный бог, в буддизме – неисчислимое число будд. На мандале «мира чрева» изображается 410 будд, а на мандале «мира алмаза» – 1461 будда. Как считают буддисты, число живых существ, которых должны спасти будды, безгранично, поэтому число будд тоже безгранично.

В миккё все будды делятся на 4 группы.

1) Собственно будды (татхагаты; яп. буцу). Этих будд называют «тела, вращающие Колесо Дхармы сами по себе». Так как они проповедуют Закон Будды самим себе, их учения людям непонятны.

2) Бодхисаттвы (босацу). Их называют «тела, вращающие Колесо Истинной Дхармы». Бодхисаттвы достигают просветления, но буддами не становятся и проповедуют живым существам Истинный Закон Будды.

3) «Светлые цари» (мёо). Их называют «тела, вращающие Колесо Дхармы по ука-зу». Они посланцы, которые по указу татхагат занимаются просветительской деятельностью. Если у бодхисаттв выражения лиц спокойные, то у «светлых царей» грозный вид, который устроит любого. Свой гневный лик они показывают самым плохим живым существам, которые глухи к учениям бодхисаттв, спасают их, хотя и заставляют их трястись от страха. Это – проявление жалости «светлых царей». В эту группу входит и Фудо-мёо.

4) Боги (тэн). Изначально это были брахманистские и индуистские божества, но позже они вошли в пантеон миккё. На мандалах для них нет строго определенного места, поэтому говорят, что они «вращают Колесо Дхармы свободно», т.е. проповедуют Закон Будды, когда хотят.

Итак, будды разделяются на 4 группы. Татхагаты занимают ведущее положение в иерархии. Бодхисаттвы – святые, которые ведут за собой живые существа с помощью силы сострадания. «Светлые цари», являясь посланцами Татхагат, силой спасают живых существ, которых трудно обратить. Боги – старшие над людьми, которые легко становятся советчиками людей.

Среди татхагат главное место занимает Дайнити. Так как он вращает «Колесо Дхармы сам по себе», его учение очень глубоко и людям непонятно. Поэтому у него есть посланцы, которые проповедуют Дхарму и спасают живые существа. Среди «светлых царей» его «представителем» является Фудо-мёо. Именно он «вращает Колесо Дхармы по указу» Дайнити. При этом он – «превращенное» тело Дайнити. Это значит, что «истинное тело» Фудо-мёо есть великий будда Дайнити.

Традиционно Фудо-мёо изображают сидящим на огромном камне, за спиной у него языки пламени, в правой руке меч, в левой сеть, выражение лица грозное.

Фудо-мёо – это слуга Дайнити. Какую бы грязную работу он ни выполнял, он всегда полон решимости продвигаться вперед сам и вести за собой живые существа, с чем успешно справляется. Он принимает облик слуги с гневным лицом, чтобы вывести на правильный путь самых плохих людей, которых невозможно спасти силой сострадания бодхисаттвы. Фудо-мёо острым мечом рубит врагов-заблуждения, а сетью «ловит» плохих людей и пробуждает в них мысли о вере. За спиной Фудо-мёо языки огня. Это называют «пребывать в огненном самадхи» (просветленном состоянии). Огонь сжигает все заблуждения и плохую карму. Возможно, это огонь ада. И Фудо-мёо стоит у входа в него, чтобы не дать живым существам упасть в него. Буддисты верят, что попавших в ад спасти невозможно. Поэтому вместо живых существ, падающих в него, Фудо-мёо сжигает себя в адском огне. Фудо-мёо пребывает на огромном камне, и этот камень символизирует то, из чего создан ад, где ничего не рождается. Будды обычно восседают на лотосовых цветах. Цветок лотоса показывает свой лик из грязи и символизирует просветление. Но Фудо-мёо сидит на камне, и это символ того, что, находясь в аду, невозможно стать буддой, и если человек попадет в ад, спасения для него уже нет.

Таким образом, за устрашающим грозным ликом Фудо-мёо кроется беспредельное великое сострадание Дайнити.

Как уже говорилось, доктринальные вопросы для ямабуси были далеко не главным. Для них гораздо важнее была реальная аскетическая практика и ее результат – чудодейственные возможности. И об этом нужно поговорить подробнее, поскольку, как полагают некоторые историки нин-дзюцу, именно практика ямабуси послужила основой для системы тренировки ниндзя.

Что же представляла собой практика сюгэндо? В качестве религиозных упражнений сюгэндо использовало многие методики эзотерического буддизма: особые виды медитации, чтение сутр, молитвы охраняющим божествам, повторение магических формул дхарани. Но существовали и особые, специфичные формы аскезы сюгэндо. Некоторое представление о них дает следующий отрывок из «Хэйкэ-моногатари»: "Десятилетием лет Монгаку постригся в монахи. Но прежде чем отправиться в странствия в поисках просветления, задумал он испытать, способен ли он переносить телесные муки. В один из самых знойных дней шестой луны отправился он в бамбуковую чащу, у подножия ближней горы. Солнце жгло беспощадно, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка, недвижимый воздух словно застыл. Чтобы испытать себя, Монгаку улегся на землю и лежал неподвижно. Пчелы, оводы, москиты и множество других ядовитых насекомых роились вокруг него, кусая и жаля. Но Монгаку даже не шевельнулся. Так лежал он семь дней кряду, на восьмой же день встал и спросил: «Достанет ли такого терпения, чтобы стать подвижником и аскетом?»

– Ни один подвижник не смог бы сравниться с вами! – гласил ответ.

– Тогда и толковать не о чем! – воскликнул Монгаку. Уверившись в своих силах, пустился он в странствия по святым местам. Сперва он направил стопы в Кумано, решив испытать себя у прославленного водопада Нати. Для первого испытания в подвижнической жизни спустился он к подножию водопада, чтобы искупаться в водоеме. Была самая середина двенадцатой луны. Глубокий снег покрыл землю, сосульки льда унижали деревья. Умолкли ручьи в долинах, ледяные вихри дули с горных вершин. Светлые нити водопада замерзли, превратившись в гроздь белых сосул, все кругом оделось белым покровом, но Монгаку ни мгновения не колебался – спустился к водоему, вошел в воду и, погрузившись по шею, начал молиться, взывая к светлому богу Фудо на святом языке санскрите. Так оставался он четыре дня кряду; но на пятый день силы его иссякли, сознание помутилось. Струи водопада с оглушительным ревом низвергались с высоты нескольких тысяч дзё; поток вытолкнул Монгаку и снес далеко вниз по течению. Тело его швыряло из стороны в сторону, он натывался на острые, как лезвие меча, изломы утесов, но вдруг рядом с ним очутился неземной юноша. Схватив Монгаку за руки, он вытащил его из воды. Очевидицы, в благоговейном страхе, разожгли костер, дабы отогреть страстотерпца. И видно, еще не пробил смертный час Монгаку, потому что он ожил. Едва к нему вернулось сознание, как он открыл глаза и, свирепо глядя на окружающих, крикнул: «Я поклялся простоять двадцать один день под струями водопада и триста тысяч раз воззвать к светлому богу Фудо! Сейчас только пятый день. Кто смел притащить меня сюда?»

При звуке его гневных речей у людей от страха волосы встали дыбом; пораженные, они не нашлись с ответом. Монгаку снова погрузился в воду и продолжал свое бдение. На следующий день явилось восемь юношей-небожителей; они пытались вытащить Монгаку из воды, но он яростно противился им и отказался тронуться с места. Все же на третий день дыхание его снова прервалось. На сей раз с вершины водопада спустились двое неземных юношей; освятив воду вокруг Монгаку, они теплыми, благоуханными руками растерли его тело с головы до пят. Дыхание возвратилось к Монгаку, и он спросил, как будто сквозь сон:

– Вы меня пожалели... Кто вы такие?

– Нас зовут Конгара и Сэйтика " мы посланцы светлого бога Фудо и явились сюда по его повелению, – ответили юноши. – Он велел нам: «Монгаку дал нерушимый обет, подверг себя жестокому испытанию. Ступайте к нему на помощь!»

– Скажите, где найти светлого бога Фудо? – громким голосом спросил Монгаку.

– Он обитает в небе Тусита! – ответили юноши, взмыли к небу и скрылись в облаках. Монгаку устремил взгляд в небеса и, молитвенно сложив ладони, воскликнул:

– Теперь о моем послушании известно самому богу Фудо!

Сердце его преисполнилось надежды, на душе стало легко, он снова вошел в воду и продолжал испытание. Но теперь, когда сам бог обратил к нему свои взоры, ледяной ветер

больше не охлаждал его тело, и падавшая сверху вода казалась приятной и теплой. Так исполнил Монгаку свой обет, проведя 21 день в молитве. Но и после этого он продолжал вести жизнь подвижника. Он обошел всю страну, три раза поднимался на пик Оминэ и дважды – на Кацураги, побывал на вершинах Коя, Кокава, Кимбусэн, Сирояма и Татэяма, поднимался на гору Фудзи, посетил храмы в Хаконэ и Идзу, взбирался на пик Тогакуси в краю Синано и на гору Хагуро в краю Дэва. Когда же он посетил все эти святы места, тоска по родным краям завладела его душой и он возвратился в столицу. Теперь это был святой монах, неустрашимый и твердый, как хорошо закаленный меч. Говорили, что молитва его способна заставить птицу, летящую в поднебесье, внезапно упасть на землю".

В этом отрывке прекрасно выражена суть тренировки ямабуси. Каждая «практика» для них – вызов пределам человеческих сил, воле и вере. Это тренировка на грани жизни и смерти. Немногим удавалось пройти этим путем... Но те, кто выдерживал, становились людьми невероятными – с несгибаемой волей, с несокрушимым телом, со сверхъестественными возможностями...

Основу практики ямабуси составляли длительные паломничества по святым горам. По сути, они и составляли всю жизнь наиболее ортодоксальных аскетов. Во время этих паломничеств последователи сюгэндо посещали различные места силы: водопады, священные пруды и озера, причудливые вершины, где обитали боги – ками. И совершали там различные ритуалы и обряды, в надежде, что ками и будды наделят их чудесной силой.

Значительное место в «арсенале упражнений» сюгэндзя занимали «практики» с водой и огнем.

Аскезы воды – мисоги и таки-сюгё

Оба эти «упражнения» сюгэндо нашли широкое применение в тренировке нин-дзюцу (и в японских боевых искусствах в целом), где они использовались для улучшения ментального состояния и развития внутренней энергии ки.

Ритуал мисоги-хараи, пришедший из синто, предназначался для очищения тела, духа и души. Суть его в длительном, многочасовом пребывании в ледяной воде, как правило, в зимнее время. Во избежание околеления ямабуси рекомендовали отождествлять себя с огнем, вызывая такой жар в теле, чтобы вокруг отшельника, погруженного в воду немного выше пояса, клубился пар!

Считалось, что мисоги ведет к перерождению человека, смывает с него всю «грязь». А с точки зрения сюгэндо, заболелания, рождение, смерть, ранения, пролитая кровь – всё это от нечистоты. Отсюда берет свое начало культ чистоты в японских боевых искусствах: прием душа до и после тренировки, мытьё додзё, очищение сознания медитацией. Особой формой мисоги считается харакири, смысл которого в смывании кровью позора.

Другой обряд, связанный с водой, – таки-сюгё, или медитация под водопадом. Водопад считается местом обитания многих божеств. Поток воды, падающий с высоты нескольких метров на точку байхуй на макушке, активизирует движение энергии ки в организме и способствует достижению просветления. Кроме того, процедура таки-сюгё помогала адепту раскрыть структуру мироздания. В паре гора-водопад устремившиеся ввысь скалы воплощали Ян (светлое начало мироздания), а низвергающаяся с них вода – Инь (темное начало мироздания).

Обрушивающийся вниз поток таил в себе еще одну тайну: оставаясь неизменным по форме, он постоянно изменялся внутренне – вода в нём никогда не была той же самой.

Аскезы огня – гома и хиватари-мацури

Аскезы огня – это возжигания священных костров гома и знаменитое хождение по раскаленным углям – хиватари.

Ритуал гома пришел в сюгэндо из школы Сингон. Это медитация над огнем. В знак преклонения перед очищающим огнем Будды сжигаются жертвы. Дерево, питающее пламя костра, символизирует людские страсти, превращающиеся в мудрость. Когда страсти сгорают,

медитирующий сможет «раствориться» в огне и достичь единства с божеством. Слияние с пламенем обретается при помощи священного звука «ра», вибрация которого позволяет войти в резонанс с другими вибрациями, которые владеют пламенем. Пламя привлекает, как считается, силу духов гор. И тогда, слившись с огнем и достигнув просветления, адепт обретает способность ходить по тлеющим углям без вреда.

О своих впечатлениях от гома подробно рассказывает современный последователь сюгэндо Икэгути Экан: "Ритуал гома с 8000 дощечек – активное действо. Когда оно начинается, у гёдзя не бывает времени ни для того, чтобы отдохнуть, ни для того, чтобы поспать. В таком состоянии гёдзя пребывает на протяжении всего ритуала.

Гёдзя, не питаясь надлежащим образом, каждый день во время 3 «сидений» громким голосом произносит «истинные слова» Фудо, вкладывая в них всю душу, энергично подносит огонь к дощечкам. В моем храме дощечки из молочного дерева в 2-3 раза больше тех, что встречаются в других храмах. Пламя поднимается так высоко, что почти опалает потолок храма и обдаёт жаром все тело. Человек, не связанный с этим, даже не может представить, сколько сил расходует гёдзя. Когда заканчивается действо, я ощущаю, что постарел на 10, 30 или даже 40 лет.

После того как заканчиваю сожжение 8000 дощечек..., я теряю 4-5 кг веса.

Летом – воистину ад. Капли пота водопадом льются на рясу, и она становится насквозь мокрой. Ученики периодически вытирают мне полотенцем лицо, руки и шею, но как будто льют воду на раскаленный камень.

Глаза застилаются туманом, тело сводят нескончаемые судороги. От зажигания дощечек... руки теряют силу, и ты ощущаешь, как дощечка... по весу становится похожей на железную болванку.

Я несколько раз думал, не умру ли я сейчас? В таких случаях спрашиваю себя: «Неужели сломаешься, неужели сдашься?» – и во мне пробуждается необыкновенная жизненная энергия. Благодаря ей я продолжаю действо.

Ритуал гома с 8000 дощечек в высшей степени труден для проведения, но я хорошо понял, что во время действия у меня постепенно обостряются чувственные восприятия. Причина этого в активизации спавших до этого клеток моего тела.

После окончания действия я слышу, как зал, где проводился ритуал, наполняет невыразимо чудесная музыка. Не небесную ли музыку я слышу? Ее красота несколько раз вызывала у меня слезы радости, пробуждаемой Дхармой.

В эти моменты я ощущаю запахи пищи, которую готовят в домах, находящихся от меня на расстоянии 1-2 км. Я издалека могу видеть людей, идущих в мой храм. В такие моменты я узнаю боли и страдания у самого большого числа людей".

Хиватаримацури – «Празднование переправы через огонь» – коллективное шествие сюгэндзя по горящим углям. Оно имеет очень глубокий смысл. В акте прохождения по углям ямабуси отдается в руки божества. Как и вода в обряде мисоги, огонь становится очистительным средством. Для того, кто не достиг нужного состояния слияния с охраняющими божествами, которое возможно только при полной чистоте помыслов, этот обряд может закончиться очень плачевно.

Кайхогё – «марафонские бега» ямабуси

Ритуал кайхогё издревле считался одним из важнейших ритуалов течения сюгэндо, связанного с буддийской школой Тэндай, так как он включает в себя все аспекты духовной практики – медитацию, эзотерические практики, поклонение природе, преданность учению и деяния во имя спасения всех живых существ. Суть его в стодневном прохождении по святым горам расстояния около 30 км и выполнении различных обрядов на этом маршруте.

Если гёдзя получает разрешение принять участие в этом ритуале, ему дают секретное наставление, которое нужно переписать от руки. В нем даны общие указания о кайхогё: какие святыне места посетить, какие молитвы и заклинания произносить и т.д.

В течение недели перед началом ритуала гёдзя очищают путь от острых камней, веток и листвы, в которой могут скрываться скорпионы. Делается это очень тщательно, так как

недосмотр может привести к гибели.

В день начала кайхогё гёдзя надевает абсолютно белую одежду, повязывает пояс «веревкой смерти» (сидэ-но химэ) и вешает на нее нож в ножнах (гома-но кэн). Все это символизирует решимость гёдзя умереть во время ритуала, но не отступить перед трудностями. С этой же целью в специальную шляпу вкладывается монетка: если гёдзя умрет во время кайхогё, ему понадобятся деньги, чтобы расплатиться с перевозчиком в потусторонний мир.

На ноги гёдзя надевают соломенные сандалии. Согласно предписаниям, для выполнения ежедневного обряда их требуется ровно 80. В сухие дни они изнашиваются за 3-4 дня, а в дождливые – за несколько часов. Поэтому гёдзя берут с собой несколько запасных пар. Обычно они надевают старинный соломенный плащ.

В первый день «марафона» наставник показывает гёдзя маршрут, после этого он действует уже сам.

Практика гёдзя начинается в полночь. После часовой службы в зале Будды, гёдзя проглатывает 1-2 рисовых колобка или выпивает суп мисо, одевается и приблизительно в 1:30 выходит на 30-километровую «прогулку» по святым местам. Он должен посетить 255 мест поклонения – различные храмы и святилища чуть ли не всех богов ведического, буддийского, синтоистского и даосского пантеона, могилы подвижников, статуи будд, священные горы, ручьи, водопады, рощи и т.д. На каждой «остановке» гёдзя должен сложить руки в определенную мудру, произнести нужную мантру, что занимает от 10 секунд до нескольких минут. Во время всего пути он может присесть только один раз – на каменную скамью под гигантским священным кедром, где в течение 2 минут произносятся молитвы о благосостоянии императорской семьи. При этом гёдзя должен преодолеть несколько крутых подъемов и тысячи ступеней горных троп.

В зависимости от погоды гёдзя возвращается в монастырь между 7:30 и 9:30. После часовой службы в зале Будды, он идет в баню. Затем следует обед, на котором гёдзя съедает простую калорийную пищу – лапшу, картофель, соевый творог тофу, суп мисо, рис или хлеб. А потом наступает время общей молитвы. В 15:00 проводится служба. В 18:00 – последний прием пищи, а около 20:00 гёдзя отходит ко сну, чтобы... в полночь начать все сначала!

И так 100 дней подряд! Особенно тяжело приходится новичкам. Для начала они должны заучить огромный объем информации: описания сотен святых мест, молитвы, мудры и т.д. На это уходит 2-3 недели. При этом гёдзя, еще плохо знающий маршрут нередко теряет ориентацию в ночном тумане и часами бродит по незнакомым горным дебрям. Несмотря на предварительную очистку пути, ноги и все тело его оказываются израненными, порезы и царапины инфицируются, гёдзя нередко испытывают обморожение, большинство из них страдают лихорадкой в первые несколько недель, мучаются от диареи и геморроя, от жутких болей в бедрах и спине. К третьему дню практики ноги и ахиллесовы сухожилия начинают дрожать и распухают. Особенно трудно гёдзя приходится в дождливые или снежные дни. Их сандалии почти мгновенно разрушаются, а сам гёдзя промокает до нитки. Непогода замедляет путь, а вода размывает дорогу. В особенно дождливые годы одежда на гёдзя не просыхает во все время ритуала.

Но к 30 дню обычно наступает облегчение, а к 70 гёдзя обретает особую выправку «марафонца»: глаза его сконцентрированы в точке приблизительно в 33 метрах перед собой, голова вертикально, плечи расслаблены, спина прямая, нос и пупок на одной линии. Он идет легко, в одном ритме и постоянно повторяет мантру Фудо-мёо: «Намаку саманда бадзаранан сэндан макаросяна соватая унтарата камман».

Тот, кто проходит это испытание, получает разрешение на сэннити-кайхогё – тысячедневное кайхогё. Для этого гёдзя должен быть свободен от семейных уз и иметь решимость на 12 лет удалиться от жизни.

Первым делом гёдзя выполняет «марафон» в течение 700 дней, а потом наступает время самого трудного и смертельно-опасного испытания, называемого «Доири» – «Вступление на Путь».

В 24:00 назначенного дня гёдзя вместе с высшими монахами принимает последнюю пищу. В 1:00 его провожают в зал Мёо-до, где он сначала выполняет 330 поклонов, после чего гости уходят, а гёдзя остается для 9-дневной непрерывной молитвы.

В 3:00, 10:00 и 17:00 он должен читать «Сутру лотоса» перед алтарем. В 2:00 проводится ритуал сюсуй – «получение воды»: читая «Сутру сердца», гёдзя проходит расстояние в 200 м до пруда со священной водой, набирает целое ведро и тащит его для подношения изображению Фудо-мёо. Все остальное время гёдзя проводит в позе лотоса, непрерывно повторяя про себя мантру Фудо-мёо. Всего ее нужно повторить 100000 раз, причем для повторения 1000 требуется ок. 45 минут. Все время в зале находятся два монаха, которые должны следить, чтобы гёдзя бодрствовал и следовал обряду.

За несколько недель до доири гёдзя начинает ограничивать себя в пище, на прощальном ужине он ничего не ест. Так он готовит организм к 9-дневному полному голоданию и отказу от воды. Первый день обычно проходит нормально, но на 2-3 день наступают настоящие муки голода, которые, впрочем, после четвертого дня постепенно прекращаются. К 5 дню в организме гёдзя почти не остается воды, слюна абсолютно исчезает, и он начинает чувствовать вкус крови во рту. Чтобы предотвратить постоянное слипание губ, гёдзя, начиная с 5 дня, разрешают полоскать рот, но он должен выплюнуть воду, всю, до капли, обратно в чашку. Рассказывают, что при этом количество жидкости в чашке даже увеличивается. А оставшиеся на языке капельки воды гёдзя ощущает как божественный нектар. Кал у гёдзя пропадает обычно на 3-4 день, а выделения мочи, правда, весьма слабые, продолжают практически до конца обряда.

Обряд «принятия воды», проводимый в 2:00, когда гёдзя выходит из закрытого плохо проветриваемого помещения, где постоянно дымятся свечи, помогает гёдзя взбодриться, прочищает голову. Гёдзя даже утверждают, что во время этой прогулки к пруду они кожей поглощают влагу дождя и росы. В первые дни «поход» туда и обратно занимает около 15 минут, но позднее, по мере слабения аскета, продляется до часа.

Доири – ритуал, когда гёдзя в течение 182 часов обходится без сна, отдыха, еды и воды – имеет целью поставить гёдзя на грань жизни и смерти. По легенде, хиэйские гёдзя в древности проходили доири продолжительностью в 10 дней, но большинство из них умирали, после чего время доири несколько сократили. Было также выяснено, что влажные месяцы лета, особенно август, наиболее опасны для жизни гёдзя.

Во время доири у гёдзя раскрываются экстрасенсорные способности. Он может слышать, как далеко в лесу падают ветки, какая готовится пища на расстоянии нескольких километров, видеть лучи солнца и луны, проникающие в темноту храма.

В последний, 9 день доири в 3:00 гёдзя выходит в свой последний путь к священному пруду. Его приветствуют и провожают сотни монахов. После «прогулки» он возвращается в свой зал и склоняется перед алтарем, а в это время зачитывают текст официального свидетельства монастыря Энряку-дзи об окончании доири и о присвоении ему почетного звания «Тогёман адзари» – «Святой наставник суровой аскезы».

Путь сюгэндо был очень труден. Никаких учебников по мистическим практикам не было и быть не могло. Только опытный учитель мог помочь ученику пройти по лезвию бритвы между жизнью и смертью. Опасны были не только методы, связанные с огнем, но и медитация на краю пропасти, карабкание без страховки на скалы. Да и стояние под водопадом была отнюдь не душем! Переохлаждение, кома и смерть от опухоли головного мозга грозили неподготовленному человеку, так как поток ледяной воды, льющийся на голову вызывает в течение 10 секунд суживание сосудов из-за большого выброса гормонов.

Аскезы воды и огня делают человека нечувствительным к холоду и жару, укрепляют волю, учат выдержке и терпению, будят резервные силы организма, раскрывают экстрасенсорные способности. Лазания по крутым горам с риском для жизни, переходы по бревнам через пропасти делают человека бесстрашным, развивают выносливость, учат человека пониманию природы, помогают ощутить свое единство с ней, показывают источник неисчерпаемой энергии, а главное ведут к измененным состояниям сознания, когда невозможное становится возможным. Все это имеет огромное значение и для ниндзя. Поэтому неудивительно, что многие из подобных «практик» вошли в их систему тренировки.

Правительство в первый период существования движения сюэндо (VII – VIII вв.) относилось к нему крайне неодобрительно. Связано это было с тем, что сюэндо никак не вписывалось в политику государственного буддизма.

В это время государство стремилось установить контроль за распространением буддизма в стране. Принятие монашеского сана разрешалось только лицам, знающим сутры. К экзаменам на знание «богословия» допускалось лишь несколько человек в год. Все монахи должны были служить государству: молить о его благосостоянии, поддерживать в массах правительственную политическую линию.

Деятельность же ямабуси объективно противостояла этой политике. Начать с того, что в основном ямабуси становились лица, не прошедшие официального посвящения в монахи. На доктринальные вопросы им, в подавляющем большинстве, было наплевать. В первую голову они ставили практику, направленную на личное овладение сверхъестественными возможностями, а проблемы государственной стабильности и авторитета властей их волновали очень мало. Действия ямабуси носили спонтанный, неангажированный характер. Некоторое представление о стиле поведения горных отшельников могут дать позднейшие легенды об Эн-но Гёдзя.

Легенда о том, как Эн-но Гёдзя не уплатил подать

Однажды Эн-но Гёдзя спустился с гор, чтобы проповедовать свое учение. Он пришел в какую-то деревню в провинции Ямато, и там его глазам предстала следующая картина. У входа в невзрачный крестьянский домишко собралась большая толпа, которая что-то оживленно обсуждала. Подойдя поближе, он увидел, как трое сборщиков податей жестоко избивают бамбуковыми палками одетого в лохмотья юношу, который пал на колени, склонился головой до самой земли и горько причитал. Он рассказывал, как долго болели его отец и мать, как он выбивался из сил, чтобы заработать им на пропитание, как все оказалось тщетным и они умерли, и как у него не было средств даже заплатить за их похороны. Несмотря на бедственное положение до этого года юноша исправно вносил земельную подать, и только в этом году со смертью родителей не смог это сделать. Поэтому из резиденции управляющего уездом в деревню явились сборщики налогов, которым было приказано во что бы то ни стало выбить нужное количество риса. Поняв в чем дело, Эн-но Гёдзя растолкал людей, подошел к начальнику сборщиков податей и сказал:

– Ну-ну, господин чиновник, подождите немного.

Тут стражник, избивавший юношу палкой, направился к отшельнику и гневным голосом закричал:

– Что?! Это ты мне? Этот человек – преступник. Он не уплатил подати сыну неба. Ты что, потакаешь преступникам?

– А что, все, кто не могут внести подать, – преступники? Кто это так решил?

– Ты что, дурак или ненормальный? Все законы в стране устанавливает император.

– А разве может император, который не является ни ками, ни буддой в одиночку решать такие вопросы?

– Да ты не только дурак, но еще и наглец! Вся земля в Японии принадлежит императору. Разве ты не знаешь этого?! И вы все землю у него только в долг берете, и потому должны уплачивать подати.

– Вот значит как! А если человек сможет жить не за счет земли, как тогда с земельным налогом?

– Ну тогда, конечно, можно податей не платить. Только ведь мы – люди, и все по земле ходим.

– Хорошо. Пусть тогда жители деревни будут живыми свидетелями того, что человек может жить без земли.

С этими словами Эн-но Гёдзя снял с плеча сумку, в которой лежало несколько драгоценных камней, достал один, взял обеими руками и легонько потер. Потом он закрыл глаза, прочитал про себя заклинание и, открыв глаза, с криком-киай взлетел в воздух. И что за чудо! Завис в воздухе!

– Ну что, чиновник, что скажешь?

Голос его прозвучал, подобно грому, а глаза стали испускать золотые лучи. Вся деревня стояла, открыв рот, а сборщики податей, напуганные до смерти, что было сил побежали от этого места. После этого Гёдзя спустился на землю, совершил погребальный обряд по родителям несчастного юноши, и вместе с ним ушел обратно в горы...

Конечно, это всего лишь сказка. Но для нас не важно, было ли все это на самом деле, или не было. Важнее то, что в ней, как и в сообщениях «Сёку Нихонги» и «Нихон рёики», отразился бунтарский дух сюгэндо.

Естественно, что власти прилагали немало усилий для борьбы с сюгэндо, официально объявив это движение вне закона. Если верить «Сёку Нихонги» и «Нихон рёики», гонения на ямабуси начались уже в конце VII в. В указах 718 и 729 гг. запрещалось строить скиты в горах, заниматься проповедью закона Будды в лесных и горных местностях. Гонения особенно усилились в период возвышения монаха Докё, который пользовался благоволением императрицы Кокэн. В 765 г. специально для него был создан пост «монаха-министра», в результате чего он фактически узурпировал власть в стране. По его приказу вооруженные отряды охотились на ямабуси, арестовывали их и разоряли горные скиты.

Считается, что эти преследования привели к «военизации» ямабуси, которые в целях самообороны стали овладевать боевыми искусствами. Появились даже особые группы монахов-воинов, отвечавшие за защиту лесных молелен. Некоторые историки полагают, что большое значение для совершенствования воинского искусства горных отшельников имел также тот факт, что после разгрома мятежа Фудзивары Накамаро, направленного против Докё, его сторонники, среди которых было немало первоклассных воинов, скрывались в скитах ямабуси и передали им немало секретов военного дела. В результате в общинах сюгэндзя сформировалось тайное воинское искусство, соединившее в себе методы партизанской войны и маскировки. Современные историки называют это искусство «ямабуси-хэйхо» – «стратегия ямабуси». И многие считают, что именно оно в дальнейшем и послужило основой нин-дзюцу.

Однако, при внимательном знакомстве с историей сюгэндо вскрываются многие слабые места этой теории. Так, преследования ямабуси продолжались очень недолгое, по историческим меркам, время. Практически сразу после смещения Докё с поста «монаха-министра» в 770 г. почти все ограничения деятельности ямабуси были сняты. Правительство потерпело решительное поражение в борьбе против сюгэндо. Причем к движению горных отшельников примкнули даже некоторые представители аристократии и высшего буддийского духовенства. Примирение сюгэндо и центральной власти нашло свое отражение и в приведенной выше цитате из «Нихон рёики». Помните, что Эн-но Гёдзя «смог приблизиться к императору»?

В источниках периода гонений на сюгэндо нет никаких упоминаний о столкновениях между правительственными войсками и группами ямабуси и тем более о содержании их военного искусства. Да и вообще, вместо того, чтобы тратить время на шлифовку приемов рукопашного боя, им было гораздо проще уйти подальше в горные дебри, где бы их никто достать не смог. Ведь тогдашняя Япония совсем не походила на нынешнюю... Дорог не было, горные области были почти не разведаны, правительство контролировало лишь центральный столичный округ Кинай, а о том, что творится в других регионах и ведать не ведало... Так существовало ли вообще ямабуси-хэйхо, о секретах которого столь смачно писали многие «историки нин-дзюцу»? Да, существовало. Только сложилось оно на несколько веков позже и под влиянием совершенно иных причин, нежели вышеуказанные гонения.

Глава 3

Самураи, монахи-воины, гадатели, разбойники...

Период Хэйан (794-1192) стал временем глобальных перемен, которые во многом предопределили развитие военного искусства в Японии. В это время в стране Восходящего солнца появляются военное сословие самураев и полчища монахов-воинов – главные игроки на сцене японской военной истории. К этому же периоду относятся первые упоминания о семьях

Кога и Хаттори, которые позже становятся основными носителями традиции нин-дзюцу. Тогда же формируется военное искусство ямабуси, оказавшее огромное влияние на всю японскую традицию военного дела. На основе гаданий по книге «И-цзин», традиционной астрономии, астрологии и магии складывается особое учение «Онмёдо» – «Путь инь и ян», оставившее заметный след в нин-дзюцу. Методы шпионажа активно используются и самураями, и монахами-воинами, и ямабуси, и разбойниками, коих немало было во второй половине периода Хэйан, ознаменовавшейся кризисом центральной власти.

Возникновение самурайского сословия. Самураи и разведка

Самурай, или буси, означает «воин». Судьба самурайства была теснейшим образом связана с феодальными войнами и целиком зависела от них. Войны были содержанием всей их жизни. Самураи существовали для войн и жили войнами. Именно они создали славу японскому оружию и воинскому искусству.

В то же время в литературе по нин-дзюцу самураи зачастую противопоставляются ниндзя. Такой подход опирается на идею сословной ограниченности военного искусства самураев. Так, по утверждениям ряда «историков», кодекс чести бусидо якобы не позволял им использовать шпионаж и военные хитрости, которые по этой причине стали уделом «париев-ниндзя». В результате «самурайское» военное искусство превратилось в гротескный ритуал, где все заранее известно, а отступление от шаблона недопустимо. Нин-дзюцу же, свободное от всяких условностей, стало его антиподом.

Однако на поверку оказывается, что подобные взгляды имеют в основе полное незнание японской истории и непонимание сути такого явления как самурайство. Попробуем же разобраться, кто такие самураи и каково было их отношение к шпионажу и разведке.

Возникновение военно-служилого сословия самураев относится ко второй половине IX в., когда прекратился централизованный призыв крестьян на военную службу, а административное управление провинциями стало осуществляться по усмотрению губернаторов, которым срочно пришлось заняться организацией собственной вооруженной силы, чтобы обеспечить порядок на подведомственных территориях.

В этот период среднеранговые аристократы, отправлявшиеся на окраины в качестве губернаторов и командиров войск (для борьбы с айнами на востоке и с корейскими пиратами на западе), после окончания срока службы перестали возвращаться в столицу и стали оседать в пограничных районах. Они строили там личные усадьбы, накапливали богатства, формировали боевые дружины и совершенствовали воинские способности в постоянных войнах с враждебными племенами айнов.

Что касается социального происхождения членов ранних воинских дружин, то единого мнения на этот счет нет. Одни ученые полагают, что это были выходцы из богатых крестьян, другие – средне- и низкоранговые аристократы, специализировавшиеся в военном деле, не занятые земледелием охотники, рыбаки, отринутые традиционным обществом в силу разных причин изгои и т.д. По сути, это были первые в Японии профессиональные воины. Их называли «цувамоно», что означает «оружие».

Цувамоно использовались не только для защиты от нападений внешних врагов, но и в столкновениях между провинциальными феодалами, которые в IX – X вв. не раз скрещивали мечи друг с другом за обладание земельными угодьями. Так в окраинных районах складывались кланы, специализировавшиеся в военном искусстве. И в условиях кризиса центральной власти, не располагавшей сколько-нибудь значительной военной силой, правительство стало нанимать их к себе на службу, откуда и берет свое начало термин «самурай», что буквально означает «служилый».

Самураи несли службу в охране императорского дворца в Киото, нанимались к влиятельным аристократическим семьям в качестве личной гвардии. Правительство назначало их полицейскими чиновниками в провинциях и военными командирами во время усмирения волнений. Особенно тесные связи со столицей установили представители домов Тайра и Минамото, участвовавшие в подавлении восстаний. Военные дома обеспечивали поступление и перевозку налогов центральному правительству, ибо анархия и бандитизм в провинциях делали

это небезопасным.

Профессиональные воины и военные дома в Японии того периода пользовались весьма дурной славой. Дело в том, что, по традиционным представлениям японцев, военное дело – дело грязное, низкое и даже преступное. А буддизм, как известно, вообще запрещает убийство всего живого. Господство этих представлений привело к пренебрежительному и даже презрительному отношению аристократов к военному искусству и к провинциалам, занимавшимся военным делом, к обособлению букэ – «военных домов» – в особое военное сословие.

Военные дружины X в. состояли из местных феодалов и их зависимых – профессиональных воинов. Здесь еще отсутствовали многослойные вассальные связи. Рядовые воины были зависимыми от феодалов людьми, привлекаемыми на войну в случае необходимости, большую часть из них составляли крестьяне, мобилизуемые только во время перерывов в сельскохозяйственных работах.

Иерархия внутри самурайских дружин в X-XI вв. носила личный характер и не была опосредована земельной собственностью. Поэтому крупные самурайские объединения легко распадались из-за взаимной вражды местных феодалов. У находившихся в провинциях губернаторов кроме личной дружины были вассалы, являвшиеся их чиновниками, охраной. Но после окончания срока службы губернатора они не следовали за ним на новое место назначения и служили новому губернатору. Естественно, что в самурайской среде не существовало наследственных или постоянных вассальных связей.

Таким образом, в IX – X вв. самураи были презираемы, никакие вассальные связи их не «опутывали», да и бусидо в то время еще не существовало. Поэтому неудивительно, что уже в самых ранних «воинских повестях» (гунки), которые являются основными источниками по военному искусству периодов Хэйан и Камакура, мы находим упоминания об использовании самураями шпионов. Причем искусство этих шпионов, по-видимому, было уже довольно развитым. Например, в древнейшей гунки «Сёмонки», рассказывающей о мятеже Тайры Масакадо, мы читаем, что шпионы были посланы во вражеский лагерь, после чего «более сорока врагов были убиты в тот день. А те, кто сумел выжить в той битве, бежали в разные стороны, хранимые Небом. Что же касается Кохарамару, шпиона Ёсиканэ, Небо вскоре наслало на него свою кару; его дурные деяния были раскрыты, он был схвачен и казнен в 23 день 1 месяца 8 года Сёхэй (938 г.)». Вероятно, этот Кохарамару был человеком незаурядным, о чем свидетельствует сам факт упоминания его имени в «Сёмонки», что сильно контрастирует с краткими сообщениями других источников о высылке разведчиков для наблюдения за врагом.

Самураи были настоящими профессионалами и не брезговали военными хитростями. Их предводители были прекрасно знакомы с учением о войне уже знакомого нам китайца Сунь У. Блестящим знатоком «Сунь-цзы» считался, например, знаменитый военачальник середины XI в. Минамото Хатиман Таро Ёсиизэ, который сумел раскрыть коварный замысел врага, засевшего в засаду в лесу, увидев, что стая диких гусей внезапно поднялась в воздух. Напомним, что в «Сунь-цзы» говорится: «Если птицы взлетают, значит, там спрятана засада.»

Таким образом, на первом этапе самураи вовсе не чурались «ниндзевских» уловок. Но когда исчезла внешняя угроза, и воевать самураи стали лишь друг с другом, сознание принадлежности к одному сословию привело их к временному отказу от использования военных хитростей и методов шпионажа против себе подобных. В чем же причина такой метаморфозы?

С одной стороны, воины все отчетливее осознавали свое отличие от старой родовой аристократии – отличие в обычаях, культуре, идеологии, способе существования. С другой, в X-XII вв. в структуре и характере местных самурайских дружин происходят радикальные изменения, связанные с формированием в их среде иерархической вассальной структуры, начинают складываться представления о взаимных обязанностях вассала и сюзерена. В результате возникает самурайство как сословие, с присущей ему особой сословной моралью, которая становится главным регулятором поведения профессионального воина.

Начиная с этого времени, самураи стремились прославить свое имя доблестными подвигами. В этом присутствовало и гипертрофированное честолюбие, и желание похвастать отвагой и мужеством, но главное – надежда на материальное вознаграждение со стороны

господина. Поэтому подвиг нужно было совершить непременно на глазах у товарищей, которые могли бы засвидетельствовать исполнение долга и героизм воина. Отсюда знаменитые объявления имени и родословной врагу. Отсюда же презрение к убийству исподтишка, к борьбе на «невидимом (шпионском) фронте». Отсюда же и ритуализованность сражения, когда групповая битва превращается в грандиозный турнир, ибо только так рыцарь-одиночка может сделать свой подвиг достоянием всего света. Такие ритуальные битвы были характерны для XII в. за исключением его последней четверти, когда на смену благородным турнирам пришла страшная беспощадная бойня не на жизнь а на смерть, бойня, в которой были хороши все средства...

Сохэи – монахи-воины

Авторы некоторых работ по истории нин-дзюцу приписывают сотворение этого искусства монахам-воинам. Некоторый резон в этом есть, хотя бы потому, что одну из самых знаменитых школ нин-дзюцу – Нэгоро-рю – действительно создали сохэи из монастыря Нэгоро-дзи (о Нэгоро-рю см. главу 7). Что же представляли собой монахи-воины и как они появились?

Феномен сохэев уходит своими корнями еще в X в. Возникновение особой группы монахов-воинов было связано с превращением буддийских монастырей в крупных земельных собственников. Известно, что японские государи видели в буддизме религию, способную защитить страну от всяких напастей. Однажды, когда на Японию обрушилась эпидемия оспы, монахи вознесли молитвы Будде, и вскоре страшный мор прекратился. После этого щедрые дары дождем посыпались на монастыри. Императоры жаловали храмам значительные земельные угодья, освобождали их от налогов. И вскоре богатство и мощь монастырей возросли до невероятных размеров. Например, крупнейший монастырь Тодай-дзи в 747 г. имел 1000 домов, разбросанных по всем центральным провинциям страны. А в 758 г. император Сёму пожаловал ему еще 5000 домов в 38 провинциях.

В то время как двор мало внимания уделял простому люду, монахи всегда проявляли по отношению к нему большую заботу – во-первых, этому их учил Будда, а во-вторых, буддийские монахи в то время были едва ли не самыми образованными людьми в Японии. Они учили народ строить мосты, возводить дамбы, рыть колодцы.

Поскольку земли храмов были освобождены от налогов, многие крестьяне стали формально дарить им свои земли и таким образом за небольшую мзду освобождать их от налогов. И монахи быстро сообразили, что подобные земельные спекуляции могут сильно повысить их благосостояние.

Государство как могло боролось с храмами. Так в 746 г. был издан указ запрещавший монастырям покупать землю, однако запрет не распространялся на разработку пустошей, и монахи вновь нашли лазейку для обогащения.

К концу VIII в. столичные нарсские монастыри начали оказывать столь мощное экономическое и политическое давление на императорский двор, что в 784 г. было принято решение перенести столицу из Нары в Нагаоку, но так как это место оказалось не вполне пригодным, двор в 794 г. переехал в Хэйан (Киото), где и оставался на протяжении многих веков.

Еще в 788 г. в 10 километрах к северо-востоку от Хэйана на знаменитой горе Хиэй-дзан основатель буддийской школы Тэндай монах Сайтё заложил монастырь Энряку-дзи. Поскольку северо-восточное направление в китайской астрологии считалось «Воротами демона», откуда приходит все зло, нахождение в этой стороне буддийского храма было сочтено хорошим знаком при выборе места для будущей столицы. Милости полились рекой на Энряку-дзи, «закрывшего собой» столицу. И вскоре своим богатством он стал соперничать со старыми монастырями Нары.

С течением времени всю гору Хиэй покрыли замечательные храмы и хозяйственные постройки тэндайских монахов. А один из настоятелей Энряку-дзи даже основал дочерний монастырь Миидэра у подножия горы на берегу прекрасного озера Бива.

С момента переноса столицы в Хэйан между Энряку-дзи и старыми нарсскими монастырями разгорелась жестокая вражда. Для того, чтобы утихомирить религиозные споры, в

963 г. в императорском дворце состоялась «конференция» 20 ведущих представителей разных школ буддизма, которые должны были разрешить спорные вопросы. Но поскольку в основе вражды между монастырями лежали не религиозные, а экономические причины, это собрание иерархов лишь подлило масла в огонь.

Впрочем и в самих двух основных центрах буддизма порядка тоже не было. Так в 968 г. нарский монастырь Тодай-дзи начал настоящую войну за земельные участки, собственность которых была неясна, против своего соседа – Кофуку-дзи. А на горе Хиэй приход к верховенству непопулярного настоятеля и религиозные споры привели к образованию двух враждующих группировок. В результате последовавших «разборок» был убит один из кандидатов в настоятели.

В период политического хаоса X – XII вв., когда власть в стране захватили временщики из семьи Фудзивара, богатство буддийских храмов стало привлекать внимание многих предводителей самураев, желавших поднажиться за счет служителей церкви. Да и государственные чиновники не раз покушались на суверенитет относительно беззащитных монастырских владений. Поэтому вскоре монахи с горы Хиэй создали собственную армию, которая была должна защитить их владения и привилегии от всяких покусительств со стороны.

Поскольку армия хиэйского монастыря Энряку-дзи вскоре от обороны перешла к наступлению и совершила нападение на синтоистский храм Гион в Хэйане, подчинявшийся нарскому Кофуку-дзи, другие монастыри, и Кофуку-дзи в первую очередь, тоже стали создавать военизированные объединения. Всего через несколько лет все крупные монастыри Нары и Хэйана уже располагали тысячами бойцов, разорительные нашествия которых в течение 200 последующих лет терроризировали суеверных придворных и простых горожан столицы.

Воины-монахи действительно были грозной силой. В воинском искусстве они мало в чем уступали самураям, а иногда даже превосходили последних. Для увеличения своих армий, монастыри стали посвящать в монахи всех желающих, из числа прошедших военную подготовку. Зачастую такие «послушники» были беглыми крестьянами или мелкими преступниками. Они-то в основном и вели военные действия. Впрочем и ученые монахи высшего уровня, которые в те времена составляли цвет японской нации, в случае необходимости с готовностью вступали в сражение.

Многочисленные гравюры донесли до нас облик сохэев, облаченных в тяжелые длинные рясы, с длинными башлыками, скрывающими лицо (по некоторым данным, так сохэи пытались скрыть свой монашеский статус). Рясы сохэев при помощи гвоздичного масла окрашивались в светло-коричневый цвет или же оставались белыми. На ногах они носили деревянные сандалии на подставках-гэта. Во время сражений сохэи надевали под рясы боевые доспехи. Как правило, это был облегченный доспех пехотинца харамаки, но некоторые монахи носили и тяжелый доспех ёрои. В бою многие из них снимали башлык и надевали повязку хатимаки, которая защищала от попадания пота в глаза. Основным оружием сохэев были алебарды-нагинаты, как правило выполненные в стиле сёбу-дзукури с клинком до 120 см длиной, режущие удары которого оставляли страшные раны на теле противника.

В обращении с нагинатой сохэи были настоящими виртуозами. Об этом свидетельствует, например, следующий эпизод из «Хэйкэ-моноготари»: «Но вот вперед выбежал Готиан Тадзима, потрясая алебардой на длинном древке, с изогнутым, словно серп, лезвием. „Стреляйте все разом, дружно!“ – закричали воины Тайра, увидев, что Тадзима, совсем один, вскочил на перекладину моста. Несколько самых метких стрелков сгрудились плечом к плечу, вложили стрелы в луки и разом спустили тетиву, стреляли снова и снова. Но Тадзима не дрогнул. Когда стрелы летели высоко, он нагибался, когда низко – подпрыгивал кверху, а стрелы, летевшие, казалось, прямо в грудь, отражал алебардой. С того дня прозвали его Отражающим стрелы».

Любопытно также, что первое в японской литературе описание приемов кэн-дзюцу также связано с сохэями. Содержится оно все в той же повести «Хэйкэ-моноготари»: «Никто другой не осмелился бы вступить ногой на узкую перекладину, но Дзёмё бежал так смело, будто то была не тонкая балка, а широкий проезд Первой или Второй дороги в столице! Он скосил алебардой пятерых и хотел уже поразить шестого, но тут рукоять алебарды расщепилась

надвое. Тогда он отбросил прочь алебарду и обнажил меч. Окруженный врагами, он разил без промаха, то рубил мечом вкруговую, то крест-накрест, то приемом „Паучьи лапы“, то „Стрекозиным полетом“, то „Мельничным колесом“, и, наконец, как будто рисуя в воздухе замысловатые петли „Ава“. В одно мгновение уложил он восьмерых человек, но, стремясь поразить девятого, нанес слишком сильный удар по шлему врага; меч надломился, выскочил из рукояти и упал в реку. Единственным оружием остался теперь у него короткий кинжал. Дзёмё бился яростно, как безумный».

Однако главным оружием монахов был, пожалуй, страх перед гневом богов. Все монахи носили с собой четки, с помощью которых они в любое время были готовы испросить проклятие на голову обидчика. Причем придворные, жизнь которых строго регламентировалась религиозными предписаниями, считавшие гору Хиэй священным покровителем столицы, были особенно чувствительны к такому обращению. И несмотря на то, что «священная» гора уже давно превратилась в разбойничий притон, в котором каждые четыре из пяти монахов получили свой сан несправедливым путем, они продолжали благоговеть перед «монастырем-покровителем».

Очень часто в бою перед строем человек двадцать монахов несли огромное переносное синтоистское святилище микоси, в котором якобы обитало могущественное божество-ками горы Хиэй. Непочтительное поведение по отношению к микоси и несущим его монахам считалось оскорблением самого ками, и уж тут-то жди беды: страшной засухи, наводнения или эпидемии оспы – бог ничего не простит и не забудет. Можно легко представить, какой ужас на горожан и чиновников наводили полчища монахов с микоси в голове армии, читающие нараспев буддийские сутры и ниспосылающие проклятия хором. Иногда монахи оставляли микоси прямо на улицах города, а сами удалялись на гору, и в столице царила паника, поскольку никто не знал, что же делать с этой обителью богов. Обычно это продолжался до тех пор, пока правительство не удовлетворяло все требования монахов.

Однако самую дикую ярость монахи приберегали на случай межхрамовых столкновений, которые следовали одно за другим. Это не были религиозные войны, поскольку в их основе лежали не конфессиональные, а экономические противоречия. Борьба шла за землю и престиж, причем в качестве последнего аргумента сохэи не раз выдвигали сожжение монастыря-соперника. В 989 и 1006 гг. Энряку-дзи вел боевые действия против Кофуку-дзи, а в 1036 г. воевал против Мии-дэры. В 1081 г. Энряку-дзи в союзе с Мии-дэрой вновь атаковал Кофуку-дзи, но последний дал отпор хиэйским монахам и сжег Мии-дэру дотла. Несколько позже, в том же году Мии-дэра вновь была сожжена, но уже монастырем Энряку-дзи, который не пожелал считаться с некоторыми притязаниями недавнего союзника. В 1113 г. воинственные хиэйские сохэи разорили Киёмидзу-дэру во время скандала по поводу избрания нового настоятеля этого храма. В 1140 г. Энряку-дзи вновь напал на Мии-дэру, а в 1142 г. Мии-дэра атаковала Энряку-дзи. Список столкновений между монастырями бесконечен и перечислить их все невозможно.

Несмотря на все буйство монахов, императорский двор продолжал осыпать их щедрыми дарами золотом и землями. Возможно, придворные просто боялись «святых» мужей и надеялись таким образом купить их благосклонность. Но, по-видимому, насытить акусю – «плохих монахов» – уже ничто не могло. Они становились все более алчными и ненасытными. Пожалуй, лучше всего о сохэях сказал экс-император Сиракава, который во время одного из их выступлений выглянул в окно и печально прошептал: «Хотя я и правитель Японии, есть три вещи, которые не подвластны мне: стремнины реки Камо, выпадение игральные костей и монахи с гор!»

В XI – XII вв. монахи одного только Энряку-дзи не менее 70 раз подступали с военной силой к императору с требованием удовлетворить их пожелания. Не будет преувеличением сказать, что такая активность монахов во многом определила ход японской истории в тот период, поскольку именно благодаря их бесцеремонности в обращении с самим императором стало очевидно бессилие власти, позволившее чуть позже самурайскому сословию установить свое господство в стране.

Хотя пик военной активности буддийских монахов приходится на период XI – XII вв., в последующие 4 века они вносили немалую лепту в хаос, царивший в Японии. И лишь во второй половине XVI в. объединители Японии Ола Нобунага и Тоётоми Хидэёси нанесли смертельный

удар по военной мощи буддийских монастырей.

Укрепление позиций сюэндо

Нечто похожее на ситуацию с буддийскими монастырями происходило и с сюэндо. В период Хэйан после прекращения гонений сюэндо сильно укрепило свои позиции. В это время оно из стихийного движения отшельников-одиночек с весьма хаотичными представлениями о религиозных доктринах и методах практики переросло в довольно единое мощное течение с характерными ритуалами и формами аскезы, с монастырями и угождями, с мощными группировками ямабуси.

В это время священные горы сюэндо привлекают тысячи паломников со всех концов Японии. Наибольшей популярностью у богомольцев пользовались горы Кумано и Кимбу-сэн – важнейшие центры сюэндо.

Паломническое движение коснулось не только монахов, простолюдинов и низовую знать, но и аристократов высших рангов и даже императоров. Так, по сообщению «Гэмпэй сэйсуй-ки»²³, паломничества в Кумано совершали императоры Хэйдзи, Кадзан, Хорикава, Сиракава ездил туда 5 раз, Тоба – 8, Го Сиракава – 49!

Императоры и аристократы подносили тамошним сюэндзя весьма щедрые дары, включая земли, освобожденные от налогов. Это вело к обогащению центров сюэндо, возникновению замечательных храмов и монастырей, имевших большие земельные уголья с прикрепленными к ним крепостными крестьянами. По сути, в период Хэйан храмы сюэндо, подобно буддийским монастырям, превратились в крупных феодалов, завели собственные боевые дружины и стали весьма активно участвовать в междоусобицах. Очень точно об этом написал американский исследователь Эрхарт: «Когда сюэндо стало более организованным, оно стало представлять соединение религиозной и мирской власти. Яростная вражда между разными группами сюэндо, которая обычно была завуалирована „религиозными“ спорами по поводу использования определенных ритуалов или одеяний, чаще была борьбой за политический и финансовый контроль определенного района».

За относительно короткий срок центры сюэндо, прежде всего Кумано и Кимбу-сэн, накопили огромную военную и политическую силу.

Очень большое влияние в конце XII в. имел настоятель главного храма Кумано. Согласно «Хэйкэ моногатари», в период войн между Тайра и Минамото Тандзо, настоятель Кумано, поддерживал то ту, то другую сторону, но в канун решающей битвы встал на сторону Минамото и, «собрав 2000 челядинцев, отплыл в Данноуру в ладьях, коих было у него больше двух сотен. На своей ладье поместил он изваяние бодхисаттвы Каннон, на знамени начертал имя бога Конго-додзи. Завидев корабли Тандзо, и Тайра, и Минамото пали ниц и поклонились священному изваянию, но когда стало ясно, что Тандзо плывет в стан Минамото, Тайра приуныли и пали духом».

В «Гикэйки»²⁴ мы также читаем о военной мощи Кумано: «Если Новый Храм и Главный Храм (2 основных храма Кумано) объединятся для отпора, то и через десяток лет не ступить врагу на землю Кумано!»

Не меньшую силу имело и объединение ямабуси горы Кимбу-сэн, что в Ёсино, с центром в храме Конго-дзао-до. Источники донесли до нас сведения о ряде войн между Кимбу-сэн и монастырем Кофуку-дзи. Первая война развернулась в 1093 г., вторая – в 1145. В «Кофуку-дзи руки»²⁵ содержится любопытная характеристика горы Кимбу-сэн, данная знаменитым воином Минамото-но Тамэёси: «Крепость Кимбу-сэн нельзя атаковать поспешно. По моему мнению,

²³ «Повесть о рассвете и падении Минамото и Тайра».

²⁴ «Сказание о Ёсицуне».

²⁵ «Записи о скитаниях Кофуку-дзи».

нужно подавить ее с осторожностью.» А вот описание тамошних сохэев в «Гикэйки»: «В тот день вел монахов не настоятель, а некий монах по имени Кавацура Хогэн. Был он беспутен и дерзок, но он-то и возглавил нападающих. Облачен и вооружен был он с роскошью, не подобающей священнослужителю. Поверх платья из желто-зеленого шелка были на нем доспехи с пурпурными шнурами, на голове красовался шлем с трехрядным нащечником, у пояса висел меч самоновейшей работы, за спиной колчан на 24 боевых стрелы с мощным оперением из орлиного пера „исиути“, и оперения эти высоко выдавались над его головой, а в руке он сжимал превосходный лук двойной прочности „футатокородо“. Впереди и позади него выступали пятеро или шестеро монахов, не уступавших ему в свирепости, а самым первым шел монах лет сорока, весьма крепкий на вид, в черном кожаном панцире поверх черно-синих одежд и при мече в черных лакированных ножнах. Неся перед собой щиты в 4 доски дерева сии, они надвигались боком вперед...»

Ямабуси-хэйхо

Феодалные распри способствовали развитию в среде ямабуси особого военного искусства, получившего название «ямабуси-хэйхо» – «стратегия ямабуси». До наших дней оно не дошло. И судить о том, что оно собой представляло, можно лишь по отдельным элементам, вошедшим в позднейшие школы боевого искусства, да по довольно редким описаниям боев с участием ямабуси. Поэтому о конкретном содержании ямабуси-хэйхо можно только догадываться.

По-видимому, ямабуси-хэйхо сочетало в себе приемы рукопашного боя с разными видами оружия и без оно и методы партизанской и диверсионной войны. Считается, что первым оружием ямабуси был дорожный посох сяку-дзё длиной ок. 180 и более короткая палка конго-дзюэ длиной ок. 120 см, которые неизменно сопровождали отшельников в их горных странствиях. Окусэ Хэйситиро полагает, что техника боя этими видами оружия была позаимствована из Китая через посредство буддийских монахов, ездивших учиться в Среднее Царство.

Вероятно, использовали ямабуси в качестве оружия и другие предметы из своего снаряжения: большой топор (сиба-ути – «срубающий траву»), соломенную шляпу (аяйгаса), веревку (хасири-нава), кипарисовый веер (хиоги). Раз уж речь зашла о снаряжении ямабуси, нужно отметить еще и морские раковины (хора), при помощи которых разные группы отшельников оповещали друг друга о своем местонахождении и передавали различную информацию.

Несколько позже одним из важнейших элементов снаряжения ямабуси стал стандартный меч-катана. Именно ношение меча ямабуси привело к тому, что Д. Кэмпфер, один из первых европейцев, посетивших Японию в XVI в., неправильно перевел слово «ямабуси» как «горные воины». В этом плане показательны также следующие слова португальского миссионера Луиша Фройша: «Ямабуси посвящают себя непосредственно культу сатаны, но по одеянию они – солдаты». По-видимому, ямабуси довели искусство фехтования мечом до высочайшего уровня. По крайней мере, с полсотни школ кэн-дзюцу выводили свои истоки от школы ямабуси-хэйхо Кёхати-рю, о которой речь пойдет чуть дальше.

Окусэ Хэйситиро полагает, что ямабуси чрезвычайно повысили эффективность китайских методов боя, но не столько за счет усовершенствования чисто технических элементов, сколько за счет своей невероятной психологической подготовки. Он считает, что последователи сюгэндо добавили к боевым приемам мощь энергетики киай и методы гипноза. Немалое значение имели и прекрасные знания сюгэндзя в области медицины, позволявшие им овладеть самым сокровенным искусством поражения уязвимых точек.

В этой связи нужно отметить, что сами ямабуси считали своим высшим оружием смертоносные проклятия. Вот что рассказывает о них современный практик сюгэндо Икэгути Экан: "Сюгэндо включает в себя множество проклятий (заклинаний). Проклятие – это убийство кого-либо с помощью заклинаний... Те, на кого проклятия направлены, умирают или лишаются духовных сил и становятся людьми-растениями.

Имеются 2 неблагоприятных момента при воздействии на человека заклинаниями. Когда

ты произносишь в адрес кого-нибудь заклинания, то они обязательно вернутся к тебе самому и, если даже не отразятся непосредственно на тебе, непременно окажут влияние на твоих потомков. Так что, когда проклинаешь какого-нибудь человека, молишь Будду, чтобы воздаяние за это получил только ты один и оно не коснулось твоих потомков. Таким образом ты сам лишаешь себя жизни за собственные деяния.

Я слышал рассказы, что мои предки, убивавшие людей проклятиями, когда наступал соответствующий момент, совершали моления Будде, читали вслух сутры, звонили в колокольчики и занимались медитацией, чтобы возмездие за проклятие не достигло их потомков. При этом медитировали, зарыв тело в землю и став похожими на мумии. Для того чтобы производить заклинания, нужно быть готовым ко всему этому...

При совершении заклинаний проводят сожжение дощечек, но оно радикально отличается от метода проведения ритуала гома...

И гёдзя, и место, где происходит это действие, должны быть грязными, как будто вымазанными. Используются треугольные печи, символизирующие несчастья.

В старые времена во время произнесения заклинаний гёдзя покрывал все тело черной краской. Он окрашивал в черный цвет одежду, белье и тело. Но этим дело не ограничивалось. Гёдзя покрывал черной краской зубы, ногти, вообще все белое на себе и становился похожим на злого демона. Это касалось не только внешности, но и сердца, которое становилось таким же, как у злого демона. Гёдзя весь укутывался в зло и ненависть. Из глины изготовлялась кукла, и гёдзя, обращаясь к кукле, называл имя человека, на которого направлялось заклинание, и произносил заклинание. Повторяя «Не убить ли мне тебя?», гёдзя зацеплял крюком куклу, вкладывая в это действие всю ненависть и злобу. Затем помещал куклу в печь и зажигал огонь. Вслух и мысленно произносил заклинание, он мечом разрубал лежащую в огне куклу.

Для сжигания куклы используют не молочное дерево, как во время ритуала гома, а ядовитые породы – пикрасиму, деревья с колючками, издающие при сгорании неприятный запах и, кроме того, горящие с треском. Для жертвоприношения, совершаемого во время этого ритуала, выбирают гниющее мясо, и все действие проводят в насколько возможно грязной обстановке.

На этот ритуал не разрешается смотреть посторонним людям, поэтому гёдзя уходит глубоко в горы, где его не могут увидеть другие люди, и в течение недели или десяти дней, скрываясь от всех, осуществляет проклятие.

В давние времена такие действия часто проводились в среде гёдзя Кагосимы, что приводило к непрерывным убийствам коллег-подвижников...

В технике произнесения заклинаний исключительно важную роль играют 3 условия – время, место, приемы.

Во время произнесения заклинаний мысленно посылают волны ненависти в самое уязвимое место человека, которому заклинания адресуются. Выясняются дни полнолуния и старения луны, приливов и отливов, год, месяц и день рождения этого человека, на основе чего определяются благоприятные и неблагоприятные для него даты. В полнолуния и во время приливов жизненная энергия человека наиболее высокая, и наоборот, в новолуния и во время отливов энергия снижается. Люди, родившиеся во время прилива, умирают поэтому во время отлива. Однако сила и слабость человека зависят от года его рождения. О том, когда жизненная энергия человека наиболее слабая, определяется с разных точек зрения с помощью учения об «инь» и «ян», узнавания судьбы по 4 опорам (год, месяц, день и время рождения человека) и астрологии...

Во время проклинания гёдзя направляет на этого человека мысленную энергию с проклятием, повторяя: «Ну что? Ну что?»

Эффект проклятия выявляется в течение определенного времени – от 10 дней до 3 недель. Лицо, подвергнувшееся заклинанию, умирает, сходит с ума или становится слабоумным. Врачи в этом случае помочь не могут...

Чтобы заколдовать человека, необходимо сконцентрировать всю свою энергию, вполсилы сделать это невозможно."

Поскольку в Японии монастыри были важнейшими центрами культуры, где хранились тысячи книг, вывезенных из Китая, ямабуси имели возможность познакомиться и с китайскими

наставлениями по военной стратегии, в том числе и с трактатом «Сунь-цзы». Однако, как полагают историки, они быстро осознали неприменимость в полной мере конкретных указаний китайских стратегов о ведении войны. Дело в том, что все советы китайцев были рассчитаны на крупномасштабную войну, с большим театром действий, на столкновение огромных армий в чистом поле и т.д. Поэтому ямабуси были вынуждены, осмыслив учения стратегов Срединного царства, выработать собственную, чисто японскую военную стратегию. В ней главный упор делался на малую войну, действия небольших, но хорошо подготовленных отрядов, различные диверсии и уловки.

Большое внимание ямабуси уделяли маневру. Этому способствовало их прекрасное знание потаенных горных троп, особенностей рельефа, умение ориентироваться в горах и лесах, действовать в сложных метеоусловиях, находить пропитание буквально из-под земли, прекрасное знание географии Японии, что было связано с постоянными паломничествами по разным святым горам. Кстати, именно эти навыки ямабуси привели к тому, что многие военачальники столетием позже стали использовать их в качестве своих лазутчиков во вражеских землях. К тому же ямабуси имели право прохода через многочисленные границы без досмотра и документов – им было достаточно продемонстрировать какие-либо профессиональные навыки. Этим стали пользоваться и обычные шпионы, мало-мальски знакомые с ритуалами и молитвами горных отшельников.

Считается, что в конце периода Хэйан в лоне ямабуси-хэйхо сложилось несколько школ боевого искусства. Так, по легендам, гёдзя из Кумано Хакуун Доси – Даос Белое облако – якобы создал в период Ёва (1181.7-1182.5) одну из древнейших школ нин-дзюцу Хакуун-рю. Считается, что Хакуун-рю получила распространение среди ямабуси и буддийских монахов с трех гор Кумано, а позже от нее отпочковался целый ряд более мелких традиций, известных, однако, только по названиям: Готон дзюхо-рю – Школа пяти [способов] бегства и десяти методов, Гэндзицу-рю – Реалистическая школа, Гэн-рю – Школа Темноты, Кисю-рю – Школа [провинции] Кисю – и Рюмон-рю – Школа Врат дракона.

Приблизительно в то же время, опять таки по легенде, 8 сохэев-ямабуси с горы Курама создали собственную традицию бу-дзюцу, получившую позже название Кёхати-рю – Восемь столичных школ – или Курама хати-рю – Восемь школ [горы] Курама. Опирались эти школы на учение китайских классических книг по стратегии: «Ляутао» и «Сань люэ». Интересно, что это были именно те книги, которые привез в Японию из Китая и передал на хранение в монастырь Курама-дэра уже упоминавшийся Киби-но Макиби. По легенде, тамошние ямабуси также хранили «Тигринный свиток» – «Тора-но маки», основное содержание которого составляют различные заклинания, якобы, позволяющие становиться невидимым.

В целом, можно утверждать, что ямабуси-хэйхо оказало значительное влияние на все воинские искусства Японии. Свидетельством тому огромное число легенд, повествующих о передаче горными отшельниками своих сокровенных секретов воинского мастерства тому или иному воину, в результате чего рождается новая школа бу-дзюцу. Вот, например, что рассказывается в главе «О создании японской [техники] захватов» книги «Бугэй хашири-мавари»²⁶ о возникновении знаменитой школы дзю-дзюцу Такэноути-рю: "Однажды [Хисамори] с целью предаться голодной аскезе удалился в горную глушь, называвшуюся Санномия..., и воздерживался от пищи, приготовленной на огне, в течение 37 дней. Однако, для того, чтобы время от времени посылать известия в замок, где он жил, он назначил своим гонцом слепого массажиста, который приходил к нему раз в день, но о его [изможденном] состоянии [по причине слепоты] знать не мог.

Итак, на 37 день [аскезы] по небу пролетело множество коршунов. После этого перед глазами [Хисамори] по воздуху во все стороны стали носиться предметы из снаряжения ямабуси – дорожные посохи, соломенные шляпы. Он очень удивился [этому], закрыл глаза и стал мысленно молиться.

В это время – в 24 день 6 месяца 1 года Тэмбун (1532), под конец 37 дня [аскезы в это место] из ниоткуда неожиданно явился один ямабуси и обратился к Хисамори. При этом

²⁶ «О боевых искусствах».

Хисамори по-прежнему держал глаза закрытыми и на этого человека не смотрел. Было это место не такое, где люди ходят, и он принял его за слепого массажиста, который [обычно приходил] днем, и спросил, не случилось ли чего в деревне. Тогда ямабуси отвечал: «Ты всегда любил воинскую доблесть и, будучи слабосильным, стремился [научиться] одолевая сильных, ты обратился [за помощью] ко мне, и я явился, чтобы исполнить твоё желание».

Хисамори чрезвычайно обрадовался, и после того как он поведал о своих желаниях, этот ямабуси срезал цветущую ветку длиной в 1 сяку²⁷ и 2 сун²⁸ (ок. 37 см) [и еще] срезал лозу длиной 7 сяку и 5 сун (ок. 230 см) и передал [Хисамори] 5 [приемов] торидэ (букв. «хватаящие руки») для быстрого связывания [врага] и 35 [приемов] коси-но мавари (разновидность борьбы без оружия)... Хисамори очень удивился, выразил этому ямабуси своё почтение, воспринял [приемы] во всех деталях и всеми до единого овладел".

Характерно также, что многие наставления по боевым искусствам иллюстрировались рисунками мифических созданий тэнгу, о которых стоит сказать особо. Дело в том, что в народе тэнгу считались прародителями и ямабуси, и ниндзя. Что же представляли собой эти тэнгу?

Слово «тэнгу» буквально означает «небесная лисица». Согласно японским легендам, тэнгу живут на горах, имеют тело человека, длинный красный нос или клюв, птичьи крылья. Они владеют магией, могут летать по небу, становиться невидимыми. Тэнгу приписывали владение воинскими искусствами и ношение меча.

Народное сознание прочно связывало тэнгу с ямабуси. Существуют описания тэнгу, в которых они носят одеяния ямабуси, сопровождают их в паломничествах. К тому же в некоторых источниках, слова «тэнгу» и «ямабуси» используются почти как синонимы. Поэтому наличие рисунков тэнгу в сотнях наставлений по кэн-дзюцу, дзю-дзюцу и другим бу-дзюцу можно рассматривать как свидетельство влияния ямабуси-хэйхо на воинские искусства Японии и на нин-дзюцу в том числе.

Гадатель Абэ-но Сэймэй и нин-дзюцу

В начале периода Хэйан на основе традиционной астрологии, магии и гаданий по книге «И-цзин» в Японии сложилось специфическое религиозное учение, называемое «онмёдо» – «Путь инь (яп. ин, он) и ян (яп. ё, мё)». Онмёдо имеет тесные связи с эзотерическим буддизмом и сюэндо. Оно оказало заметное влияние на нин-дзюцу. Недаром 2 основных раздела нин-дзюцу называются «ёнин» и «иннин» – «иньское нин-дзюцу» и «янское нин-дзюцу». Немалое место различные гадания из арсенала онмёдо занимают и в так называемом искусстве «сакки-дзюцу» – «искусство наблюдения ки», суть которого в интуитивном ощущении опасности и умении отличать благоприятные дни от неблагоприятных. Кроме того, именно из онмёдо в нин-дзюцу пришли методы прогнозирования погоды и прочие знания, связанные с астрономией. Поэтому неудивительно, что уже в старину появилась легенда, утверждающая, что создателем нин-дзюцу был основатель онмёдо Абэ-но Сэймэй.

Абэ-но Сэймэй – фигура почти мифическая. По легенде, его матерью была старая лиса по прозвищу Кэцураноха из рощи Синода. Современные ученые полагают, что Абэ-но Сэймэй происходил из рода, который поклонялся священной лисице. Он изучал гадания по книге «И-цзин», астрологию и магию у Камо Тадаюки и постиг все премудрости этих наук, а несколько позже соединил все эти элементы в единое учение.

Абэ-но Сэймэй обладал невероятным даром безошибочного прорицания, а его молитвы по эффективности не уступали молитвам высших иерархов эзотерического буддизма. Поначалу он действовал в среде провинциальной знати, но вскоре его слава достигла императорского дворца, и его пригласили ко двору, где он был удостоен почетных званий «тэммон хакуси» – «профессор астрономии» и «онмё-но касира» – «глава инь и ян». Благодаря своим выдающимся

²⁷ 1 сяку = 30,3 см.

²⁸ 1 сун = 3,03 см.

способностям Абэ-но Сэймэй быстро смог поставить под контроль все аристократическое общество столицы.

До наших дней дошло немало легенд об Абэ-но Сэймэе. Согласно одной из них, он прятал в своем рукаве чертика по прозвищу Сандзяку-но они – Чертик размером в 3 сяку. Рассказывают, что когда Абэ-но Сэймэй приступал к гаданию, он всегда выпускал этого чертика и именно от него получал всю необходимую информацию. Таким образом Абэ-но Сэймэй второй, после Эн-но Гёдзя, человек в истории Японии, заставлявший служить себе чертей.

Окусэ Хэйситиро выдвинул совершенно кощунственную версию о том, что Сандзяку-но они попросту был карликом-шпионом, который заранее выведывал все для «пророка». Окусэ исходил из специфики представлений японцев о чертях. Если для китайцев черт – это, прежде всего, дух умершего человека, призрак, привидение, то для японцев – это некое фантастическое загадочное существо с рогами, способное творить чудеса. Окончательно представления о чертях в Японии оформились лишь в XIII-XIV вв., до этого у чертей не было определенных атрибутов, вроде рогов. Поэтому чертом, по мнению Окусэ Хэйситиро, в период Хэйан могли объявить и человека, обладавшего какими-то невероятными способностями. В этой связи нужно отметить, что многим легендарным ниндзя японцы приписывали способность повелевать потусторонними силами – чертями, чудесными лисами и собаками.

По мнению Окусэ, вся операция по «прорицанию» выглядела следующим образом. Абэ-но Сэймэя приглашали в какой-нибудь аристократический дом, хозяин которого страдал от тяжелой и непонятной болезни. Сэймэй приходил, садился на колени и закрывал глаза, медитировал некоторое время, затем гадал по книге «И-цзин» и спрашивал: «Есть ли в этой усадьбе в юго-восточном углу старый колодец?» Когда слуги давали утвердительный ответ, он выдавал замечательный «рецепт»: «Да. Все правильно. Внутри этого колодца под крышкой томится Золотой дух, болезнь хозяина дома – результат его дурного влияния. Если выпустить духа и в течение 37 дней совершать очистительные обряды, болезнетворный дух, несомненно отступит».

Слуги стремглав мчались к колодцу, спускались в него и в грязи на дне находили бронзовое зеркало – божественное тело Золотого духа, отмывали его, приносили ему жертву, надеясь помочь хозяину. Очень часто болезнь действительно отступала – такова была сила психологического воздействия ритуала изгнания злого духа. В целом, все это очень похоже на проделки многих современных «целителей» и «экстрасенсов».

Окусэ Хэйситиро считает, что Абэ-но Сэймэй мог использовать целую группу подручных для осуществления подобных трюков. Например, они могли положить в нужное место зеркало или амулет или еще что-нибудь в этом роде или просто разузнать ситуацию в усадьбе, расположение предметов, строений. Чтобы сделать все это незаметно, требовалась незаурядная ловкость и находчивость. Поэтому, хоть и с большой натяжкой, этих людей можно назвать предшественниками ниндзя.

Одно несомненно – методы онмёдо и его философия наложили неизгладимый отпечаток на японское искусство шпионажа.

Мятежный Фудзивара Тиката и его Невидимый черт

К периоду Хэйан некоторые источники относят и мятеж Фудзивары Тикаты, во время которого загадочная группа из 4-х «чертей» немало поизмывалась над правительственными войсками. Подробнее всего это описано в «Тайхэйки», где, однако, мятеж Тикаты отнесен ко времени правления императора Тэнти.

Фудзивара Тиката (в некоторых текстах «Тикадо» или «Тиёродзу») был владельцем поместья на границе провинций Ига и Исэ. В правление императора Мураками (947-967) он поднял мятеж против центральной власти. По какой причине – точно неизвестно, однако существует версия, что Тиката домогался у императорского двора повышения в ранге, но получил отказ.

Подобные выступления были не редкостью в то время. Достаточно упомянуть крупнейшие мятежи Тайры Масакато (935 г.) и Фудзивары Сумитомо (940), повергнувшие всю

страну в смятение.

Как только в столице стало известно о бунте, на его подавление сразу же был брошен крупный отряд правительственных войск. Однако неуловимые отряды Тикаты наголову разгромили его. По сообщению «Тайхэйки», при этом Тиката прибегнул к помощи четырех чертей, которые и нанесли главный урон карателям.

В число этих четырех чертей входили Ветряной черт (фуки), Огненный черт (каки), Земляной черт (доки) и Невидимый черт (онгёки; Черт скрытой формы). Действовали они очень впечатляюще: Ветряной черт уселся на попутный ветер и засыпал вражеский лагерь отравленными стрелами; Огненный черт изводил врага бесконечными неожиданными нападениями и поджогами; Земляной черт укрыл войско Тикаты в пещерах на горе Такао. Впрочем, ничего сверхъестественного в этих действиях нет, ведь все это – обычная тактика партизанской войны. Только у страха, как говорят, глаза велики. Видно, действия командиров мобильных отрядов Тикаты столь напугали воинов из правительственного войска, что они сочли их за чертей.

Для нас, конечно, наибольший интерес представляет Невидимый черт. Согласно «Тайхэйки», он тайно проникал во вражеский лагерь, рубил головы спящим солдатам, крал и ломал оружие, отравлял источники воды, то есть действовал в типично «ниндзевском» стиле.

Трижды Фудзивара Тиката отбивал наступления правительственных войск. Слухи о его «магических способностях» и «потусторонних слугах» дошли до двора, и тогда на подавление его мятежа была послана огромная армия. В решающей битве отряды Тикаты были разбиты. Сам он был ранен во многих местах мечами и стрелами врагов и попытался бежать по дороге в провинцию Исэ, но был схвачен и казнен в местечке Янаги-но симо в Танэнари провинции Ига.

Внимание историка нин-дзюцу не может не привлечь тот факт, что все действия мятежа Тикаты происходят на территории провинции Ига, которая позже стала важнейшим центром ниндзя. Правда, неизвестно, был ли Тиката уроженцем этой провинции или переехал откуда-то, получив назначение на пост управляющего уездом. Но что касается 4 «чертей», то они, скорее всего, были выходцами из Ига. Об этом свидетельствуют предания жителей Ивакура деревни Араи, что в уезде Аяма на западе Ига. В этой деревне находится захоронение некоего Тиёродзу. Имя «Тиёродзу», так же как и «Тиката» пишется двумя иероглифами. Первые иероглифы в обоих именах одинаковые, а вот вторые различаются всего на одну черту! Предания жителей Араи утверждают, что Фудзивара Тиката бежал сюда после разгрома и здесь же умер, а его подчиненные поселились неподалеку в деревушке, которая получила название «Кинэ». Ныне это название записывается как «Корень дерева», но в старинных документах это название записывается как «Корень чертей»! Согласно тем же преданиям, в период Хэйан в Ивакура из столицы по какой-то причине переехала одна аристократическая семья. Возможно, речь идет как раз о Фудзиваре Тикате или его предках. Если это действительно так, тогда вполне понятно, почему Тиката бежал именно в Ивакуру.

Любопытную информацию дает и старинное сказание «Дзюнкоки», где приводятся имена-прозвища 4-х «чертей» Тикаты: Яматюки – «Писатель комментариев в горах», Микавабо – «Монах из провинции Микава», Хёго рисся – «Законник из провинции Хёго» – и Цукусибо – «Монах из Цукуси». Это типичные имена горных отшельников-ямабуси! Связь Фудзивары Тикаты с ямабуси всплывает и в легенде о похищении им священного ковчега-микоси из синтоистского храма Хиёси-дзиндзя. Впрочем, предания о Тикате до сего дня остаются мало исследованными и окончательную точку в этой истории ставить еще очень рано.

Кога Сабуро – легендарный основатель нин-дзюцу Кога-рю

Предания жителей уезда Кога, находившегося на юге провинции Оми, к северу от Ига, донесли до наших времен имя легендарного военачальника Кога Сабуро Канэйэ, которого традиция нин-дзюцу почитает как основателя школы Кога-рю.

Кога (Мотидзуки) Сабуро Канэйэ был третьим сыном правителя провинции Синано Сувы (Мотидзуки) Дзаэмона Минамото-но Сигэёри. Во время мятежа Тайры Масакадо в период Тэнкё (938.5-947.4) он служил под началом у Тайры Садамори и Фудзивары Хидэсато и зарекомендовал себя прекрасным воином. В награду после подавления мятежа его назначили

правителем уезда Кога, а впоследствии и соседнего уезда Ига. Переехав на новое место жительства, Мотидзуки Сабуру изменил фамилию и прозвание и стал именоваться Кога Оми-но Ками Канэиэ.

Кога Сабуру был человеком незаурядным. И уже с древних времен его имя окружало огромное число легенд и преданий. В «Иранки»²⁹ он описан как непобедимый богатырь, обладающий огромной силой. Подробнее всего предание о Кога Сабуру изложено в «Кога Сабуру моногатари»³⁰, одном из популярнейших произведений японского фольклора.

В «Кога Сабуру моногатари» мы встречаемся с типичным фольклорным сюжетом. У Сабуру было два старших брата, которые люто ненавидели своего меньшенького, отличавшегося необычайными способностями и умом. Однажды они заманили его в ловушку, чтобы убить, но Сабуру каким-то чудодейственным способом все же сумел спастись. В отместку за предательство он убил братьев, но обстоятельства сложились так, что Сабуру пришлось бежать, и он навсегда исчез из этих мест.

Этот сюжет лег в основу известной японской сказки «Сабуру – битая миска», в которой «ниндзевский» элемент выведен на первый план.

...В старину жили 3 брата: старшего звали Таро, среднего Дзиро, а младшего Сабуру. Как-то раз они уговорились научиться какому-нибудь искусству, чтобы порадовать старика-отца, и на 3 года покинули родной дом.

Все трое трудились не жалея сил и через три года стали искуснейшими мастерами. Таро стал лучшим шапочником Японии. Дзиро с самого детства больше всего на свете любил стрелять из лука и постиг все хитрости этого искусства. А вот третий сын, Сабуру, изучил синоби-но дзюцу.

Старшими сыновьями отец был очень доволен, а при рассказе Сабуру о своих похождениях нахмурил брови и велел ему держать свое умение в тайне от людей.

Но Сабуру стал уверять, что его искусство нельзя равнять с воровской сноровкой, и вот что поведал отцу:

– Шел я как-то полем, сам не зная куда, и вдруг вижу: стоит вдали необыкновенный домик. Был он похож на круглую миску, перевернутую вверх дном, а вход в него напоминал отбитый край миски. Подошел я ближе, заглянул внутрь, и вижу: навалены внутри деревянные миски целыми грудями, а посреди сидит дряхлая старушка. Поглядела она на меня с удивлением и спрашивает:

– Откуда ты пожаловал?

Я отвечаю: иду, мол, учиться какому-нибудь ремеслу.

– Ну, если так, то попал ты как раз туда, куда надо.

Остался я у старушки, но в первый год и во второй год ничему она меня не учила. Прошел третий год, и попросил я старушку отпустить меня домой. Не стала она меня удерживать и только сказала:

– Ты усердно служил мне, хотелось бы мне дать что-нибудь тебе на память, но видишь сам, у меня в доме только одни миски. Бери любую, какая понравится.

Обидно мне это показалось.

– Ах вот как, говорю, ты даешь мне миску в награду? Тогда для меня и эта хороша! – да и выбрал с досады никуда не годную, разбитую миску.

Иду я по полю и думаю: «Ну и глупо же вышло! Три года усердно служил, а получил в награду одну разбитую миску!» Швырнул я ее на землю и пошел было прочь. И вдруг миска заговорила человеческим голосом:

– Сабуру, зря бросил ты свое счастье! Знай, что я владею великим искусством синоби-но дзюцу. Меня тебе подарили нарочно, чтоб я тебя этому искусству обучила. Я за тобой повсюду пойду!

И с этими словами миска запрыгала за мной по пятам. Откуда ни возьмись выросли вдруг

²⁹ «Повесть о мятеже в Ига».

³⁰ «Сказание о Кога Сабуру».

у нее две ноги! Испугался я до полусмерти. Но ведь миска обещала принести мне счастье. Пошел я с ней вместе по горам и долинам назад к родному дому. По дороге разбитая миска научила меня искусству синоби-но дзюцу, теперь я тоже мастер в этом деле!

Опечалился отец, что сын его выучился такому ремеслу, какое только для воров годится. Не хотел он, чтоб пошла об этом молва, и решил держать все в тайне. Но не тут-то было! Разнесся слух о таком диковинном мастерстве Сабуро по всему княжеству и дошел до ушей самого князя. Призвал князь Сабуро к себе и приказал ему:

– Есть в моем княжестве один жадный богач. Я скажу ему заранее, что ты берешься похитить у него всю казну. А ты незаметно подкрадись и укради все его богатство. Сабуро же отвечал:

– Я учился синоби-но дзюцу не для того, чтобы воровать. Это военное искусство, оно может пригодиться нашей стране, если будут грозить ей враги. Не хочу я унижаться до воровства. Но князь заупрямился.

– Ну что ж, – говорит, пусть твое искусство нужно для страны! Но я хочу его испытать. Да и сам богач, уж на что жаден, на этот раз расхрабрился: «Я все сделаю, чтобы деньги мои устережь. Но если все-таки этот Сабуро их украдет – так тому и быть! Только ничего у него не выйдет!» Так что смотри, не промахнись!

Как ни отказывался Сабуро, пришлось ему подчиниться приказу. А в доме богача уже поднялась суматоха. Все ждали, что сегодня к ним прокрадется Сабуро, и были начеку. Сундуки с деньгами побоялись оставить в кладовой, вытащили их наверх и сложили горой в домашних покоях. Сам богач нес возле них стражу. А слугам и служанкам он приказал:

– Как закричат: «Вор!» – сразу же зажигайте огонь и бегите сюда с фонарями.

Каждому слуге дали кремни и палочку для зажигания огня.

На конюшне тоже все были наготове. Слуги держали оседланных коней под уздцы – на случай погони – и стерегли их, чтобы вор не вздумал увезти на них сундуки с деньгами.

Наступила ночь, полил сильный дождь, и явился Сабуро в дом богача. Пришел он открыто, не таясь, под большим зонтиком. Удивился богач и обрадовался.

– Эй, поглядите-ка! – закричал он. – Наш мастер синоби-но дзюцу явился под раскрытым зонтиком! Вон, вон, он стоит у входа! Как же он теперь на глазах у всех украдет сундуки с деньгами? Ха-ха-ха!

Слушает богач, как дождь стучит по зонту Сабуро, и заливается смехом. А в это время Сабуро оставил свой зонт у входа и пробрался в дом сквозь незапертые ставни. И пока все слуги бока надрывали от смеха, он подменял им палочки для зажигания огня флейтами, а вместо кремней положил барабанчики. Потом в чашку, где был налит чай для богача, подмешал он снотворного зелья из своей битой миски стал ждать.

Вскоре богач выпил свой чай и вдруг почувствовал неладное! Глаза не видят, голова тяжелая! Завопил он из последних сил:

– Это Сабуро здесь, Сабуро! Зажигайте скорее огонь, несите сюда фонари!

Слуги, служанки – все бросились зажигать огонь. Поднялся страшный шум. Флейты пищат, барабанчики гудят! Богач в ярость пришел, вопит:

– Дураки, огня, огня!

А слуги совсем одурели с перепугу. Им в суматохе слышится:

– Сундуки на коня!

Они и давай сундуки навьючивать на коней. Увидел это Сабуро и шепчет:

– Вот теперь все в порядке.

И, улучив момент, он отвел коней к князю.

Но не остался Сабуро на княжеской службе. Отправился он по свету искать такое место, где бы его искусство подкрадываться к врагу могло принести пользу...

Конечно, все сведения о Кога Сабуро – всего лишь легенда. Однако полевые исследования показали, что некоторое рациональное зерно во всех этих сказочках все-таки есть.

Так, обследуя синтоистский храм Айкуни-дзиндзя, находящийся в Ига, Окусэ Хэйситиро обнаружил запись предания о том, что в этом святилище молился Кога Сабуро, а в горах на границе между Кога и Ига он отыскал поселок, называющийся «Сува» – по родовой фамилии Сабуро. В центре этого поселка расположено святилище Сува-дзиндзя, в котором главным

объектом поклонения является божество из провинции Синано – Сува-мёдзин. Как попало туда божество из далекой провинции? Окусэ полагает, что в этом месте поселилась семья Сувы (или Кога) Сабуро, после того, как он переехал на новое место службы. Расположен поселок, где также обнаружены развалины небольшого замка, в стратегически важном месте – на вершине горы. Хотя в более поздние времена этот поселок относился к провинции Ига, в древности он мог числиться и в Кога, так как граница между уездом Кога и Ига не раз менялась. К тому же в сказочке описан вполне реальный способ, использовавшийся ниндзя для маскировки своих действий, когда зонт во время дождя ставился под окно дома, и стук капель заглушал шаги шпиона (касагакурэ-дзюцу).

Как бы то ни было, достаточных оснований, чтобы признать Когу Сабуро за основателя школы нин-дзюцу Кога-рю, у нас нет. Но то, что его потомки практиковали нин-дзюцу, факт бесспорный, подтвержденный большим количеством источников. Вопрос только в том, когда именно они стали его практиковать.

Некоторые источники указывают, что основателем Кога-рю был Кога Оми-но Ками Иэтика, сын Сабуро. В преданиях жителей Кога Иэтика предстает как образец совершенного воина, искусного и в бранных, и в гражданских делах. По легенде, он жил в поместье Таматаки-но сё Рюкан (на самом деле это одно из поселений в Ига), и изучал искусство магии у буддийского монаха по прозвищу «Рюкан-хоси» – «монах из Рюкан». Считается, что этот монах и научил Оми-но Ками Иэтику искусству нин-дзюцу. Далее традиция Кога-рю передавалась из поколения в поколение в семье Кога по линии: Иэтика – Иэнари – Иэсада – Иэтацу – Иэкиё – Иэкуни – Иэто – Иэёси – Иэясу. Потомки последнего образовали 5 кланов-шаек (итто): Мотидзуки, Угаи, Утики (Найки), Акутагава и Кога.

Кроме того, нужно особо отметить, что род Сува (или Мотидзуки, или Кога) был тесно связан с синтоистским культом. Интересно, что знаменитый род ниндзя Хаттори из Ига, о котором речь пойдет в следующей главе, также принимал участие в различных синтоистских церемониях и ритуалах. По одной из версий, Хаттори были ветвью китайских иммигрантов Хата. И возможно, что оба рода – Кога и Хаттори – получили знания искусства разведки из одного и того же источника – от Хата.

Разбойники и воры

Вторая половина периода Хэйан характеризовалась ослаблением центральной власти и разгулом бандитизма. Разбойники, в одиночку и шайками, то и дело нарушали покой столицы. Некоторые из них использовали «в работе» столь хитроумные уловки и хитрости, которые под стать настоящему ниндзя.

Вообще, нужно отметить, что у нин-дзюцу очень много общего с воровским искусством. Ведь и ниндзя, и воры должны уметь незаметно проникать в охраняемые помещения, прятаться, скрываться от погони... В легендах нин-дзюцу значительное место занимают рассказы о тестах мастерства, суть которых состояла в похищении меча у заранее уведомленной жертвы. Такие трюки вне всякого сомнения требовали от ниндзя квалификации хорошего карманника.

Описания походов хитроумных разбойников и воров занимают значительное место в японской развлекательной литературе. Имена наиболее ловких из них обросли немыслимым числом легенд и басен. Мы же расскажем о тех из них, кого авторы ряда работ по истории нин-дзюцу записывают в число прародителей искусства шпионажа.

Итак, Они Домару – Домару-черт. В юности Домару был пажом-тиго при великом наставнике буддизма в монастыре Энряку-дзи и, вероятно, изучал военное искусство монахов и ямабуси с горы Курама. Среди монахов-воинов он прославился как непобедимый боец и отъявленный задира. Своим буйством Домару превосходил всех забияк-сохэев и однажды вызвал такой гнев старших монахов, что его прогнали с горы Хиэй.

После изгнания со святой горы Домару-черт поселился в пещере на равнине Итихара и создал шайку из бывших сохэев и бродяг, которая стала обирать подчистую селения столичного района. Банда промышляла грабежом, насилвала, похищала женщин и детей из богатых аристократических семей и требовала выкуп. Что только ни делали власти, чтобы схватить неуправляемого Домару, но все было тщетно. И тогда правительство обратилось к Минамото

Ёримицу, главе одной из крупнейших самурайских семей и начальнику столичной полиции, с приказом покарать бандита.

Ёримицу поначалу решил, что задача пустяковая – подумаешь, схватить какого-то разбойника! Только все оказалось значительно труднее. Дело в том, что Они Домару располагал разветвленной сетью тайных агентов-осведомителей, которые исправно доносили ему обо всех действиях полиции. Да и сам Домару был парень не промах.

По легенде, как то раз, когда правительственные воины под началом Ватанабэ Цуны уже почти настигли его и ранили в руку, Домару переоделся кормилицей Ватанабэ и в таком облики сумел улизнуть.

Но и на старуху бывает проруха. Однажды воины из столичной стражи под началом Минамото Ёринобу, брата Ёримицу, окружили Домару в его логове, схватили и поместили в темницу. Как только известие о поимке преступника дошло до Ёримицу, он немедленно отправился в тюрьму. Увидев, что Домару просто посажен за решетку, но не закован в кандалы, он приказал немедленно сковать его цепями. Домару от такого «нелюбезного» обращения пришел в ярость и пообещал жестоко отомстить. Сказано... сделано! На следующий день Они Домару из тюрьмы исчез и начал настоящую охоту на своего заклятого врага Минамото Ёримицу.

Темной ночью Домару пробрался на чердак особняка Ёримицу, проделал дыру в спальню аристократа и приготовился прыгнуть на него сверху с мечом в руках, но тут самурай, разбуженный шумом, дал деру из спальни и поднял тревогу. В результате разбойнику пришлось быстро уносить ноги.

После этого покушения, на поимку Домару были брошены все силы. И в конце концов хитроумного разбойника удалось заманить в западню. Когда разбойник натянул на себя шкуру коровы и стал изображать мирное животное, пожевывающее сладкую травку на лужке, в ожидании, когда Ёримицу подойдет поближе, чтобы прикончить его, самурай эту хитрость раскусил, а Ватанабэ Цуна поразил его стрелой. Затем правительственные войска окружили пещеру, в которой прятались разбойники из шайки Они Домару, и перебили их всех до одного.

Еще одним разбойником, буйствовавшим в эпоху Хэйан в столице, был Хакамадарэ, также стоявший во главе хорошо организованной шайки. Биография его совершенно темна, а имя известно только из легенд. Предания донесли до нас историю покушения Хакамадарэ на тогдашнего начальника городской стражи Хэйана Фудзивару Ясусукэ. Покушение это было неудачным, так как сам Ясусукэ был очень хитер и попросту обвел Хакамадарэ вокруг пальца. По легенде, Хакамадарэ владел многими видами магии и не раз избегал неприятностей, прибегая к колдовству. В целом, Хакамадарэ – фигура во многом вымышленная, и его вряд ли можно окрестить основателем нин-дзюцу. Зато третий великий разбойник – Кумадзака Тёхан – на это может претендовать в гораздо большей степени.

Кумадзака Тёхан прославился как отъявленный бандит. Он также орудовал в округе столицы в середине XII в. Родом он был деревни Курамоти провинции Ига (ныне г. Набари). Эта деревушка находилась на расстоянии всего 12 км от горы Такао, где сражались Фудзивара Тиката и его Невидимый черт с правительственными войсками.

Деревня Курамоти находилась во владениях великого храма Тодай-дзи, и Тёхан с детства не раз встречался с монахами-воинами. Возможно, именно это определило его выбор – Тёхан стал сохэем в монастыре Энряку-дзи, где и отточил воинское мастерство.

Позже он создал собственную шайку и стал чинить произвол в столице. По легенде, он был знатоком особого вида магии «синда-но дзюцу» – «искусство поражения трясучкой» – и доставил немало неприятностей тогдашнему военному губернатору столицы.

Позже, незадолго до начала войны между Минамото и Тайра, Кумадзака Тёхан вернулся на родину, где захватил довольно большой район. Когда же дружины Минамото и Тайра двинулись друг на друга, Тёхан стал на сторону Тайра, преградил путь войску знаменитого полководца Минамото Ёсицунэ и был сражен стрелой в сражении.

У этих трех разбойников есть немало общего. Все они создали обширные сети осведомителей-наводчиков, которые позволяли им уходить от преследователей и узнавать о засадах правительственных войск. В их шайках было немало подлинных виртуозов воровского дела, способных пробраться куда угодно и похитить что угодно. И опять таки все трое так или

иначе были связаны с традицией военного искусства ямабуси. Все это роднит их с ниндзя последующих времен, тем более, что, как покажет дальнейший ход событий, от разбойника до начальника разведки – рукой подать.

Глава 4

Шпионаж в огне сражений Тайра и Минамото

Конец XII в. стал для Японии временем тяжелых потрясений. На фоне засухи и чумы в смертельной схватке за власть сошлись 2 крупнейшие группировки самураев – Тайра и Минамото. В те дни сражения более не походили на грандиозные турниры. Это была жестокая борьба за выживание, в которой все средства были хороши. В ней победить мог только тот, кто умел нестандартно мыслить и действовать. Именно в это суровое время на небосклоне военного искусства вспыхнула ярчайшая звезда гениального полководца Минамото Ёсицунэ.

Ёсицунэ оставил заметный след в истории нин-дзюцу. Согласно позднейшим источникам именно он стал основателем первой школы шпионского искусства, названной его именем, – Ёсицунэ-рю.

Создание особой школы нин-дзюцу стало замечательной вехой в развитии этого искусства. Ранее приемы рукопашного боя, методы разведки и шпионажа и военной стратегии как особые разделы военной науки не различались. Соответственно не существовало и специализации в этих областях. Выделение же традиции нин-дзюцу из всего объема военных знаний свидетельствовало о том, что к этому времени методы разведки и шпионажа достигли уже очень высокого развития и потребовали от воинов целенаправленной углубленной подготовки. Переоценить значение этого факта невозможно. По сути с Ёсицунэ-рю начинается нин-дзюцу как особое искусство.

Минамото Ёсицунэ

Ёсицунэ был сыном Минамото Ёситомо и младшим братом Минамото Ёритомо, основателя первого в истории Японии сёгуната. Он родился в 1159 г., за 1 год до рокового инцидента Хэйдзи, в котором погиб его отец. Враждебные Тайра приняли тогда решение истребить род Минамото под корень, но потом все же оставили в живых нескольких сыновей Ёситомо, хотя и приняли меры предосторожности, рассовав их по разным буддийским монастырям, чтобы превратить их в смиренных слугителей Будды.

Ёсицунэ был помещен в монастырь Курама-дэра неподалеку от Хэйана. Однако Ёсицунэ, в жилах которого текла кровь многих поколений профессиональных воинов, отказался смиренно принять свою участь ученого монаха и тайком стал изучать военное искусство. По легенде, его наставниками были тэнгу, населявшие гору Курама. Когда по ночам юноша выбирался из монастыря, они обучали его приемам фехтования мечом, боевым веером и... чайником для кипячения воды!

Около 1174 г. Ёсицунэ тайно покинул монастырь на горе Курама и направился под защиту Фудзивары Хидэхире, сторонника Минамото, чьи владения находились на севере острова Хонсю. По дороге он одолел нескольких разбойников и изучил древний китайский трактат по военному искусству «Ляутао».

О том, как Ёсицунэ изучал «Ляутао», красочно повествует «Гикэйки». Копия этой книги хранилась в доме Киити Хогана, великого гадала и стратега, жившего в столице Хэйан. Киити был приверженцем Тайра. Поэтому Ёсицунэ никак не мог подобраться к заветной книге. А прочесть ее он страстно желал, ведь о «Ляутао» говорили: «Ни в Китае, ни в нашей земле не знал неудачи никто из тех, кому она попадала в руки. В Китае, прочтя ее, старец Ван овладел способностью взлетать на стену высотой в 8 сяку и с нее подниматься в небо. Чжан Лян назвал ее „Однотомной книгой“; прочтя ее, он обрел способность на бамбуковой палке длиной в 3 сяку перенестись из Магадхи в страну киданей. После знакомства с этой книгой Фань Куай, облаченный в броню, сжимая в руках лук и стрелы, в ярости воззрелся однажды на ряды

врагов, и волосы на голове его, оцетинившись, прободали верх шлема, а усы проткнули насквозь нагрудник панциря».

Ёсицунэ долго размышлял, как же заполучить этот трактат в свои руки, и наконец разработал хитроумный план проникновения в дом Киити Хогана. Узнав, что у гадателя была юная дочь-красавица, он стал играть ей на флейте под окном, пока не добился признания. Пробравшись в дом под видом влюбленного, Ёсицунэ упрямил «возлюбленную» раздобыть ему заветную книгу из кладовой отца, после чего в течение 60 дней и ночей заучил трактат страницу за страницей. Когда книга подошла к концу, юный самурай объявил девушке, что его ждут бранные дела, и покинул безутешную красавицу.

Хотя этот эпизод может показаться просто красивой выдумкой сочинителей, исследователю нин-дзюцу он не может не напомнить многие методы проникновения во вражеские замки с использованием легенды, чрезвычайно разработанные в классическом нин-дзюцу.

Овладев всеми премудростями военного дела, Ёсицунэ явился к своему старшему брату Ёритомо, который в 1180 г. поднял восстание против Тайра. Фактически встав во главе его войск, Ёсицунэ в ряде сражений нанес серьезные поражения Тайра, а в 1185 г. в решающей битве в заливе Данноура разгромил их наголову, открыв путь установлению власти сёгуна из дома Минамото. Победу ему неизменно приносили необычные методы ведения войны, кардинально отличавшиеся от общепринятых «турнирных боев» того времени.

Однако победы не принесли счастья самому Ёсицунэ. Всего через несколько лет после битвы при Данноуре Минамото Ёритомо, опасавшийся, что его младший брат попытается захватить власть, развернул на него форменную охоту. Несколько лет гениальный военачальник уходил от погони, но в конце концов попал в ловушку и покончил с собой, совершив харакири.

Тактика Ёсицунэ

Прекрасными образцами тактического искусства Ёсицунэ являются битвы у горы Микуса и битва при Ясимае.

У горы Микуса располагалась крепость Тайра Итинотани. По сути, это был простой палисадник, но он обеспечивал довольно надежную защиту. Итинотани занимала очень выгодное в тактическом отношении положение. Здесь отвесные скалы, образуя естественную стену, с 3-х сторон окружали узкую полосу земли и пляжа, с 4-й стороны было море, где господствовал флот Тайра. Если бы Минамото предприняли традиционную лобовую атаку, их почти наверняка ожидало бы тяжелое поражение. В этой ситуации Ёсицунэ принял решение напасть на Итинотани с двух сторон. Одна группа войск должна была нанести удар с востока, вдоль побережья, а сам Ёсицунэ с небольшим отрядом решил обрушиться на крепость с тыла, со стороны гор.

Ночью, в 18 день 3 месяца 1184 г., армия Минамото разгромила форпост Тайра у горы Микуса, в 35 км к северу от Итинотани. После этого Ёсицунэ выслал вперед основную группировку во главе с Дои Санэхарой, а сам с двумя сотнями отборных воинов направился в обход по отвесным кручам в тыл крепости. По словам местных охотников, горы были совершенно непроходимы для людей и доступны лишь оленям. Но Ёсицунэ, помня о способности старых коней отыскивать дорогу на заснеженном поле, поставил в голову отряда старого мерина, за которым воины и двинулись по горным кручам.

Когда Ёсицунэ и его воины добрались до вершины, битва внизу уже началась. Бой был жестоким, но никто не мог взять верх. А спуск в тыл крепости оказался столь крутым, что даже обезьяны не рискнули бы воспользоваться им. Тогда Ёсицунэ приказал погнать по тропинке одних коней без седоков. И лишь когда те благополучно спустились, весь отряд бросился вниз. Неожиданно ударив в тыл Тайра, бойцы Ёсицунэ опрокинули их и потом гнали до самого моря. Тайра бежали на корабли и бросились наутек в море.

В другой раз Ёсицунэ решил обрушиться на крепость Тайра в Ясимае. Однако, в то время как армия Минамото находилась на главном японском острове Хонсю, база Тайра располагалась на острове Сикоку. Поэтому для переправы в местечке Ватанаба были собраны

различные суда – от настоящих морских кораблей до рыбацких лодок. Минамото готовились к отплытию, когда налетел, ломая деревья, ураганный южный ветер. Потом ветер переменялся и задул к югу, что и нужно было Ёсицунэ. Но дул он столь сильно, что никто не решался выйти в море. Тогда Ёсицунэ под страхом смерти вынудил взойти небольшой отряд на корабли. «При обычной погоде враг на чеку, врасплох его не застанешь. Но в такой ураган, в такую свирепую бурю противник никак не ждет нападения! Тут-то мы и нагрянем! Только так и нужно разить врага!» – заявил он.

И оказался прав. В Ясима Минамото не ждали. Появление отряда Ёсицунэ было подобно грому среди ясного неба. Никто из Тайра даже не сообразил, что Минамото было всего несколько десятков. Как говорится, у страха глаза велики. Победа Ёсицунэ была полной.

Эти 2 операции Ёсицунэ являются наглядным примером использования на практике учения Сунь-цзы о различении «полноты» и «пустоты» и выборе подходящего момента для действия. Они свидетельствуют о том, что Ёсицунэ сумел проникнуть в суть наставлений китайского стратега и блестящим образом воплотил их в жизнь. Он дал вдохновляющий пример мобильной войны и продемонстрировал возможности применения небольших, но хорошо подготовленных специальных отрядов, способных действовать в тылу у противника, передвигаться с большой скоростью и наносить неожиданные удары. Конечно, примеры использования диверсионных отрядов японцы знали и ранее. Вспомним хотя бы шпиона императора Тэмму Такая или «чертей» Фудзивары Тикаты. Однако масштабы их действий не идут ни в какое сравнение с массированным применением «спецназа» Минамото Ёсицунэ. По сути, для японцев он явился родоначальником новой военной доктрины – доктрины мобильной войны с использованием диверсионных групп. Последующие войны показали, что этот урок Ёсицунэ не пропал даром, и, как мы увидим в дальнейшем, судьбу крупных сражений подчас решали умение и ловкость нескольких десятков профессиональных диверсантов.

Ёсицунэ и боевые искусства

В отличие от полководцев последующих веков Ёсицунэ всегда лично принимал участие в боях. Поэтому немалый вклад он внес и в боевые искусства. В «Гикэйки» имеется немало колоритных описаний его фантастической прыгучести, или «летучести», замечательного фехтовального мастерства. Одно из самых интересных мест этого произведения – рассказ о «знакомстве» юного военачальника с воином-монахом Мусасибо Бэнкэем.

Произошла их встреча в Хэйане, как раз в то время, когда Ёсицунэ изучал трактат «Лютэао». Однажды, когда он шел по ночной улице, дорогу ему преградил здоровенный монах и потребовал отдать замечательный меч, висевший у него на поясе. Дело в том, что в те дни Бэнкэй развлекался коллекционированием отобранных у прохожих мечей.

Заслышав отказ, монах, с криком выхватил свой огромный меч и налетел на Ёсицунэ.

Ёсицунэ тоже обнажил свой короткий меч и отскочил под стену...

Экое чудище! – подумал Ёсицунэ, быстро, как молния, уклоняясь влево. Удар пришелся по стене, кончик меча в ней увяз, и, пока Бэнкэй тщился его выдернуть, Ёсицунэ прыгнул к противнику, выбросил вперед левую ногу и с ужасной силой ударил его в грудь. Бэнкэй тут же выпустил меч из рук. Ёсицунэ подхватил выпавший меч и с лихим возгласом: «Эйя!» – плавно взлетел на стену, которая высотой была не много не мало в целых 9 сакю. А оглушенный Бэнкэй остался стоять, где стоял, и грудь у него болела от ужасного пинка, и ему и впрямь казалось, будто его обезоружил сам черт".

После этого Ёсицунэ попенял за бесчинства Бэнкэю, прижал его меч пятой..., согнул в 3 погибели и швырнул вниз. Тот подобрал меч и стал поджидать, пока Ёсицунэ не спрыгнет вниз. Далее в «Гикэйки» говорится: «Ёсицунэ плавно слетел со стены, и ноги его были еще в 3-х сакю от земли, когда Бэнкэй, взмахнув мечом, ринулся к нему, и тогда он вновь плавно взлетел на стену...»

Ёсицунэ настаивал на использовании короткого меча. И в «Гикэйки» описано несколько ситуаций, раскрывающих превосходство такого оружия над длинным. Вот несколько характерных пассажей на этот счет.

«Думая покончить бой одним взмахом меча, он (разбойник Юрино Таро) отклонился

назад и рубанул со всей силой. Но был он весьма высокого роста, да и меч у него был длинный, и острое увязло в досках потолка. И пока он тужился вытянуть меч, Сяна-о (детское имя Ёсицунэ) яростно ударил его своим коротким мечом и отсек ему левую ладонь вместе с запястьем, а возвратным взмахом снес ему голову...»

"Тут Ёсицунэ подозвал Таданобу к себе и сказал ему так:

– Длинный меч у тебя, как я погляжу, и, когда ты устанешь, будет биться им несподручно. Ослабевшему воину хуже нет большого меча. Возьми же вот этот для последнего боя.

И он вручил Таданобу изукрашенный золотом меч в 2 сяку и 7 сунов (ок. 88 см) длиной с желобом по всей длине великолепного лезвия".

Использование короткого меча прекрасно отвечало всем особенностям работы лазутчика: взбирался ли он на стену или дерево, забросив меч за спину, сражался ли в тесноте коридора, кладовой или узенького переулочка средневекового замка или в традиционной комнатке с низеньким потолком – всюду сказывались преимущества короткого меча над более длинным. Поэтому с легкой руки Ёсицунэ короткие клинки вошли в моду у шпионов и диверсантов. Впрочем, следует заметить, что речь идет вовсе не о прямом мече ниндзя, какой часто можно увидеть в художественных фильмах, а о стандартной самурайской катане, только с укороченным клинком.

Нин-дзюцу школы Ёсицунэ-рю и Восемь школ храма Курама

Где же поднабрался Ёсицунэ хитростей военного дела? Ответ на этот вопрос найти сложно, поскольку юность великого полководца известна нам лишь по позднейшим легендам. Однако некоторые источники утверждают, что источником вдохновения для Ёсицунэ послужила уже упоминавшаяся школа Кёхати-рю. В некоторых легендах говорится, что Киити Хоган был предводителем тэнгу с горы Курама. А если вспомнить о тесной связи ямабуси и тэнгу в японском фольклоре, получается, что Хоган – это сэндацу ямабуси!

Особое внимание в Кёхати-рю уделялось изучению военной стратегии на основе китайских трактатов, фехтованию мечом, боевым веером и различными подручными предметами, а также развитию прыгучести (тёяку-дзюцу) за счет облегчения веса. Иными словами, в рамках этой школы изучались все 3 традиционных для Японии аспекта военного дела: стратегия (хэйхо), боевые искусства (бу-дзюцу) и искусство шпионажа (нин-дзюцу).

Особый интерес представляет упоминание о том, что последователи Кёхати-рю стремились развить невероятную прыгучесть. Известно, что позднее тренировка прыгучести и овладение методами облегчения веса были характерными особенностями подготовки ниндзя. Бег на большие расстояния, лазание по деревьям и стенам – все это требовало от ниндзя легкости тела. В некоторых наставлениях по нин-дзюцу школы Ига-рю упоминаются даже специальные соевые пасты для похудения. Выделение этого компонента тренировки в рамках Кёхати-рю позволяет предположить, что начиная с этой школы уже стали формироваться специальные методы тренировки лазутчиков-диверсантов.

Судя по сообщениям источников о действиях Ёсицунэ, он в совершенстве овладел всей программой Кёхати-рю. Однако гениальный полководец пошел дальше. Как уже говорилось, он выделил методы шпионажа в особую отрасль. Что вызвало этот шаг? Думается, немалую роль здесь сыграла необыкновенная кампания Ёсицунэ: бывшие разбойники, монахи-расстриги, ямабуси... Все они прекрасно разбирались в искусстве тайной войны и разведки, но двоих из них все же следует выделить особо – слишком заметный след они оставили в истории нин-дзюцу. Это Исэ Сабуро Ёсимори, начальник разведки в армии Ёсицунэ, и отважный сохэй Мусасибо Бэнкэй, любимейший герой японского народа.

Исэ Сабуро Ёсимори – начальник разведслужбы Ёсицунэ

Исэ Сабуро Ёсимори – личность весьма загадочная и историками нин-дзюцу пока недооцененная. А вместе с тем в его лице мы встречаем, пожалуй, первый пример настоящего ниндзя.

Источники сообщают о Ёсимори совершенно противоречивые сведения. Например, его

называют то уроженцем провинции Исэ, то провинции Кодзукэ, то провинции Ига. В разных текстах по-разному описана встреча Ёсимори с его будущим господином Минамото Ёсицунэ. Даже о гибели его однозначных сведений нет. Так «Гикэйки» сообщает, что Ёсимори оставался со своим господином до самого его конца и сложил голову в неравном бою с войском Минамото Ёритомо. В других источниках говорится, что он расстался с Ёсицунэ, бежал на гору Судзука, что в провинции Ига, и там, когда его окружили воины Ёритомо, покончил с жизнью самоубийством.

Ёсимори – это человек призрак. Порой даже возникает подозрение, что такого человека никогда не было, что это образ собирательный. Однако на деле все эти неясности можно легко объяснить. Дело в том, что Исэ Сабуро Ёсимори как истинный ниндзя следовал концепции мугэй-мумэй-но дзюцу – «искусство [жизни] без искусства и без имени», согласно которой профессиональный разведчик должен скрывать свою биографию, место жительства, владение специальными шпионскими навыками и т.д. В дальнейшем мы еще встретим образцы использования мугэй-мумэй-но дзюцу, но Ёсимори, по-видимому, первым в Японии додумался до этого.

Кто же все таки в действительности был этот Исэ Сабуро Ёсимори? Историки нин-дзюцу полагают, что родился он в местечке Дзайрё в деревне Инако-мура в провинции Ига, и по-настоящему звали его Якэси-но Короку. О детстве и юношестве Короку ничего не известно, но, когда мальчик превратился в мужчину, он встал во главе местных разбойников, орудовавших в горах Сэки и Камэ. Со временем его банда переросла в небольшую армию, насчитывавшую до 500 бойцов. Сам Короку на горе Кабуто-яма выстроил себе мощную крепость, господствовавшую над всей округой. С тех пор слухи о проделках Якэси-но Короку стали доходить даже до столицы.

Тем временем в стране началась война между Тайра и Минамото. И армия Ёсицунэ через Ига двинулась на столицу Хэйан. Когда один из его отрядов приблизился к горному хребту Судзука, он подвергся нападению банды Короку. Поначалу разбойники взяли верх, но, когда подошли главные силы Минамото и окружили крепость на горе Кабуто, Короку был вынужден запросить мира. По-видимому, тактика действий и боевая подготовка его банды произвела впечатление на Ёсицунэ, и тот решил сделать Якэси Короку своим вассалом. С тех пор Короку принял новое имя – Исэ Сабуро Ёсимори (как полагают историки, фамилию Исэ он взял себе потому, что его банда совершала нападения в основном на соседнюю с Ига провинцию Исэ) – и вместе со своими «сподвижниками» присоединился к армии Минамото. А сила это была довольно внушительная: «Было ему (Ёсимори) всего лет 25, поверх одежды с узором в виде опавших тростниковых листьев облегал его желто-зеленый шнурованный панцирь в мелкую пластину, имел он у пояса меч и опирался на огромное копьё с изогнутым лезвием. И шли за ним несколько столь же грозных молодцов; один сжимал в руках секиру с вырезом в виде кабаньего глаза, другой – боевой серп с выжженным по лезвию узором, этот алебарду с лезвием в форме листа камыша, а тот боевое коромысло или булаву с шипами», – описывает Исэ Сабуро и его банду «Гикэйки».

Чем же занимался Исэ Сабуро на службе Ёсицунэ? Некоторые указания источников позволяют предположить, что он стал начальником разведки в армии великого полководца. Интересную информацию на этот счет дает «Хэйкэ-моногатари». В ней говорится, что после одной из битв «не спали только Ёсицунэ и Исэ-но Ёсимори. Ёсицунэ, поднявшись на холм, глядел вдаль, высматривая, на крадется ли враг, а Ёсимори, притаившись в лощине, прислушивался, не собираются ли недруги нагрянуть внезапно ночью, и готовился прежде всего стрелять в брюхо вражеским коням».

Внимательное чтение той же повести «Хэйкэ-моногатари» раскрывает, сколь много мог сделать Исэ Ёсимори для победы благодаря замечательному умению манипулировать человеческими мыслями.

Когда Минамото Ёсицунэ высадился с небольшим отрядом на Сикоку, выяснилось, что там находилась сильная вражеская армия во главе с Авой-но Нориёси. Тогда Исэ Сабуро Ёсимори во главе всего 16 безоружных воинов выехал ей навстречу и вступил с Нориёси в переговоры. Он сказал, что в битве накануне пали многие родственники Нориёси, а его отец добровольно сдался в плен. По словам Ёсимори, «всю минувшую ночь он пребывал в великом

горе, говоря мне: „Увы, сын мой Нориёси, ни сном ни духом не ведая, что я остался в живых, будет завтра сражаться и падет мертвый!“ И стало мне жаль твоего отца, так жаль, что я прибыл сюда, дабы встретиться с тобой и поведать тебе эти вести. Решай же сам, как тебе поступить – либо принять бой и погибнуть, либо добровольно сдаться нам в плен и вновь свидеться с отцом... От тебя самого зависит твоя дальнейшая участь!»

Трудно сказать, каким образом Ёсимори смог убедить врага сдаться – то ли его помощники распустили по округе слух о пленении отца Нориёси, то ли коварный шпион использовал гипноз или еще что-нибудь в этом роде, но Нориёси сдался на милость Ёсицунэ. А вслед за ним перед отрядом Минамото всего в 500 бойцов капитулировала и его трехтысячная армия. «Замысел Ёсимори увенчался поистине блестящим успехом! – восхищался Ёсицунэ хитроумной уловкой своего вассала».

Дело на этом не кончилось. В самый разгар битвы при Данноуре, в которой решалась судьба войны между Минамото и Тайра, Ава-но Сигэёси, отец Нориёси, вероятно «купленный» Исэ Сабуро на сына, перешел на сторону Минамото и ударил в тыл Тайра, в результате чего те потерпели сокрушительное поражение.

Этот пример показывает, что Исэ Ёсимори был замечательным мастером составления хитроумных стратагем. В этом случае он использовал комбинацию стратагем «Убить чужим ножом», «Извлечь нечто из ничего», «Чтобы обезвредить разбойничью шайку, надо сначала поймать главаря», «Сеяние раздора» и некоторых других.

Исэ Сабуро несомненно владел всеми премудростями шпионского дела, но у кого он сумел им обучиться точно неизвестно. Окусэ Хэйситиро высказал предположение, что он, подобно Ёсицунэ, изучал военную науку школы Кёхати-рю. А согласно генеалогии, составленной крупным мастером бу-дзюцу Такамацу Тосицугу якобы на основе устных преданий ниндзя и не вызывающей большого доверия, Исэ Сабуро изучал традицию нин-дзюцу, переданную неким Хатирё нюдо³¹ («вступивший на Путь», т.е. постригшийся в буддийские монахи) Тэнъэем, и преподавал ее таинства Минамото Ёсицунэ.

Исэ Сабуро Ёсимори был не только замечательным практиком нин-дзюцу, давшим прекрасные образцы эффективного использования этого искусства. После себя он оставил сборник стихотворений, который ныне известен как «Ёсимори хяксю-ка» – «Сто стихотворений Ёсимори» – или как «Исэ Сабуро синоби гунка» – «Шпионские военные песни Исэ Сабуро». Этот сборник представляет собой древнейшее письменное наставление по нин-дзюцу. Хотя стихи Ёсимори не изобилуют стилистическими красотами и ныне известны лишь единицам специалистов по японской поэзии, для историков нин-дзюцу это бесценный источник. В нем в стихах описана шпионская наука в том виде, как она существовала во второй половине XII в. О чем же писал Ёсимори?

В одних стихотворениях он дает практические советы об организации подготовки лазутчиков. Например, Ёсимори указывает, что их обучение нужно начинать с овладения незаметным бесшумным подкрадыванием к противнику.

В [искусстве] невидимости
есть много путей обучения,
Но прежде всего приближайся к человеку.

– говорится в одном из стихотворений.

В других стихах Ёсимори поднимается до осмысления шпионского искусства как особого Пути – Ниндо:

Того, кто преступит Путь синоби,
Не защитят ками и будды.
Воин всегда должен возвращать веру в богов,
Ибо тот, кто преступает законы Неба, не найдет добра.

³¹ Принявший монашество.

Ложь тоже причиняет различные страдания,
Поэтому воин должен ставить во главу угла Путь верности.
Когда лазутчик вновь пойдет в разведку,
Пусть он оставит записки для последующих поколений.

Мусасибо Бэнкэй – маскировщик под ямабуси

Немалый вклад в развитие нин-дзюцу внес и другой вассал Ёсицунэ, гигантский монах-воин с горы Хиэй Мусасибо Бэнкэй.

В биографии Бэнкэя правда и вымысел переплетены столь сильно, что различить их порой не представляется возможным. По легенде он появился на свет после трехлетнего пребывания в чреве матери огромным ребенком со ртом полным зубов и длинными волосами на голове. Прозвали его за это Онивака – Чертеноч. Поскольку рос Чертеноч настоящим сорванцом, родители приняли решение отдать его на воспитание в знаменитый храм Энряку-дзи. Но со временем Бэнкэй стал столь буйным, что даже тамошние сохэй не выдержали и «вежливо» попросили его уйти.

После знакомства с Ёсицунэ, Бэнкэй стал его самым преданным вассалом и сопровождал его во всех походах. Даже когда Минамото Ёритомо, став сёгуном, стал преследовать своего брата, он не покинул господина. А Ёсицунэ, окруженный врагами, меж тем попал в очень сложное положение. Поначалу он надеялся собрать войско и двинуться на брата, но когда этот план провалился, единственное, что ему осталось – бежать на север Хонсю, в край Осю, где находились владения его давнего сторонника Фудзивары Хидэхирэ. Но как пробраться туда, если враги перекрыли все дороги и тропинки?

Ёсицунэ и его вассалы долго гадали, как пройти через заслоны незамеченными. И тогда верный слуга полководца Катаока предложил отправиться в путь, переодевшись странствующими ямабуси. Мусасибо Бэнкэй поддержал его и сумел убедить остальных, что это лучший выход из создавшегося положения.

Вот как рассказывает об этом «Гикэйки»:

Сказал Катаока:

– Пойдемте хоть под видом ямабуси.

– Да как же это возможно? – произнес Ёсицунэ. – С того самого дня, как мы выйдем из столицы, на пути у нас все время будут храмы и монастыри: сначала гора Хиэй, затем в провинции Этидзэн – Хэйсэн-дзи, в провинции Кага – Сиро-яма, в провинции Эттю – Асикура и Имакура, в провинции Этиго – Кугами, в провинции Дэва – Хагуро. Мы будем повсеместно встречаться с другими ямабуси, и везде нас будут расспрашивать о том, что нового в храмах Кацураги и Кимбу-сэн, а также на священной вершине Шакья-Муни и в других горных обителях, и о том, как поживает такой-то и такой-то...

– Ну, это не так уж трудно, – сказал Бэнкэй. – Все таки вы обучались в храме Курама, и повадки ямабуси вам известны. Вон и Хитатибо пожил в храме Священного колодца Миидэра, начнет говорить – не остановишь. Да и сам я с горы Хиэй и кое-что знаю о горных обителях. Так что ответить мы как-нибудь сумеем. Прикинуться ямабуси ничего не стоит, если умеешь читать покаянные молитвы по «Сутре лотоса» и звать к Будде согласно сутре «Амида». Решайтесь смело, господин!

– А если нас спросят: «Откуда вы, ямабуси?» Что мы ответим?

– Гавань Наои-но цу в Этиго как раз на середине дороги Хокурокудо. Если нас спросят по сю сторону, скажем, что мы из храма Хагуро и едем в Кумано. А если спросят по ту сторону, скажем, что мы из Кумано и едем в храмы Хагуро.

– А если встретимся с кем-нибудь из храма Хагуро и он спросит, где мы там жили и как нас зовут?

Бэнкэй сказал:

– Когда подвизался я на горе Хиэй, был там один человек из храма Хагуро. Он говорил, что я точь-в-точь похож на некоего монаха по имени Арасануки из тамошней обители Дайкоку. Ну, я и назовусь Арасануки, а Хитатибо будет Тикудзэмбо, мой слуга.

Ёсицунэ сказал с сомнением:

– Вы-то оба настоящие монахи, вам даже притворяться не надо. А мы-то каковы будем ямабуси в их черных шапочках токин и грубых плащах судзугаки, окликающие друг друга по именам Катаока, Исэ Сабура, Васиоо?

– Ну что же, всем дадим монашеские прозвания! – бодро сказал Бэнкэй и тут же напропалую наделил каждого звучным именем...

Судья Ёсицунэ облачился поверх ношеного белого косодэ в широкие жесткие штаны и в короткое дорожное платье цвета хурмы с вышитыми птицами, ветхую шапочку токин он надвинул низко на брови. Имя же ему теперь было Яматобо. Все остальные нарядились кто во что горазд.

Бэнкэй, который выступал предводителем, надел на себя безупречно белую рубаху дзёэ с короткими рукавами, затянул ноги исчерна-синими ноговицами хабаки и обулся в соломенные сандалии. Штанины хакама он подвязал повыше, на голову щегольски нахлобучил шапочку токин, а к поясу подвесил огромный свой меч «Иватоси» – «Пронзающий камни» – вместе с раковиной хорагаи. Слуга его, ставший при нем послушником, тащил на себе переносной алтарь ои, к ножкам которого была привязана секира с лезвием в 8 сунов, украшенным вырезом в виде кабаньего глаза. Там же был приторочен меч длиной в 4 сяку и 5 сунов...

Всего их было шестнадцать, вассалов и слуг, и было при них 10 дорожных коробов. В 1 из алтарей уложили святыни. В другой уложили десяток шапок эбоси, кафтанов и штанов хакама. В остальные уложили панцири и прочие доспехи...

...Бэнкёю пришлось взять на себя заботу о наружности госпожи (Ёсицунэ вез с собой беременную жену), хотя никогда прежде не был он приближен к ее особе. И безжалостно срезал он по пояс волосы, струившиеся, словно читай поток, по ее спине ниже пят, зачесал их высоко и, разделив на два пучка, кольцами укрепил на макушке, слегка набелил личико и тонкой кистью навел ей узкие брови. Затем облачил он ее в платье цвета светлой туши с набивным цветочным узором, еще одно платье цвета горной розы, ярко-желтое, со светло-зеленым исподом, а поверх – косодэ из ткани, затканной узорами; нижние хакама скрылись под легким светло-зеленым кимоно. Затем надел на нее просторные белые хакама «большеротые», дорожный кафтан из легкого шелка с гербами, узорчатые ноговицы, соломенные сандалии, высоко подвязал штанины хакама, накрыл голову новехонькой бамбуковой шляпой, а к поясу подвесил кинжал из красного дерева в золоченых ножнах и ярко изукрашенный веер. Еще дал он ей флейту китайского бамбука и на шею – синий парчовый мешок со свитком «Лотосовой сутры».

«Гикэйки» подробно повествует обо всех перепетиях этого необычного путешествия. Поскольку Бэнкёю пришлось играть роль предводителя группы ямабуси, именно ему пришлось вести переговоры со стражей на заставах и властями. Играл свою роль он отменно: если надо было лупил Ёсицунэ веером как простого служку, читал молитвы, а один раз даже требовал со стражи подаяние «на восстановление Великого Восточного храма». Благодаря его находчивости, Ёсицунэ и его сподвижники вышли из всех передрыг и благополучно добрались до владений Фудзивары Хидэхиры.

Это замечательное путешествие под видом ямабуси надолго запомнилось потомкам и послужило основой для сотен легенд. Что же касается нин-дзюцу, то переодевание в ямабуси стало одним из 7 классических амплуа шпиона, действующего под прикрытием. И если Бэнкэй полагался в основном на собственную находчивость и экспромт, ниндзя последующих поколений превратили маскировку под ямабуси в продуманную до мелочей систему, что отражено, например, в первой главе первого свитка знаменитого наставления XVII в. по нин-дзюцу «Сёнинки»: «В старину, когда Минамото Ёсицунэ [и его вассалы] под видом 12 ямабуси направились в Осю, то, что Мусасибо на заставе Адака назвал имевшийся у него с собой свиток „книгой пожертвований“ и принялся читать ее вслух, было проявлением находчивости, но, если он хотел обмануть [врага], представившись [монахом] из Южной столицы (г. Нара) и [при этом] не изготовил настоящей книги для учета пожертвований, это было опасно».

Бэнкэй оставался со своим господином до последних мгновений и погиб, защищая его: "Он встал в воротах навстречу напавшим врагам. Он рубил навзлет и наотмашь, он протыкал

животы коням, а упавшим всадникам отсекал головы ударами алебарды под шлем либо оглушал их ударами тупой стороной меча и резал насмерть. Он рубил направо, налево и вокруг себя, и ни один человек не мог к нему подступиться и схватиться лицом к лицу. Бессчетное число стрел торчало в его доспехах. Он ломал их, и они повисали на нем, как будто надел он шиворот-навыворот соломенную накидку мино. Оперения черные, белые и цветные трепетали под ветром, словно метелки тростника обана в осеннюю бурю на равнине Мусаси.

В безумной ярости метался Бэнкэй, нанося удары на все стороны, и нападающие сказали друг другу:

– Что за диво! Сколько своих и чужих уже перебито, и только этот монах при всем безумстве своем жив до сих пор! Видно, самим нам не справиться с ним. Боги-хранители и демоны смерти придите на помощь и поразите его!

Так взмолились они, и Бэнкэй разразился хохотом.

Разогнав нападавших, он воткнул алебарду лезвием в землю, оперся на древко и устремил на врагов взгляд, исполненный гнева. Стоял он как вкопанный, подобный грозному божеству Нио. Пораженный его смехом, один из врагов сказал:

– Взгляните на него, он готов перебить нас всех. Недаром он уставился на нас с такой зловещей ухмылкой. Не приближайтесь к нему!...

А Бэнкэй был давно уже мертв... Да, Бэнкэй умер и заостенел стоя, чтобы не пропустить врага в дом, пока господин не совершит самоубийство".

Хаттори Хэйнайдзаэмон Иэнага – основатель нин-дзюцу Ига-рю

Ко времени войн между Тайра и Минамото предания относят и возникновение традиции нин-дзюцу Ига-рю. У истоков ее стояла влиятельная семья Хаттори, а конкретнее, если верить сообщению «Записей о создании нин-дзюцу» («Нинсо-но ки») из книги XVI в. «Нинпо-хикан»³², – тогдашний глава этого рода Ига (Хаттори) Хэйнайдзаэмон.

Род Хаттори был одним из очень древних и уважаемых провинциальных аристократических родов. Согласно древнейшему генеалогическому списку японских аристократических родов «Синсэн сёдзироку», свою родословную Хаттори возводили к одному из важнейших богов синтоистского пантеона Амэ-но минака-нуси. Как показывает само название этого рода – а «Хаттори» в переводе на русский означает «ткач [работающий] на станке», – его представители издревле занимались ткачеством и прядением. Поскольку в синто ткани наделялись сакральным значением, Хаттори были тесно связаны с синтоистским культом. В «Энги-сики»³³, например, имеется описание обряда Каммисо-сай, в котором одну из главных ролей играли как раз представители этого рода.

Однако Окусэ Хэйситиро излагает историю семьи Хаттори иначе. Он считает, что Хаттори были потомками китайского иммигрантского рода Удзумаса, приехавшего в Японию в середине IV в. Удзумаса завезли в Японию разные ремесла, но главным их занятием были ткачество и театральное искусство саругаку.

Театр саругаку представлял собой сочетание песен, танцев, акробатики, силовых номеров, фокусничества, чревовещания и кукольных представлений. Зародился он в западных районах Китая. Попав в Японию, представления саругаку стали устраиваться главным образом в синтоистских храмах во время праздников.

Как бы то ни было, к началу эпохи Хэйан семья Хаттори занимала довольно высокое положение. В источниках того времени встречаются упоминания о Хаттори-но мурадзи – «губернаторе» провинции из семьи Хаттори. Ее члены служили даже в императорской охране.

Возвышение семьи Хаттори продолжалось и в XII в., особенно во второй его половине, когда Хаттори установили вассальные отношения с Тайрой Томомори, представителем

³² «Тайный свиток по учению ниндзя».

³³ «[Уложение] о церемониях годов Энги».

крупнейшей самурайской фамилии Тайра и сыном фактического правителя страны Тайры Киёмори.

В это время Хаттори были назначены «представителями» (дайкан) Тайры Киёмори в провинции Ига и стали проводниками его политики. Чтобы еще больше укрепить свои позиции в Ига, Тайра Киёмори построил на горном плато неподалеку от замка Хаттори монастырь Хэйраку-дзи (ныне находится на территории г. Ига Уэно).

Согласно преданиям, семья Хаттори уже в это время практиковала нин-дзюцу. Однако в источниках той поры непосредственных указаний на это нет, хотя кое-какие косвенные данные позволяют предположить такую возможность. Здесь особое внимание следует обратить на некоторые обряды, к которым допускались исключительно члены клана Хаттори.

В 977 г. в Ига был построен крупнейший синтоистский храм этой провинции Айкуни-дзиндзя. Он был посвящен двум божествам-прародителям рода Хаттори – Сукунабикона-но микото и Канэяма-химэ. Само строительство этого храма отражает усиление позиций Хаттори в регионе. Характерно, что со временем на службу в него перестали допускаться представители других родов.

В Айкуни-дзиндзя проводились самые разные ритуалы, посвященные богам Хаттори. По мере усиления рода они становились все пышнее и пышнее. Одно из таких празднеств в конце периода Хэйан получило название «Курото-мацури» – «Праздник черного объединения». Откуда взялось столь странное название, и что оно означает?

Празднество Курото-мацури начиналось в день зайца в 12 месяц года. В этот день из храма Айкуни-дзиндзя на берег реки Цугэ выносились священные паланкины, в которых якобы пребывали божества Сукунабикона-но микото и Канэяма-химэ, и помещались в специально построенный храм-дворец богов. Ритуальное поклонение божествам на берегу Цугэ продолжалось в течение 7 дней, после чего их торжественно водворяли назад в святилище. Процессия, сопровождавшая микоси, состояла исключительно из членов семьи Хаттори, которые были поголовно одеты в особые костюмы черного цвета, напоминающие маскировочные костюмы (синоби-сёдзоку) ниндзя. Посторонние на церемонию не допускались.

Вся атмосфера обряда, странные одеяния участников да и само их название – «черное объединение» – позволяют предположить, что уже в то время Хаттори практиковали нин-дзюцу.

Впрочем, есть и другая версия происхождения названия «Курото-мацури». В некоторых текстах, оно записывается другими иероглифами, которые в совокупности обозначают «тяжелый праздник». Дело в том, что проведение этого обряда требовало немалых затрат и потому сильно «било по карману» – отсюда и «тяжелый праздник».

Как уже говорилось, некоторые тексты ниндзя называют создателем школы нин-дзюцу Ига-рю Ига (Хаттори) Хэйнайдзаэмона Иэнагу, который жил во второй половине XII в. Что же нам известно об этом человеке? По сути, лишь несколько легенд.

Согласно одной из них, Хаттори Иэнага был замечательным стрелком из лука. В молодости он служил в охране императорского двора. И как-то раз ему довелось продемонстрировать свое мастерство перед самим императором на стрельбах во дворце Рокудзё-ин. Выдающееся мастерство Иэнаги, одержавшего победу в состязаниях того дня, произвело большое впечатление на императора, и тот щедро наградил его и пожаловал ему тележку с тысячей отборных стрел.

После этого случая Хаттори, якобы, приняли новый фамильный герб: в широком кольце, изображающем колесо тележки, на которой были привезены стрелы – дар императора, еще одно кольцо, образованное выемками в стрелах для вставления тетивы, а в нем – оперения двух стрел летящих друг навстречу другу. До нас дошла и еще одна версия этого герба: оперения двух стрел летящих друг навстречу другу на фоне солнца и луны. Вассалы Хаттори тоже стали изображать на своих гербах оперения стрел.

Еще одна интересная история рассказывает об участии Хаттори Иэнаги в войне с Минамото. Как верный вассал во время боевых действий он вместе со своим отрядом постоянно находился при Тайра Томомори, пережил страшную битву при Данноуре, но убит не был и харакири не совершил, а бежал на родину в Ига. Там он укрылся в тайной деревне Ёно на западе провинции. В Ёно он принял новую фамилию Тигати и так избежал ареста. В этом поведении прослеживается характерный обычай ниндзя, которые считали, что умирать вместе с

господином совсем необязательно, важнее сохранить жизнь для будущей работы.

Интересно и другое. Дело в том, что поражение Тайра отнюдь не подорвало позиций Хаттори, так как Хаттори Ясукиё, родной сын Хэйнайдзаэмона, заранее присоединился к Минамото и после их победы получил все владения, принадлежавшие его отцу, сражавшемуся на стороне Тайра. Иными словами Хаттори заранее устроили так, что при любом исходе войны они ничего не теряли!

Семья ниндзя Момоти выходит на сцену

К периоду войны Гэмпэй относится и появление на исторической сцене другой знаменитой семьи ниндзя из Ига – Момоти. Впервые эта фамилия всплывает в материалах о строительстве буддийского монастыря школы Сингон Тёкуган-дзи (ныне Эйхо-дзи). Согласно преданиям, император Сиракава в 1082 г. обратился к семье Момоти с просьбой выстроить этот монастырь в провинции Ига, что она и сделала, возведя его в селении Ходзиро в деревне Юсэй провинции Ига. После этого Момоти поселились в Ходзиро и построили там же собственную крепость в непосредственной близости от Тёкуган-дзи (крепость Момоти фактически примыкает к монастырю с одной стороны). Таким образом, уже на заре своей истории Момоти были довольно известной семьей, имевшей крепкие связи с центральной властью. К концу XII в. Момоти едва ли уступали по влиянию даже знаменитым Хаттори. Так же, как и Хаттори, члены семьи Момоти служили в дворцовой страже в столице.

Ряд данных свидетельствует, что, по-видимому, Хаттори и Момоти были родственниками. Это подтверждается, например, сходством их фамильных гербов и преданий, описывающих происхождение этих гербов. Вот что рассказывается о гербе Момоти.

Когда Момоти Тамба Ясумицу (это имя носили многие представители семьи Момоти, поэтому нередко возникает путаница, кто из них что и когда делал) проходил службу в дворцовой страже (при каком императоре это было точно неизвестно), в императорском дворце появилась злая волшебная лиса. Она вывесила на небе 7 лун и из ночи в ночь стала мучать императора. Ясумицу же был мастером стрельбы из лука и отважным воином. И однажды ночью он прицелился из лука и послал стрелу в одну из колдовских лун, и – чудо! – попал прямо в зловредную лисицу. С тех пор колдовские чары развеялись, и все пришло в порядок.

Император восхитился отвагой Ясумицу, не побоявшегося вступить в схватку с нечистью, и щедро наградил его. После этого Ясумицу изменил родовой герб. С тех пор на нем на фоне 7 звезд Большой Медведицы красуются оперения 2-х стрел летящих друг навстречу другу.

Нет сомнений, что эта история была придумана гораздо позднее, чем жил пресловутый Момоти Ясумицу (в ней смешаны 2 легендарных сюжета японского фольклора: предание о храбрости воине Минамото Ёримицу и легенда о девятихвостой лисице), особенно, если сравнить ее с довольно реалистичной историей герба Хаттори. Однако, важно отметить само появление этой легенды, так как, вероятно, она была сфабрикована в период выделения Момоти из рода Хаттори с целью доказать независимость и высокое происхождение первых. Возможно, произошло это после поражения Тайра в войне Гэмпэй, и было сделано одной из ветвей Хаттори, чтобы подчеркнуть свою непричастность к Хаттори Хэйнайдзаэмону Иэнаге, запятнавшему себя сотрудничеством с побежденными.

Точно неизвестно, к кому присоединились Момоти в период войны Гэмпэй – по одним сведениям, к Минамото Ёриёси, по другим, – к Тайре Кагэмасе. Это не может не напомнить нам хитрый ход семьи Хаттори, одни члены которой стали на сторону Тайра, другие – на сторону Минамото. И это очень важно, так как согласно преданиям жителей Ига Момоти уже в это время практиковали искусство нин-дзюцу, которое они, якобы, изучили у ямабуси из так называемых «49 обитателей Ига», которые располагались совсем неподалеку от Ходзиро.

В период Камакура (1192-1333) в Японию проникает Дзэн-буддизм. Дзэн оказал колоссальное влияние на всю воинскую традицию Японии и в том числе на нин-дзюцу.

В это же время в стране Восходящего солнца развернулось движение акуто – «бандитских шаек». Акуто быстро переросли в группы военных наемников, единственным средством существования которых стала военная служба. Таким образом сложились предпосылки для существования самой профессии ниндзя и для возникновения «шпионских бюро» на основе нескольких старинных кланов, издревле пестовавших искусство шпионажа.

Проникновение Дзэн-буддизма в Японию и его влияние на нин-дзюцу

В популярной литературе по нин-дзюцу нередко можно встретить утверждения, что самурайское военное искусство развивалось под влиянием Дзэн-буддизма, а нин-дзюцу – под влиянием сюгэндо и эзотерического буддизма. Такое противопоставление совершенно неправомерно. Оно опирается на ложную концепцию противостояния культуры самураев и ниндзя, о чем ранее уже шла речь. В действительности нин-дзюцу испытало огромное влияние со стороны Дзэн-буддизма, но об этом чуть позже. А сейчас несколько слов о сущности Дзэн-буддизма и его значении для боевых искусств Японии в целом.

Начало распространения Дзэн в Японии совпало по времени с переходом власти в стране от родовой аристократии к военному сословию, которое остро нуждалось в новой идеологии и культуре. Дзэн отвечал запросам самураев. Поэтому покровителями дзэнских монахов стали главы таких военно-феодалов домов как Нитта, Сибя, Уэсуги и даже сёгуны Минамото. Позже Дзэн активно поддерживали правители из рода Асикага.

Вслед за признанием правящих кругов Дзэн-буддизм добился большой популярности в среде профессиональных воинов. Принятие Дзэн воинским сословием было закономерным. Суровые условия междоусобных войн, экспедиций против айнов, борьба с киотосским двором и усмирение крестьянских восстаний требовали от самураев силы воли, самообладания и хладнокровия. Именно в это время на сцене и появились проповедники школы Дзэн, которые утверждали необходимость постоянной работы над собой, умение выделить суть любой проблемы, сосредоточиться на ее разрешении и невзирая ни на что идти к цели. Кроме того, активная позиция Дзэн, его идея достижения нирваны (состояния райского блаженства) посреди сансары (земной юдоли) весьма импонировали профессиональным воинам, которые по роду своей деятельности должны были без конца нарушать принципы ненасилия, что порицалось многими другими школами буддизма.

Дзэн-буддизм импонировал самураям выработкой у них самообладания, хладнокровия, воли – необходимых качеств воина-профессионала. Идеалом буси считалось не дрогнуть (внешне и внутренне) перед лицом опасности, сохранить способность трезво оценивать ситуацию. Несмотря ни на что самурай должен был идти прямо на врага, не отступая ни на шаг, не оглядываясь, не обращая внимания на своих соседей. В то же время Дзэн учил невозмутимости и сдержанности и в повседневной жизни, что для заносчивых самураев было подчас нелегко.

Особое значение для самураев имел акцент Дзэн на развитии интуиции, интуитивного и мгновенного ответа на любое изменение ситуации. Дзэнская методика тренировки сознания позволяла самым лучшим образом развить эти качества. Для иллюстрации значения интуиции для воина приведу один пример из жизни великого мастера фехтования Камиидзуми Исэ-но Ками Нобуцуны. Однажды мастер, у которого было много врагов и завистников, возвращался домой поздно ночью. Вдруг он почувствовал надвигающуюся опасность. Не останавливаясь, Камиидзуми мгновенно обнажил меч и молниеносно очертил круг. Четверо злоумышленников рухнули к его ногам. Подобные истории часто встречаются в источниках по боевым искусствам. Они призваны демонстрировать эффективность дзэнской тренировки в подготовке воина.

Дзэн рассматривал бытие в существующем мире как иллюзию. Внешний мир, по буддийской концепции, иллюзорен и эфемерен, он только проявление всеобщего Ничто, из которого все рождается и куда все возвращается. Поэтому наставники Дзэн учили не цепляться за жизнь и не бояться смерти.

Множество историй, дошедших из феодальной эпохи, свидетельствуют о бесстрашии и преданности самураев. Так, в одном предании повествуется об одном князе, армия которого потерпела поражение в битве и была прижата врагами к пропасти. Не желая сдаваться в плен на милость победителя, князь решил погибнуть как подобает истинному буси. «За мной!» – вполголоса сказал он и бросился в пропасть. Все самураи, ни секунды не колеблясь, последовали за своим господином.

Еще одной стороной, привлекавшей самураев к учению Дзэн, была его кажущаяся простота. Ведь Дзэн не требовал от воина изучения многочисленных сутр, комментариев. Истина, согласно его учению, не может быть постигнута из писаний. Только интуиция может привести к постижению «истинного сердца Будды».

Кроме того, для самураев было важно то, что дзэнское учение было связано с китайской сунской культурой. В эпоху Камакура японские самураи через Дзэн получили возможность приобщиться к достижениям континентальной культуры. Дзэн оказал большое влияние на становление нового канона в эстетике, определил многие ключевые направления развития японской литературы и искусства.

Воспитание бесстрашия и умения мгновенно, без размышлений, выдавать правильный ответ на возникшую ситуацию не могли не привлечь внимание ниндзя, которым по самой специфике работы приходилось то и дело сталкиваться с нештатными ситуациями, когда спасти жизнь могли лишь решительные и неординарные действия. В ряде легенд о знаменитых ниндзя явно отразилось влияние дзэнских методов тренинга на методику подготовки лазутчика-диверсанта.

Кража фарфоровой черепахи

... В старину жил-был один великий учитель нин-дзюцу. У него было много учеников, и однажды посреди бела дня он приказал им:

– Идите немедленно и украдите для меня из фарфоровой лавки большую черепаху!

Ученики поняли, что наставник хотел испытать их искусство, и с готовностью отправились исполнять приказ. Однако дело было днем, а черепаха была довольно большого размера, так что надеяться на то, что никто не заметит кражи, было нечего. Долго бродили они вокруг лавки, но придумать способ украсть черепаху так и не смогли. Окончательно пав духом, они явились с повинной к наставнику.

– До чего же вы бестолковы! – заявил в ответ учитель. – Ну что ж, видимо, придется мне показать вам свое мастерство.

С этими словами ниндзя направился к фарфоровой лавке.

Ждать его возвращения пришлось недолго: вскоре на дороге показался учитель со взваленной на спину огромной фарфоровой черепахой. Все ученики были поражены ловкостью мастера, но один из них, украдкой наблюдавший за наставником, заявил, что мастер попросту ее купил. При этих словах все ученики захлопали в ладоши и засмеялись.

Но тут вмешался сам учитель, спокойно сказавший:

– Вот поэтому-то вас и называют недопесками. Вы все кричали: «Черепаха, черепаха»! Эта большая черепаха просто приковала ваше сознание, и вы не замечали ничего вокруг. Когда я вошел в лавку, я сначала украл десять маленьких черепашек и спрятал их в рукаве. Потом я спросил хозяина, сколько стоит эта большая черепаха, и просто предложил ему поменять ее на десять маленьких черепашек.

Эта легенда во многом похожа на дзэнскую притчу. Она проповедует свободу и гибкость мышления. А вот следующая легенда ярчайшим образом демонстрирует дзэнскую методику обучения ниндзя.

Учись на своей шкуре!

В старину жил-был один знаменитый ниндзя, у которого был сын-недотепа, страстно желавший обучиться шпионской науке. Долгое время он приставал к папаше с просьбами преподавать ему уроки мастерства, и наконец наставник согласился. Прокравшись вместе с сыном

в амбар усадьбы одной богатой семьи, ниндзя заставил его залезть в какой-то ящик, после чего запер его на замок, заорал: «Воры! Воры!» – и дал деру. Заслышав этот вопль, мальчик ужасно удивился и испугался. Но плакать не заплакал, да и звать никого не стал, а лишь лежал и проклинал папашу последними словами за его безжалостное обращение. Тем временем слуги, сами немало удивленные происшествием, пришли проверить амбар, но ничего подозрительного не заметили. Незадачливый ниндзя же, запертый в ящике, по некотором размышлении стал царапать нижнюю доску ящика ногтями. Услышав этот скребущийся звук, слуги сначала подумали, что это мышь, но звук все не прекращался. Тогда они поняли, что звук исходил из ящика, и сорвав замок, открыли его крышку. Именно этого и добивался мальчишка, который, как только крышка была поднята, вскочил, как молния, и побежал что было духу. За ним с воплями «Держи вора!» понеслась толпа слуг. Деваться было некуда. «Ниндзенок» метался из стороны в сторону, пока, наконец, не добежал до колодца. Там он увидел большой камень и моментально придумал спасительную уловку. Схватив камень, он швырнул его в колодец. Камень с громким плеском грохнулся в воду с большой высоты. И слуги, услышав шум, решили, что это вор нырнул в колодец, окружили его и стали искать веревки или лестницу, чтобы вытащить его на расправу. А мальчонка тем временем, счастливо избежав опасности, сбежал домой.

Добравшись до дому, при виде отца он, дрожащим голосом закричал: «Папа, как же ты жесток!» – и разразился рыданиями.

Но отец оставался невозмутимым и лишь спросил в ответ: «Как же ты сумел вывернуться?»

Мальчик, всхлипывая, изложил ему подробности своего побега, и тогда отец сказал ему: «Здорово! Это – введение в нин-дзюцу. Понял?»

Акуто

Начиная с середины XIII в. во многих провинциях Японии появились так называемые «акуто» – «злодейские шайки». Что же представляли собой акуто и какие цели они преследовали, в чем выражались их «злодейские» действия? Приведем петицию управляющего поместья Аракава провинции Кии от 1291 г.:

Монах Хосин из храма Коя-дэра, дочернего храма Саммон (т.е. Энряку-дзи), почтительно докладывает.

Прошу, чтобы было сделано обращение к военным властям [и] в со-ответствии с установленными законами представленные в списке люди были взя-ты под стражу и наказаны. Гокэнин³⁴ провинции Кии Миякэ Таро нюдо Дзёсин и другие ночью 26 дня 7 месяца ворвались в жилище Хосина в сёэне³⁵ Аракава, захватили предназначенные синтоистскому храму Хиэ подношения и имущество, сожгли 35 сельских построек и жилищ крестьян. В 8 день 9 месяца они устроили засаду в храме Коя, убили двоих вассалов – Дзюро нюдо и Сабуро. Подобного злодейского разбоя ранее никогда не было".

Управляющий представил храму 12 документов, из которых видно, что «злодейская шайка» состояла из жителей соседних сёэнов Ёсинака, Натэ, Хигасирами, Касэда и других. Главарь – гокэнин Дзёсин в то время еще не был взят под стражу, хотя уже находился под следствием в связи с убийством племянника управляющего сёэна Танака. Несмотря на это, он вторгся в сёэн Асо провинции Идзуми, а затем в сёэн Аракава. В «злодейской шайке» было много его родственников. Они захватили 35000 медных монет, 1 коку 5 то риса (ок. 270 литров), зерно, гречиху, доспехи, луки, стрелы, седла, конскую упряжь, одежду, спальные принадлежности, кастрюли, горшки, котлы и другие предметы повседневного пользования.

Яркую картину движения акуто дает историческое сочинение «Хосоки», написанное в

³⁴ Вассал сёгуна.

³⁵ Поместье.

1348 г. в храме Икаруга-дэра и повествующее о событиях в провинции Харима: "С годов Сёан и Кангэн (1299-1303) стало видно и слышно, что в различных местах происходило бесчинство, в заливах действовали пираты, нападали группы бандитов, горные разбойники и т.д., их не успевали усмирять. Они отличались от обычных людей, одевались в странную одежду и имели необычный внешний вид. Они носили легкое полотняное кимоно цвета хурмы, прицепляли женские зонтики, не носили эбоси³⁶ и хакама. Они ходили украдкой, не показывая людям лицо, на спине носили бамбуковый колчан с малым числом стрел, на боку прицепляли большой меч с облупленной рукояткой в ножнах, имели бамбуковые копья и заостренные палки, не надевали панцирь и другое защитное снаряжение. Они собирались по 10-20 человек, иногда укреплялись в замке или, наоборот, присоединялись к тому, кто штурмовал замок. Иногда они переходили на сторону противника, совершали предательство. Они вели себя только так и не держали обещаний. Они любили азартные игры, их основным занятием было мелкое воровство. Несмотря на указы бакуфу³⁷ и запреты сюго³⁸, их число росло.

Бакуфу с весны 1 года Гэнъо (1319) отправило гонцов в 12 провинций районов Санъёдо и Нанкайдо. В нашей провинции Харима Ио Тамэёри, некто Сибуя, некто Касуя и другие вместе с представителем сюго Судо нюдо собрали клятвы с управляющих поместьями, гокэнинов и добились усмирения. Находящиеся в разных местах замки и жилища акуто числом 20 были сожжены, убиты те, кто там находился; представлен их список из 51 человека. Пользуясь этим случаем, всем гокэнинам провинции, включая тех, кто находился в Киото, был отдан строгий приказ об их аресте, но реальных результатов не было. Известных буси назначали командирами усмирительных отрядов, дзито³⁹ и гокэнины были объединены в группы и по очереди охраняли два места – Акаси и Нагэси; поэтому 2-3 года было тихо, но с наступлением годов Сётю и Каряку (1324-1329) их поведение значительно превзошло все то, что было в предыдущие годы, поразило Поднебесную.

Они, сидя на хороших лошадях, следовали по 50-100 всадников, вели запасных лошадей, везли сундуки, луки со стрелами, доспехи, и все это было великолепным, украшенным инкрустацией золотом и серебром, надетые панцири ярко сверкали на солнце. Даже если земля не была спорным объектом судебного разбирательства, они объявляли себя сторонниками истца, захватывали эту землю. Объединялись в шайки, давали взаимные обещания. Такие группы, объединенные договоренностью, разрушали или строили замки. Земляные стены они красили, как в древности, возводили башни, сбрасывали [на врага] бревна и с помощью пращи метали камни, ставили вышки [для предводителя], устанавливали большое количество ширм, щитов, бамбуковых заграждений. Поскольку многие из них приходили из провинций Тадзима, Тамба, Инаба, Хоки и других, то предоставляемые им на это расходы назывались «ямакоси» – «переход через горы»; по договору за обещанное вознаграждение они могли выступить на стороне любого. У них не было боязни людских глаз и чувства стыда. Буси считается тот, кто делает себе харакири; они же хотя сами и знают, что такое стыд, но, утверждая, что нахождение в военном лагере совсем другое дело, наоборот, восхваляют нарушение обещаний и предательство; их боятся и те воины, которые охраняют заставы, и те, кто направляется на их усмирение. Поэтому из-за их беззаконий, таких, как снятие урожая с чужих заливных и сухоходных полей, набеги, захваты и т.д., в конечном счете, думается, не осталось сёэнов, где управление сохранилось бы в порядке.

Большинство жителей провинции высокого и низкого статуса стали их сторонниками; из-за того, что [направленные на их подавление и подкупленные ими] буси закрывали на все глаза и уши, [деятельность акуто стала активной и] возникли важные события годов Гэнко (т.е.

³⁶ Головной убор знати.

³⁷ Сёгунское военное правительство.

³⁸ Военный губернатор.

³⁹ Управляющий поместьем.

свержение регентов из дома Ходзё коалицией феодалов под руководством императора Годайго в 1333 г.). Их действия были проявлением ошибок правления буси".

Среди японских историков нет единого мнения на проблему сущности акуто. По-видимому, это явление носило чрезвычайно сложный характер. По одним данным, акуто были местными буси-феодалами, во главе которых стояли вассалы сёгуната, не желавшие отправлять рисовый налог владельцам поместий. По другим данным, основу акуто составили зажиточные люди, главным образом торговцы, становившиеся землевладельцами, и зажиточные крестьяне.

Но, как бы то ни было, говоря об акуто, следует обратить внимание на связь этого движения с процессом разделения труда и развитием денежного обращения. С одной стороны, в это время Япония достигла столь высокого уровня экономического развития, что сложились предпосылки для выделения групп людей, не занятых непосредственно в производстве. С другой, развитие денежного обращения привело к тому, что достаточным условием существования человека стало обладание деньгами, а не землей, как при натуральном хозяйстве. Отсюда стремление акуто к захвату денег и иных богатств, а не земель.

В то же время, вследствие появления излишков сельскохозяйственной продукции, некоторые феодалы получили возможность нанимать к себе на службу хороших военных профессионалов, каковыми и были многие акуто. Правда, одной возможности для этого явно недостаточно. Нужна ведь еще и потребность. И, судя по всему, такая потребность у феодалов была. Во всяком случае, в источниках есть немало примеров, когда они покрывали все действия акуто и прятали их от преследований в своих владениях. Об этом свидетельствуют, например, дополнения к кодексу 1232 г., опубликованные в 1262 г.:

"О тех, кого берут [под следствие] из [владений] аристократии.

Часто приходится слышать, что находящиеся под стражей [у буси, пребывающих в Киото], подследственные из-за действий частных лиц передаются под стражу тем, кто имеет с ними связи, и в результате возвращаются в места своего жительства или, будучи отпущенными на свободу, совершают незаконные действия в Киото. Отныне подобное должно быть прекращено. Скорейше должно быть проведено рассмотрение дела и наведен порядок. Сообщают, что, находясь под стражей, они окружены многими зависимыми, носят мечи. Это совершенно непотребно. Скорейше должно быть прекращено.

О тех случаях, когда не выносится решение о взятии под стражу [членов] злодейских шаяк.

Если это происходит во владениях дзито и гокэнинов, то обстоятельства должны быть выяснены и доложены. По их рассмотрении должно выноситься предупреждение. Если злодеи скрываются во владениях столичных аристократов, об этом скорейше должно быть доложено.

О тех, кто использует злодейские шайки.

Они способствуют буйству. Их имена как можно скорее должны быть сообщены. А затем принято решение...

О наказании тех, кому было поручено содержание преступника под стражей, но преступник бежал.

Решение должно выноситься в Рокухаре в соответствии со степенью тяжести вины [бежавшего]".

По сути, переход акуто на службу к феодалам за плату знаменовал начало традиции наемничества, появление группы профессиональных воинов, не являющихся чьими-либо вассалами, не имеющих собственных владений и живущих продажей своих профессиональных навыков. Для нин-дзюцу это имело огромное значение, поскольку именно таким образом в Японии появились кланы, основным занятием которых был военный и политический шпионаж. В этом плане хочется отметить, что феномен акуто большинство японских историков исследовали на основе материалов о «злодейских шайках из сёзна Курода», костяк которых составляла знаменитая семья ниндзя (нинкэ) Хаттори, о чем пойдет речь далее. Интересно также, что японские ученые отмечают, что, если поначалу группы акуто имели ярко выраженный кровнородственный характер, то впоследствии они развились в территориальные организации, в которых видится прообраз мощных группировок ниндзя провинции Ига и уезда Кога провинции Оми.

Сёгунское правительство пыталось бороться со «злодейскими шайками». Оно часто издавало указы о необходимости разгрома акуто, отдавало подобные приказы отдельным сёго, назначало заместителей сёго и влиятельных гокэнинов уполномоченными по борьбе с ними. Хотя эта борьба и не велась активно, она все же создавала угрозу для «злодейских шаек». Поэтому последние, не имея возможности удержать свои опорные пункты в столкновениях с самурайскими дружинами, стали активно использовать тактику партизанской войны. Кроме того, они умело играли на противоречиях в господствующем классе и для борьбы с конкретными владельцами сёнов или с бакуфу использовали поддержку других владельцев сёнов. Во время свержения камакурского сёгуната в 1333 г. многие из них выступили на стороне антиправительственных войск.

Акуто в силу различных причин потерпели поражение. Но некоторые из них смогли выстоять вплоть до конца XVI в., когда Япония была окончательно объединена и поставлена под контроль сёгуном Токугавой Иэясу. После установления сёгуната Муромати (1336-1573) они иногда становились вассалами сёго, а в некоторых случаях силами своих территориальных организаций устанавливали контроль над целыми районами.

«Злодейские шайки» Курода и объединение семей Хаттори и Оэ

В период Камакура в провинции Ига сложилось мощное объединение дзи-дзамураев, или госи⁴⁰, (некоторые историки относят его появление даже к концу периода Хэйан), которое вошло в историю под названием «Курода-но акуто» – «злодейские шайки [сёна] Курода».

В это время в Ига было очень мало поместий знати. Почти вся земля здесь принадлежала религиозным объединениям, среди которых выделялись буддийские монастыри Тодай-дзи и Кофуку-дзи и синтоистское святилище Исэ-дзингу. Самые большие владения были у Тодай-дзи. Они охватывали почти всю территорию Ига. Таким образом, этот храм был фактическим владельцем провинции. Воспользовавшись тем, что контроль со стороны Тодай-дзи был довольно слабым, местные дзи-дзамураи объединились в шайки и принялись отщипывать от владений храма земли кусочек за кусочком. Во главе этого объединения дзи-дзамураев стояли два семейства – Хаттори и Оэ.

Главой Хаттори в это время был Ясукиё, одним из первых ставший вассалом сёгуна Минамото Ёритомо. Как уже говорилось, он был старшим сыном Хаттори Хэйнайдаэмона Иэнаги, сражавшегося во время войны Гэмпэй на стороне Тайра. В то время, как его отец оказался в числе беглецов, подлежащих аресту, Ясукиё вовремя сообразил, откуда ветер дует, и принял нужную сторону. Благодаря этому он не только сохранил фамильные земли в Ига, но и сумел их увеличить, решительно подавляя все выступления против Минамото. Так, прознав о том, что в монастыре Сэндо-дзи, находившемся в деревне Ямадо уезда Аяма провинции Ига, укрылся Синода Сабуро Ёсихиро, один из сподвижников Кисо Ёсинаки, разгромленного Минамото, он приказал своему родственнику Хаттори Хэйроку Масаами неожиданно напасть на него. В бою Синода был убит, и Ясукиё отправил его голову в Камакуру, где находилась резиденция Ёритомо. За проявленную ретивость сёгун наградил его новыми землями. Как видим, у Ясукиё было прекрасное чутье на добычу, поэтому нет ничего странного, что именно он принял самое деятельное участие в образовании коалиции дзи-дзамураев для борьбы с храмом Тодай-дзи.

В это время в Ига была еще одна мощная военная сила – семья Оэ, члены которой на протяжении многих поколений служили управляющими храма Тодай-дзи в провинции Ига. Наибольшее влияние Оэ имели на юге провинции, куда они переселились из провинции Кавати.

Основателем рода Оэ считается Оэ Кунихира (951-1012). Он был знатоком изящной словесности. Многие из его потомков служили преподавателями императоров. Немалые знания были у Оэ и в области военного дела. На этом поприще особенно прославился Оэ Кунифуса. А Оэ Хиромото был руководителем Главного административного ведомства сёгуната Камакура.

Поступив на службу управляющих поместьем Тодай-дзи в провинции Ига, Оэ со

⁴⁰ «Местный воин» – мелкий военный феодал, не имеющий над собой господина.

временем стали манкировать своими обязанностями и расхищать вверенное им имущество. Пока Оэ преданно служили Тодай-дзи, у них были крайне напряженные отношения с бесцеремонными Хаттори. Однако, когда Тодай-дзи, обжегшийся на произволе Оэ, попытался усилить контроль за своими поместьями в Ига, введя систему своих представителей-камибито, чтобы следить за деятельностью Оэ, последние сорвали маску с лица и восстали против монастыря с оружием в руках. С этого времени прежние враги Хаттори и Оэ принялись активно сотрудничать друг с другом и создали коалицию акуто.

Поскольку Тодай-дзи, Кофуку-дзи и другие храмы придерживались принципов недопущения мирских властей на принадлежащие им территории, политический и экономический контроль за положением в Ига со стороны сёгуната был крайне слабым и ограничивался номинальным назначением туда чиновников. Военная власть бакуфу не предпринимала никаких попыток для подавления мятежных акуто. С другой стороны, система камибито под влиянием активных действий «разбойных шаек» была полностью разрушена, и Тодай-дзи, равно как и все другие храмы, утратил практически все рычаги управления своим именем. Все это позволило коалиции дзи-дзамураев подчинить себе почти всю провинцию, в результате чего у семей, истари практиковавших нин-дзюцу, появилась солидная экономическая и территориальная база.

Объединение Хаттори и Оэ в единую коалицию имело большое значение для совершенствования складывающегося воинского искусства ниндзя, поскольку каждая из этих семей имела богатые познания в области военного дела. Если воинская традиция клана Хаттори была тесно связана с ямабуси-хэйхо, представители семьи Оэ были специалистами в классической китайской военной стратегии.

Важно отметить также, что объединение Хаттори с Оэ позволило им распространить свое влияние на провинции Кавати и Сэтцу, где находились старинные родовые поместья Оэ.

Кога и Ига – родина нин-дзюцу

Если поразмыслить о причинах возникновения кланов, занимавшихся нин-дзюцу в уезде Кога, следует обратить внимание на два важных момента. Во-первых, в самом сердце Кога находится гора Иидзака, на которой издревле занимались своей религиозной тренировкой последователи сюгэндо. Во-вторых, в древности уезд Кога входил в уезд Ига, поэтому многие семьи из Кога имели родственные связи с жителями Ига.

Когда именно уезд Кога выделился из уезда Ига точно неизвестно, но, вероятно, произошло это в период Нара. В память о принадлежности к Ига новый уезд получил название, отличающееся только на один первый иероглиф, и посему в слове «Кога» нет никакого смысла. Однако даже после выделения Кога в отдельный уезд Ига и Кога сохранили много общих черт в обычаях и культуре населения. И вообще на протяжении всего периода феодализма в Японии эти две области были теснейшим образом связаны друг с другом. Например, в Кога большую роль играли семьи, связанные родственными узами со знаменитыми Хаттори из Ига, в частности, одна из 53 семей Кога так и называлась «Хаттори».

Нин-дзюцу Кога и Ига, как полагают японские историки, восходит к одному и тому же источнику, а именно к ямабуси-хэйхо. В Кога основным центром практики ямабуси была гора Иидзака, облюбованная отшельниками в глубокой древности. До отделения Кога от Ига это был единственный центр сюгэндо на севере Ига. Только позже в 49 деревнях Ига появились храмы ямабуси, которые, согласно легенде, были построены Кукаем, основателем «тайного учения» школы Сингон. Таким образом, военное искусство Кога и Ига, и нин-дзюцу в том числе, проистекает от ямабуси с горы Иидзака.

Но в политическом отношении, начиная с периода Камакура, ситуация в Ига и Кога сильно различалась. В то время как в Ига коалиция дзи-дзамураев смогла потеснить позиции буддийских монастырей и подчинила себе почти всю провинцию, уезд Кога после вхождения в провинцию Оми оказался во власти сёго этой провинции, обладавшего значительной военной силой. Поэтому дзи-дзамураи из Кога утратили свою самостоятельность и превратились в вассалов рода Сасаки.

Первым сёго провинции Оми был Сасаки Садануна, один из крупных военачальников

сёгуна Минамото Ёритомо. Отец Садацуны в период войны Гэмпэй сражался в провинции Оми с Хиратой Иэцугу, сторонником Тайра и сложил свою голову в бою. За подвиги, совершенные в сражениях с Тайра, Сасаки получили важнейший пост сёго провинции Оми, который стал передаваться из поколения в поколение в их семье.

В конце периода Камакура главой рода Сасаки стал выдающийся полководец Такаудзи, который известен в истории также под своим монашеским именем – Сасаки ньюдо Доё. Он очень умело использовал шпионов, набирая их среди жителей Кога и все более и более укреплял положение рода Сасаки. Начиная с этого периода, кланы ниндзя из Кога стали действовать как единая организация под командованием Сасаки Такаудзи и, по-видимому, именно к периоду его правления относится возникновение знаменитой коалиции госи из Кога, которая получила название «53 клана Кога».

Глава 6 На пороге «золотого века»

30-е гг. XIV в. ознаменовались яростной борьбой между императорской фамилией и захватившей власть в сёгунате семьей регентов Ходзё за власть в стране. События 1333-1336 гг. в японской истории получили название реставрации Кэмму – по девизу правления императора Годайго. Хотя Годайго сумел разгромить Ходзё и на некоторое время установил прямое императорское правление, удержать власть ему не удалось, так как против него восстала новая могучая сила – знатный самурайский клан Асикага во главе с Такаудзи. При поддержке многих самурайских родов Такаудзи в 1336 г. основал сёгунат Асикага, или Муромати – по названию сёгунской ставки в столице Киото. Однако военные действия продолжались еще несколько десятилетий.

Чтобы легитимизировать свою власть Такаудзи возвел на трон своего ставленника из так называемой «северной» ветви императорской семьи. В то же время потомки Годайго, или «южный» двор, укрепились в Ёсино. Период борьбы между этими ветвями, продолжавшийся с 1336 по 1392 г., известен под названием «Намбоку-тё» – период «Южной и Северной династий».

С событий реставрации Кэмму начинается «золотой век» нин-дзюцу, отряды ниндзя появляются практически во всех армиях, создаются первые агентурные сети. Вообще этот период весьма знаменателен в истории военного искусства Японии. Именно в это время возникают первые школы (рю) бу-дзюцу. Одной из них была Катори Синто-рю, оказавшая огромное влияние на все боевые искусства страны Восходящего солнца.

Кусуноки Масасигэ – гений военного дела. Нин-дзюцу школы Кусуноки-рю

Важнейшую роль в событиях реставрации Кэмму сыграл выдающийся полководец Кусуноки Масасигэ, вошедший в историю как символ нерушимой преданности императорскому роду и военного таланта.

Масасигэ буквально ворвался в историю Японии. Легенда рассказывает, что император Годайго укрылся от преследования врагов на горе Касаги, однако положение его было чрезвычайно сложным. Однажды ему приснилось огромное дерево, под которым стоял императорский трон. Поначалу никто не мог растолковать значение этого сновидения, но когда через некоторое время на горе появился некий Кусуноки, заявивший, что желает поддержать императора в его борьбе за реставрацию императорской власти, это было сочтено божественным знамением, указывающим на источник помощи в борьбе со всемогущими Ходзё (иероглиф «кусуноки» составлен из двух иероглифов – «дерево» и «юг» – и обозначает «камфорное дерево»).

Никто из придворных прежде никогда не слышал фамилию «Кусуноки». И до сего дня точных сведений о происхождении этого рода нет. По одним данным, Кусуноки Масасигэ был представителем богатого рода из провинции Кавати, имел право на разработку месторождения

киновари, содержащей ртуть, и продавал добытую руду в Киото. По другим, он был главой поселения сандзё – презираемых людей, которые в обмен на выполнение каких-либо несельскохозяйственных «грязных» работ, получали право на монополию в той или иной деятельности, например, на рыболовство. В основном, жителями сандзё были иммигранты. Особенно много сандзё было в провинциях центрального района Кинки – Ямато, Кавати, Сэтцу, Идзуми, Ига и Исэ. Случалось, что главы сандзё накапливали значительные богатства и имели возможность использовать на работах многих людей. Иногда они назначались сёэнскими чиновниками, боролись с дзито, брали подряды на уплату налогов с сёэнов или, наоборот, терроризировали их.

Как бы то ни было, к началу XIV в. род Кусуноки располагал довольно солидной военной мощью. Сам Масасигэ с детства участвовал в военных кампаниях отца, который без конца воевал с соседями, и приобрел в этих столкновениях незаменимый военный опыт.

В младенчестве родители отослали его на учебу в монастырь школы Сингон Кансин-дзи в Кавати, где он, подобно Минамото Ёсицунэ, досконально изучил военное искусство монахов и ямабуси. Однако, в отличие от своего великого предшественника, Масасигэ не стал мастером рукопашного боя, но зато превратился в замечательного тактика и стратега, о котором впоследствии говорили, что он способен управлять войсками, не выходя из палатки и находясь при этом на расстоянии в 10000 ри⁴¹ от поля боя! И это очень важное различие между Кусуноки Масасигэ и Минамото Ёсицунэ. Оно свидетельствует о том громадном прогрессе в военном искусстве, который произошел за разделяющие их 150 лет. К этому времени военачальник перестал быть рыцарем, скачущим в бою впереди войска, и превратился в «шахматиста», перемещающего отряды силой своего приказа, наблюдающего за ходом сражения со стороны и обдумывающего дальнейшие ходы.

После «выпуска» из Кансин-дзи Масасигэ продолжил свое военное образование под руководством семьи Оэ (вероятно, именно через Оэ Кусуноки сумел нанять на службу отряд ниндзя из Ига), хранившей секреты классической военной науки Китая. Таким образом в юном гении соединились китайская ортодоксия и нестандартное искусство ямабуси. Позже из этого сочетания родилась одна из важнейших школ японской «военной науки» Кусуноки-рю, в состав которой был включен и раздел нин-дзюцу. Кусуноки-рю в момент своего создания была наиболее передовой школой военного искусства в Японии и по своему уровню значительно превосходила даже знаменитую школу Ёсицунэ-рю.

Гениальное военное дарование Масасигэ раскрылось в сражениях с многократно превосходящими силами Ходзё. Когда войска Ходзё напали на крепость Акасаку, принадлежавшую Кусуноки, у него было лишь 500 воинов, да и крепость представляла собой простой частокол с несколькими деревянными башнями общей площадью в 543 кв. м. Гарнизон «крепости» составляли всего 200 самураев. Еще 300 спрятались в лесу на близлежащем холме. Когда отряды врага начали наступление на Акасаку, лучники Кусуноки буквально скосили первые шеренги, а на тех, кто все-таки сумел приблизиться к стенам, обрушились огромные бревна, камни и дождь кипятка. Когда же воины Ходзё начали отступать для перегруппировки, в тыл им ударил засадный отряд Масасигэ и обратил их в паническое бегство.

Одолеть Кусуноки было очень трудно, но сам он прекрасно понимал, что рано или поздно громадный перевес в силах обеспечит победу Ходзё. В этой ситуации Масасигэ решил прибегнуть к уловке. Его план заключался в том, чтобы заставить врага поверить в гибель свою и всего гарнизона. Ночью его воины просочились маленькими группами через кольцо Ходзё, а в крепости остался лишь один ниндзя из Ига по имени Сахэй, который должен был сжечь трупы павших и создать иллюзию самосожжения гарнизона. Когда враги ворвались в крепость, они нашли там лишь горы трупов да Сахэя, воющего над обуглившимся трупом якобы самого Кусуноки. Ниндзя сыграл свою роль столь убедительно, что Ходзё попались на крючок и, уверившись, что Кусуноки и его бойцы отправились в мир иной, убрались восвояси.

Однако вскоре «усопшие воскресли», снова заняли Акасаку, а потом отступили в более мощную крепость Тихая на горе Конго. Ходзё, разгневанные такими проделками Кусуноки,

⁴¹ 1 ри = 3927 м.

бросили против его 2000ного отряда 100000ную армию! Началась легендарная оборона крепости Тихая, воспетая в сказаниях и легендах.

При столкновении со столь огромной армией Кусуноки ничего не оставалось, как вновь прибегнуть к хитрости и необычной тактике. Тут-то и развернулся во всю ширь его полководческий талант. Немало пригодилось князю и знакомство с методами нин-дзюцу.

При помощи внезапных нападений и арьергардных боев Кусуноки сумел выиграть время для укрепления Тихая. Умело используя особенности местности, он вынудил Ходзэ вступить в бой в горных теснинах, где они не могли использовать численный перевес.

Крепость Тихая была расположена на высоком холме у подножия горы Конго. Сильная пересеченность местности не позволяла противнику использовать свою кавалерию или развернуть значительные силы. Мощные стены и башни крепости надежно защищали бойцов от стрел врага. Огромные валуны были сложены в стратегически важных местах, для того, чтобы их можно было сбросить или скатить по склону горы на зарвавшегося противника. Кроме того, Тихая была обеспечена большими запасами продовольствия, воды и снаряжения и могла выдержать долгую осаду.

По указанию Масасигэ были изготовлены огромные деревянные бочки. Их наполнили человеческими экскрементами и установили на важнейших направлениях на стенах второго пояса обороны. Если кому-то из воинов Ходзэ и удавалось прорваться за первый пояс защиты, их встречал ужасно пахнущий поток жидкой смеси. Ею же были покрыты стены замка. Поэтому никто из этих горе-штурмовиков не имел желания приближаться к Тихая.

Однажды Кусуноки приказал своим воинам изготовить два десятка деревянных кукол в натуральный рост и нарядить их в полный доспех. Ночью куклы были установлены перед стеной крепости и закрыты щитами. За куклами спрятались лучшие лучники Масасигэ. На утро воины Кусуноки стали вызывать врагов на бой, и Ходзэ, увидав куклы, подумали, что это группа воинов из крепости сделала вылазку. Разгоряченные воины Ходзэ ринулись в атаку, но едва они приблизились к «самураям Кусуноки», как буквально были сметены градом стрел лучников, которые затем быстро отступили в замок. Когда же разъяренные бойцы Ходзэ все-таки дорвались до кукол и принялись в ярости рубить их в щепы, на головы им обрушились огромные валуны. В этом бою погибло более 300 воинов Ходзэ. Еще 500 человек получили тяжелые ранения и были надолго выведены из строя.

Масасигэ прекрасно понимал, что в условиях борьбы с многократно превосходящим врагом, чрезвычайную важность имеет налаженная система шпионажа и полевой разведки. Он первым понял необходимость использования агентурных сетей, когда тайные осведомители помещаются во все важнейшие пункты. Создание таких сетей стало отличительной особенностью учения школы нин-дзюцу Кусуноки-рю.

Для воплощения своих замыслов по созданию агентурной сети Масасигэ пригласил к себе на службу 48 крепких молодцов из «разбойной шайки» Курода. Было ли их именно 48, точно неизвестно, но в историю этот отряд вошел как «Отряд в 48 человек». Его членов называли «синоби-дацуко», что буквально означает «тайные похитители слов». Это название прекрасно отражает специфику работы шпионов Кусуноки, главной задачей которых было именно выявление планов врага, а не диверсии или убийства.

Выход ниндзя из Ига за пределы своей провинции для работы по найму – факт весьма знаменательный. Начиная с этого момента, упоминания о ниндзя из Ига, действующих в целях того или иного феодального дома, начинают постоянно мелькать в источниках. И в этом главная заслуга, по-видимому, принадлежит именно Кусуноки Масасигэ, который первым сумел рассмотреть необычайный талант разбойников из Ига.

48 синоби-дацуко, или, как их еще называли, «суппа» – «проникающие волны», были разбиты на 3 группы по 16 человек в каждой и разосланы в важнейшие населенные пункты: столицу Киото и г. Нанива и Хёго (ныне соответственно Осака и Кобэ). Главными их осведомителями, по-видимому, были жители поселений сандзё, разбросанных по всей стране. Таким образом, Масасигэ получил возможность вовремя узнавать о замыслах врага.

Однако суппа Кусуноки выполняли не только информационную разведывательную работу. Подчас они действовали и в качестве «спецназа». Так однажды, когда Кусуноки напал на замок одного из враждебных феодалов, взять его с ходу, приступом, не удалось. И осада

грозила затянуться. Тогда Кусуноки приказал своим шпионам вызнать, как в замок доставлялось продовольствие. Выяснилось, что союзники владельца осажденного замка привозили съестные припасы в соседний лесок, откуда через тайный ход их переносили в крепость. Тогда в месте, куда доставлялся провиант, была устроена засада. И когда защитники крепости вышли для пополнения припасов, суппа Кусуноки бесшумно перебили их всех до единого. После этого они облачились в одежды убитых врагов, спрятали в мешках с продовольствием свое оружие и направились к замку. По пятам за ними устремился отряд отборных бойцов Кусуноки, который имитировал погоню. Завидев, что за «добытчиками» мчится враг, защитники мигом отворили ворота и без всяких проверок впустили суппа вовнутрь. Пока обороняющиеся отбивали нападение отряда Кусуноки на ворота, диверсанты извлекли из мешков оружие, подожгли замок во многих местах, с тыла атаковали охрану ворот и распахнули их настежь. В результате ударный отряд Кусуноки ворвался в замок и перебил всех его защитников.

Немало труда прилагал Масасигэ, чтобы сохранить свои планы в тайне от вражеских лазутчиков. Он всегда устраивал совещания со своими старшими командирами на новом месте. Это мог быть лес, крестьянская хижина или замок. Совещания могли проходить и при дневном свете, и ночью при тусклом мерцании свечки. Из-за этого вражеские шпионы просто сбивались с ног, чтобы только узнать, где и когда хитроумный Масасигэ будет обсуждать свои планы с командирами, ведь предугадать это не было никакой возможности!

Во время военного совета Кусуноки и его военачальники низко склоняли головы над каменной плитой. При этом не произносилось ни единого звука, а все замечания и уточнения записывались иероглифами на тонком слое очищенной золы, которая покрывала плиту. Когда достигалось общее согласие, общий план небольшими порциями по несколько фраз в каждой заносился на золу, чтобы каждый военачальник мог запомнить все детали. Затем зола разравнивалась, и план сохранялся только в головах доверенных лиц Кусуноки. Так что у вражеских шпионов не было ни малейшего шанса подсмотреть текст плана, даже если бы они и смогли пробраться в ставку Масасигэ. Правда известно, что даже это не удавалось никому, столь надежной была у него охрана!

Пример Кусуноки вдохновил многих феодалов стать на сторону императора Годайго. Дни правления Ходзё были сочтены. Однако и надеждам Годайго на восстановление былой власти императоров не суждено было сбыться. Ибо у Асикаги Такаудзи, поначалу принявшего сторону Годайго, были на этот счет свои планы. При поддержке ряда самурайских кланов, не желавших реставрации императорской власти, он объявил себя новым сёгуном и сверг императора.

В 1336 г. превосходящие силы Асикаги наголову разгромили войска Кусуноки Масасигэ и Нитты Ёсисады, выступивших на стороне Годайго, в битве на реке Минато-гава. Кусуноки заранее предвидел этот итог, так как армия новоявленного сёгуна была гораздо сильнее. Он попытался отговорить от сражения императора и посоветовал отступить на гору Хиэй. Но под давлением придворных Годайго, считавших, что армия императора была достаточно сильна, чтобы победить, этот совет был отвергнут. Поэтому у Кусуноки, который неукоснительно соблюдал принципы вассальной верности, не было иного выхода, кроме как следовать приказам вышестоящих придворных интриганов. Вечером в день сражения, когда исход его уже стал очевиден, он отправился в крестьянский домик и совершил сэппуку вместе с 50 своими вассалами, выжившими в битве.

Ямабуси – шпионы на службе Южного двора

Начиная борьбу с могущественными Ходзё, император Годайго рассчитывал получить поддержку со стороны буддийских монастырей и объединений ямабуси. Об этом свидетельствуют многие факты. Например, по распоряжению Годайго, его третий сын Морианага стал настоятелем храма Насимото на горе Хиэй, а четвертый сын был направлен учиться в храм Сёго-ин – основной центр сюэндо Хондзан-ха. В хронике «Масу кагами»⁴²

⁴² «Увеличивающее зеркало».

рассказывается, как принц Морианага ездил договариваться о помощи во все центры сюгэндо: «Принц побывал в Кумано, ездил в Оминэ и в Ёсино и [на гору] Коя». В результате буддийские монахи и ямабуси стали одной из ударных частей коалиции Годайго.

После предательства Асикаги Такаудзи ямабуси и сохэи продолжали сражаться на стороне Годайго и его потомков. В это время Южный двор стал активно использовать горных отшельников и буддийских монахов в качестве гонцов и шпионов, о чем свидетельствуют многочисленные сообщения «Тайхэйки». Вот одно из них: «Поскольку сын семьи Кикиути Дзё-но Этидзэн-но Ками был человеком осмотрительным, он тайно послал ямабуси и монахов [школ] Дзэн и Дзи в лагерь войска Мацууры и повелел им сказать людям в лагере следующее».

Весьма интересный эпизод описан в сборнике рассказов «Ёсино-сюи», где рассказывается о том, как монахи, переодетые в ямабуси, похитили принца Кадзии Нихон Синно. Они прибыли втроем во вражеский стан якобы для того, чтобы подлечить заболевшего принца, проделали положенные церемонии и на рассвете удалились восвояси. Далее в «Ёсино-сюи» говорится: «В полдень поднялся в лагере шум: „Принц исчез!“ Послали людей на все границы и [стали] задерживать всех ямабуси, но принц уже перебрался [через границу] и к вечеру добрался до Кофуку-дзи. Для всего этого монах Ганью заранее разработал план, переоделся в ямабуси и изготовил заплечный короб столь большой, чтобы в него можно было засунуть принца. Так передавали впоследствии».

Приключения принца Дайтономия

Одним из героев борьбы с Ходзё был третий сын Годайго принц Морианага по прозвищу «Дайтономия» – «Дворец с большой пагодой». Уже говорилось, что по распоряжению отца он искал контакты с буддийскими школами и объединениями ямабуси и даже стал настоятелем одного из храмов на горе Хиэй. Возможно, через общение с горными воителями ему довелось познакомиться с их воинскими хитростями. Во всяком случае, некоторые его уловки, описанные в «Тайхэйки», японские историки оценивают как типичные уловки ниндзя.

Когда Ходзё прознали о заговоре Годайго, они бросили на монастырь Морианаги огромную армию и взяли его приступом. В неравной битве сложили свои головы многие воины-иноки, но принцу удалось скрыться в монастыре Ханья-дзи в старинной столице Японии г. Нара.

Неизвестно, как сумели враги пронюхать о его местонахождении, но однажды на рассвете в Ханья-дзи нагрянул отряд в 500 сохэев во главе с настоятелем храма Итидзё-ин Адзэру Хоган Косэном. Положение принца было самым что ни на есть отчаянным, так как у него не было ни единого телохранителя, кто мог бы прикрыть его отступление, и он уже собирался распороть себе живот, но потом передумал. Совершить харакири – это был самый простой выход из положения, поскольку Морианага смерти не боялся. «Не лучше ли пораскинуть мозгами? – задумался принц. – Ведь я должен помочь свергнуть Ходзё». Забежав в один из храмов, он обнаружил в нем 3 больших сундука, наполненных копиями знаменитой сутры «Дайханья-кё». 2 сундука были плотно закрыты крышками, а 3-й стоял открытый и пустой – сутры были из него выложены. Тогда принц забрался в этот сундук, завалил себя сверху сутрами и стал читать про себя молитвы (в нин-дзюцу особые заклинания, читаемые при маскировке называются «онгё-но мадзинаи»). Он приставил к животу кинжал с острым лезвием, чтобы покончить с собой одним ударом, если враги все-таки доберутся до него и, затаил дыхание в ожидании появления врагов.

Они не заставили себя долго ждать и вскоре гурьбой ввалились в храм. Сохэи обшарили его сверху до низу, но никого не нашли. Неосмотренными оставались лишь ящики с сутрами. После того, как монахи уже перерыли два ящика, им так надоело это занятие, что они решили не копаться в последнем ящике и вышли из храма. Тем временем принц быстро сообразил, что глупые сохэи могут вернуться и закончить начатое дело. Тогда он быстренько выбрался из своего сундука и залез в ящик, который уже обшарили монахи. И оказался прав! Когда монахи вернулись и принялись обыскивать последний сундук, Дайтономия преспокойно сидел в соседнем сундуке и тихонько подсмеивался над ними.

Благодаря этой хитрости принцу удалось выбраться из монастыря Ханья-дзи, а затем

переодевшись ямабуси, бежать в крепость Акасаку к союзникам.

Ниндзя из Ига и Кога в период Намбоку-тё

Предания семей ниндзя из Ига и Кога позволяют предположить, что они сражались на стороне Южного двора и после гибели легендарного Кусуноки Масасигэ.

Так в родовом замке Момоти в Ходзиро деревни Юсэй провинции Ига есть место, которое называется «Гёсёдзэки» – «След высокого пребывания». По легенде, здесь один из представителей рода Момоти – очередной Момоти Тамба – должен был построить запасную резиденцию для императора Южного двора на тот случай, если враги прогонят его из гор Ёсино, где он скрывался в то время. Это предание было очень популярно среди местных жителей, которые воспринимали присоединение Момоти к коалиции Южного двора как вполне естественное поведение.

Имеются и некоторые письменные свидетельства того, что семья Момоти поддерживала Южный двор. Один из таких документов хранится у потомков Момоти и ныне живущих в Ходзиро. Называется он «Сикибу-цука юрай» – «Происхождение могильного кургана Сикибу». Начинается он словами: «В период Южной столицы...» и имеет следующее содержание.

... Момоти Тамба нес службу в дворцовой охране. Там он познакомился и полюбил придворную даму по имени Сикибу. Когда закончился его срок службы при дворе и настало время возвращаться на родину, Тамба договорился с Сикибу еще об одной встрече. Когда Сикибу получила долгожданный отпуск, она отправилась в Ига и приехала в местечко Ига-но Сато. Тамба знал о ее предстоящем визите и выехал навстречу в Симагахара. А тем временем Сикибу по другой дороге направилась к его замку. Таким образом Тамба и Сикибу разминулись, и Сикибу приехала в поместье Момоти в отсутствие возлюбленного. Зато жена Тамбы при виде придворной дамы вспылала ревностью и, воспользовавшись отсутствием мужа, приказала убить Сикибу. После этого ее тело, чтобы замести следы преступления, было брошено в старый колодец. Когда расстроенный Тамба вернулся домой, не встретившись со своей возлюбленной, он заметил во дворе любимую белую собачку Сикибу и догадался, что она приезжала в поместье. Однако жена упорно это отрицала. Тогда Тамба, почуяв дух смерти, обшарил все вокруг и обнаружил тело Сикибу в старом колодце. Он приказал засыпать его и соорудить курган в память о ней. Позже этот курган прозвали «Могильным курганом Сикибу».

При всей фольклорности этой истории в ней содержится довольно важная информация. Главным образом это относится к начальной фразе текста: «В период Южной столицы...». Под названием «Южная столица» в историю Японии вошел г. Нара. Однако весь контекст опровергает версию соотнесения «Южной столицы» документа с Нарой. По-видимому, речь идет о Ёсино, где находилась столица Южного двора. И тогда факт, что представители семьи Момоти несли службу в Ёсино, обретает большое значение.

О том, что ниндзя из Кога тоже поддерживали Южный двор, свидетельствует предание о происхождении фамильного герба семьи Кога, на котором изображен топор с хризантемой поверх него в окружении цветков хризантемы.

По легенде, во время пребывания императора Южной ветви в своей временной резиденции в Ёсино ниндзя из Кога и Ига, переодетые лесорубами несли охрану в лесу, окружавшем дворец.

Однажды весенним днем император вышел на прогулку в лес и неожиданно для себя увидел там «лесоруба» из Кога, который тут же распростерся на земле в глубоком поклоне. Император спросил его, кто он такой, и получил почтительный ответ: «Я – человек из Кога (Кога-моно) и охраняю вашу резиденцию снаружи». Император уже слышал о ниндзя из Кога и потому не особенно удивился, но ему почему-то захотелось как-нибудь поблагодарить этого молодого синоби, который, возможно, уже не раз рисковал своей жизнью для его безопасности. И он протянул Кога-моно цветок хризантемы, сорванный по дороге. Тогда ниндзя, у которого в руках был топор, повернул его лезвием к себе, взял одной рукой за лезвие, а второй за рукоять и вытянул руки вперед. Император улыбнулся и положил хризантему сверху на лезвие топора. После этого случая семья Кога изменила свой старый герб в память о встрече ниндзя с императором в лесу.

Синоби повсюду

Начиная с периода Намбоку-тё, упоминания о действиях ниндзя то и дело появляются на страницах летописей и воинских повестей. Считается, что впервые слово «синоби» использовалось в значении «шпион» в знаменитой эпопее «Тайхэйки». В ней имеется немало упоминаний активности ниндзя. Например, в 20 свитке в главе «О поджоге [храма] Хатимана» читаем: «Одной из ночей под покровом дождя и ветра [Моронао] послал превосходного синоби на гору Хатиман-яма, и [он] поджег храм [Хатимана]».

В «Тайхэйки» сообщается и о целых отрядах синоби. Князь Миякэ Сабуро Котоку из провинции Бидзэн вместе с Хагино Хикороку Асатадой из провинции Тамба организовал заговор против сёгуна Асикага. Однако его замысел вскоре раскрылся. Верный сёгуну полководец Ямана Идзу-но Ками Токиудзу во главе войска в 3000 воинов вторгся в провинцию Тамба, захватил вражеский провиант и поймал в плен самого Асатаду. Главный заговорщик, Котоку тоже попал в крайне затруднительное положение – сиюг сразу 3-х провинций – Бидзэн, Биттю и Бинго – бросили против него пятитысячную армию. Тогда Котоку бежал в Киото и разослал циркуляры по всем областям с требованиями о подкреплении. Со всех концов страны в Киото потекли отряды самураев. В целях обеспечения скрытности сосредоточения войск, они размещались небольшими группами в городках Сакамото, Удзи, Дайго и других. Котоку назначил начальником своей разведки управляющего Киото Сиро Цудзуки ньюдо. Это стало роковой ошибкой заговорщика, так как Цудзуки, получив информацию о расположении отряда синоби Котоку в городке Сидзёмibu, накануне выступления войск атаковал его во главе 200 воинов. Синоби Котоку были отважными молодцами, не знавшими страха смерти, и дорого продали свои жизни. Трое из них забрались на крышу одного из домов и расстреляли все стрелы из колчанов, а потом распоролли себе животы, не пожелав сдаться на милость победителю. В итоге планы Котоку провалились, и он был наголову разбит верными сёгуну войсками.

Двенадцатилетний киллер Кумавака

В списке «Тайхэйки» храма Сайгэн-ин сообщается, что синоби Кумавака проник в покои Хоммы Сабуро и убил его. Вопли Хоммы привлекли внимание слуг, но, когда они вбежали в его покои, было уже поздно – умирающий лежал посреди комнаты в луже крови, а сам убийца словно растворился в воздухе, чем поверг в изумление всех преследователей. Этот эпизод истории нин-дзюцу считают самым ранним описанием «работы» синоби.

Однако в стандартном варианте «Тайхэйки» вся ситуация выглядит по-иному. Здесь Кумавака – уже не синоби, а двенадцатилетний сын Среднего советника Хино Сукэтомо, выступившего на стороне Годайго и казненного по приказу сторонника дома Ходзё «мирского монаха» Ямасиро-но Хоммы. Правда, и в этом варианте эпизод мести Кумаваки представляет немалый интерес: "Хоть и был Кумавака еще юн, духом был он очень отважен. Он вверил останки отца своему единственному слуге и отослал его назад в столицу со словами: «Отправляйся вперед меня на гору Коя и похорони их во внутренней обители или каком-нибудь ином подобном месте». Сам же он остался в месте пребывания Хоммы, притворившись, что его сразила болезнь, ибо замыслил он отомстить Хомме за его бессердечие, из-за которого не смог он встретиться с родителем в этом мире.

4 или 5 дней Кумавака пробыл в постели, будто сраженный горем. Однако ночью он тайком выбрался наружу, чтобы узнать, где почивал Хомма, с мыслью: «Если будет возможность, я заколю Хомму или его сына, а потом вскрою себе живот».

И вот наступила ночь, когда бушевал ужасный ливень и ветер, и все вассалы спали в сторожках за двором усадьбы. В эту ночь Кумавака стал незаметно красться к опочивальне Хоммы, думая: «Это как раз такой удобный момент, какого я ждал».

Но не хранила ли судьба Хомму? Его не было в месте, где он обычно спал, и Кумавака никак не мог его отыскать. Кумавака увидел фонарь, горевший в маленькой комнате, и прокрался внутрь, с мыслью: «Ежели внутри сын мирского монаха, я отомщу, поразив его».

Однако в одиночку спал здесь человек по имени Хомма Сабуро, как раз тот, кто отсекал голову его превосходительства Среднего советника.

«Очень хорошо! – подумал Кумавака. – Его также можно счесть врагом отца, наравне с мирским монахом из Ямасиро».

Он приготовился броситься на Хомму Сабуро, но вновь заколебался в тревоге: «Поскольку нет у меня ни короткого меча-кодати, ни длинного меча-тати, я должен завладеть его оружием. Но свет очень яркий. Не проснется ли он, когда я подберусь поближе?».

Так думал он и стоял в смущении. Взглянув в сторону фонаря, он увидел множество ночных бабочек, льнувших к чистым раздвижным дверям (а дело было летом). Тогда он приоткрыл дверь, и насекомые роем устремились вовнутрь, быстро затушив огонь.

«Теперь у меня получится!»! – обрадовался он.

Подойдя к Хомме Сабуро, пребывавшему в глубоком сне, Кумавака увидел меч и нож близ подушки. Он заткнул кодати за пояс, вытащил тати из ножен, приставил его к груди Хоммы и, с мыслью, что убить спящего – все равно, что заколоть труп, пнул ногой подушку. И когда Хомма проснулся, Кумавака недрогнувшей рукой вонзил меч ему в живот чуть выше пояса, так что меч проткнул насквозь татами на полу, а затем еще раз вонзил меч в горло. Потом, ничуть не испугавшись, он спрятался в бамбуковых зарослях позади [усадыбы].

Услышав крик Хоммы Сабуро, который тот издал, когда меч вонзился ему в грудь, стража с воплями бросилась на крик. И когда они зажгли свет, они увидели маленькие кровавые следы.

"Господин Кумавака совершил это! – сказали они. – «Но никак не мог он выйти за ворота, ведь вода во рву чрезвычайно глубока. Отыщем его и убьем!»

Запалив сосновые факела, они искали повсюду, даже под деревьями и в тени кустов.

Сидя в зарослях бамбука, Кумавака подумал: «Куда бежать мне теперь. Лучше покончить с собой, чем попасть в руки других».

Но поразмыслив еще немного, он решил: «Я убил ненавистного врага отца. Если сейчас я как-нибудь сохраню свою жизнь, могу ли я не помочь императору и не исполнить многолетнюю мечту отца? Тогда я и впрямь буду преданным человеком и достойным сыном! Если это возможно, почему бы мне не постараться незаметно бежать?».

Он решил перепрыгнуть через ров, но сделать это не мог никоим образом, так как ров имел 18 сяку в ширину и 10 сяку в глубину. Тогда он ловко вскарабкался на верхушку черного бамбука, росшего над водой, сказав: «Переберусь на ту сторону, сделав мост из этого бамбука». Вершина дерева согнулась вниз до другой стороны [рва], так что Кумавака с легкостью перебрался через ров.

Нетвердым шагом Кумавака направился к гавани, думая: «Поскольку еще темно, я пойду по направлению к гавани и постараюсь переправиться на лодке на другую сторону». Но когда рассвело, он спрятался и весь день пробыл в укрытии, так как не было никакой возможности ему идти незамеченным.

Пока он лежал в зарослях конопли, 140 или 150 всадников похожих на погоню проскакали во все стороны, и когда они отправлялись, Кумавака слышал, как они окликали всех прохожих словами: «Не проходил ли этой дорогой ребенок лет 11-12?»

Так Кумавака провел тот день в конопле и с наступлением ночи отправился в поисках гавани, хоть и не знал дороги".

Затем Кумавака повстречал странствующего ямабуси, который помог добраться ему до гавани и переправиться на лодке на другую сторону.

Катори Синто-рю – первая школа бу-дзюцу

XIV-XV в. ознаменовались появлением первых реальных, а не легендарных, школ японских бу-дзюцу. Хотя некоторые рю (например, уже упоминавшиеся Кёхати-рю, Ёсидзунэ-рю или Кусуноки-рю), и выводят свои истоки из времен незапамятных, реально их существование по источникам прослеживается не ранее XV-XVI вв. Поэтому, памятуя о японской традиции выводить корни всякого явления из Золотого века глубочайшей древности, можно усомниться в справедливости их претензий на исконность. В результате старейшей школой бу-дзюцу японские историки называют Тэнсин Сёдан Катори Синто-рю – Школу Пути

бога храма Катори, основывающуюся на прямой передаче небесной истины", благополучно дошедшую до наших дней и располагающую большим корпусом документов и наставлений, подтверждающих ее создание в середине XV в.

Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю, сокращенно Катори Синто-рю, является всеобъемлющей традицией бу-дзюцу. В ее программу входят иай-дзюцу (искусство выхватывания меча), которое разделяется на сувари-иай (выхватывание меча в положении сидя в позе иай-госи) и юкиай батто-дзюцу (выхватывание меча в движении пешком), кэн-дзюцу (искусство фехтования мечом), бо-дзюцу (искусство боя длинным шестом), нагината-дзюцу (искусство боя алебардой), дзю-дзюцу (искусство борьбы без оружия), со-дзюцу (искусство боя копьем), сюрикэн-дзюцу (искусство метания лезвий), сэн-дзюцу (тактика), тикудзё-дзюцу (искусство фортификации), а также синоби-дзюцу (искусство шпионажа). Все эти технические «дзюцу» покоятся на мощном фундаменте эзотерических учений: синто; онмё-дзюцу, на которое опираются такие разделы знания Катори Синто-рю как астрономия и география; буддизма школы Сингон.

Катори Синто-рю считается древнейшей кодифицированной школой нин-дзюцу. Ее учение несет в себе колоссальный объем уникальной информации, проливающей свет на сущность, методы и доктрины воинской традиции страны Восходящего солнца и искусства «ночных демонов».

В Катори Синто-рю изучаются исключительно эффективные методы боя со всеми видами оружия и без него. Вся техника нападения и защиты строится на доскональном знании особенностей и защитного, и атакующего вооружения. Например, все удары мечом наносятся только в те места, где тело не прикрыто доспехами. Сама техника движений позволяет одинаково эффективно сражаться и без доспехов, и в тяжелом самурайском доспехе. Помня о хрупкости японской катаны, мастера Катори Синто-рю никогда не подставляют меч под удар меча противника. Вместо этого используются разнообразные подрезки рук и различные виды маневрирования, позволяющие, уклонившись от атаки врага, самому мгновенно его поразить.

Мастера школы наставляют своих учеников, что они должны быть сильны телом и развить собственную ментальную мощь до такой степени, чтобы никто не мог внушить им страх.

Все обучение в Катори Синто-рю разделено на несколько этапов. Сначала ученики овладевают базовой техникой меча, которая также помогает сформировать базовую культуру движений и развить силу. Затем начинаются тренировки с другими видами классического оружия – шестом, алебардой, копьем. И только на третьем этапе – приемы боя без оружия (дзю-дзюцу). Дело в том, что основной целью тренировки в дзю-дзюцу наставники Катори Синто-рю считают овладение искусством защищаться от вооруженного мечом, алебардой или копьем противника, а это невозможно, пока сам ученик не освоит эти виды оружия в совершенстве. Далее изучаются методы стратегии и тактики, фортификация. Сюда же относится и синоби-дзюцу, которое в Катори Синто-рю включает различные методы полевой разведки, проникновения в закрытые помещения и неожиданного убийства как с помощью стандартного оружия, так и с помощью различных потайных видов оружия – метательных стрелок, цепей, ядов и т.д. На этом же высшем этапе мастера передают своим ученикам секреты мудр («пальцовок») и чтения заклинаний, а также тайное учение об управлении внутренней энергией ки, которое называется «Кумадзаса-но осие» – «Учение медвежьего бамбука». В то время, как в других школах эти секреты уже давно утрачены, ведущие мастера Катори Синто-рю до сих пор владеют ими. В частности, один из верховных наставников этой школы Отакэ Рисукэ при помощи метода кудзи-ин излечивает самые различные болезни, вплоть до рака.

Однако владение различными методами убийства считается в Катори Синто-рю далеко не главным. Суть этой школы выражена уже в первом предложении каталога техники (мокуроку), которое гласит: "Хэйхо («учение о войне») является хэйхо («учение о мире»), и все мужчины должны знать хэйхо («учение о мире»). Это положение лучшим образом раскрывает сэнсэй Отакэ Рисукэ: "Нет сомнения в том, что Миямото Мусаси был очень силен, в Японии его нередко называют «Кэнсэй» – «Святой меча». Однако этот человек никогда не имел семьи, у него не было ни детей, ни потомков. У него было только 3 ученика... Он следовал методу тренировки, который требовал такого невероятного аскетизма, что обычный человек не может

даже надеяться следовать ему.

Он никогда не спал на мягких матах, не принимал ванны, не расчесывал волосы. Нет сомнения в экстраординарном характере подобной тренировки, но я не могу не задать вопроса: «А не пожертвовал ли он своей человеческой сущностью во имя успеха в кэн-дзюцу?»

Даже простые травы вокруг нашего додзё тратят много энергии, пытаясь прорасти, произвести на свет стебель и листья и, в конце концов, породить семя. Они развили способы поощрения птиц съедать семена и переносить их в другие места. Таким образом, даже травы пытаются обеспечить себе потомство. В результате их усилий, хоть они и умирают..., следующее поколение их потомков расцветает вокруг того места, где они росли.

Я не могу не усматривать в этом урок для человеческого рода. Человек, который столь сильно концентрируется на какой-то одной цели, что даже не испытывает желания увидеть, как расцветают его потомки,... абсолютно бесполезен как человеческое существо.

К очевидному контрасту с Миямото учитель Тёисай (основатель Катори Синто-рю) смог дожить до 102 лет, не испытав серьезных несчастий, во время, отмеченное страданиями и войнами. До сего дня семья учителя Тёисая продолжалась по непрерывной линии на протяжении 20 поколений. Сегодняшний верховный наставник этой школы является прямым потомком учителя Тёисая.

Поскольку учитель обладал замечательными качествами характера, его семья смогла продолжаться в течение 20 поколений.

Для любой семьи возможность проследить свою генеалогию на 20 поколений назад – это большое достижение. И если подумать, что эта семья преподавала воинское искусство на протяжении всех 20 поколений, и что тот период истории, когда жили эти поколения, включает период Сэнгоку-дзидай (время непрерывных феодальных войн), это достижение кажется еще более замечательным.

Я не могу не поражаться тем огромным усилиям, которые были потрачены поколениями наставников, пытавшихся сохранить, передать и развить традиции Катори Синто-рю и семьи Иидзаса (фамилия основателя). Тот факт, что приемы, методы тренировки и духовные учения Катори Синто-рю были сохранены нетронутыми, является прямым результатом ценнейшей истинной природы учений, воплощенных в этой традиции". Таким образом, Катори Синто-рю является не только выдающейся боевой традиций, но и школой жизни в буквальном смысле этого слова.

Такой подход оказывал определяющее влияние на политику школы. Нужно подчеркнуть, что Катори Синто-рю – школа необычная. Во-первых, она всегда проводила политику неприсоединения, не поддерживала ни одного из феодальных властителей, т.е. не была школой придворной, судьба которой целиком зависит от удачи хозяина. Однако это не означает, что носители традиции Катори Синто-рю не участвовали в политике и войнах. Напротив. Камиидзуми Исэ-но Ками Нобуцуна, основатель школы Синкагэ-рю, был преданным вассалом князя Нагано Наримасы. Кстати, сын Камиидзуми основал школу нин-дзюцу Камиидзуми-рю. Цукахара Бокудэн, основатель школы Касима Синто-рю, передал искусство кэн-дзюцу знаменитому роду Такэда. Другой мастер Катори Синто-рю, Ямамото Кансукэ, был начальником разведки и главным военным советником великого полководца Такэды Сингэна. Такэнака Ханбэй Сигэхару прославился как наставник диктатора Тоётоми Хидэёси в военной стратегии. Катакура Кодзюро Муранори и Куросава Гэнситиро были вассалами знаменитой семьи Датэ, а Накадаи Синтаро, Мацумото Наоитиро и Иба Гунбэй – личными вассалами сёгуна Токугава. Таким образом, имя школы гремело по всей Японии, но саму ее никакие военные и политические неудачи не затрагивали.

Во-вторых, с самого раннего времени своего существования Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю не была исключительным достоянием самураев. В нее допускались представители всех социальных групп – от крестьянина до торговца. Наставники Катори Синто-рю настаивали: «Нужно преследовать не тех, кто пришел учиться, но тех, кто не тренируется».

Как же возникла столь необычная школа бу-дзюцу, и кто был ее основателем?

Школа Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю тесно связана с синтоистскими храмами Катори и Касима, которые посвящены двум воинским божествам Японии – соответственно Фуцунуси-но микото и Такэмикалзти-но микото. О них мы уже упоминали как о легендарных

родоначальниках нин-дзюцу в главе 1.

Эти 2 храма издревле были связаны с культом военного искусства и меча. Об этом свидетельствуют даже имена местных богов: «Фуцунуси-но микото» означает «Повелитель удара мечом», «Такэмикадзути-но микото» – «Доблестный Устрашающий Бог-Муж»; он известен также как «Такэфуцу-но ками» – «Бог Доблестного Удара Мечом».

В японской мифологии Фуцунуси-но микото и Такэмикадзути-но микото играют очень важную роль. Они обеспечивают сходжение предка императорской семьи Японии Ниниги-но микото на землю, побеждая враждебных земных богов. В «Кодзики» рассказывается о борцовском состязании Такэмикадзути-но микото и враждебным богом Такэминакатой-но ками, который «явился, подняв на кончиках пальцев скалу, что только тысяча человек притащить бы могли». Такэминаката-но ками сказал: «Кто это в нашу страну пришел, и так шепотком-тишком разговаривает? А ну-ка, померяемся силой! Вот, я первый возьму тебя за руку».

Потому бог Такэмикадзути дал ему взять себя за руку, и тут же свою руку превратил в ледяную сосульку, а еще в лезвие меча ее превратил. И вот бог Такэминаката испугался и отступил.

Тогда бог Такэмикадзути попросил в свою очередь руку того бога Такэминаката, и когда взял ее, то, словно молодой тростник взял, – обхватил и смял ее, и отбросил от себя, и бог Такэминаката тут же убежал прочь".

Говоря об этом эпизоде, нужно отметить, что в этих подвигах Такэмикадзути-но микото древние японцы видели зарождение сумо, дзю-дзюцу и айки-дзюцу. Например, в писаниях школы Тэнсин синъё-рю говорится: «Дзю-дзюцу уходит корнями во времена богов, [в древних летописях] есть пример того, как боги Касима и Катори во время подчинения востока применяли захваты [из арсенала] дзю-дзюцу».

В другом случае, вмешательство бога Такэмикадзути-но микото оказывается решающим во время похода основателя японского государства императора Дзимму с Кюсю в долину Ямато на Хонсю.

Почитание Фуцунуси-но микото и Такэмикадзути-но микото как покровителей воинов распространилось по всей Японии. По сей день во всех японских додзё существует обычай воздвигать синтоистский алтарь, посвященный этим божествам. Сами храмы Катори-дзингу и Касима-дзингу стали главными объектами паломничества воинов.

Фуцунуси-но микото и Такэмикадзути-но микото теснейшим образом связаны с искусством фехтования и культом меча в синтоизме. Наряду с яшмовыми подвесками и бронзовыми зеркалами, меч считается священной регалией императорской семьи.

Культ меча возникает в Японии на рубеже нашей эры. Меч обожествлялся японцами как «тело» или «облик» бога (синтай). С глубокой древности меч рассматривался как священное оружие – подарок «солнечной богини» своему внуку, которого она послала править на земле и вершить с помощью этого меча дело справедливости, искоренять зло и утверждать добро. Именно поэтому меч стал принадлежностью синтоистского культа, он украшал храмы и священные места. Приносимый верующими в качестве пожертвования богам, он сам являлся святыней, в честь которой воздвигались храмы. В литературных источниках упоминается, что в VIII в. священники синто сами принимали участие в производстве мечей.

Древнейшей системой фехтования на мечах, связанной с храмами Катори и Касима, считается Касима-но Синдэн – «Божественная традиция Касима», или Касима-но тати – «Меч Касима».

Школа Касима-но Синдэн, по легенде, была создана Кунинацу-но Мабито, потомком одного из важнейших божеств синтоизма Амэ-но кояне-но микото. По традиционной хронологии, произошло это при императоре Нинтоку (правил в 313-399 гг.). В то время Кунинацу-но Мабито воздвиг синтоистский алтарь на холме Такама-га хара в Касима и предавался молениям божеству Такэмикадзути-но микото, которое, якобы, поделилось с ним свои знаниями в области фехтования. В результате появилась система боя мечом, которую сам Кунинацу-но Мабито назвал «Симмё-кэн» – «Чудесный меч».

Позже эта система разделилась на Древнейшую школу Касима (Касима Дзёко-рю) и Школу Касима средней древности (Касима Тюко-рю). Практиковали их 4 жреческих рода из

Касима-дзингу: Мацумото, Ёсикава, Огано и Нукага.

Столь тесные связи этой традиции воинского искусства с синтоистскими храмами предопределили многие особенности Катори Синто-рю, которая содержит в себе 2 пласта: пласт реального боевого применения и пласт эзотерических ритуалов синтоизма. Так, практически во всех ката Катори Синто-рю зашифрованы определенные ритуальные действия, направленные на установление связи с божеством-основателем Фуцунуси-но микото. Например, в разделе кэн-дзюцу Гогё-но тати присутствует ката под название «Хоцу-но тати», что можно перевести как «Изначальный меч». В начале этого ката оба партнера стоят в естественных стойках, ноги на ширине плеч, руки при это сжимают рукоять меча на уровне глаз, клинок поднят над головой. Подобное действие, которое в ката названо «Тэнти-но камаэ» – «Позиция неба и земли» – весьма символично для синтоизма. Такое положение исполнителя символизирует священный столб, на который нисходят с небес боги. Таким образом, воин, держащий в руках меч, выкованный синтоистскими священниками в храме и таким образом являющийся «телом бога», призывает бога-покровителя Фуцунуси-но микото снизойти на него и даровать ему победу.

Подобные жесты в традиционной школе боевого искусства играют двоякую роль. С одной стороны, это особый ритуал установления контакта с божеством, выполняющий религиозные функции, с другой – мощное средство психологической подготовки воина к смертельной схватке.

То, что Катори Синто-рю опирается на синтоистскую эзотику, сильно отличает ее от других позднейших школ боевого искусства, которые в основном опирались на Дзэн-буддизм, и свидетельствует о ее древности. Фактически, Катори Синто-рю выросла на ниве самой древней и знаменитой традиции военного искусства Японии и сама стала отправной точкой почти всех крупнейших школ кэн-дзюцу. Поэтому неудивительно, что в апреле 1960 г. традиция Катори Синто-рю была признана важнейшим культурным достоянием Японии. Такой чести она удостоилась первой среди всех школ японских бу-дзюцу.

Основателем школы Катори Синто-рю был Иидзаса Тёйсай Иэнао (1387-1488). Он родился в семье госи из деревни Иидзаса уезда Катори провинции Симоса на северо-востоке Японии, позже переехал в деревню Ямадзакки того же уезда, где и начал изучать фехтование на мечах и копьях. Иидзаса выделялся своими способностями и прилежанием в воинских занятиях и вскоре добился значительных успехов.

Об учителе Тёйсая известно мало. Так, по сообщению «Канхассю косэн року»⁴³, Тёйсай был учеником некоего Кабуто Осакабэ Сёхо, который, якобы, получил секреты мастерства от каппы – фантастического существа-вампира, имеющего вид ребенка, лицо тигренка и впладину на темени, живущего и в воде, и на суше, заманивающего своих жертв в воду и топящего купающихся детей. В действительности, Кабуто был госи из деревни Оно уезда Касима и изучал боевые искусства традиции Касима у Мацуоки Хёгоносукэ.

В молодости Иидзаса отправился в Киото, где некоторое время служил сёгуну Асикаге Ёсимасе. За короткое время пребывания в столице он успел в совершенстве изучить легендарную традицию бу-дзюцу Нэн-рю, созданную дзэнским монахом Дзионом, и школу ёрои-кумиути (борьба в доспехах) Мусо Тёкудэн-рю. По-видимому, какое-то время Тёйсай провел во владениях своего господина в провинции Ига (об этом свидетельствует одно из его имен – Ига-но Ками – Покровитель Ига), где познакомился с искусством нин-дзюцу госи из Ига. В этот период он прославился как непобедимый фехтовальщик.

После этого Тёйсай вернулся на родину и поступил на службу к семье Тиба. Позже, после гибели Тиба в междоусобных распрях, он постригся в монахи школы Сингон, расстался со своей семьей и последователями, преподнес в дар святилищу Катори 1000 коку риса и выстроил храм Симпуку-дзи в деревне Миямото в Оцуки, что на горе Синтоку-дзан, которому также пожертвовал 1000 коку риса. После этого он стал отшельником и поселился в Умэкияма неподалеку от храма Катори.

Однажды, в период отшельничества Тёйсая, один из его наиболее преданных учеников

⁴³ «Записи о древних войнах в 8 провинциях Канто».

вымыл своего коня в ручье, протекавшем поблизости от святилища Катори. Через некоторое время этот конь стал испытывать ужасные боли и вскоре издох. Тёисай же подивился такому невероятному могуществу божества Фуцунуси-но микото, которому он приписал смерть коня. Согласно преданию, в результате этого события Тёисай испытал озарение.

Когда Тёисаю было 60 лет, он принял решение отслужить непрерывную тысячедневную службу в храме Катори. В это время он посвящал себя суровым воинским тренировкам. Как утверждают легенды, именно в этот период духовной дисциплины Тёисая посетило видение бога Фуцунуси-но микото. Это могущественное божество появилось перед ним в образе мальчика, сидящего на ветви старой сливы, около которой тренировался мастер. Оно вручило ему книгу «Хэйхо-синсё» – «Божественное писание о хэйхо» – и сказало: «Ты будешь великим учителем всех фехтовальщиков Поднебесной». После этого Тёисай основал собственную школу, которую назвал «Катори Синто-рю». Перед этим официальным названием школы мастер поставил выражение «тэнсин сёдэн» – «прямая передача небесной истины» – в знак того, что она была передана свыше.

Глава 7

Страна в огне – нин-дзюцу процветает

Период с 1467 по 1573 г. в истории Японии получил название «Сэнгоку-дзидай» – «Эпоха воюющих провинций». Это название как нельзя лучше отражает его особенность. Это было время бесконечных феодальных войн, которые вели многочисленные удельные князья-даймё. Всю страну окутал дым пожаров. Толпы беженцев скитались по дорогам. Кости тысяч погибших усеяли поля... И на этом фоне расцвело могущественное искусство нин-дзюцу.

Многое объясняет, почему именно эти страшные годы стали золотым веком ниндзя. Сама ситуация, когда сосед только и мечтал как бы перегрызть горло соседу, создавала благодатную почву для всходов шпионажа и диверсий. К тому же в этот период коренным образом изменился и сам характер военных действий. Войны более не походили на грандиозные турниры, где все решала индивидуальная подготовка и смелость. На первый план вышли тактика и стратегия, умение вести маневренную войну на несколько фронтов. Сами армии увеличились в десятки раз. Теперь они состояли не только из знатных буси, но и из асигару – «легконогих», которых набирали из крестьян и бродяг. Немалое значение имело и появление в Японии в середине XVI в. огнестрельного оружия, которое резко изменило рисунок боя.

В таких условиях было уже не до рассуждений о честных и нечестных способах ведения войны. Каждый даймё стремился выиграть войну с минимальной затратой сил и ресурсов своего княжества, чтобы избежать разорения, которое неминуемо следовало за затянувшейся и бесплодной военной кампанией. А это становилось возможно только в случае всесторонней подготовки, включая полное знание противника. Шпионы в этом деле были незаменимы.

В результате все даймё засели за изучение древних китайских трактатов, описывающих методы использования тайных агентов, стали создавать собственные шпионско-диверсионные группы и нанимать ниндзя на стороне. Даже те из них, кто все же считал ниже своего достоинства использовать лазутчиков, должны были познакомиться с их тактикой, если хотели выжить.

Многие факты показывают, сколь сильно даймё боялись вражеских ниндзя. Так Мори Мотонари как-то заметил в разговоре, что лучше всего не доверять никому, даже близким родственникам. Мацуура, князь с островка Хурадо, что близ побережья Кюсю, держал в бане боевую дубину на случай внезапного нападения. А в туалете знаменитого Такэды Сингэна было две двери, чтобы он мог выбежать в случае опасности.

В источниках периода Сэнгоку-дзидай мы находим множество упоминаний о действиях синоби из Ига и Кога. Например, в дневнике одного из священников храма Тамон-ин «Тамон-ин никки», который считается весьма надежным источником, читаем: «В это утро, в 6 день 11 месяца 1541 г., несколько Ига-сю („людей из Ига“) проникли в замок Касаги и подожгли покои священника, еще они подожгли в нескольких местах внешние здания...». В

«Мацубара дзикюсю-року»⁴⁴ говорится: «Были посланы [на разведку] синоби-но моно из Ига». А в «Дзохо Иэтада никки»⁴⁵ сообщается, о «более, чем 30 невидимых воинах (синоби-но си) шайки Хаттори, живущей в провинции Ига».

Сама география акций Ига-моно и Кога-моно не может не впечатлить, так как она охватывает почти всю Японию. Это означает, что в этот период старинные кланы ниндзя вышли за пределы традиционных мест проживания и стали крупнейшими поставщиками тайных агентов в стране Восходящего солнца.

Суппа, сэппа, раппа...

В период Сэнгоку-дзидай на полях сражений между удельными князьями появились особые отряды воинов, называвшихся суппа – в одном написании – «прозрачные волны», в другом – «волны на воде». В районе Канто их называли раппа – «бушующие (мятежные) волны», а в районе Кансай – суппа, или сэппа (диалектное прочтение тех же иероглифов, что в слове «суппа»). В некоторых районах их также называли «топпа» – «бьющие волны».

О происхождении этих слов «Букэ мёмокусё» сообщает следующее: происхождение "слова «суппа» точно неизвестно, но слово «суппа-нуки» обозначает «беспутное (неосторожное) обнажение меча», а «волнение и отсутствие покоя в вещах» называют словом «раппа». Что касается слова «топпа», то по-японски оно обозначает «прорыв, преодоление» чего-либо, видимо, благодаря близости значения этого слова значению слова «суппа» – «просачивающиеся волны», оно и вошло в употребление.

Большей частью такие отряды набирались из «разбойников гор и полей» и ронинов – самураев, потерявших господина. Только в провинциях Мино и Оми (современные префектуры Айти и Сига) насчитывалось более 2000 суппа.

Отвечая потребностям даймё, суппа объединялись в особые партизанские отряды воинов, переодетые в гражданское платье, проникавшие на вражескую территорию, занимавшиеся сбором секретной информации и способные вести эффективную диверсионную войну. Подвиги их красочно описаны в произведениях жанра гунки («воинские хроники»). Для примера можно привести такие произведения как «Ходзё годайки», «Канхассю-року», «Мацуо-гунки», «Кэнбун-дзацуроку»⁴⁶, «Синсэн Синтё-ки»⁴⁷, «Осю эйкэй гунки»⁴⁸ и др.

В качестве примера деятельности суппа можно привести следующий отрывок из «Ходзё годайки»: "В то время появилось много негодяев, которые хорошо знали сведения обо [всех] провинциях, а сердцем [склонялись] к дурному пути. Называли их «раппа» – «мятежные волны», и даймё [всех] провинций давали им жалованье. Если во время ночного нападения, когда [армия] двигалась в незнакомое место, [раппа] становились в голове, они [никогда] не сбивались с дороги, словно шли ночью с фонарями в руках, и в сопровождении 50, 100 или 300 асигару тайно проникали во вражескую провинцию. Иногда [раппа] прославляли свои имена захватом добычи [во время] ночных нападений. Иногда отправлялись на границу, прятались в зарослях, на равнинах, в травах и деревнях и каждую ночь разведывали [положение дел] у врага и что бы с ними не приключилось на рассвете, незаметно для противника, возвращались [к своим]. Их называют также «камари» – «пригибающиеся», «синоби-домо» – «невидимые» и «куса» – «трава».

Среди суппа различались 2 вида: какаэ-суппа и ватари-суппа. Какаэ-суппа представляли

⁴⁴ «Личные записи Мацубары, писанные во время отдохновения».

⁴⁵ «Дополнения к дневнику Иэтады».

⁴⁶ «Смешанные записи виденного и слышанного».

⁴⁷ «Заново составленная повесть об Оде Нобунаге».

⁴⁸ «Воинская повесть края Осю».

собой части регулярной армии, находившиеся на постоянной службе и получавшие установленное жалование. К ватари-суппа относились суппа, которых нанимали со стороны в зависимости от их способностей, знаний и умений для выполнения каких-либо особых поручений. Положение какаэ-суппа тоже подчас определялось их особым мастерством. Так, среди какаэ-суппа прославился некий Идатэн из Самэгаи провинции Оми, состоявший на службе у Тоётоми Хидэёси и получавший жалование пятерых воинов за замечательное мастерство в хаягакэ-но дзюцу – искусстве быстрого бега.

Как правило для шпионажа использовались какаэ-суппа. Причем даймё, опасавшиеся предательства, всегда оставляли семью шпиона в качестве заложников. Таких суппа в период Сэнгоку-дзидай называли также оммицу (иммицу). А областью применения ватари-суппа традиционно была диверсионная война. В этой сфере не было равных шайке Фума, служившей дому Ходзё.

Шпионы Такэды Сингэна

Бесконечные феодальные распри разоряли страну и тормозили ее развитие. Поэтому с середины XVI в. крупные даймё начали предпринимать попытки объединения Японии. Одним из них был могущественный властитель провинций Каи и Синано Такэда Сингэн (1521-1573).

Сингэн был замечательно одаренным военачальником. К власти он пришел вполне в духе тех бурных времен, свергнув родного папашу после того, как тот объявил своим наследником не старшего Сингэна, а другого сына. Папочка считал, что Сингэн слишком глуп, чтобы править княжеством, и... просчитался.

Проведение широкомасштабной политики, направленной на подчинение всей страны, войны со многими противниками одновременно, необходимость контролировать ситуацию во всех соседних провинциях требовали эффективной службы сбора и передачи информации. И Такэда Сингэн сумел с успехом решить эту проблему, прославившись как самый лучший специалист по использованию шпионов во всей Японии.

Ядро разведывательной службы Сингэна составили 70 какаэ-суппа и мицумоно (буквально «тройные люди»; различались канкэн – «видящие через дырку», миката – «союзники» – и мэцукэ – «цепляющие к глазам») во главе со знаменитым «невидимкой» Томитой Годзаэмоном, постоянно шпионившие в 4-х соседних провинциях.

Пример использования какаэ-суппа можно найти в письме Роккаку Такаёри к Кутики Ягоро от 15 числа 10 месяца 1502 г. В этом письме сообщается, что Такэда Сингэн отобрал из своих 70 какаэ-суппа 30 человек и создал специальный разведывательный отряд для шпионажа за действиями своего заклятого врага Уэсуги Кэнсина из провинции Этиго. Из этих 30 суппа были образованы 3 группы по 10 человек в каждой под командованием самураев Мураками, Огасавара и Ёрисигэ. Семьи отобранных для миссии шпионов были переданы в качестве заложников под опеку военачальников Амари Бидзэна, Иитоми Хёбу и Итагаки Нобукаты.

Затем эти 30 какаэ-суппа во главе с командирами-самураями проникли на территорию провинции Синано. К каждому отряду были прикомандированы по 2-3 всадника, чтобы быстро передавать добытые разведчиками сведения Сингэну.

Чтобы ускорить доставку сообщений от шпионов в свою резиденцию в г. Кофу, Такэда создал целую систему дальнего оповещения при помощи сигнальных огней. Эта система прекрасно использовала особенности рельефа двух подвластных Сингэну провинций Каи и Синано, которые со всех четырех сторон окружены горными хребтами. На всех важных горных пиках владений князя были расположены особые сигнальные посты, передававшие сообщения друг другу по цепочке, так что информация шпионов достигала ушей Сингэна буквально в течение нескольких часов. А еще через несколько часов его мобильные конные отряды были готовы выступить из Кофу в любом направлении. С этой подачи Такэды ниндзя из многих кланов стали использовать сигнальные костры нороси с разным качеством дыма, флаги, барабаны, гонги, флейты и раковины (хорагай) для передачи информации.

В штабе Сингэна было немало знатоков военного искусства, но в первую голову нужно сказать о замечательном военном советнике князя – Ямамото Кансукэ, который оставил весьма заметный след в истории японского искусства шпионажа. Как считает Окуса Хэйситиро,

именно он был начальником разведки в армии Такэды.

Ямамото Кансукэ был личностью чрезвычайно одаренной, коварной и загадочной. Хотя сегодня о нем написано несколько десятков романов и снято несколько фильмов, в действительности мы очень мало знаем об этом человеке. Например, точно неизвестно даже где и когда он родился. Что же касается истоков необычайного военного дарования Ямамото, то и тут в источниках нет единства: согласно одним документам, он был последователем школы стратегии Кё-рю – «Столичной школы», одной из «Восьми столичных школ», согласно другим – Катори Синто-рю.

Некоторое представление о деятельности Кансукэ на службе Такэды дает операция по присоединению княжества Сувы. По настоянию Кансукэ, Такэда двинул свою армию на Суву, но, когда войска уже довольно углубились во вражескую территорию, и назревало решающее сражение, Кансукэ вдруг стал настаивать на прекращении военных действий и заключении мира. И в итоге Сингэн с ним согласился. В этой ситуации властитель Сувы, который решил, что даже великий Сингэн устрасился его могущества, с радостью согласился на мир и даже стал названным братом недавнего противника. После этого он дважды приезжал в гости к Такэде, всячески демонстрируя свою лояльность. Когда же он приехал во владения Сингэна в третий раз, Кансукэ посоветовал своему господину убить его под предлогом того, что враг строит ему смертельную ловушку: правила вежливости требовали, чтобы Сингэн тоже посетил Суву, а это означало визит в логово тигра. Князь Сува был убит, и многие вассалы стали призывать Такэду немедленно атаковать его владения, пока вассалы Сувы не подготовились к отпору. Однако Кансукэ настоял на том, что с походом нужно подождать. И он правильно рассчитал: убийство обозлило вассалов Сувы, и они были готовы перегрызть глотки самураям Такэды, но, когда поход был отложен, они просто передрались друг с другом, поскольку у князя Сувы не было сына, и через полгода после убийства не оказали никакого сопротивления.

Ямамото Кансукэ спланировал огромное количество аналогичных операций, но однажды сам попался в ловушку, которая стоила ему жизни. Было это в 4-й битве при Каванакадзиме в 1561 г., когда Такэда в очередной раз сразился с Уэсуги Кэнсином. Кансукэ придумал замечательный план, исполнение которого позволило бы полностью уничтожить армию Уэсуги. Ночью основные силы Такэды были должны выйти в тыл Кэнсина, но тот в предрассветном тумане по другому пути двинул свое войско в сторону лагеря Сингэна. Когда рассвело, выяснилось, что армия Уэсуги в полном составе надвигается на главную ставку Такэды, где остался лишь небольшой отряд телохранителей. В последовавшем неравном бою погиб младший брат Сингэна, Нобусигэ, и дело дошло до того, что самому Сингэну пришлось отбиваться от Уэсуги Кэнсина боевым веером. Кансукэ в этой ситуации решил, что он один виновен в сложившемся ужасном положении. С копьем в руках он бросился в гущу врагов и положил несколько десятков самураев Уэсуги, но в конце концов, обессилев от ран, совершил сэппуку на соседнем холме.

Другие вассалы Сингэна тоже внесли немалую лепту в совершенствование службы шпионажа. При их участии было кодифицировано несколько традиций нин-дзюцу, предназначенных для подготовки разведывательных и диверсионных отрядов: Коё-рю, Нинко-рю, Каи-рю, Такэда-рю. Во всех этих школах были разработаны методы использования шпионов, переодетых в бродячих монахов или торговцев. По этой причине Сингэна прозвали «Синсю-но асинага босю» – «Господин длинноногих монахов из Синано».

Особо следует отметить самураев из знаменитого рода Санада. Слава этого клана гремела в то время по всей Японии, а его членов называли «лучшими воинами страны». Многие даймё стремились залучить их к себе на службу, но Санада были верны своему господину. Наибольших успехов Санада добились как учителя воинской стратегии, но не гнушались они и черновой работы рядовых лазутчиков.

До наших дней в японском языке сохранилось слово «Санада-курагэ» – «Медуза Санады». Считается, что это слово берет свое начало от одного из тайных методов рода Санада. По легенде, его мастера нин-дзюцу отлавливали медуз особого вида, высушивали их и растирали в порошок, которым затем обрабатывались специальные иглы и «ежи»-тэцубиси, становившиеся от этого смертоносными. Эти иглы втыкались в землю, в корни деревьев, протянувшиеся поперек лесных троп, а тэцубиси рассыпались на пути следования врага. Попадая на такое

«минное поле», враги через несколько мгновений падали замертво. Поскольку этот метод применялся особенно часто, он стал «визитной карточкой» ниндзя Санада.

Тем же составом Санада-курагэ обрабатывались и метательные лезвия-сюрикэны. Летописи сохранили описание одного случая, который прекрасно иллюстрирует применение этого страшного оружия. Когда небольшой отряд вражеских войск попробовал напасть на деревню, принадлежавшую семье Санада, их встретил настоящий град метательных стрелок и звездочек, после чего немногие оставшиеся в живых вояки принялись улепетывать во все лопатки. Оказалось, что Санада подготовили из местных крестьян отменных мастеров сюрикэн-дзюцу, без промаха разивших врага лезвиями, обработанными Санада-курагэ.

В родственных отношениях с Санада состояла другая семья, знаменитая своими познаниями в области искусства шпионажа и прославившаяся на службе у Такэды Сингэна – Мотидзуки (напомним, что, по легенде, школа Кога-рю была основана выходцем из этого рода). Известно, что Мотидзуки Тиёмэ, вдова Мотидзуки Моритоки, павшего в одном из сражений с армией Уэсуги при Каванакадзиме, создала уникальную шпионскую сеть из куноити – женщин-ниндзя.

Получив прискорбную весть о гибели супруга, Тиёмэ отправилась под защиту дяди мужа – Такэды Сингэна. Энергичная Тиёмэ вовсе не собиралась удаляться в монастырь, чтобы в тихом смирении провести в нем остаток жизни, как это было принято в те времена. Напротив, она решила всеми силами поддержать властные устремления воинственного Сингэна.

Поскольку род Мотидзуки издревле контролировал деятельность ямабуси и мико⁴⁹ на территории провинции Синано, Тиёмэ решила организовать шпионскую сеть из тамошних мико. В деревне Нацу Тиёмэ создала настоящий центр по подготовке куноити.

Поскольку мико не могли выходить замуж и им не разрешалось иметь детей, требовались молодые невинные девушки или совсем маленькие девочки. Поэтому Тиёмэ стала отбирать подходящих ей кандидаток из бесчисленных бездомных и беспризорных детей и покупать новорожденных девочек у разорившихся крестьянских семей.

В лице наставницы-куноити девочки обретали мать, заботливую, добрую, но, вместе с тем, строгую учительницу. А в глазах местных жителей Мотидзуки Тиёмэ выглядела просто милой и добрейшей женщиной, которая обогрела теплом своего сердца десятки несчастных сироток.

На первых этапах обучения девочки постигали все тонкости профессии мико. Но параллельно с этим их наставница прививала им чувство нерушимой преданности, привязывала их к себе, постоянно напоминая, что именно она спасла их от голодной смерти, заменила мать, дала кров и тепло очага. Бедным девушкам, фактически изолированным от мира, ничего не оставалось как уверовать, что их долг и возможность достижения счастья в жизни заключаются в том, чтобы беспрекословно подчиняться приказаниям Тиёмэ и хранить верность организации и сестрам-мико.

На следующем этапе будущие куноити осваивали шпионские навыки добывания и передачи секретной информации, сеяния слухов и физического устранения врагов своей госпожи. В результате суровой и рациональной многолетней тренировки бедные сиротки превращались в смертоносных куноити, перед женскими чарами которых не мог устоять ни один мужчина. Существование этой организации мико-куноити хранилось в глубочайшей тайне, в которую не был посвящен ни один человек даже из ближайшего окружения Такэды.

Использовал Сингэн в качестве шпионов и детей. В «Хагакурэ»⁵⁰ рассказывается о том, как он с целью убийства Токугавы Иэясу подослал к нему 13-летнего мальчика. Смышлennyй симпатичный парнишка сумел устроиться пажом к князю и однажды ночью подкрался с мечом в руках к его постели и нанес по ней разящий удар. Но вот незадача! Иэясу в это время преспокойно читал буддийскую сутру в соседней комнате! Услышав шум, он бросился в свою опочивальню и еще до прихода стражи обезоружил мальчишку. Во время следствия тот

⁴⁹ Женщины-шаманки в синтоистских святилищах.

⁵⁰ «Скрытое в листе».

сознался, что был подослан Сингэном, но Иэясу, подивившись отваге и преданности юного киллера, отослал его восвояси целым и невредимым.

Шпионы играли огромную роль в войнах Такэды. И, как утверждают легенды, подчас от талантливого синоби зависела сама жизнь князя. Об одном из таких случаев повествует один из рассказов сборника Асаи Рёи, созданного в 1666 г.

... Сингэн был зятем влиятельного даймё Имагавы Ёсимото. У него были прекрасные отношения с тестем. Но когда Ёсимото был разбит Одой Нобунагой в битве при Окэхадзаме, и его наследником стал слабоумный Удзидзанэ, Такэда без зазрения совести стал расхищать имущество своего родственника. Пользуясь тупостью Удзидзанэ, он выпросил у него, якобы на время, драгоценный список знаменитого поэтического сборника «Кокин вакасю» кисти известного политика периода Хэйан Фудзивары Садаиэ. Поскольку у него и в мыслях не было возвращать свиток, Сингэн беззастенчиво поместил его в своей спальне в нишу токонома.

Однако не долго наслаждался Такэда замечательным произведением – вскоре свиток «Кокин вакасю» был похищен. Князь бушевал в гневе, топал ногами, а слуги, имевшие доступ в опочивальню Такэды, прощались с жизнью, не переставая удивляться одному обстоятельству – из соседней комнаты, где горами лежало золото и серебро, не пропал ни один предмет!

Слуги Такэды сбились с ног, обшаривая владения князя. Во все соседние провинции были направлены гонцы, которые обещали огромную награду тому, кто найдет рукопись. Но все было тщетно. Гневу Такэды не было предела, и многие тогда не сносили головы.

В то время одним из штабных офицеров на службе у Такэды состоял самурай Иитоми Хёбу, у которого в подчинении служил молодой ниндзя по имени Кумавака – «Молодой медведь». Хотя было ему в то время всего лишь 19 лет, он уже успел прославить свое имя. Однажды, во время боевых действий на перевале Вари-га-тогэ, что в Синано, Иитоми по недосмотру забыл в арсенале штандарт-хатадзируси своего отряда. На следующий день должен был состояться решающий бой, поэтому Иитоми оказался в крайне неловком положении, ведь у его отряда не было флага! Да и времени съездить за штандартом тоже не оставалось. И тут вперед выступил Кумавака и сказал, что принесет хатадзируси. Сказав это, он тут же стремглав выбежал из лагеря. Не было предела удивлению Иитоми, когда через 2 часа молодой синоби появился в лагере со штандартом в руках. Дело в том, что от перевала Вари-га-тогэ до Кофу, где находился арсенал, ни много ни мало, а целых 5 ри – 20 км! Получается, что за 2 часа Кумавака умудрился пробежать марафонскую дистанцию! На все удивленные вопросы Кумавака преспокойно отвечал: «Я просто сбегал в Кофу и обратно, вот и все. Только из-за того, что я очень спешил, я забыл пропуск, и стража не пустила меня в замок. Тогда я пошел вдоль стены, перемахнул через частокол и вскрыл запасную калитку в стене. Так как у меня не было знакомых в арсенале, чтобы взять штандарт, мне пришлось туда прокрасться тайком».

Многие тогда восхищались замечательным искусством скорохода, но когда был похищен свиток «Кокин вакасю» первым, на кого пала тень подозрения, был как раз Кумавака. Иитоми Хёбу вызвал его в свою комнату и сказал: «Ты замечательный мастер нин-дзюцу. Все прекрасно знают, что ты в совершенстве владеешь искусством быстрого бега. Наверное, это ты украл драгоценный свиток у нашего господина?»

Кумавака же отвечал: «Невероятные вещи говорите Вы, мой господин. Я всего лишь мастер быстрого бега, и только». В его голосе не было ни тени страха, и Иитоми поверил, что молодой человек не был замешан в краже.

Кумавака с младых ногтей состоял на службе у Такэды и давно уже не видал родителей. Поэтому он испросил себе отпуск на родину взамен на обещание изловить похитителя «Кокин вакасю». Когда Кумавака направлялся в родную деревню в местечке Ниси провинции Каи, ему повстречался человек, бегущий словно ветер. Кумавака сразу сообразил, что перед ним ниндзя и, скорее всего, вражеский. Поэтому он немедленно помчался вслед и вскоре догнал негодяя, свалил наземь и приставил меч к горлу. Тот со страха тут же признался, что он – суппа из семьи Фума, служит клану Нагано, и что именно он похитил «Кокин вакасю», когда проводил разведку в замке Такэды. И еще он сказал, что князь Нагано готовит большое наступление на Кофу и ждет только его отчета о положении в замке Такэды. Так Кумавака не только вернул князю его любимый свиток «Кокин вакасю», но и раскрыл коварный заговор врага, после чего, в 29 день 9 месяца 1566 г. войска Такэды атаковали замок Нагано в Минове и сожгли его дотла.

Нокидзару Уэсуги Кэнсина

Уэсуги Кэнсин (1530-1578), правитель провинции Этиго и извечный противник Такэды, тоже уделял большое внимание военной разведке. По приказу Уэсуги его преданный вассал и начальник службы шпионажа Усами Суруга-но Ками Сандаюки кодифицировал школу нин-дзюцу Уэсуги-рю.

Ниндзя из Уэсуги-рю назывались «нокидзару», что буквально означает «нести на спине обезьяну». Сегодня уже точно неизвестно, откуда взялось это название. Одни полагают, что оно было выбрано в память о китайском императоре Сюань Юань-ди (иероглифы, которыми записывается это имя, по-японски могут быть прочитаны как «нокидзару»), который по легенде создал искусство шпионажа. Другие связывают его с названием какой-то местности во владениях Уэсуги, где, возможно, находилась штаб-квартира его тайных агентов. Как бы то ни было, Кэнсин использовал нокидзару в очень большом количестве и был прекрасно осведомлен о всех замыслах врага.

Немалое влияние на формирование системы шпионажа Уэсуги оказал опытный ниндзя из Кога по имени Кадзи Оми-но Ками Кагэхидэ. По-видимому, именно с его легкой руки лазутчики Уэсуги стали действовать под видом бродячих торговцев порохом. Особенно много таких агентов было в провинции Эттю, неподалеку от знаменитой горы Фудзи, ныне ставшей символом страны Восходящего солнца. Эта уловка была позаимствована из практики ниндзя Кога, которые первыми в Японии наладили производство пороха в местечке Абурахи и начали торговать им «вразнос» по всей стране, маскируясь под странствующих аскетов сюгэндзя и собирая сведения о положении дел во всех провинциях. Традиция маскировки под бродячих торговцев порохом была канонизирована в школе нин-дзюцу Кадзи-рю, основанной Кадзи Оми-но Ками Кагэхидэ и снабжавшей Уэсуги Кэнсина первоклассными шпионами.

Однако и они допустили ошибку, расплатой за которую стала смерть самого Уэсуги...

Като Дандзо – двойной шпион

В истории японского искусства шпионажа не было, пожалуй, ни одного ниндзя, чье имя окружал бы больший ореол загадочности и мистики, нежели Като Дандзо. Его диковинное мастерство было столь невероятно, что людская молва называла его кудесником, магом, способным черпать силы в общении с потусторонним миром. Его жизнеописание давно стало частью фольклора. И отделить в нем правду от вымысла уже практически невозможно.

Чего только не рассказывают о Като Дандзо предания старины! Его называют основателем целой школы магического боевого искусства, последователи которой использовали различные заклинания для передвижения по воз-духу, заговаривали оружие, и оно могло действовать даже без участия человека. Сам Дандзо, как утверждают народные предания, мог спокойно сидеть, молитвенно сложив руки, пока его бритвенно острый меч рубил врагов направо и налево. Когда однажды несколько самураев выследили и окружили его, Дандзо очертил вокруг себя круг, нарисовал в нем несколько магических знаков и призвал на помощь духов. После этого ни мечи, ни копья самураев не могли проникнуть внутрь круга, а неуязвимый ниндзя весело потешался над ними!

Реальная биография этого человека почти неизвестна. Одни источники называют его выходцем из уезда Акидзу провинции Хитати, другие – уроженцем Ига, но все сходятся в одном – он был замечательным мастером «искусства быть невидимым» традиции Ига-рю, которую постигал с самого младенчества.

Дандзо был невелик ростом, и тело у него было легкое как пушинка. При этом силу он имел необычайную и прославился тем, что, якобы, мог перепрыгивать через широкие оборонительные рвы замков. За это товарищи прозвали его Тоби Като – Летучий (или Прыгучий) Като. А еще как-то раз он одним ударом кулака свалил разъяренного быка, вырвавшегося из загона.

Прослышав, что Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин нанимают ниндзя, он решил наняться к кому-либо из них на службу. Сначала Дандзо отправился во владения Уэсуги. Прибыл он к

замку Уэсуги по виду бродячего фокусника и на рыночной площади призамкового городка принялся демонстрировать свое магическое искусство.

Как рассказывает легенда, он привел на площадь большого быка и на глазах у всех собравшихся во мгновение ока его проглотил. Все зрители были поражены, но один человек, забравшийся на высокую сосну, что была по соседству, начал подшучивать: «Обман! Обман! Если посмотреть отсюда, он просто уселся быку на спину!» Като Дандзо сильно рассердился, взял в руки саженец тыквы-горлянки, на котором было всего лишь два листика, махнул на него веером и, как ни странно, лоза стала постепенно удлиняться, и прямо на глазах у зрителей на ней зацвел цветок тыквы-горлянки. Когда все зрители в изумлении пораскрывали рты, Като неожиданно выхватил короткий меч и одним ударом отсек чашечку тыквы-горлянки. Как только он это сделал, отрубленная голова шутника шлепнулась на землю. Зрители, пораженные и напуганные этим необычайным искусством, тут же бросились врассыпную.

По городу поползли противоречивые слухи о таинственном и страшном пришельце, а он сам тем временем явился к Какидзаки Идзуми-но Ками, приближенному князя Уэсуги, заявил, что он лучший ниндзя во всей стране, и попросил представить его князю. Самурай потребовал у Дандзо, чтобы тот продемонстрировал свое искусство, и тогда Летучий Като показал ему свой невероятный прыжок. Самурай пришел в восхищение от столь великого таланта и немедленно доложил о своей «находке» Уэсуги.

На аудиенции у князя Дандзо вел себя вызывающе и вновь похвастал, что равного ему по мастерству ниндзя во всем свете не сыскать. Тогда Кэнсин нахмурил брови и сказал: «Ну, ежели ты такой мастер, покажи нам свое мастерство. Есть у меня старый вассал Наоэ Ямасиро-но Ками. В его усадьбе хранится драгоценная алебарда. Если ты сможешь ее сегодня ночью украсть, я возьму тебя на службу и назначу большое жалованье».

Задача Дандзо была поставлена не из легких. Огромный дом Наоэ, защищенный высокими стенами, окружал широкий ров. Многочисленные сторожа неустанно вглядывались в темноту, и подобраться к усадьбе незамеченным не было никакой возможности. Вокруг усадьбы рыскал огромный свирепый волкодав по кличке Мурасамэ, способный учуять любого чужака за сотни метров и прославившийся тем, что как-то на охоте в одиночку загрыз дикого кабана. Кроме того, все комнаты в доме были ярко освещены, и в них постоянно находились десятки слуг.

И все же Дандзо решил во что бы то ни стало прокрасться ночью в дом Наоэ. Воспользовался он при этом отнюдь не магией, а вполне «посюсторонними» методами – обычными уловками ниндзя. Злобному Мурасамэ он подсунил колобок заранее припасенного и отравленного риса-якимэси, после чего псина, отведав «лакомства», тут же издохла. Затем Дандзо могучим прыжком преодолел ров – не зря же его прозвали «Летучим»! При помощи лазательных когтей (сюко) он взобрался на стену и беззвучно, как кошка, спрыгнул во двор.

Так как дело было уже под утро, у охранников, которые чересчур рьяно сторожили усадьбу вечером и ночью, к этому времени уже глаза слипались. Поэтому ниндзя даже решил немного покуражиться – он не только утащил драгоценную нагинату, но еще и усадил на спину сладко проспавшую все время его ночных походов одиннадцатилетнюю прислужницу жены Наоэ и в таком виде – с алебардой в руках и девчонкой за спиной – явился во дворец Уэсуги.

Все были поражены невероятным мастерством ниндзя. И даже Кэнсин застонал от восторга. Он прекрасно понимал, что этот человек мог оказаться подарком судьбы в борьбе с Такэдой, и уже предвкушал, как при помощи Дандзо отправит своего заклятого врага на тот свет.

Правда, было тут одно «но». «Как бы Като Дандзо не был подослан врагами?» – думал князь. А тут еще оскорбленный Наоэ стал нашептывать ему, что Дандзо – человек совершенно неизвестный, прошлое его темно, и уж очень его неожиданное появление здесь напоминает уловку врага. Долго раздумывал Кэнсин. И в итоге это одно «но» перевесило все таланты великого синоби. Он подозвал к себе начальника охраны Оникодзиму Сётаро и шепнул ему на ухо приказ немедленно прикончить опасного чужака.

Однако Дандзо был не дурак. По каким-то признакам он разгадал план князя и решил дать делу пока не поздно. Правда, охранников в замке было слишком много. Тут-то и пригодилось

ниндзя его магическое (фокусническое или гипнотическое) искусство. Обращаясь ко всем присутствующим, он сказал: «Ну что ж, господа. Я хочу показать вам кое-что интересное.» С этими словами, Дандзо позвал к себе похищенную девочку и стал вынимать у нее изо рта одну за другой кукол размером в 3 суна каждая. Когда он извлек их уже штук 30, куклы тали забавно пританцовывать. Все зрители, словно замороженные, уставились на фантастическое зрелище. А хитроумный Като Дандзо тем временем беспрепятственно выбрался из недружелюбного замка.

После этого случая Дандзо, горевший желанием отомстить Уэсуги, отправился в земли его врага, Такэды Сингэна.

Прибыв в Кофу, Дандзо явился к одному из главных вассалов Сингэна Атобэ Оисукэ. Он заявил, что хотел бы поступить на службу к князю, чтобы отомстить злокозненному Кэнсину. Такэда испытывал острую нужду в ловких агентах и был рад принять к себе на службу мастера нин-дзюцу. Правда заносчивость и хвастливость Дандзо ему тоже не понравились, и он предложил ему для начала доказать свое мастерство. Существует несколько версий этого испытания.

Согласно одной из них, насмешливый и хитрый Сингэн, чтобы посбить спесь с грубоватого ниндзя, попросту решил подшутить над ним и приказал перепрыгнуть через высокий забор, зная, что по ту сторону его посажены шипастые розы. Дандзо, ничего не подозревая, взвился в воздух, перемахнул через ограду и уже к вящему удовольствию князя опускался в самый центр колючей клумбы, как вдруг завис в воздухе и полетел обратно... Так велика была сила магии мастера «искусства быть невидимым»!

Дошла до наших дней и другая, более прозаическая версия. По заданию князя, Дандзо должен был проникнуть в один из замков, который усиленно охранялся.

Под покровом ночи он подобрался к замку, вскарабкался на стену и уже собирался спрыгнуть вниз, как вдруг почувствовал, что во дворе его поджидает засада. Специалисты Такэды по отлову шпионов тоже заметили лазутчика и приготовились броситься на него, как только он опустится на землю. И вот Като делает роковой прыжок... Охрана с криками «Попался! Держи его! Убить шпиона!» бросается на него, а Като... неожиданно взмывает в воздух, словно птица, описывает круг над двором замка и через мгновение оказывается на стене! У самураев Такэды даже дух от удивления перехватило, когда они услышали веселый смех ниндзя, усевшегося на гребне стены...

Правда, воспользовался на этот раз Летучий Като не магией, а простейшим трюком, только исполнение его было замечательным. Ниндзя подвесил куклу на удочке и заставил ее немного покружиться в ночном небе, вот и вся шутка! Только Такэда и его приближенные об этом ничего не знали.

Как бы то ни было, после демонстрации никто уже не сомневался в способностях ниндзя-колдуна, и Такэда немедленно выписал огромное жалование Като Дандзо.

На службе у Такэды Като Дандзо показал себя с самой лучшей стороны и совершил немало замечательных подвигов. Однажды Като получил задание пробраться в замок Сува, который славился своей неприступностью. У этого замка была всего лишь одна сторожевая башня, но она была расположена много выше окружающих стен и внутренних построек, и с нее открывался прекрасный обзор на весь замок. После предварительной рекогносцировки Дандзо понял, что проникнуть в замок, не нейтрализовав эту сторожевую башню, невозможно. Тогда Летучий Като разработал план ее захвата, который затем с блеском и реализовал.

Безлунной ночью Като вскарабкался по стене замка прямо под сторожевой башней. Путем наблюдения ниндзя установил, что это место не просматривалось со стены. Зацепившись на стене под выступающей наружу платформой башни, он просверлил в ней несколько небольших отверстий и вставил в них специальные болты с раскрывающимися шляпками, которые были больше, чем диаметр отверстия. Еще через несколько мгновений ниндзя подвесил небольшие качели на ремнях, прикрепленных к болтам.

Пока 4 стражника всматривались в темноту, ниндзя устроился у них прямо под ногами и подал знак своим 4 товарищам, скрывавшимся в мутной воде рва, взбираться на стену. Вскоре 5 ниндзя повисли во тьме под платформой башни. Определив по звуку шагов число и расположение охранников, лазутчики мгновенно перемахнули через парапет, прикончили

охранников и захватили контроль над ключевой точкой обороны. А еще через несколько минут замок был полностью захвачен синоби Такэды.

Впрочем, служба Дандзо у Такэды продолжалась недолго и завершилась трагически. Когда у Сингэна был украден драгоценный список «Кокин вакасю», Дандзо, которого Такэда очень боялся и не любил, был обвинен в краже, объявлен вражеским агентом и убит.

Раппа Фума и Фума Котаро

На службе у семьи Ходзё состояла знаменитая шайка раппа Фума. Клан Фума являл собой уникальнейшее явление в мире нин-дзюцу. Начать с того, что никто точно не знает его происхождения, несмотря на то, что до наших дней дошли усадьба (ниндзя-ясики) Фума и множество упоминаний в различных источниках.

По версии крупного японского историка Сибы Рётаро, Фума переселились в Японию из Кореи в период Сэнгоку-дзидай. О причинах их миграции ничего не известно. Поскольку в Японии у них не было земли, и они не могли заняться земледелием, Фума пришлось скитаться по стране, зарабатывая на жизнь театральными представлениями. Видимо такой источник дохода не вполне удовлетворял нужды семейства, и Фума, овладев нин-дзюцу и магией, стали заниматься разбоем и пиратством. В это время к ней присоединилось множество отъявленных бандитов и воров, и сложилась огромная шайка Фума-то.

По сообщению источников, шайка Фума разделялась на 4 группы с особыми командирами во главе. Официальные титулы их говорят сами за себя: кайдзоку – «пират», сандзоку – «разбойник в горах», гото – «грабитель» и сэтто – «вор».

Искусство Фума демонстрирует многие характерные черты корейской военной традиции. Они активно применяли взрывчатые и зажигательные смеси, осветительные ракеты и огнестрельное оружие, занимались пиратством во Внутреннем японском море, где многочисленные островки позволяли незаметно подобраться к торговым и боевым судам противника. За это разбойников Фума прозвали «фуна-кайнин» – «морские ниндзя на лодках».

Поднаторев в нин-дзюцу, Фума стали наниматься на службу к разным даймё в качестве своеобразного диверсионного спецназа и совершили немало подвигов на поле брани. Но больше всего прославился торё⁵¹ Фума Котаро, возглавлявший это разбойничье объединение в середине XVI в.

Согласно информации источников, он был выходцем из горного уезда Асигара-симо, что в провинции Сагами, имел ужасную внешность, огромный рост – под 2 метра – и служил клану Ходзё. По преданию он был 5 патриархом школы нин-дзюцу Фума-рю. Самым известным его деянием был разгром армии Такэды Кацуёри в битве при Укисима-га хара в провинции Суруга в 1581 г., который подробно описан в «Ходзё годайки».

Осенью 1581 г. Ходзё Удзинао, контролировавший в то время 8 провинций района Канто, решил вступить в войну с наследником Сингэна, Такэдой Кацуёри. Армия Ходзё и войска провинций Каи, Синано и Суруга под командованием Такэды Кацуёри сошлись в провинции Идзу и стали лагерями друг напротив друга на разных берегах реки Кисэ.

На службе Удзинао в это время находилось 200 раппа во главе с Фумой Котаро. Разделившись на 4 отряда, они начали каждую ночь, несмотря на непогоду (как говорит источник, «и в ночи, когда лил дождь, и когда дождя не было, и в ночи, когда дул ветер, и когда ветра не было»), совершать нападения на войска Такэды. Раппа Фума убивали воинов Такэды десятками, брали их в плен, перерезали привязи лошадей и уводили их, там и сям устраивали поджоги.

В одну из ночей они переоделись во вражескую форму и замешались в рядах воинов Такэды, а потом, по условному сигналу, неожиданно прокричали боевой клич и принялись рубить всех подряд, внеся во вражеский стан дикую сумятицу. Резня продолжалась всю ночь, и на утро выяснилось, что в ужасной ночной суматохе вассалы убивали своих господ, а сыновья по ошибке рубили головы отцам.

⁵¹ Букв. «предводитель шайки».

От стыда и раскаяния многие в то утро совершили ритуальное самоубийство-сэппуку, другие, обрезав магэ – пучок волос на макушке, символизировавший принадлежность к самурайскому сословию, позорно бежали на гору Коя. А десятеро оставшихся в живых самураев распустили волосы в знак скорби и позора и решили все вместе совершить сэппуку, но только после того, как отомстят коварным раппа. Один из них предложил выследить Фуму Котаро и прирезать его как жертву погибшим сюзеренам и отцам.

Самураи спрятались в зарослях кустарника и стали выжидать удобный момент. В один из дней на рассвете они заметили отряд Фумы, возвращавшийся после ночного боя, и, незаметно затесавшись в толпу раппа, пробрались к ним в лагерь. Постепенно все отряды шпионов покинули боевые порядки, и в лагере собралось около двухсот человек. Однако хитроумному Котаро показалось, что число его воинов несколько увеличилось с прошлой ночи, и поэтому он догадался, что в лагерь проникли враги. Он приказал всем раппа построиться в круг и зажечь факелы и скомандовал: «Фудзи!» По этой команде раппа Фума опустили на одно колено. А самураи Такэда, опоздавшие выполнить приказание, были безжалостно убиты на месте. «Сегодня ночью все хорошо поработали», – сказал тогда Фума Котаро и вдруг вновь скомандовал: «Цукуба!» Раппа Фума тотчас вскочили на ноги, а те, кто не успел вовремя подняться – воины Такэды, были уничтожены. Так Фума Котаро разделался с врагами при помощи древнего способа распознавания врага, известного в нин-дзюцу как «Тати-сугури, и-сугури» – «Отбор стоящих, отбор сидящих».

После поражения Ходзё в войне с Тоётоми Хидэёси и падения в 1590 г. Одавары – родового замка Ходзё – раппа Фума, игравшие столь значительную роль на полях сражений, оказались не у дел и занялись тривиальным пиратством, чем немало досаждали властям Тоётоми и Токугавы.

Во время своих пиратских рейдов раппа активно использовали примитивные подводные лодки собственного изобретения, называвшиеся «рюо-сэн» – «лодка Царь драконов». Рюо-сэн могли почти целиком уходить в воду, так что на поверхности оставался торчать только нос, выполненный в форме головы дракона. Перемещалась такая подлодка благодаря работе гребных колес, скрытых под водой и приводимых в движение изнутри. Балластом служили мешки с песком, суммарный вес которых был рассчитан таким образом, чтобы при его сбросе, рюо-сэн могла мгновенно всплыть на поверхность.

Ниндзя, действовавшие внутри лодки, в случае необходимости могли легко ее покинуть через люк в днище. Запаса кислорода в рюо-сэн хватало всего на несколько часов, но этого было вполне достаточно, чтобы незаметно подобраться к вражеским кораблям. И тогда специально подготовленные «водолазы», используя дыхательные трубки, забирались под днище избранного судна и начинали сверлить в нем дыры, после чего оно вскорости шло ко дну.

Поскольку группа Фумы Котаро базировалась на территории района Канто, которым правил Токугава Иэясу, ей пришлось столкнуться с не менее хитроумным ниндзя Хаттори Хандзо, который был начальником разведки и охраны Токугавы. В конце концов, Хандзо удалось разгромить главные силы шайки Фума, а потом и «накрыть» их базу. С тех пор о Фума ничего не было слышно.

Братья Сада – ниндзя на службе Мори

В период Сэнгоку-дзидай многие даймё имели в своем распоряжении умелых шпионов, но братья Сада – Хикосиро, Дзингоро (Горо) и Конэдзуми («Маленькая мышь»), состоявшие на службе у княжеской семьи Мори, считались лучшими из лучших. Они были прекрасными тактиками, мастерами бесшумного подкрадывания и переодевания, в совершенстве владели гипнозом. Сада с готовностью брались за любое поручение, какое бы им ни дал Хара Морисигэ – начальник разведки Мори, и совершали такие подвиги, что даже опытные лазутчики только головами качали, отказываясь верить в упрямые факты.

По поручению Хара, братья Сада создали целую школу, в которой обучали шпионской работе сразу несколько десятков учеников. Качество обучения они всегда проверяли на собственной шкуре, провоцируя своих подопечных на использование нин-дзюцу против

учителей. Об этих «испытаниях» сложено немало легенд.

Однажды ученик Сада по имени Маруяма Санкуро решил тайком пробраться в дом наставников. Прокравшись через сад, Санкуро на мгновение застыл в тени развесистого дерева, чтобы оценить обстановку. Вдруг он почувствовал, что один из братьев покинул свою постель и уже бесшумно подкрадывается к нему. Поняв, что с учителем шутки плохи, Санкуро отказался от своей затеи и поспешил убраться восвояси. На утро Сада Дзингоро спросил неудачника, не он ли рыскал по саду ночью? Санкуро во всем признался, но поинтересовался, как же учитель узнал о его присутствии. Дзингоро отвечал, что он догадался о непрошеном госте, когда насекомые в саду неожиданно умолкли, и в свою очередь спросил ученика, как тот сообразил, что нужно уносить ноги. На это Санкуро сказал, что, когда москиты, которые обычно с полночь молчат, неожиданно зажужжали вокруг, он сообразил, что кто выбросил наружу сетку с москитами, чтобы потихоньку выбраться из спальни. Дзингоро, обрадованный прогрессом ученика, похвалил его за внимательность и сообразительность.

В другой раз попробовать свои силы против учителей решился еще один ученик, Саяма Хикотаро. Он решил попытаться не только пробраться к учителям «на квартиру», но и украсть у них что-нибудь из мебели. Хикотаро проскользнул в дом через кухонный вход. При этом для шумового прикрытия он попытался симитировать, будто это один из псов Сада забрался туда, чтобы покопаться в мусоре в поисках вкусных рыбьих костей. Но тут посреди ночной тишины в дальнем конце дома вдруг загрохотал голос одного из братьев-ниндзя, который весело прокомментировал, что крупные собаки обычно держат голову, когда жуют кости, на высоте приблизительно в 2 сяку (около 65 см), а в этот раз чавканье шло с уровня пояса мужчины среднего роста. Хикотаро на мгновение замер от восхищения фантастическим мастерством наставника, а потом в восторженном состоянии отправился домой, проникнувшись еще большим уважением к учителям.

Самым ловким из троицы был, по-видимому, самый старший, Хикосиро. Современники прозвали его «Кори-но хэнгэ» – «Переменчивый хитрец». И не было человека, который бы не восхищался невероятному мастерству этого ниндзя.

Как рассказывается в «Интоку тайхэйки»⁵², однажды Хикосиро на глазах у целой толпы людей подбросил в очаг в харчевне несколько десятков поленьев и затем умудрился стащить их все до одного, да так, что никто ничего не заметил!

По сообщению того же источника, в другой раз его искусство решил испытать самурай по имени Ириэ Дайдзо:

– Слышал я, что ты настоящий мастер нин-дзюцу, но сомневаюсь, что ты смог бы похитить мой меч, – сказал он.

– Запросто, – отвечал Хикосиро. – Что будет, если я украду твой меч? Отдашь его мне?

– Разумеется, я подарю его тебе, – согласился самурай, но тут же состроил мину, – только сомневаюсь я, что мне придется это сделать.

Итак, было решено устроить испытание мастерству Хикосиро. Дайдзо вернулся домой, запер все двери, ставни на окнах: во всем доме не осталось ни единой щели, сквозь которую вовнутрь мог проползти незамеченным хотя бы муравей, и стал караулить дерзкого ниндзя.

Хикосиро же дождался глубокой ночи, когда даже трава и деревья погружены в глубокий сон, и тайно прокрался к дому Дайдзо. Однако внутрь пробраться не было никакой возможности – Дайдзо принял все возможные меры предосторожности. Тогда Хикосиро проделал в стене лаз, что для него было сущим пустяком, и через некоторое время пробрался вовнутрь.

Дайдзо тем временем мирно почивал, засунув меч под подушку. Оценив обстановку, Хикосиро достал из-за пазухи заранее припасенный бумажный кошелек-татагами, намочил его водой из специального контейнера, скатал из него шарик и, подбросив его вверх, уронил несколько капель на лицо самурая. Дайдзо вздрогнул и тут же проснулся.

– Ливень что ли? Вода с потолка капает... – удивился он.

В этот момент Хикосиро и вытащил из под подушки его меч, после чего пораженному

⁵² «Повесть о великом мире тёмной добродетели».

самураю ничего не оставалось, как только преподнести хитроумному ниндзя свою знаменитую катану.

Ниндзя Кога и Токугава Иэясу

Многие даймё в период Сэнгоку-дзидай использовали ниндзя, но чаще всего к их услугам прибегал Токугава Иэясу (1541-1616).

Иэясу был старшим сыном мелкого даймё Мацудайра. Земли его отца были зажаты между владениями могущественных кланов Имагава из провинции Суруга и Ода из провинции Овари. Иэясу с детства оказался вовлеченным в жестокую борьбу между этими двумя могучими семьями и был заложником сначала в замке Оды Нобухидэ, отца будущего объединителя Японии Нобунаги, а затем в цитадели Имагавы замке Сумпу. В 1560 г. между Одой Нобунагой и Имагавой Ёсимото разгорелась война. Удача оказалась на стороне Оды, который во время снежного бурана сумел окружить и наголову разбить 40000-ную армию Имагавы, имея под началом всего лишь 2000 бойцов. Этой ситуацией и воспользовался Токугава Иэясу, подняв мятеж против Ёсимото. Прежде всего, он напал на Гамагори, замок Удоно Нагамоти, родственника Имагавы.

Однако осада замка затянулась. Тогда на военном совете выступил Михара Сандзаэмон, вассал главнокомандующего осаждающей армии Мацуи Сакона Тадацугу (впоследствии Мацудайра Сухо-но Ками Ясутика). Он считал, что штурм такой мощной крепости как Гамагори-дзё грозит большими потерями, поэтому он посоветовал обратиться за помощью к ниндзя из Кога, тем более, что среди осаждавших было несколько буси родом из тех мест. В итоге в уезд Кога были направлены тамошние буси Тода Сабуро Сиро и Макино Дэндзо. Через некоторое время они возвратились в лагерь с отрядами госи из Кога Угаи Магороку с 200 ниндзя и Бан Ёситиро Сукэсады с 80 синоби.

Сначала Угаи Магороку провел разведку и предложил использовать традиционный метод захвата крепостей гэссуй-но дзюцу – «метод луны в воде». В ночь на 15 день 3 месяца 1562 г. ниндзя, переодетые во вражескую форму, бесшумно проникли в замок, подожгли сторожевую башню Ягумо, господствовавшую над местностью, и учинили беспощадную резню, в которой погибло более 200 бойцов врага. Воины Удоно, не разобравшись, что произошло, подумали, что в замке начался предательский мятеж. Им казалось, что врагов очень много, и они сразу же обратились в бегство. Тем временем переодетые ниндзя, подслушав пароли осажденных и не вступая с ними в открытый бой, продолжали сеять панику. Даже Удоно Нагамоти в страхе бежал в Храм Священного огня, расположенный в северной части замка, но там его настиг, повалил на землю и зарезал предводитель Кога-моно Бан Ёситиро. В то же время отряд Угаи захватил живьем его сына, Нагамоти Тотаро Нагатэру. Эта блестящая победа круто изменила ход событий в пользу Токугавы. И в 6 день 2 месяца следующего года он направил в адрес предводителя ниндзя из Кога Бан Ёситиро благодарственное письмо. Копия этого письма до сего дня хранится в семье потомков буси из Кога Иванэ из городка Исибэ, что в уезде Кога префектуры Сига.

Ниндзя из Ига в период Сэнгоку-дзидай

К началу периода Сэнгоку-дзидай со времен, когда акуто Курода вели борьбу с господством буддийских храмов, в провинции Ига произошли значительные изменения. К этому времени Тодай-дзи и Кофуку-дзи практически утратили свои поместья и перестали угрожать интересам местных дзи-дзамураев. Когда этот внешний враг отступил, коалиция акуто распалась. Однако мир и спокойствие на землю Ига не пришли. Теперь дзи-дзамураи повели войну не на жизнь, а на смерть друг с другом, стремясь увеличить свои владения и обобрать соседей. Даже старинная семья Хаттори не избежала внутренних кровавых разборок. К началу XVI в. от нее окончательно отделились два новых семейства ниндзя: Момоти и Фудзибаяси, которые были настроены отнюдь не лояльно по отношению к родственникам.

Род Фудзибаяси, обосновавшийся в деревне Томода на севере провинции Ига на границе с уездом Кога, был одной из боковых ветвей Хаттори. К началу Сэнгоку-дзидай он сумел

значительно усилиться и создать сильную организацию ниндзя. В это время Фудзибаяси выстроили замок-крепость в местечке Хигаси Бабунэ и приняли прозвание Нагато-но ками – покровители Нагато. Фудзибаяси пользовались большим расположением среди дзи-дзамураев севера провинции. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что их активно поддерживали многие кланы из Кога, доводившиеся родственниками Хаттори.

Приблизительно в то же время юг Ига стал сферой влияния второй, но более древней ветви Хаттори, семьи Момоти, которая простерла свои щупальца и в соседнюю провинцию Ямато. Основной центр группировки ниндзя Момоти находился в уезде Набари неподалеку от границы с провинцией Ямато. Момоти владели двумя замками, один из которых находился в местечке Рюгути провинции Ига, а второй в Рюгути провинции Ямато. Наличие замка в Ямато позволяло Момоти получать информацию извне.

Судя по всему, в яростной драке каждый за себя больше всех досталось как раз главной ветви рода Хаттори из поместья Тигати, владения которой оказались зажаты между сферами влияния двух агрессивно настроенных родственных кланов. Возможно, именно поэтому патриарх Тигати Ясунага принял решение покинуть родные места и отправился искать счастья в столицу. Сначала Ясунага поступил на службу к сёгуну Асикага, но позже присоединился к Токугаве Иэясу.

Тем временем в Ига сложилась чрезвычайно сложная ситуация. Долгие годы совместной борьбы против засилья монастырей не позволили усилиться ни одному из местных родов. В результате все земли в провинции были по клочкам поделены между более чем 200 мелкими феодалами, каждый из которых имел дружину численностью от 50 до 100 бойцов. Вести затяжные войны в таких условиях было чрезвычайно опасно как для победителей, так и для побежденных. Любая победа оборачивалась весьма ощутимыми потерями, ведь в каждой дружине все воины были на счету. К тому же в условиях нестабильности в стране в любой момент можно было ожидать вторжения извне. Разумеется, в этих условиях искусство малой войны, диверсий и надежная разведка приобретали первостепенное значение. Каждый из мелких феодалов должен был обладать информацией о планах соседа: готовится ли он к войне, нанимает ли воинов, покупает ли оружие – все это имело огромную важность. Ведь увеличение дружины врага даже на одного мастера боевого искусства могло иметь весьма неприятные последствия. Если же выяснялось, что враг действительно замышляет недоброе, дзи-дзамураи чаще всего прибегали к тайным мерам восстановления военного паритета: убивали нанятых профессионалов меча, сжигали склады и т.д. Таким образом, владение нин-дзюцу стало важнейшим условием выживания.

С другой стороны, в условиях, когда число потенциальных врагов возросло до нескольких десятков, было понятно, что ни один из дзи-дзамураев самостоятельно не был в состоянии обеспечить себя полной информацией о всех противниках сразу. Для этого требовалась организация настоящей агентурной сети, члены которой должны были быть размещены по всем важнейшим пунктам провинции, а с учетом возможной внешней угрозы, и за ее пределами. Создать такую сеть не мог ни один из дзи-дзамураев. Поэтому за помощью им пришлось обращаться к кланам ниндзя Момоти и Фудзибаяси, которые имели своих тайных агентов повсюду. В результате в Ига образовались два «бюро» для удовлетворения нужд «населения» в разведывательной информации. Семья Момоти стала главным осведомителем группировки госи юга провинции, а Фудзибаяси обеспечивали разведданными дзи-дзамураев севера Ига. Постепенно эта работа превратилась в их основное занятие.

Ныне точно неизвестно, сколько ниндзя состояло на службе у Фудзибаяси и Момоти. Полагают, что каждая из этих семей имела «под ружьем» от 200 до 300 агентов. Приблизительно столько же ниндзя было и у Хаттори. Таким образом, общая численность ниндзя этих трех семей оценивается от 500 до 800 шпионов. Но, по-видимому, в Ига ниндзя было гораздо больше, поскольку существовали и другие кланы, промышлявшие шпионским бизнесом, например, Цугэ.

Между родами ниндзя было достигнуто соглашение о разграничении сфер влияния и кооперации. Это было важно для того, чтобы обеспечить собственную безопасность в нестабильных условиях междоусобиц.

Бесконечные военные столкновения внутри Ига уже к концу XV в. сделали местных

феодалов настоящими профи в искусстве малой войны и шпионажа. По подготовке в этой области они сильно обскакали крупнейших военачальников других провинций. Долгое время никто во всей стране не подозревал о талантах госи из Ига. И вот наконец пробил час, когда вся Япония узнала о них.

Произошло это в 1487 г., когда сёгун Асикага воевал с князем Сасаки. В хронике «Ноти кагами фуроки»⁵³ об этом сообщается: «В сражении Камари-но дзин воины из семьи Каваи Аки-но Ками из Ига в разведке совершили выдающиеся подвиги. Отсюда и происходит название Ига-моно – „Люди из Ига“. Это – особая традиция Кога».

В период Сэнгоку-дзидай прославилось много ниндзя из Ига. О некоторых из них мы расскажем здесь подробнее, но прежде нужно отметить, что все ниндзя, согласно учению Ига-рю, делились на три разряда: дзёнины, тюнины и гёнины. Дзёнины представляли высшее командное звено в организации ниндзя. Тюнины – командиры среднего уровня. А гёнины – рядовые агенты. Эти три категории сильно различались по выполняемым функциям и положению (подробно организация дзёнин – тюнин – гёнин рассматривается во 2-м томе исследования).

Дзёнины Ига периода Сэнгоку-дзидай

Хаттори Хандзо Ясунага

Известен также как Тигати Хандзо. Уроженец Оно деревни Ханагаки на западе провинции Ига. Прямой потомок Ига Хэйнайдзаэмона Иэнаги. По неизвестной причине в начале XVI в. вместе со своим отрядом покинул провинцию Ига и отправился искать счастья на стороне. При этом за ним сохранилась небольшая крепость в местечке Ёно провинции Ига.

Сначала Тигати Ясунага состоял на службе у сёгуна Асикага, но в период Тэмбун (1532.7-1555.10) перешел на службу к Мацудайре Киёёсу, даймё из провинции Микава, и вскоре стал одним из ее лучших военачальников. Получил титул Ивами-но Ками – Хранитель Ивами и прозвище Дзёкан – Чистота и спокойствие.

После отъезда из Ига Тигати Ясунага сохранил старые связи с ниндзя и посоветовал Токугаве Иэясу нанять к себе на службу Ига-моно. Его старший сын Хаттори Хандзо Масасигэ стал начальником разведывательной службы – оммицу гасира – Токугавы Иэясу.

Хаттори Хандзо Масасигэ (1542-1596)

Третий сын дзёнина Хаттори Хандзо Ясунаги. Родился в 1542 г. в Ёно деревни Ханагаки провинции Ига и прозывался по родовому поместью семьи Хаттори Тигати Хандзо. В 1558 г., когда Хандзо не было еще и 16 лет, он уже показал себя доблестным воином во время ночного нападения на замок Удо, что в уезде Ниси провинции Микава. В ту ночь Хандзо во главе отряда в составе 50-60 синоби пробрался во вражескую крепость, уничтожил часовых и запалил замок во многих местах, после чего враг был вынужден сдаться на милость победителя. За этот подвиг Токугава Иэясу наградил его драгоценным копьем яри, которое потомки Хаттори хранят по сей день как священную реликвию. В январе 1569 г. по приказу Токугавы захватил замок Какэгава в провинции Тотоми. Во время боевых действий у реки Анэгава (1570) и Микатагахара (1572) он, благодаря своим замечательным способностям ниндзя, совершил немало подвигов и проявил замечательное бесстрашие, за что получил прозвище «Хандзо-дьявол» – «Они-но Хандзо». Имя его упоминается среди «трех храбрецов Токугава», о которых в распространенной в то время в провинции Микава народной песне говорилось, зафиксированной в «Микава-моноготари»⁵⁴:

Во дворце Токугава есть доблестные мужи :
Хаттори Хандзо по прозвищу Хандзо – дьявол,

⁵³ «Дополнение к „Ноти кагами“.

⁵⁴ «Сказания провинции Микава».

Ватанабэ Хандзо по прозвищу Хандзо – копье,
Ацуми Гэнго по прозвищу Гэнго – палач.

Бывали у Хандзо и неудачи. В сентябре 1579 г. он был обвинен в причастности к мятежу, который учинил Нобуясу, прямой наследник Токугавы Иэясу, и получил приказание совершить харакири. Тогда Хандзо укрылся в храме Анъё-ин и сумел вымолить себе прощение.

Впрочем, и сам Иэясу не очень-то хотел отправлять на тот свет прекрасного воина. Благодаря осведомленности о действиях и намерениях различных даймё и даже самого императора и выдающемуся полководческому дарованию Хаттори завоевал большое уважение у Токугавы и был назначен главой секретной службы князя – оммицу-гасира. Приступив к делу, Хандзо ввел посты «садовников» (онива-бан) в замке Иэясу, на которые были назначены самые ловкие и опытные ниндзя из его отряда. «Садовники» из Ига выполняли обязанности телохранителей и лазутчиков, способных разделаться со шпионами противника и проникнуть в его самые потаенные замыслы.

Немало подвигов совершил Хандзо на службе Токугавы. В июне 1584 г. он захватил замок Нисиэ, а 6-ю годами позже, в 1590 г., участвовал в осаде крепости Одавара – оплота Ходзё, за что получил поместье в провинции Тотоми с годовым доходом в 8000 коку. После переезда ставки Токугавы в июне того же года в г. Эдо, будущую столицу Японии Токио, князь, в благодарность за верность хитроумного Хандзо, пожаловал ему звание хатамото – непосредственного вассала сёгуна, и подарил ему усадьбу перед одними из ворот замка, которые позже стали называться «Хандзо-мон» – «Ворота Хандзо». В ознаменование этого события Хандзо принял новую фамилию Ивами-но Ками. В это время у него в подчинении находилось 150 полицейских-ёрики и 300 стражников-досин. Хандзо умер в возрасте 55 лет в 1596 г. Его наследником стал Ивами-но Ками Масанари, возглавивший отряд ниндзя из Ига-гуми после смерти отца.

Фудзибаяси Нагато-но Ками

Фудзибаяси Нагато-но Ками был одним из самых влиятельных гози во второй половине XVI в. и владел крепостью в Умото Юбунэ деревни Томода (Цукада) уезда Аяма, что на севере Ига. Поскольку сфера влияния Фудзибаяси включала и отдельные районы уезда Кога, у них на службе состояли и некоторые группы ниндзя из Кога. Хотя посторонние считали Фудзибаяси Нагато обычным сельским богачом, на самом деле он был дзёнином большой организации ниндзя и советником объединения самураев северной части Ига. Кроме того, он возглавлял разведслужбу даймё Тодо.

Момоти Тамба Ясумицу (Момоти Сандаю)

Момоти Сандаю был гози из района Ходзиро г. Уэно и владел усадьбой в Рюгути г. Набари. Он служил советником по шпионажу у гози юга провинции. Однако в его биографии есть множество неясностей. Например, в генеалогии существующей и ныне семьи Момоти имя Момоти Сандаю даже не значится. Интересно, что уже иллюстрированная биографии Тоётоми Хидэёси «Эхон тайкоки», опубликованная в 1802 г., ставит под вопрос реальность существования этого человека. По-видимому, если подобный мастер нин-дзюцу и жил когда-либо, он сам в немалой степени постарался замести свои следы. Так в одном из преданий утверждается, что у Сандаю было две семьи, причем ни одна из них не знала о существовании другой. Кроме того в некоторых генеалогиях нин-дзюцу указывается что отца Момоти Сандаю тоже звали Момоти Сандаю, а некоторые источники указывают, что Момоти Сандаю и Фудзибаяси Нагато-но Ками – одно и то же лицо, в одном случае действовавшее под настоящим именем, а в другом – под псевдонимом!

Существует множество легенд о незаурядном мастерстве Момоти Сандаю. В молодости он долгое время служил могущественному Такэде Сингэну. Однажды он получил приказ проникнуть в замок Сувы Ёримицу и выведать его планы. Сандаю уже крался к покоям князя, когда неожиданно появившийся охранник увидел его и поднял крик. Это было последнее, что он успел сделать, так как ниндзя мгновенно прикончил его мечом. Однако на крик сбежалась вся стража замка – несколько десятков вооруженных до зубов самураев. Путь отступления был отрезан. Тогда Сандаю, попавший в едва ли не безвыходную ситуацию, применил свое излюбленное искусство, которое в нин-дзюцу Ига-рю именовалось «най-но дзюцу», а в Кога-рю

– «мэйдо-но дзюцу» – «искусство грохота». Суть этой шпионской уловки заключалась в том, чтобы при помощи голоса и передачи вибрации стенам симитировать землетрясение. Едва он воспользовался этим методом, как все его преследователи, позабыв о ниндзя, сразу же ринулись из дома наружу, ища спасения от «землетрясения». А находчивый шпион преспокойно выбрался из замка.

Неизвестно по какой причине, но Момоти Сандаю рассорился с Такэдой Сингэном, и тогда тот, решив разделаться с ненавистным ниндзя, подослал к нему своего шпиона Хадзику Дзюбэя. Дзюбэй незаметно проник в дом к Сандаю и притаился в темноте в ожидании удобного момента, чтобы отправить на тот свет врага своего господина.

Застав Сандаю в глубоком сне в своей комнате, синоби Такэды решился действовать. Он раскрыл небольшой мешочек, принесенный с собой, и выпустил из него прямо на спящего дзёнина нескольких разъяренных ласок, которые томились от голода несколько дней и теперь сразу же набросились на жертву. Хадзика Дзюбэй уже собирался прикончить заспавшегося ниндзя ядовитой стрелкой из духовой трубки, когда Сандаю, который лишь притворялся спящим и был заранее предупрежден своими лазутчиками о предстоящем «визите», швырнул в него пригоршню крысиного помета из мешочка, припрятанного у изголовья. Поскольку ласки обожают крысиный помет, они тут же оставили хитроумного ниндзя в покое и обрушились на незадачливого Хадзику, который вскоре был загрызен ими насмерть.

Имена дзёнинов были строго засекречены. Поэтому даже в знаменитой энциклопедии по нин-дзюцу «Бансэнсюкай» ничего не сообщается о семьях дзёнинов Хаттори, Момоти и Фудзибаяси. Зато в ее 1 томе, озаглавленном «Вопросы и ответы» названы некоторые знаменитые тюнины Ига-рю: Номура Ои Магодаю, Синдо Котаро, Татэока Митидзюн; Симоцугэ Кидзару, Симоцугэ Кодзару, Уэно Хидари, Ямада Хатиэмон, Камбэ Конан, Отова Кидо, Такаяма Таросиро, Такаяма Тародзаэмон.

При внимательном рассмотрении «фамилий» тюнинов, зафиксированных в «Бансэнсюкай» выясняется, что все это, на самом деле, названия поселений, разбросанных по провинции Ига. Три из них расположены в г. Ига Уэно (префектура Мии) и его окрестностях, остальные, за исключением Камбэ, находятся в уезде Аяма той же префектуры, а Камбэ расположено в уезде Нага. Простонародные уменьшительные имена-прозвища ниндзя из Ига резко контрастируют с фамилиями синоби Кога, которые являются типичными фамилиями самурайских родов.

Не обо всех этих тюнинах мы располагаем какой-либо информацией, от большинства остались только имена. До наших дней, благодаря энциклопедии «Бансэнсюкай», сохранились отрывочные анекдоты о Ямаде Хатиэмоне, Отове Кидо, Синдо Котаро и о Татэоке Митидзюне.

Тюнины Ига периода Сэнгоку-дзидай

Татэока (Игасаки) Митидзюн

Татэока (Игасаки) Митидзюн прославился как мастер захвата вражеских крепостей.

Отова Кидо

Житель Отовы деревни Марубасира провинции Ига. Местечко Отова расположено в горах на границе Ига и Кога. Местность здесь делает удобным сообщение с Кога и, напротив, горы как бы изолируют это место от Ига. Кидо – это старинная семья ниндзя, славившаяся своим мастерством. Считается, что Отова Кидо был одним из самых лучших тайных агентов во всей провинции.

По-видимому, Отова Кидо был тюнином в агентурной сети Фудзибаяси Нагато. В старинных документах имеется упоминание о том, что он пытался убить из ружья князя Оду Нобунагу (подробно об этом рассказывается в следующей главе). Поскольку в некоторых источниках аналогичные сведения сообщаются о другом тюнине – Игасаки Митидзюне – существует предположение, что в обоих случаях речь идет об одном и том же человеке. Но, возможно, что эти 2 тюнина просто всегда работали в связке.

Гэнины Ига периода Сэнгоку-дзидай

Симоцугэ Кидзару

Гэнин из деревни Симоцугэ, что в уезде Аяма провинции Ига. Славился необычайной ловкостью и подвижностью, умением лазить и прятаться на деревьях, за что и получил прозвище «Кидзару» – «Древесная обезьяна». Настоящее имя Кидзару – Уэдзуки Сасукэ. Некоторые специалисты по истории нин-дзюцу, например, Фудзита Сэйко, считают, что он послужил прообразом для Сарутоби Сасукэ – героя многочисленных преданий и развлекательных рассказов.

Симоцугэ Кодзару

Он жил вместе с Кидзару в деревне Симоцугэ и, подобно своему товарищу, славился ловкостью и прыгучестью. Из-за того, что он был ниже ростом своего приятеля, его и прозвали «Кодзару» – «Маленькая обезьяна». Есть предположение, что он был сыном Кидзару.

Номура Ои Магодаю

Этот ниндзя также жил в деревне Симоцугэ уезда Аяма в местечке Номура.

Синдо Котаро

Еще один гэнин из деревни Ниси Симоцугэ уезда Аяма. Жил в местечке Синдо.

Уэно Хидари

Уроженец деревни Уэно уезда Аяма (ныне г. Уэно). Настоящее имя – Такава Сахэй.

5 вышеназванных гэнинов были лучшими ниндзя в организации Фудзибаяси Нагато-но Ками. Следующие далее гэнины принадлежали к сети Момоти Тамбы.

Ямада Хатизэмон (Яэмон)

Жил в деревне Ямада уезда Ямада. Прославился как выдающийся мастер искусства переодевания (хэнсо-дзюцу). Об этом шпионе рассказывают, что он мог пройти сквозь толпу и успеть несколько раз изменить внешность, так что прохожие могли описать его потом в десятке видов.

Такаяма Таросиро

Гэнин из организации Момоти, живший на горе Такаяма в деревне Томода уезда Ямада.

Камбэ Конан

Уроженец деревни Камбэ уезда Набари.

Исикава Гоэмон

Уроженец Исикавы деревни Кавааи уезда Аяма. Лучший гэнин Момоти Тамбы. После разгрома коалиции гози Ига в 1581 г. бежал в Киото и стал разбойником, покушался на жизнь диктатора Тоётоми Хидэёси, но был схвачен и сварен заживо.

Названные выше 9 ниндзя были лучшими мастерами нин-дзюцу Ига-рю периода Сэнгоку-дзидай. Они известны как «кюнин-но самурай» – «9 самураев» из Ига.

Ниндзя из Кога в период Сэнгоку-дзидай

После того, как в период Камакура кланы гози из Кога превратились в вассалов семьи Сасаки, в уезде установилось относительное спокойствие. Вассалитет гози отнюдь не означал полной потери самостоятельности. В действительности семья Сасаки, понимая всю силу и опасность буси из Кога, почти не вмешивалась в их дела. К тому же вассалами Сасаки стали не все кланы гози, а только самые крупные из них, в частности, семья Мотидзуки, которой князь Сасаки номинально отдал уезд Кога во владение. Фактически большинство кланов гози сохранило свои поместья и независимость. При этом Мотидзуки играли одновременно роль моста и заслонки: с одной стороны, они обеспечивали передачу и выполнение распоряжений Сасаки дзи-дзамураями, с другой, будучи номинальными владельцами уезда, прикрывали действия своих «вассалов»-гози.

Формальное подчинение князьям Сасаки не привело, однако, к стабилизации ситуации в Кога. Дело в том, что земли здесь уже давно были поделены. И поскольку сыновей в каждой семье гози, как правило, было несколько, в условиях нераздельного наследования старшим сыном всего поместья, средним и младшим сыновьям приходилось либо пытаться отхватить кусок у соседей, либо искать удачи на стороне. Поэтому в уезде то и дело вспыхивали раздоры, а сам он напоминал пороховую бочку, у которой нужно только запалить фитиль, и она взорвется.

И в конце концов огонь к фитилю был поднесен. К концу XV в. Сасаки, бывшие до того официальными военными губернаторами провинции, набрали силу и превратились в удельных князей. Дело дошло до того, что они стали выказывать открытое неповиновение власти сёгунов Асикага. И тогда Асикага Ёсиаки решил сурово покарать столь явное проявление сепаратистских амбиций, чтобы другим неповадно было, и в 1487 г. направил в провинцию Оми большую армию.

Решающее сражение произошло у поместья Магари-но го, что в уезде Авата провинции Оми. Оно вошло в историю под названием «Роккаку-сэмэ Магари-но дзин» – «Нападение Роккаку (Сасаки) на местечко Магари». В авангарде армии Сасаки находился значительный отряд госи из Кога, которые и разработали план всей операции. Глубокой ночью отряд ниндзя из Кога неожиданно атаковал главный лагерь сёгуна, находившийся в самом центре расположения вражеских войск. Вспыхнувшие разом во многих местах пожары и разящие удары «воинов ночи» повергли солдат Асикага в панику, и они обратились в беспорядочное бегство.

Весть об этом сражении облетела всю Японию, и слово «Кога-моно» – «люди из Кога» вмиг стало известно всей стране. Этот случай описан в старой книге «Оми короку», где сказано: «Имена людей из Кога стали повсеместно известны благодаря их фантастическим поступкам во время боевых действий при Магари в 1 г. Тёкё». Про Кога-моно стали говорить, что это лучшие воины во всей Японии. И это неудивительно, ведь горсточка ниндзя смогла обратить в бегство армию самого сёгуна.

Интересно, что в этой битве принимали участие и ниндзя из Ига, правда, сражались они на другой стороне, хотя тоже успешно: захватили один из замков Сасаки.

Сражение Роккаку-сэмэ Магари-но дзин наглядно показало возможности ниндзя и именно с тех пор в Японии стали говорить о двух школах нин-дзюцу: Ига-рю и Кога-рю.

Конечно, сёгун не мог простить такой позор, и уже через 4 года наследник Ёсиаки, Асикага Ёситака, вновь послал армию против Сасаки Такаёри. На этот раз по какой-то причине госи из Кога практически не поддержали князя, и лишь небольшой отряд их сражался в его армии. Некоторые историки полагают, что именно это явилось главной причиной поражения Такаёри, чья армия была наголову разбита. Сам Такаёри после разгрома бежал в горы Кога, где его приняли под защиту тамошние госи. И что интересно, армия Асикага не решилась его преследовать и сразу вернулась в столицу. Ее военачальники понимали, сколь опасно столкновение с ниндзя в их горном логове.

Кога-моно поддерживали семью Сасаки на протяжении нескольких поколений и сражались в армиях князей Такаёри, Садаёри и Ёсикаты. Правда, при последнем князе, когда уже стал очевиден упадок рода Сасаки, ниндзя из Кога массами хлынули за пределы родного уезда, чтобы стать под знамена более удачливых полководцев.

Считается, что прецедент этому создал начальник разведывательной службы князя Токугавы Хаттори Ясунага. Он сумел убедить даймё, что Кога-моно – настоящий клад во время войны, и уговорил его нанять себе отряд из госи. Для вербовки Кога-моно был отправлен сын Ясунаги Хаттори Хандзо. Сначала он направился в родную провинцию Ига, откуда, через посредство Фудзибаяси Нагато, стал сноситься с госи из Кога, убеждая их в том, что Токугава Иэясу – самая выгодная ставка, и что именно ему в будущем предстоит править Японией. Хотя многие восприняли его предложение с недоверием, в конце концов Хандзо сумел набрать отряд из более, чем 200 ниндзя. По прибытии в провинцию Микава они были назначены телохранителями самого Иэясу. Такое доверие и почет, оказанные князем из далекой провинции, не могли не повлиять на госи, которые еще оставались в Кога. И постепенно они тоже потянулись из родных гор и разбрелись по всей Японии в ответ на приглашения многих военачальников и князей.

В период Сэнгоку-дзидай в Кога было много настоящих мастеров нин-дзюцу, владевших всеми секретами партизанской войны. Однако отряды синоби из Кога были намного меньше, чем группы ниндзя из Ига. Численность их не превышало 30-40 человек. Поэтому госи из Кога обычно называют тюнинами (при этом князь Сасаки занимал положение дзёнина), хотя трехэтажная структура дзёнин-тюнин-гэнин была выработана только ниндзя из Ига. К концу XV в. кланы Кога сумели объединиться в союз, названный по числу семей, вошедших в него.

«Кога годзюсан-кэ» – «53 семьи Кога». Ниже приведена таблица, основанная на одном из дошедших до нас списков предводителей этого объединения.

53 семьи Кога

№ Имя Местонахождение замка, поселок

- 1 Яманака Дзюро – Татибана
- 2 Сага Этидзэн-но Ками – Татибана
- 3 Миядзима Камиморибэносукэ – Татибана
- 4 Курадзи Уконносукэ – Татибана
- 5 ХираноТономориносукэ – Татибана
- 6 Кацураги Танго-но Ками – Татибана
- 7 Сугитани Ётоцуги – Татибана
- 8 Цутияма Сиканоскэ – Татибана
- 9 Минобэ Гэнго – Сугавара
- 10 Оки Укондаю – Минамото
- 11 Акутагава Сакёносукэ – Минамото
- 12 Уда Тонай – Минамото
- 13 Мотидзуки Идзумо-но Ками – Минамото
- 14 Хари Идзуми-но Ками – Минамото
- 15 Угаи Гэнхатино – Минамото
- 16 Когава Магодзюро – Минамото
- 17 Ямаками Тоситиро – Минамото
- 18 Хата Кансукэ – Минамото
- 19 Дзимбо Хэйнай – Корэмунэ
- 20 Аэба Кавати-но Ками – Корэмунэ
- 21 Хаями (Тонгу) Сихоносукэ – Фудзивара
- 22 Камияма Симпатиро – Фудзивара
- 23 Аоки Тикуго-но Ками – Татара
- 24 Коидзуми Гайки – Татара
- 25 Тории Хэйнай – Тайра
- 26 Сугияма Хатино – Тайра
- 27 Нацуми Дайгаку – Нацуми
- 28 Тарао Сиробэй – Синохара
- 29 Микумо Синдзобито – Тамба
- 30 Нагано Кёбудзё – Фудзивара
- 31 Таки Канхатино – Бан
- 32 Нода Горо – Бан
- 33 Утики Ига-но Ками – Фудзивара
- 34 Ивамуро Дайгакуносукэ – Татибана
- 35 Накаяма Минобэдзё – Татибана
- 36 Такаяма Гэндайдзаэмон – Татибана
- 37 Бан Сакёносукэ – Бан
- 38 Такано Бинго-но Ками – Корэмунэ
- 39 Охара Гэндзабуро – Бан
- 40 Вада Ига-но Ками – Минамото
- 41 Макимура Уманосукэ – Бан
- 42 Икэда Сёэмон – Фудзивара
- 43 Хаттори Тодаю – Тайра
- 44 Окавахара Гэнта – Тайра
- 45 Окубо Гэннай – Тайра
- 46 Садзи Кавати-но Ками – Тайра
- 47 Уэносю Ёсимаса – Бан
- 48 Уэда Миками-но Ками – Бан
- 49 Оно Мияути Сёхо – Фудзивара
- 50 Иванэ Нагато-но Ками – Бан

51 Курокава Буннай – Бан

52 Такаминэ Курандо – Тайра

53 Синдзё Этиго-но Ками – Фудзивара

Положение различных кланов в этом объединении было неодинаковым. Высшую ступень в нем занимал 21 клан – «Кога нидзюиккэ», а из них своей мощью выделялись так называемые «8 тэнгу из Кога» – «Кога хати тэнгу», в число которых вошли 5 старых семей – Мотидзуки, Кога, Утики, Угаи и Акутагава – и кланы Кино, Тоно и Нагано.

Различались и некоторые территориальные группировки. Так семьи Яманака и Бан вместе с родом Минобэ именовались «3 семьи Касиваги» – «Касиваги-санкэ». Клан Угаи вместе с семьями Микумо (возможно была ответвлением рода Хаттори из Ига) и Утики (Найки) назывались «3 семьи Сёнай» – «Сёнай-санкэ». Мотидзуки, Акутагава, Курокава, Хаями, Оно, Окавахара, Ивамуро, Дзимбо, Садзи и Оки (в одной из старинных книг из этого списка исключены Курокава, Ивамуро и Оно, но включены Окубо и Цутияма) именовались «9 семей Северной горы» – «Хокусан-кюкэ». Основу мощной группировки «6 семей Южной горы» – «Нандзан рокукэ» – составил сильный клан Вада.

Кроме этих группировок выделялись еще и отряды (гуми), среди которых в искусстве нин-дзюцу наивысшего мастерства достигли группы «Хирю-гуми» – «Летучий дракон», «Хакурю-гуми» – «Белый дракон» и другие.

В отряд «Хирю-гуми» входили: Яманака Дзюро, Сага Этидзэн-но Ками, Миядзима Камиморибэносукэ, Курадзи Уконносукэ, Хирано Тономориносукэ. В «Хакурю-гуми»: Кацураги Танго-но Ками, Сугитани Ётоцуги, Кияма Сиканосукэ, Мотидзуки Идзумо-но Ками, Вада Ига-но Ками, Хари Идзуми-но Ками, Оки Укон Таро, Акутагава Сакёмару, Уда Тонай. В «Тайра-гуми»: Тории Хэйнай, Сугияма Хатири, Хаттори Тотаро, Окавахара Гэннай, Окубо Гэннай, Садзи Кавати-но Ками, Такаминэ Курандо. В отряд «Бан-гуми»: Охара Гэндзабуро, Бан Сакёносукэ, Макимура Уманосукэ, Уэносю Ёсимаса, Таки Кантаро, Нода Горо, Иванэ Нагато-но Ками, Когава Буннай. В отряд «Фудзивара-гуми»: Угаи Гэнхатири, Когава Магодзюро, Ямаками Тоситиро, Хата Кансукэ, Хаями Сихоносукэ, Камияма Синхатири, Ивамуро Дайгакуносукэ, Накаяма Минобэдзё, Такаяма Гэндайдзаэмон, Икэда Сёэмон, Нагано Кёбудзё, Утики Ига-но Ками, Оно Мияути Сёхо, Синдзё Этиго-но Ками. Отряд «Татара-гуми»: Аоки Тикуго-но Ками, Коидзуми Гайки, Нацуми Дайгаку, Тарао Сиробэй, Нива Микумо Синдзобито. Отряд «Сугавара-гуми»: Минобэ Гэнкити, Акимото Кодзукэносукэ Масахидэ. Отряд «Корэмунэ-гуми»: Дзимбо Хэйнай, Такамацу Исэ-но Ками, Аэба Кавати-но Ками, Такано Бинго-но Ками. Отряд «Четыре тэнгу из Кавати»: Нино Кураносукэ, Тацуми Ниро, Хонда Тикудзэн-но Ками. Отряд «Восьми тэнгу из Татибана»: Уэниси Бёго, Кидоно Ямато-но Ками, Эндо Мусяносукэ, Сэкигути Гондзюро и другие.

Известно также, что семья Кога, составлявшая основу группировки ниндзя Кога, после Кога Сабуро Второго, у которого было 3 сына, разделилась на 3 семьи: Тэнрю Кога, Тирю Кога и Коро Кога.

Ига-рю и Кога-рю

За долгую историю искусства шпионажа в средневековой Японии сложилось немало школ нин-дзюцу. Наиболее крупными и изощренными были 25 из них. Но особое место занимают Ига-рю и Кога-рю. Их содержание наиболее богато в сравнении с другими школами нин-дзюцу. Третье место можно отдать, пожалуй, Кисю-рю. Но исторические исследования показали, что в целом она следует традиции Ига-рю.

Если заняться серьезным анализом конкретного содержания наставлений по Ига-рю и Кога-рю, мы обнаружим, что различия между ними столь ничтожны, что на них можно и не обращать внимания. Выясняется, что эти школы похожи друг на друга как 2 капли воды. Причем обе они считают своим важнейшим письменным наставлением одну и ту же книгу, а именно десятитомную «энциклопедию» «Бансэнсюкай».

Что же касается различий между Ига-рю и Кога-рю, то некоторые авторы отмечают следующее. Ниндзя из Кога превосходили своих собратьев из Ига в синоби-но дзюцу, т.е. собственно в искусстве шпионажа. Кроме того, в традиции Кога активно использовались яды и

галлюциногенные смеси, были изобретены различные конструкции портативных трамплинов.

Зато ниндзя из Кога почти не занимались фехтованием, поскольку тренировки с мечом сильно развивали запястья и предплечья, и если даже шпион переодевался бродячим монахом или шутом, его можно было легко вычислить по этим признакам.

Ниндзя Ига-рю, напротив, уделяли большое внимание развитию ловкости, подвижности, отрабатывали различные уклоны, прыжки и усиленно занимались боевыми искусствами. Сибя Рётаро даже утверждает, что воинское искусство ниндзя из Ига было столь совершенным, что оказало большое влияние на развитие военного искусства в соседних районах. Он полагает, что знаменитая школа кэн-дзюцу Ягю Синкагэ-рю немало обязано «ночным воинам». Правда, Окусэ Хэйситиро настаивает как раз на обратном. По его мнению, как раз традиция Ягю Синкагэ-рю способствовала совершенствованию боевых искусств «невидимок».

Различие между ниндзя из Кога и Ига заключалось также и в том, что ниндзя Кога, как правило, действовали в группах, а ниндзя Ига предпочитали индивидуальные акции.

Кроме того, Кога-моно, будучи вассалами рода Сасаки, почти до конца эпохи Сэнгоку-дзидай служили исключительно ему. А ниндзя из Ига меняли своих хозяев как перчатки. Фактически, они лишь продавали свое мастерство, сохраняя нейтралитет. У них считалось в порядке вещей, что сегодня их нанимает Такэда, а завтра призовет Уэсуги, ибо они всегда ставили себя в центр и выбирали то, что выгодно их клану.

Выше уже немало говорилось о теснейших связях Ига и Кога: о том, что в древности они составляли один уезд, о том, что кланы Ига и Кога – родственные и т.д. Интересно, что и о происхождении Кога-рю и Ига-рю многие источники сообщают весьма схожие подробности. Например, возникновения Кога-рю связывают с 53 семьями, а Ига-рю – с 49 школами (по числу додзё ямабуси). Интересно, что в книге «Оми коти сиряку» смутно упоминается о существовании 49 кланов Кога и Ига, но приводятся названия лишь около 40 из них. А в главе «Об истории» книги «Кога-рю нин-дзюцу хисё» («Секретная книга по нин-дзюцу школы Кога») история нин-дзюцу начинается с некоего Эми Осидзё из Кога, потом рассказ плавно переходит на «Ига-но какухо», что буквально означает «Учение о просветлении провинции Ига», и на школу Ига-рю. Далее сообщается о действиях ниндзя из Ига на службе у Кусуноки Масасигэ. А заканчивается изложение истории нин-дзюцу утверждением, что именно Акутагава Хёбу из Кога является истинным патриархом Кога-рю. Причем тут же говорится, что Кога-рю является ответвлением от Ига-рю. Таким образом, под Ига-рю и Кога-рю понимается одна и та же традиция нин-дзюцу.

Вообще, если исследовать истоки самих терминов «Ига-рю» и «Кога-рю», выясняется, что первые упоминания о них относятся к концу XV в., то есть ко времени сражения Роккаку-сэмэ Магари-но дзин, после которого «люди из Кога и Ига» стали наниматься на службу к различным даймё в качестве шпионов и диверсантов. Вполне естественно, что их искусство стали называть по местности, откуда они были родом. Таким образом, названия «Ига-рю» и «Кога-рю» появились стихийно, а не были присвоены этим школам кем-либо из отцов-основателей. Это сильно отличает Ига-рю и Кога-рю от других японских школ военного искусства, например, Катори Синто-рю, где известен создатель, существуют тексты, зафиксировавшие определенный набор правил и наставлений и т.д.

Поэтому правомерен вопрос, когда же реально сложились школы Ига-рю и Кога-рю как особые рю нин-дзюцу. Ответить на этот вопрос очень сложно, но, скорее всего, это произошло не ранее второй половины XVI в. В этом плане показательно утверждение ряда источников, что создателем школы Кога-рю был Тодзава Хакуунсай, владелец замка Ханакума, что в провинции Сэтцу неподалеку от Осаки. Правда, в исторических документах среди владельцев замка Ханакума человека с именем Хакуунсай нет. Но известно, что князь Араки Мурасигэ, владевший провинцией Сэтцу и выстроивший замок Ханакума, активно использовал шпионов из Ига, Кога, Нэгоро, Сайга и бойцов одной из буддийских сект Монто-сю во время своей борьбы против Оды Нобунаги. Поэтому многие стали считать, что замок Ханакума был занят синоби-но моно.

Возможно даже, что Кога-рю и Ига-рю оформились лишь в середине XVII в., когда впервые появились подробные технические «каталоги»-мокуроку, в которых были зафиксированы разработанные в рамках этих традиций приемы, уловки и образцы снаряжения.

Речь идет об уже упоминавшейся книге «Бансэнсюкай» и о произведении Фудзибаяси Масатакэ «Сёнинки».

Стоит подробнее остановиться и на вопросе, почему именно в Ига и Кога сложилась самая совершенная и утонченная традиция нин-дзюцу. По-видимому, это было предопределено целой совокупностью факторов. Во-первых, Ига и Кога находятся в самом сердце острова Хонсю, где зародилось и возникло японское государство. Издревле здесь проходили важнейшие дороги, связывавшие основные города – Киото, Наниву (ныне Осака) и Нагою. Причем все эти три города находились на довольно близком расстоянии от Ига и Кога (в среднем около 70 км). Уже с древнейших времен эта область была важнейшим культурным центром, и вполне естественно, что географически выгодное положение Ига и Кога позволяло тамошней знати быть в курсе всех передовых достижений науки и искусства.

Так из находящихся поблизости центров сюгэндо – священных гор Ямато, Ёсино, Кумано, Курама и других – сюда проникали сведения о методах психологической тренировки и воинском искусстве ямабуси, со священных гор эзотерического буддизма – Хиэй и Коя – методы буддийской медитации, эзотерические ритуалы, из Киото можно было позаимствовать гадательную науку онмёдо. В XVI в. из храма Ходзо-ин сюда проникает искусство боя копьем, а из поместья Ягю соседней провинции Ямато – кэн-дзюцу. Все это перемешалось в Ига и Кога, и в результате появилось загадочное искусство нин-дзюцу.

Немалую роль сыграло и то, что сюда, в соответствии с распоряжениями императоров, издревле расселялись заморские иммигранты – китайцы и корейцы, обладавшие передовыми знаниями во всех отраслях человеческой жизнедеятельности, в том числе в военном искусстве.

В эти горные труднодоступные районы нередко бежали участники заговоров и члены политических группировок, потерпевших поражение, разорившиеся крестьяне и преследуемые ямабуси. Все это были люди умные, смелые, обладавшие богатым опытом. Недаром именно отсюда происходили легендарный шпион Отомо-но Сайджин, разбойник Кумадзака Тёхан, мятежный Фудзивара-но Тиката и начальник разведки Минамото Ёсицунэ Исэ Сабуро.

Труднодоступность этих горных районов и крутой нрав жителей делали их совершенно неинтересными с точки зрения грабежа и захвата в глазах феодальных властителей. С другой стороны, обилие мало связанных друг с другом долин и отсутствие силы, способной все подчинить себе, привели к тому, что здесь появилось большое количество мелких, но довольно агрессивных кланов. В Кога их было около 70, а в Ига, если судить по сохранившимся до наших дней развалинам крепостей – свыше 250. Причем семьи эти без конца враждовали друг с другом. Уже говорилось, что в таких условиях методы партизанской войны и шпионажа приобретали решающее значение для выживания.

Все эти факторы в совокупности привели к тому, что именно в Ига и Кога сложилась наиболее мощная традиция нин-дзюцу. В книге «Буё бэнряку»⁵⁵ о синоби-но моно говорится: «Это те, кто в нашей стране и в других странах [умеют] прятаться и, тайно пробравшись в твердыню вражеского замка, узнают секреты [врага]. В некоторых книгах говорится, что, когда сношения с вражеским замком прекращены, тех, кто подслушивает [разговоры о тамошних] делах называют „синоби“. Это то, чему должны учиться [люди], выбранные [для службы] синоби. Это [весьма] нужная [служба], которая разведует и вызывает дела врага. Это [также] разновидность Ига-моно и Кога-моно, о которых говорят в последнее время. Издревле в Ига и Кога были [люди], умелые в этом деле, и, поскольку они передали [свое искусство] потомкам, теперь так говорят. Их называют также „кантё“ – „шпионы“, [они выполняют] такую же службу».

Школа нин-дзюцу Нэгоро-рю

Третьим крупнейшим центром нин-дзюцу, после провинции Ига и уезда Кога, была провинция Кии, породившая две мощные школы – Нэгоро-рю и Сайга-рю. Их возникновение напрямую связано с деятельностью воинов-монахов – сохэй.

⁵⁵ «Сокращённая книга о правильном применении военного искусства».

Монастырь Нэгоро-дзи был одним из крупнейших и богатейших монастырей в Японии. К XVI в. в Нэгоро-дзи было 2700 ученых монахов, а по количеству сохэев он соперничал со знаменитыми храмами горы Хиэй.

Все монахи Нэгоро-дзи делились на две группы: гакурё, или «ученых монахов», и гёнин, или «бродяг», которые и занимались военным делом. Во второй половине XVI в. во главе гёнинов из Нэгоро стояли «4 священнослужителя» (сибо) – Сугинобо, Ивамуро, Сэнсикибо и Акаибо, которым подчинялись еще 27 «знаменных предводителей» (хатагасира). «4 священнослужителя» были весьма умными и талантливыми полководцами. Во всяком случае, когда в Японии появилось огнестрельное оружие, они одними из первых сумели оценить его достоинства и быстро снабдили им своих воинов.

Монастырская братия Нэгоро-дзи отличалась особенно крутым нравом и еще в середине XV в. приобрела славу отъявленных головорезов. Португальский миссионер Гаспар Вилела, в середине XVI в. посетивший Японию, оставил довольно объективное описание жизни монахов из Нэгоро-дзи, фактически превратившихся в военных наемников, проводивших свое время в развлечениях, роскоши и занятиях воинским искусством, нисколько не заботясь о спасении души. Вилела отметил также высочайшее качество вооружения монахов из Нэгоро-дзи. Другой европейский миссионер, Луиш Фройш, писал, что монахи Нэгоро были одевались словно воины-миряне, не брили головы и были чрезвычайно искусны в обращении с мушкетами и луками.

Вокруг монастыря Нэгоро-дзи сплотившись целая коалиция окрестных феодалов. Так возник союз Нэгоро-икки. Сфера влияния Нэгоро-икки распространялась на северную часть провинции Кии и юг провинций Идзуми и Кавати. Кроме того, отряды Сэнсикибо включали в себя также семью Цутихаси из соседнего района Сайга и многих младших членов семей богатых крестьян с юга Идзуми.

Еще с конца XIV в. сохэи из Нэгоро стали принимать активное участие в междоусобных войнах. Особенно часто Нэгоро-икки выступала на стороне рода Хатакэяма, который занимал пост сёго провинции Кии. В 1570 г. бойцы из Нэгоро-дзи в составе армии Оды Нобунаги участвовали в осаде крупного монастыря Исияма Хонган-дзи. По сведениям источников, они были вооружены 3000 мушкетов – весьма большое число ружей для тогдашней Японии.

Монастырь Нэгоро-дзи стал местом рождения школы нин-дзюцу и хо-дзюцу⁵⁶ Нэгоро-рю. Ее основателем был один из «4-х священнослужителей» Сугинобо Мёсан. Его старший брат Цуда Кэммоцу Кадзунага изучал искусство стрельбы из ружей на острове Танэгасима, куда португальцы впервые ввезли ружья. Вернувшись на родину в провинцию Кии, Кэммоцу поселился в Нэгоро-дзи и отдал приказ об изготовлении ружей семье кузнецов Сибацудзи, дом которых находился перед воротами монастыря. Вскоре сохэи из Нэгоро-дзи стали искусными стрелками, а Сугинобо Мёсан основал школу Нэгоро-рю, специализировавшуюся в хо-дзюцу, ка-дзюцу⁵⁷ и нин-дзюцу. Ему же приписывается и создание легкой переносной деревянной пушки. Поскольку сохэи из Нэгоро едва ли не первыми в Японии овладели стрельбой из огнестрельного оружия и изготовлением мушкетов, они превратились в столь грозную военную силу, что многие даймё предпочитали иметь их на своей стороне и платить за это большие деньги, нежели столкнуться с ними на поле боя. С тех пор всех выходцев из Нэгоро стали считать первоклассными стрелками и оружейниками.

В рамках школы нин-дзюцу Нэгоро-рю родилась более мелкая, но не менее активная школа Нэгоро Дэнко-рю, которая была основана Нэгоро Дэнко, изучавшим нин-дзюцу у сохэев из Нэгоро-дзи.

Нин-дзюцу Сайга-рю

⁵⁶ Применение огнестрельного оружия.

⁵⁷ Применение огневых средств.

Другая школа нин-дзюцу провинции Кии – Сайга-рю – была связана с лигой Сайга-икки. Лига Сайга-икки возникла в середине XV в. в дельте реки Кии в районе Сайга. Так как с середины XV в. этот район находился в сфере влияния религиозного движения Икко-икки, на его территории в месте Васиномори сформировалась мощная организация этого движения. Кроме того, местные мелкие феодалы, т.н. «5 отрядов Сайга» – Сайга-сё, Сокаго, Сякэго (Мияго), Накаго и Минамиго, создали группировку «Кисю Сайга-икки», которая уже в 1530 г. продемонстрировала свою силу разгромив значительную армию врага. Несколько позже на территории Сайга сложилась еще более крупная лига – «Сококу-икки» – «Лига всей провинции», в которую, помимо Сайга-икки, вошли воины-монахи с гор Кумано и 3 сильных буддийских монастыря – Нэгоро-дзи, Когава-дзи и Таканояма-дзи. Во главе Сококу-икки встал сую провинции Кии, князь Хатакэяма.

Поскольку среди бойцов из Сайга было немало последователей буддийского движения Икко-икки, они почти всегда сражались на его стороне. Особенно много хлопот они доставили первому объединителю Японии Ода Нобунаге в то время, когда тот осаждал главный оплот иккоистов монастырь Исияма Хонган-дзи. Сайга-моно занимались разведкой и шпионажем. Также как и сохэй из Нэгоро-дзи, они них огромным количеством мушкетов и в совершенстве владели стрельбой из ружей. Кроме того, они активно использовали различные пиратские приемы и уловки, поскольку жители Сайга издревле были знакомы с мореплаванием.

Ода Нобунага решил покарать лигу Сайга-икки и в 1574 г. бросил на провинцию Кии свою армию. В этой ситуации Сайга-икки распалась: 3 «отряда» перешли на сторону Оды, и лишь 2 «отряда» – Сайга-сё и Сокаго – продолжали войну против него. Однако силы были слишком неравны, и этим двум отрядам тоже пришлось капитулировать.

Однако, как только Ода вывел свои войска из Кии, лига вновь восстановилась в первоначальном виде и вступила с ним в войну в составе отряда иккоистов. Отряд из Сайга вновь отправился на помощь Исияма Хонган-дзи и князю Мори, поддерживавшему иккоистов.

Из-за активных действий соединенного флота госи из Сайга и князя Мори Ода Нобунаге никак не удавалось организовать блокаду Исияма Хонган-дзи с моря, и в него регулярно доставлялись припасы и подкрепления извне. Тогда в 1578 г. по приказу Оды стали строиться 6 «железных кораблей», надводные части которых были обшиты железными листами. Такие «крейсера» достигали 24 м в длину и около 14 м в ширину и были вооружены «пушками». Японские «пушки» представляли собой крупнокалиберные мушкеты и имели в длину до 3 м. Настоящие же пушки в Японии были мало известны, поскольку японцы не смогли скопировать орудия с европейских образцов. «Железные корабли» имели множество технических недостатков, но все же они принесли немалый урон флоту союзников Икко-икки. В конце концов в 1578 г. монастырь Исияма Хонган-дзи был взят армией диктатора. И его армия вновь двинулась на усмирение мятежных госи Сайга, которые вновь были вынуждены капитулировать.

Войсковая разведка в период Сэнгоку-дзидай

Ниндзя решали далеко не все проблемы обеспечения своих хозяев разведанными. Как правило, они выполняли разовые поручения особого рода или действовали в глубоком вражеском тылу под прикрытием. Насущные же проблемы войсковой разведки решались совсем другими органами. К концу XVI в. японские армии располагали четкой системой организации войсковой разведки. Представление об этой системе дают такие классические сочинения конца XVI в. как «Хосокава Юсай обозэаки»⁵⁸, «Гунтю сэкко-сё»⁵⁹, «Корай-никки»⁶⁰ и др.

⁵⁸ «Памятные записки Хосокавы Юсая».

⁵⁹ «Книга о разведке на войне».

⁶⁰ «Дневник войны в Корее».

Поскольку основным методом войсковой разведки является наблюдение, то и разведчиков японцы называли «наблюдателями» – «мономи». По функциям различались тика-мономи – «ближние наблюдатели», располагавшиеся на переднем крае, тоо-мономи – «дальние наблюдатели», высылавшиеся вперед, поближе к противнику, а также синоби-мономи – «невидимые наблюдатели», действовавшие во вражеском тылу. «Легконогие наблюдатели» – асигару-мономи – занимались разведкой местности, а сутэ-камари – «выбрасываемые [вперед] и пригибающиеся» – снайперским уничтожением командиров противника. Для осуществления налетов, засад, поисков и рейдов создавались специальные разведывательные отряды, различавшиеся численностью. Согласно «Корай никки» оо-мономи – «большой отряд наблюдателей» – отбирался в числе 100 воинов от каждой тысячи солдат, нака-мономи – «средний отряд наблюдателей» – в числе 50 бойцов от каждой тысячи, тииса-мономи (сё-мономи) – «малый отряд наблюдателей» – в числе от 1 до 45 воинов от каждой тысячи. Для наблюдения за настроениями своих войск использовались «цепляющие к глазам» («видящие») – мэцукэ, часть из которых действовала тайно – синоби-мэцукэ. Вопросами контрразведки ведали «прочищающие глаза» – «мэакаси», специализировавшиеся на раскрытии и захвате вражеских шпионов.

Таким образом, японские феодальные армии располагали весьма разветвленной разведывательной организацией. Появились даже специальные наставления для войсковых разведчиков. Вот что, например, написано в «Гунтю сэкко-сё»:

1. Когда во время войны выходишь на разведку, даже если отъезжаешь [хотя бы] на [расстояние] 1 тё⁶¹, коней [нужно] поставить кругом и в сердце [постоянно] повторять священное имя божества войны; если выезжаешь [на разведку] в одиночку, ехать верхом нужно зигзагообразно; когда выезжаете [на разведку] втроем, нужно ехать друг за другом; [есть на этот счет] устное наставление...

3. Если вражеские наблюдатели выходят в большом числе, обмениваются взглядами с передним наблюдателем и указывают дорогу, должно знать, что за ними [следует] вражеский полководец...

4. Если на горном поле всполошились птицы и звери, должно знать, что сбоку [укрылась вражеская] засада.

5. Если над вражеской крепостью собираются коршуны, должно знать, что [враги] убегают.

6. Если вражеские флаги установлены в лесу, но в той стороне есть птицы и животные и если они выглядят спокойными, должно знать, что это – хитрость врага, и людей [в этом месте] нет.

7. Когда осматриваешь вражескую крепость посреди ночи, нужно обратить внимание на воду рва: если вода во рве двигается, должно быть настороже.

8. Чтобы узнать, глубок ли ров вражеского замка, [нужно] ночью тайно подъехать, привязать к камню веревку, прикрепить ее к кончику шеста, опустить [камень] в ров и узнать, глубок ли он; в ночной разведке хороша черная одежда, применяй шпионские удила [для предотвращения ржания лошадей].

9. О ночном пожаре: если огонь перекинулся на передовой лагерь [врага], следует обратить внимание на возможность исследовать предметы, виднеющиеся в близком огне.

10. Когда выходят в дозор лунной ночью, бывает, что вражеский частокол принимают за людей; когда поджигают лагерь, или когда враг поджигает лагерь, если поджигают изнутри, [виден] густой столб дыма, и пламя распространяется, если поджигают снаружи, пламя [видно только] с одной стороны, а столб дыма негустой; но все нельзя предвидеть.

11. Обращай внимание на то, в какой час во вражеском замке едят, а в какой – наказывают, размышляй о лжи и истине, и станет возможным понять [ситуацию во вражеском стане]; когда [во вражеском замке] собаки неожиданно поднимают шум, должно знать, что прибыл провиант.

12. У противника, [который поднимает] много флагов, мало воинов.

⁶¹ 1 тё = 109,09 м.

13. На противника, который неожиданно переправляется [на твою сторону], [можно] эффективно напасть, [поражая его] тело ниже пояса.

14. Если противник, скапливающийся на берегу реки, высылает вперед дозорных, и эти дозорные высматривают мелководье, где должно переправляться, должно знать, что [противник] будет переправляться разом в этом месте.

15. О том, как наблюдать за глубоким полем (синдэн): «глубоким полем» называют [такое поле], на котором межей меньше, чем на обычном поле; когда смотришь с близкого [расстояния], нужно смотреть, привставая на копые или [бамбуковый] шест; если же копыя или [бамбукового] шеста нет, поднимись на межу; если лилии качаются, [значит] в 4 стороны двигаются люди.

16. Когда выступают в дозор, устанавливаются обоюдные сигналы, за пазуху кладут несколько флажков 5 цветов и для передачи [информации показывают их] в определенной последовательности, и так оповещают союзников.

17. [Что касается] обоюдных сигналов, если расстояние велико, эффективны разные дымы, если же расстояние невелико опять таки верхом на коне [подают сигналы] пятицветными флагами.

18. Если даже повстречаешь вражеских синоби, отступать не следует, нужно прибегнуть к хитрости и заставить [врагов] считать себя их союзником.

19. Когда из вражеской крепости выходят [воины] на ночную вылазку, с этой стороны, [откуда они выходят], никогда не стреляют из ружей.

20. Замок, [располагающийся] на возвышенности, виден издалека, но чем больше приближаешься, скрывается из вида".

Интересно, что сами японцы отнюдь не считали свою систему войсковой разведки чем-то выдающимся. Напротив, подтверждая ее рациональность и ценность, они ссылались на зарубежные аналоги. Например, в «Кайкоку хэйдан»⁶² говорится: «В [стране] Кара (т.е. в Китае) и Голландии наблюдателей используют более-менее подобным образом».

Глава 8

Смертельная битва ниндзя.

Ода Нобунага – враг ниндзя Ига и Кога

Ода Нобунага (1534-1582) вошел в историю Японии как выдающийся стратег, умный и коварный политик, воин со стальной волей и первый объединитель Японии. Его отец, Нобухидэ, был владельцем княжества, занимавшего почти всю территорию провинции Овари. Весной 1551 г., когда он скоропостижно скончался в возрасте 42 лет, Нобунага решил, что пробил его час. С невероятной жестокостью и хладнокровием 18летний Нобунага расправился с возможными конкурентами, не остановившись даже перед убийством младшего брата Нобуюки, обвиненного им в тайных связях с врагами, и некоторых других членов семьи, которые могли представлять хоть какую-то угрозу его монополии на единоличную власть. На это ушло ни много ни мало – 7 лет, пока старая фамилия Ода не была почти полностью истреблена, а Нобунага не подчинил своей власти всю провинцию Овари.

После этого Нобунага приступил к завоеванию владений соседей. Действовал он при этом все в том же духе, что и раньше, и ничем не брезгал для достижения своей цели. Для того чтобы шпионить за даймё Асаи Нагамасой из соседней провинции Оми, он выдал за него свою младшую сестру, которая должна была обо всех действиях мужа доносить брату. В условленное время по ее сигналу войска Нобунаги атаковали позиции неприятеля, а сам Асаи был убит.

Интересно, что подобные уловки пытались применить и против самого Оды, но он хитроумный план врага раскусил. Когда Нобунаге было 15 лет, его женили на 10летней Нохимэ, дочери крупного даймё из соседней провинции Мино. Вскоре после того, как Нобунага

⁶² «Военные рассказы заморских стран».

стал главой своего клана, его жена стала замечать, что каждую ночь муж на несколько часов удаляется из спальни. Такое поведение показалось ей странным. Когда же она наконец решилась спросить его, чем это вызвано, Нобунага без обиняков ответил, что он вступил в тайный союз с двумя влиятельными вассалами ее отца. Эти вассалы ночью должны убить последнего и подать условный сигнал, по которому войска Нобунаги вторгнутся в его владения. Но так как он не знает, когда точно им удастся совершить убийство, то вынужден каждую ночь в определенные часы следить, не будет ли сигнала. При этом с важным видом он напомнил Нохимэ о долге жены, которая должна во всем следовать мужу и свято оберегать тайну. Хитрый Нобунага рассказал ей эту легенду, нисколько не сомневаясь в том, что она обязательно передаст информацию о мнимом заговоре своему отцу. И не ошибся: вскоре владелец провинции Мино, поверивший словам дочери, приговорил к смерти двух преданнейших и ни в чем не повинных вассалов. Нобунага был доволен: руками отца жены были устранены опытные военачальники, что облегчило ему захват его владений.

К излюбленным хитростям Оды относились использование его войсками знамен и гербов врага, неожиданные атаки в самый неподходящий для противника момент: под покровом ночи, во время ливней с ураганными ветрами и т.д. Португальский миссионер Луиш Фройш написал о Нобунаге: «Он действовал всегда скрытно... Он почти никогда не следовал советам подчиненных. Презирал японских императоров и князей, ни во что не ставил богов и идолов, не верил ни в какие пророчества и суеверия. И хотя сам принадлежал к буддийской секте Нитирэн, тем не менее твердо считал, что нет ни бога, ни бессмертия души, ни потусторонней жизни».

Нет ничего удивительного, что такой человек как Ода Нобунага широко использовал службу шпионажа и тайных убийств. Своих агентов он называл «кёдан» – «[слушающими] болтовню на пиру», и это название красноречиво свидетельствует о характере их работы: подслушивание вражеских разговоров, выведывание тайн на попойках. Правда, в большинстве случаев кёдан не были профессиональными шпионами. Как правило, это были обычные самураи, обладавшие определенными задатками для такой работы: хладнокровием, выдержкой, сметливостью, общительностью, умением скрывать свои собственные тайны и мастерством в боевых искусствах.

Для выполнения особо секретных поручений Ода прибегал к услугам настоящих специалистов, профессиональных ниндзя, владевших всеми секретами своего мастерства. И, судя по всему, он умел выбирать прекрасных исполнителей своих тайных планов. Во всяком случае ниндзя Нобунаги прославились столь изощренными покушениями на жизнь других даймё, что некоторые историки считают, что именно он ввел моду на тайные убийства враждебных князей.

Наняв на службу «ночных призраков», Нобунага в первую очередь решил расправиться со своим старым заклятым врагом Такэдой Сингэном. Сингэн славился своей подозрительностью и осторожностью. Его замок и личные покои прекрасно охранялись. Как только начинало темнеть, мост через глубокий ров поднимался и закрывал собой центральные ворота замка. На стенах дежурили часовые, специальные группы охранников обходили все дворы и закоулки замка, в коридорах стояли вооруженные воины, находившиеся в пределах видимости друг друга. К тому же несколько двойников постоянно отвлекали внимание вражеских убийц на себя. Казалось, подобраться к Такэде просто невозможно. И все же Нобунага решил рискнуть, назначив на это задание одного из своих лучших синоби, чье имя сохранилось до наших дней – Хатисука Тэндзо.

История не донесла до нас секрет Тэндзо, но он все же сумел прокрасться в личные покои Сингэна и, очутившись в его спальне, вонзил в горло спящего на постели человека свой нож... Трудно передать разочарование Тэндзо, когда, перевернув труп, он обнаружил, что это всего-навсего один из двойников. Наверное, даже его тренированная психика не выдержала, и лицо перекосила досада. В это время охрана подняла тревогу, но ниндзя все же сумел выбраться из замка и стремглав бросился в лес, начинавшийся в полукилометре от крепости. Однако вслед за ним пустилась погоня верхом, и через несколько мгновений Тэндзо понял, что от нее ему не уйти. Знал он и то, что преследовали его мзакаси – настоящие «володавы», обезвредившие десятки шпионов, прекрасно знакомые с секретами «невидимых». Чтобы спастись, нужно было моментально придумать что-нибудь необычное

Лес был довольно редок, да и Тэндзо успел добежать лишь до опушки. Сзади уже слышалось тяжелое дыхание лошадей и боевые крики самураев, которые заметили беглеца. Времени на раздумье не оставалось. Положение казалось безнадежным, и тогда Тэндзо решил использовать свой последний шанс. Он встал так, чтобы луна светила ему в спину, и принял такую позу, что казалось, будто это – всего лишь изогнутое полузасохшее дерево. А самураи, сдерживая разгоряченных коней, стали наносить удары ко-пьями направо и налево, надеясь по-разить спрятавшегося в негустой листве ниндзя. Воины чувствовали, что беглец находится где-то совсем рядом, ведь они только что видели его. Они обшарили все вокруг, но Тэндзо так и не обнаружили. Он стоял, не шелохнувшись, хотя один из ударов копьем распорол ему одежду, едва не зацепив тело. Лишь только мэакаси ушли, чтобы организовать настоящую облаву по всему лесу, Тэндзо спрятался в специальной норе в земле, прикрытой травяной «крышкой», которую приготовил заранее. Целый день сотни вооруженных людей прочесывали каждый метр леса, несколько раз проходили и над убежищем ниндзя, но так его и не обнаружили.

Убить Сингэна в этот раз не удалось, но некоторые предания утверждают, что ускользнуть от рук ниндзя он все же не смог. По одной из версий, он был сражен пулей, выпущенной в кромешной тьме, во время осады замка Нода, принадлежавшего одному из вассалов Токугавы Иэясу. Это неожиданное убийство породило массу толков о гениальном «невидимке»-снайпере, сумевшем точно рассчитать, когда и в каком месте окажется полководец той злосчастной ночью.

Синоби Оды Нобунаги приписывается загадочная смерть знаменитого Уэсуги Кэнсина. Что же нам доподлинно известно об этом происшествии?

... В тот злосчастный день Уэсуги Кэнсин был в приподнятом настроении. Он начал военную кампанию против Нобунаги, и удача сопутствовала ему. Вечер прошел в составлении планов весеннего наступления на столицу и разгрома заклятого врага.

Перед отходом ко сну Кэнсин по обыкновению в сопровождении слуг и охраны направился в уборную. Сопровождающие, следуя обычаю, остались у входа. Уэсуги долго не появлялся, и охрана начала волноваться. Когда терпение стражников лопнуло, начальник караула наконец решился заглянуть в нужник, и его глазам открылась жуткая картина.

Доблестный непобедимый воин лежал без чувств на полу и не подавал признаков жизни. Его тотчас перенесли в спальню, вызвали лучших врачей. Однако все их усилия были тщетны: князь в сознание так и не пришел. Не про-изнеся ни слова, через 3 дня Кэнсин скончался, унеся в могилу тайну своей смерти.

А таинственного в ней было немало. Начать с того, что неожиданная смерть настигла князя прямо посреди его собственной резиденции – замка Касугаяма, который слыл одним из самых неприступных в средневековой Японии: несколько сот построек, множество коридоров, потайных ходов, ловушек, оборонительных рвов. Постройки замка начинаются посреди леса и поднимаются уступами в гору, на вершине которой располагается цитадель, защищенная несколькими рядами мощных стен, охраняемых многочисленной стражей. Единственное окошко туалетной ком-наты, куда за несколько минут до своей гибели вошел князь, было забрано мощной решеткой с мелкими ячейками, а у наружных дверей стояла ох-рана, с которой Уэсуги не расставался ни на миг даже в коридорах своего собственного замка. Добавим, что Кэнсин отличался отменным здоровьем, был в расцвете сил, не страдал никакими заболеваниями.

Так что его смерть была подобна грому среди ясного неба. Она казалась столь неожиданной и невероятной, что многие стали поговаривать, что здесь не обошлось без участия страшных онрё – злых духов.

Онрё – это самая ужасная напасть, которая только может обрушиться на человека. Избавиться от злобного духа почти невозможно, он будет преследовать свою жертву всю жизнь, пока не заставит ее умереть в страшных мучениях. Откуда берутся онрё? Это духи безвинно убиенных. Поползли слухи, что онрё, который преследовал Уэсуги, был духом одного из его бывших вассалов по фамилии Кагэи. Кагэи был одним из лучших самураев Уэсуги, во всех сражениях он неизменно сражался в авангарде. Но кто-то из завистников «напел» Уэсуги, что Кагэи вошел в сговор с Нобунагой и плетет нити заговора. Вспыльчивый Уэсуги немедля, без должного разбирательства, приказал убить вассала. А через некоторое время выяснилось,

что все это не более чем наветы на верного Кагэи, который до самой казни продолжал восхвалять своего господина. Рассказывают, что Уэсуги, узнав о невинности Кагэи, был страшно опечален и полон раскаяния, только ведь убитого не воскресить... И вот беспокойный дух невинно убиенного явился теперь за душой бывшего хозяина...

Впрочем, немногие из приближенных Уэсуги смогли принять такое объяснение. Они сходились на том, что здесь не обошлось без невидимых ночных убийц ниндзя. Тем более, что гибель Уэсуги уж очень была на руку Оде.

Сегодня наиболее распространена следующая версия гибели Уэсуги Кэнсина.

... Укибунэ Кэмпати, командир одного из отрядов ниндзя Нобунаги, получил приказ от своего господина убить Кэнсина. Кэмпати подошел к заданию со всей ответственностью и со своими лазутчиками сделал невозможное. Одной из безлунных ночей ниндзя Оды сумели незамеченными проскользнуть в замок Касугаяма. Они повисли на потолочных балках в темном коридоре и стали поджидать зловредного Касуми Дандзё – знаменитого ниндзя из Этиго, начальника охраны Уэсуги и самого опасного врага всех шпионов. Когда же Касуми в сопровождении 3-х своих воинов показался в коридоре, Кэмпати, бывший мастером фукуми-бари – выплевывания игл изо рта, выпустил несколько ядовитых иголок в них, и все 4 ниндзя мертвыми рухнули на пол. Затем коварный главарь шпионов Оды направился во внутренние покои и уже приготовился прикончить князя, когда чьи-то сильные руки свернули ему шею: Касуми, в отличие от своих товарищей, ловко ускользнул от смертоносных игл и только притворился мертвым.

Уэсуги, разумеется, был очень доволен таким исходом и высоко оценил искусство своего телохранителя. Но он недооценил хитрость Оды, который предвидел, что операция может оказаться неудачной и решил использовать Укибунэ Кэмпати только в качестве приманки. Тайно он подослал в замок Уэсуги еще одного ниндзя, младшего брата Кэмпати Дзиннай, который был крошечным карликом ростом всего лишь около 1 м. Ему то, по замыслу хитроумного Оды, и предстояло отправить на тот свет враждебного князя...

Проникнув в резиденцию Уэсуги, Дзиннай, пока его старший брат отвлекал внимание врага на себя, спрятался в том месте, куда Уэсуги непременно должен был явиться... – в туалете. Он пристроился в висячем положении в нижней нише выгребной ямы, приготовил свое короткое копье и стал ждать. Когда же Уэсуги наконец появился в туалете и присел на корточки для исполнения своих естественных надобностей, карлик вонзил ему в анус копье. Затем он погрузился в фекалии, оставив над поверхностью лишь кончик крошечной дыхательной трубочки, которая в суматохе осталась незамеченной охранниками Уэсуги.

Дзиннай пробыл в скрюченной позе в выгребной яме несколько часов. Но он был готов к этому, так как специально готовился к своей миссии, проводя долгие часы в большом глиняном кувшине, чтобы привыкнуть к долгому нахождению в узком пространстве.

Когда же суматоха, вызванная убийством князя, поутихла, Дзиннай незаметно выскользнул из замка и уже вскоре, основательно отмывшись, докладывал довольному Оде Нобунаге о хитрой уловке...

Эта версия убийства Уэсуги Кэнсина действительно выглядит очень экстравагантно. Только уж очень она сомнительна. Ни в одном из описаний смерти Уэсуги того времени (а они встречаются по крайней мере в четырех хрониках) нет никаких упоминаний ни о столь неэстетичном убийстве копьем, ни о карлике в выгребной яме. Да и загадка-то вся в том и состоит, что на теле Уэсуги не было никаких ран, не говоря уже о дырище от «ануса до глотки». Но откуда же все таки взялся замечательный образ ниндзя-карлика Укибунэ Дзиннай?

В хронике «Тодайки» имеется весьма загадочная фраза: «Этой весной Кэнсин ушел в возрасте 49 лет. Говорят, что умер он от большого червя».

Что это за «большой червь»? Может быть, это и есть прообраз ниндзя-карлика? А может быть... Уже в старину ходило немало домыслов насчет пресловутого «червя». Некоторые из них были и вовсе невероятны.

Например, многих смущало то, что мужественный самурай никогда не был женат, соблюдал обет безбрачия и общался только с мужчинами (Кэнсин был буддийским монахом). Поговаривали, что никто не видел Уэсуги раздетым, и что он отличался очень нежной кожей лица. Может быть, Уэсуги на самом деле был женщиной? Тогда становится понятным, о каком

«большом черве» идет речь в «Тодайки», – это была тяжело протекавшая беременность, из-за которой «самурай» и лишился жизни...

Оставляя в стороне подобные нелепицы, можно предположить, что речь идет о каком-то заболевании?

Действительно, изучение источников показывает, что под конец жизни Уэсуги был не так уж здоров и силен, как это хотят представить сторонники версии участия ниндзя. Скорее наоборот – он тяжело болел и сильно мучился. Правда, приближенные намеренно скрывали немощь своего господина и распространяли слухи о железном здоровье, стремясь отвести врагов от покушений на его владения. И все же, судя по сообщениям текстов, Кэнсин страдал каким-то желудочным заболеванием. В воинской повести «Кэнсин гунки» об этом говорится следующее: «С 9-го дня 3-го месяца [Уэсуги Кэнсин] страшно мучился от болей в желудке, когда был в туалетной комнате. Все это, к несчастью, продолжалось до 13-го дня, когда он умер». Что же это за заболевание? Конечно, через 500 лет после смерти «пациента», диагноз поставить крайне трудно. И все же, судя по симптомам, можно предположить, что речь идет о хроническом колите, язве желудка или дизентерии.

Другие источники указывают на частые жалобы Уэсуги в последние дни жизни на сильные боли в кишечнике. А в жизнеописаниях Уэсуги сообщается, что в последние годы жизни он ходил лишь с тростью и неумеренно потреблял алкоголь. Состояние его здоровья вызывало немалые опасения у окружающих. Так, его ближайший вассал Наоэ Канэцугу как-то высказал сомнение, что вряд ли Кэнсин долго протянет. В одном из дневников того времени содержится весьма интересное описание состояния здоровья Уэсуги. Оказывается, он болел очень долго и сильно страдал. Его мучили страшные видения, например, в 11 месяце 1577 г. ему явился призрак невинно убиенного самурая Какидзаки, после чего состояние его здоровья резко ухудшилось. К середине зимы того же года Уэсуги сильно похудел, страдал отсутствием аппетита и в некоторые дни принимал лишь воду. Он жаловался на боли в груди, «будто там лежит железный шар».

По-видимому, Кэнсин предчувствовал надвигающуюся смерть и, как и подобает настоящему самураю, оставил прощальное стихотворение, спрятав его под одной из колонн главного зала своего дворца. В этом стихотворении Кэнсин говорит, что готов к смерти и высказывает предположение, что он смертельно болен. Все это опровергает версию об участии ниндзя Нобунаги в смерти Уэсуги.

И все же, что послужило конкретной причиной смерти князя? Как известно, от колита не умирают, язва желудка и дизентерия обычно сопровождаются кровавым стулом, а об этом ничего не говорится в источниках. К тому же от дизентерии человек умирает быстрее чем за неделю, а Уэсуги страдал какой-то болезнью по крайней мере год, а то и больше. Упоминание об ощущении «железного шара в груди» навели английского историка-япониста Стивена Тёрнбулла на мысль о раке. Возможно также, что Уэсуги страдал сердечным недугом, который привел к инфаркту. Известно, что заболевания сердца нередко имеют своим симптомом мучительные «отраженные» боли в желудке – так называемые «абдоминальные боли сердца».

Хотя именно ниндзя Нобунаги прославились как исполнители самых невероятных убийств, сам он вошел в историю нин-дзюцу прежде всего благодаря своей лютой ненависти к «воинам ночи» из Ига и Кога – самым знаменитым агентам средневековой Японии. Казалось бы, с его пониманием роли шпионов, с его финансовыми возможностями лучших партнеров, чем славные семьи из традиционных «ниндзевских» регионов не найти, однако на деле между ними встала непреодолимая стена религиозной розни.

Ода Нобунага считал, что для объединения Японии необходимо сокрушить буддийские монастыри и иные религиозные объединения, которые в те времена имели не меньшее могущество, чем сам сёгун. Проводя эту политику в жизнь, диктатор предал огню главный оплот школы Тэндай, знаменитый монастырь на горе Хиэй, уничтожил мятежную лигу Икко-икки и обратил в руины ее главный центр монастырь Исияма Хонган-дзи.

Все эти «мероприятия» не могли не вызвать гнева у ниндзя Ига и Кога, которые поддерживали тесные дружеские контакты с крупнейшими буддийскими храмами и орденами ямабуси. В результате ниндзя развернули настоящую охоту на ненавистного врага. Покушения на его жизнь следовали одно за другим. Но, благодаря надежной охране и незаурядному

личному мужеству, князь неизменно выходил сухим из воды.

В «Тайкоки»⁶³ сохранилось описание попытки убийства Нобунаги ниндзя из Кога Сугитани Дзэндзюбо (по другой версии, он был сохэем из монастыря Энряку-дзи). Произошло это событие в 1570 г. По сообщению источника, Дзэндзюбо был специально нанят для этой миссии господином провинции Оми князем Сасаки Ёсисукэ, решившим расправиться со своим врагом при помощи тайного искусства синоби.

Дзэндзюбо был искуснейшим стрелком из длинного ружья наподобие аркебузы. Он заранее вызнал, каким путем направится Нобунага из Оми в провинцию Мино, и занял чрезвычайно удобную позицию в кустах, нависавших прямо над дорогой. Много часов пришлось прождать ему, пока на дороге не показался кортеж Нобунаги. Дзэндзюбо решил стрелять наверняка и приготовил две аркебузы, так как понимал, что времени для перезарядки оружия у него не будет. Как только Нобунага в окружения телохранителей поравнялся с кустами, ниндзя произвел выстрелы из обеих ружей и попал обоими зарядами в мишень. Но то ли убойная сила аркебуз была невелика, а Дзэндзюбо залег слишком далеко от цели, то ли панцирь на Нобунаге в тот день был надет суперпрочный, но пули, пробив бронированный нагрудник, засели в его толстой подкладке. И хотя Нобунага был выбит из седла, он не был даже ранен. Поняв, что покушение провалилось и не став дожидаться, пока охрана бросится вдогонку, Дзэндзюбо бежал в горы. Целых 4 года он скрывался в горной глуши, но Нобунага, понимая, сколь опасен такой блестящий стрелок, велел разыскать и схватить его, во что бы то ни стало. И когда внимание Дзэндзюбо ослабло, он был неожиданно схвачен самураями диктатора и замучен до смерти пытками, продолжавшимися 6 дней без перерыва.

Десятью годами позднее, в 1581 г., попытку отправить князя на тот свет предпринял другой ниндзя из Кога, лучший агент на службе семьи Такэда Сатору Докэн. Когда он тайно проник в лагерь Нобунаги в монастыре Хонно-дзи, его выследил знаменитый ниндзя из Ига Хаттори Хандзо, бывший по совместительству телохранителем князя Токугавы Иэясу, с которым в тот день встречался диктатор. Встреча с Хандзо в темном коридоре монастыря окончилась для Сатору Докэна весьма плачевно: по преданию, ниндзя из Ига одним ударом меча разрубил его пополам от темени до ануса.

По иронии судьбы, как раз ниндзя из Ига едва ли не больше всех желали отправить на тот свет ненавистного феодала и сами приложили для этого немало усилий. Сначала эксперт по огнестрельному оружию Кидо Ядзаэмон попытался подстрелить князя из мушкета, но и его постигла неудача. И тогда, дзёнин Момоти Сандаю отрядил на это дело своего лучшего ученика, знаменитого «призрака» Исикаву Гоэмона.

Гоэмон предпринял две попытки устранения Оды, но обе они, к огромному сожалению ниндзя из Ига и Кога, провалились. Во время одного из покушений Исикава ухитрился проскользнуть в мансарду над спальней диктатора и, проделав в полу точно над изголовьем ложа князя отверстие, свесил оттуда тонкую нить, а потом капля за каплей стал отправлять по этой дорожке жидкий смертоносный яд прямо в рот спящего феодала. И лишь чуткость сна князя спасла его от верной смерти. Он вовремя проснулся и заметил опасность, но схватить хитроумного ниндзя страже не удалось.

В другой раз счеты с Нобунагой попытался свести Манабэ Рокуро – ниндзя и по совместительству управляющий поместья са-мурая Фукуи, вассала мелкого даймё Хатано Хидэхару. В 1573 г. Нобунага наголову разбил клан Хатано, и Рокуро решил отомстить за позор своего господина. Ночью он проник в замок Нобунаги, решив заколоть его в постели, но тут был застигнут врасплох двумя стражниками. Поняв, что все потеряно и выбраться живым ему уже не удастся, Манабэ Рокуро тотчас совершил самоубийство. Чем немало огорчил Нобунагу, который был непрочь поразвлечься пытками очередного убийцы. Труп неудачливого ниндзя был вывешен на ры-ночной площади в назидание всем тем, кто осмелится рискнуть покуситься на жизнь диктатора.

Конечно же Ода Нобунага не мог спокойно ждать, пока кому-либо из «ночных призраков» не удастся добиться своей желанной цели, и предпринял меры, чтобы искоренить «ниндзевский

⁶³ «Повесть о тайко Тоётоми Хидэёси».

гадюшник» с корнем. Эта акция вошла в историю как величайшая битва ниндзя, мятеж в Ига годов Тэнсё – Тэнсё Ига-но ран.

Тэнсё Ига-но ран

Как уже говорилось, в период Сэнгоку-дзидай провинция Ига оказалась «бесхозной». Здесь не было даймё, и всю ситуацию контролировала коалиция госи. Лишь во второй половине XVI в. группа влиятельных госи решила для прикрытия «посадить на престол» выбранного ими «даймё» Никки Дандзё Томоумэ. Никки реально никакой властью не обладал, и положение его всецело зависело от настроения «избирателей». А настроение это было чрезвычайно переменчиво. В результате, Никки оказался попросту вышвырнут за пределы Ига.

Однако, Ига занимала чрезвычайно выгодное в стратегическом отношении положение – через нее проходила важнейшая дорога Токайдо, и претендентов на нее было хоть отбавляй. В числе положивших глаз на «бесхозную» провинцию был и могущественный властитель соседней провинции Исэ Китабатакэ Нобуо.

Этот Нобуо не был урожденным Китабатакэ. На самом деле он был родным сыном Оды Нобунаги, хитростью и обманом захватившим чужие владения.

Захват Исэ был одним из ключевых элементов стратегии Нобунаги. Через эту провинцию пролегали важнейшие дороги, и тот, кто мог их контролировать, мог контролировать и ситуацию во всей стране. Поэтому Нобунага развернул широкомасштабное наступление на владения князя Китабатакэ Томонори. За месяц маневров и боев войска Нобунаги сумели захватить крепость Камбэ и особенно важный замок Кувана, расположенный рядом с трактом Токайдо, а еще через две недели и крепость Окавати.

Однако, хотя армия Нобунаги в те дни была, вероятно, самой боеспособной в Японии, победа давалась ей с большим трудом. Томонори оказался Оде Нобунаге противником под стать, и тогда коварный даймё решил использовать более утонченные «темные» методы.

После непродолжительных переговоров, стороны согласились подписать мирный договор, который был скреплен усыновлением Китабатакэ Томонори двенадцатилетнего сына Оды, Нобуо. В те времена семейные связи имели весьма большое значение, и это было в порядке вещей.

Воспользовавшись поддержкой родного папаши и доверчивостью нового «родителя», Ода Нобуо решил отправить последнего на тот свет и завладеть провинцией.

В разработке заговора активное участие принял один из видных военачальников армии Нобунаги – Такигава Сабуробэй. Поскольку Китабатакэ Томонори был прекрасным мастером фехтования мечом, одолеть его в открытом бою, даже в случае неожиданного нападения, нечего было и думать. Было решено прибегнуть к хитрости и услугам «невидимых», которые и разработали план в деталях. И наконец наступила ночь покушения...

Цугэ Сабуродзаэмон, вассал Китабатакэ, провел воинов Нобуо в замок господина и подговорил слуг не поднимать шум, а напротив помочь «киллерам» прикончить князя. Стража, охранявшая его покои, также была подкуплена и пропустила врагов.

Поэтому в спальню Китабатакэ Томонори они ворвались неожиданно и сразу бросились с обнаженными мечами к его ложу. Но взять великого мастера меча запросто все же не удалось. Едва вскочив с постели, он в один прыжок добрался до своего страшного клинка, стоявшего поблизости на специальной стойке, и словно молния нанес два разящих удара первым двум нападающим. Но... противники лишь пошатнулись от ударов и усилили натиск! Меч знаменитого фехтовальщика попросту соскользнул с их панцирей, не причинив никакого вреда. Оказывается, подкупленные слуги специально затупили меч Китабатакэ, и он не мог пробить тяжелые доспехи убийц! Все закончилось в несколько секунд. Бесстрашный, но бессильный что-либо сделать тупым мечом, Китабатакэ Томонори пал, обливаясь кровью.

Сразу же после убийства Томонори Ода Нобуо объявил себя правителем провинции Исэ. Однако члены семьи Китабатакэ не собирались смириться с этим и поклялись отомстить подлому узурпатору. Из Нары приезжает Китабатакэ Томоёри, младший брат убитого даймё. Он был буддийским священником, но ради кровной мести оставил свои проповеди. Вокруг него вскоре сплотились верные вассалы клана Китабатакэ и союзники из провинции Ига. Дело шло к

крупному вооруженному выступлению.

Тогда за дело взялся уже известный нам Такигава Сабуробэй. Во главе армии Оды Нобуо он решительно повел наступление против заговорщиков и разбил отряды родственников Китабатакэ. Оставшиеся в живых заговорщики бежали в соседнюю провинцию Ига под крыло тамошних кланов госи и запросили о помощи у могущественного князя Мори Мотонари. Мори двинул свою армию в этот регион, но навстречу ему выступили войска Оды Нобунаги, и Мотонари пришлось отступить. Интересно, что, по легенде, среди сторонников Китабатакэ Томоёри был и сын великого фехтовальщика Цукахары Бокудэна, прежний телохранитель Китабатакэ Томонори и блестящий мастер фехтования школы Касима Синто-рю. Рассказывают, что, бежав в Ига, он присоединился к одной из групп синоби и передал им секреты боевого искусства традиций Катори и Касима.

Таким образом, владения рода Ода вошли в соприкосновение с провинцией Ига. При взгляде на эту «бесхозную» территорию у Нобуо не мог не разгореться аппетит. Тем более, что еще приемный «папа», Китабатакэ Томонори, приложил немало сил, чтобы прибрать ее к рукам и даже в качестве своего опорного пункта в Ига выстроил на горе Симоками Тодзимару-яма в г. Набари мощную крепость. В результате Нобуо стал составлять планы захвата Ига.

Однако покорить гористую провинцию было не так-то просто. Ведь ее контролировали воинственные госи, славившиеся своей искусностью в ратных делах. В повести «Иранки», созданной предположительно монахом из Ига, о них говорится: «С древних времен лучшие воины Ига вызывали восхищение своей армией. По-скольку в своей жизни они не руководствовались обыденными мотивами, они не обращали внимание на смерть и превращались в сущих злых духов, когда сталкивались с врагами. Они не испытывали поражения, которое считалось бы величайшим позором».

Тем не менее Ода Нобуо твердо решил действовать и, когда представился удобный повод – в 1579 г. к нему явился видный самурай из Ига Симояма Каи-но Ками с жалобой на некие «безобразия», творящиеся в провинции, и попросил наказать виновных, приступил к претворению своего плана в жизнь.

Первым делом он приказал своему вассалу Такигаве Сабуробэю принять меры к укреплению крепости в Набари, которую, по примеру «папочки», решил использовать в качестве своего плацдарма. Замок Маруяма стоял на холме, высотой в 180 метров, с весьма крутыми склонами. С одной стороны его стены нависали над рекой, что делало штурм с этой стороны совершенно нереальным.

Однако некоторые оборонительные сооружения были еще недостроены, а Такигава, вместо того, чтобы все делать в тайне, начал строительство с таким размахом и роскошью, что это тотчас привлекло внимание местных госи.

Дзи-дзамураи понимали, что Ода Нобуо готовит вторжение в их земли. Поэтому их предводители собрались на совещание в монастыре Хэйраку-дзи близ замка Уэно и, несмотря на то, что между различными кланами существовали значительные разногласия и даже вражда, сумели договориться об организации совместного отпора агрессору. Во главе коалиции встали знаменитые дзёнины Фудзибаяси Нагато-но Ками и Момоти Тамба Ясумицу. После непродолжительных совещаний они и разработали единый план действий.

Несколько ниндзя устроились на ра-боту в качестве простых строителей и через несколько дней уже выznали замыслы Нобуо и все уязвимые места замка. И все же мощь возводимой крепости внушала госи немалые опасения. Поэтому на совещании было решено напасть на нее еще до завершения строительных работ. Заодно планировалось «устранить» и Такигаву Сабуробэя.

В июне 1578 г. соединенные войска госи севера и юга провинции Ига во главе с Момоти Тамба неожиданно напали на замок Маруяма. Враг был застигнут врасплох. Ига-моно без труда ворвались в крепость и принялись истреблять ее гарнизон. В этой ситуации часть воинов Оды была блокирована в Маруяма-дзё, часть во главе со своим начальником вырвалась из замка и сосредоточилась в близлежащей деревушке.

Такигава, собрав своих солдат, двинулся навстречу мятежникам. Но ниндзя из Ига спутали все его планы, сея панику и распространяя слухи о своей много-численности. Сражение было кровавым и продолжалось до глубокой ночи. Бойцы Ига, действуя мелкими группами,

стремительно нападали на войска Такигавы и также стремительно исчезали в горах. В конце концов они загнали один отряд врага на залитое водой рисовое поле, где воины, облаченные в тяжелые доспехи, практически не могли передвигаться, а другой – в непроходимую чащу леса, после чего началась настоящая резня, в которой бойцы Такигавы практически не могли оказать сопротивления. Немногие оставшиеся в живых самураи Нобуо, вырвавшись из окружения, бежали в Исэ. На следующий день Ига-моно атаковали блокированный в замке отряд врага и в течение нескольких часов уничтожили его и спалили замок дотла.

Уже говорилось, что ниндзя одной из своих целей ставили убийство ненавистного Такигавы. И когда через какое-то время в гуще трупов было обнаружено тело человека, одетого в богатые одежды и по внешнему виду похожего на него, они решили, что победа полная, прекратили преследование и устроили пиршество.

Сейчас уже трудно сказать, была ли это случайность, или изобретательные воины Такигавы специально подсунили тело похожего человека, но военачальник остался жив, о чем через несколько дней донесли шпионы в провинции Исэ. Оказывается, в суматохе он сумел скрыться и бежать в местечко Мацу-га симо, откуда перебрался в Исэ. Как констатирует «Иранки», «это была огорчительная ситуация, и весьма досадный случай».

Китабатакэ Нобуо был взбешен известием о сожжении крепости. Потерпеть поражение от кучки готи – какой позор! Его лучший военачальник Такигава был разбит как ни на что не годный недопесок! Он жаждал мести и требовал немедленного выступления в поход. Но большинство его вассалов, памятуя о страшной битве у крепости Маруяма, всячески старались оттянуть начало военных действия, убеждая князя собрать побольше войск. В результате подготовка к нападению на Ига заняла больше года.

В начале сентября следующего, 1579 г., 9000ная армия во главе с самим Нобуо выступила из его резиденции в Мацугадзаки. Нобуо решил провести свою армию из Исэ в Ига тремя колоннами, через 3 горных прохода. План вторжения держался в строжайшей тайне, и лишь несколько главных военачальников были ознакомлены с ним. И все же ниндзя заранее сумели выведать планы Нобуо и вовремя оповестили о них предводителей коалиции дзи-дзамураев.

Поднявшись на недоступные для врага кручи, Ига-моно сначала затормозили наступление армии Оды, а ночью на 17 день 9 месяца, незаметно окружив ее в ущелье на перевале Нагано, приготовились к генеральному сражению.

Стояла осень, порывистый ветер развеивал сотни боевых флажков на пиках самураев Нобуо, двигавшихся по дну ущелья. Это был самый большой отряд армии Исэ, и во главе его стоял сам Нобуо, золоченый зонт которого виднелся даже в густом утреннем тумане. Нобуо действовал четко и планомерно. Как только горный проход начал расширяться, он разделил свои войска на 7 групп и отдал команду атаковать 7 небольших деревушек, лежавших внизу.

То, что произошло дальше, подробно описано в «Иранки»: «Они (воины из Ига) представляли собой сильную армию, так как находились в родной провинции и умело оценивали преимущества, которые предоставляла им местность. Они создали укрепления, стреляли из ружей и луков, использовали мечи и копья, сражаясь плечом к плечу. Они прижали противника и отрезали его от входа в горный проход. Армия Нобуо была столь занята атакой, что потеряла дорогу, и люди из Ига под прикрытием тени, которую давали горы на западе, легко одолели их. Затем пошел дождь, и они перестали видеть дорогу. Бойцы Ига, воспользовавшись этим и зная, что некоторые еще сидят в засаде в горах, издали боевой клич. Группы местных воинов, услышав сигнал, поднявшись со всех сторон, начали атаку. Буси Исэ смешались во мраке и рассеялись во всех направлениях. Они бросились бежать и были зарублены, кто в узких проходах, кто на крутых скалах. Их преследовали даже на топких рисовых полях и окружили... Вражеская армия сильно, ослабела. Некоторые убивали друг друга по ошибке. Другие покончили жизнь самоубийством. И даже неизвестно, сколько тысяч людей полегло здесь».

Столь же незавидной оказалась судьба двух других колонн, шедших другими дорогами. Уже битый Такигава Сабуробэй возглавлял самую южную колонну армии Нобуо и наступал через перевал Онибоку-гоэ. Ниндзя заманили его в засаду, окружили и наголову разбили, причем в бою лишился головы Цугэ Сабуродзаэмон, предавший своего господина Китабатакэ Томонори. Третья колонна во главе с Нагано Сакэдаю и Акиямой Укэдаю наступала где-то

между первыми двумя. Добравшись до местечка Исэдзи, она начала наступление на эту деревушку, но в самый разгар боя в тыл ей ударили отряды Ига-моно, прятавшиеся в засадах на склонах гор. Зажатые в ущелье и осыпаемые градом камней с гор воины Нагано и Акиямы были почти все истреблены.

Разгром армии Нобуо был полным и убедительным. Она понесла огромные потери, в строю осталось менее половины воинов, и даже сам Нобуо едва не лишился жизни.

Узнав о разгроме Нобуо, его отец и повелитель Ода Нобунага направил гневное письмо в его адрес. Расчетливый и коварный Нобунага ругал сына за поспешность и авантюризм, назвав его безрассудный поход «непростительным». Суровый тон письма понять нетрудно: на этот раз, хотя и косвенно, была задета и его честь. В послании к Нобуо он писал: «Вторжение в пределы Ига было большой, в высшей степени ужасной ошибкой, даже если бы это соответствовало Пути Неба, а Солнце и Луна упали бы на землю».

Как ни сурово прозвучали в этот раз слова родителя в адрес Нобуо, он понял их справедливость и в дальнейшем неукоснительно следовал распоряжениям отца.

Надо было готовиться к новому походу, но другие военные кампании отвлекали внимание Нобунаги. Когда же он наконец сумел расправиться с монастырем Исияма Хонган-дзи в 1580 г., настал черед провинции Ига.

Ода собрал всех военачальников в своем замке Адзути и приказал готовить войска к походу на Ига. Многие полководцы были в растерянности. Они не хотели связываться с коварными ночными убийцами, но в страхе перед гневом Оды им ничего не оставалось, как подчиниться.

План вторжения был разработан во всех деталях. Было решено наступать сразу с нескольких сторон, окружив Ига плотным кольцом войск. И без того маленькую армию госи необходимо было рассеять ударами с разных направлений, прижать к замкам и там блокировать, тем самым лишив ниндзя главного оружия – свободы маневра. На первый взгляд такой план мог показаться безумием – ведь по провинции были разбросаны десятки хорошо укрепленных замков, и выкуривать из них ниндзя пришлось бы месяцами. Ведение долгой осадной войны требовало немалых затрат, но Ода был готов и на это – только бы лишить ниндзя их главного козыря – свободы передвижений, и не дать им возможности бесследно скрыться в горах. В качестве консультантов при разработке этого плана были приглашены несколько перебежчиков из Ига и Кога – главы крупных семей ниндзя Цугэ, Таматаки и Тарао. Кроме того, Тарао Сиробэй Мицухиро, который позднее стал соратником великого дзёнина Хаттори Хандзо, вместе с другим ниндзя, Хори Хидэмасой, согласились возглавить отряды армии диктатора.

Для реализации плана была собрана колоссальная по тем временам армия – около 46000 воинов. Для сравнения, по оценкам историков, все население провинции Ига составляло в то время около 90000 человек. Во главе отрядов стояли 23 лучших военачальника Оды. Армию сопровождало также большое число синоби из враждебных Ига и Кога семей. Этим полчищам противостояло войско коалиции госи численностью приблизительно в 4000 бойцов, 600 – 700 человек из которых были профессиональными ниндзя.

Первоначально командовать операцией собирался сам Ода Нобунага. Но за несколько дней до выступления всегда здоровый Нобунага, находясь в своей резиденции в замке Адзути, внезапно почувствовал странную слабость. Начало похода было отложено на несколько дней. А когда войска, возглавляемые Нобунагой, наконец выступили, уже через полдня пути у полководца, который провел большую часть своей жизни в походах, вдруг началось непо-нятное головокружение, все поплыло перед глазами, резко упало зрение, холодный пот покрыл тело. Продолжать поход в таком состоянии он не мог, и армии пришлось вернуться в Адзути. Поползли слухи, что это ниндзя отравили диктатора, стремясь сорвать вторжение в Ига.

Вняв советам своих приближенных, которые предостерегали его от личного столкновения с ниндзя, Нобунага решил не рисковать и не ездить в Ига до окончания военной кампании. Тем не менее, через посыльных и шпионов он руководил всеми операциями в восставшей провинции. Не один день провел он, размышляя, что можно противопоставить тактике ниндзя из Ига.

В 27 день 9 месяца 1581 г. войска Оды по 6 дорогам лавиной ворвались в провинцию Ига. Объединенная армия дзи-дзасураев попыталась преградить захватчикам путь в горах на севере провинции, но под напором многократно превосходящего врага стала постепенно откатываться к югу.

1. 10000-ный конный отряд во главе с Одой Нобуо наступал на Ига из провинции Исэ по дороге через деревушку Исэдзи. В подчинении у Нобуо состояли видные военачальники Нобунаги Ода Нобудзуми, Фурута Хёбу и Ёсида Горо, а также его вассалы, уже имевшие опыт боевых действий против Ига-моно: Такигава Сабуробэй Кадзумасу, Нагано Сакёдаю и Хиоки Дайдзэнрё. Достигнув Исэдзи, Нобуо разделил свой отряд на 3 группы и приказал атаковать 3 местные деревни и несколько небольших крепостей, в которых укрылись буси Ига. Отряд Такигавы осадил замки Танэнама-но сё и Кунимияма, а Нагано и Хиоки напали на долину Ао и крепость в местечке Касивао. Они не встретили большого сопротивления в боях, но понесли большие потери во время ночных нападений ниндзя на их лагерь.

2. 14000-ный отряд Оды наступал на Ига с севера, с территории Кога, через деревню Цугэ. Командовали им многоопытные полководцы Тамба (Нива) Городзаэмон Нагахидэ, Такигава Сёгэн, Такигава Гидаю, Вакабэ Сакё и Тодо Сёгэн. Лагерь Тамбы Нагахидэ неоднократно подвергался ночным нападениям ниндзя. В результате его солдаты не могли спать из страха быть убитыми и через несколько дней были на пределе физического истощения.

3. Гамоу Удзисато, Вакидзака Ясудзи и «Казначей» Ямаока наступали во главе 7000ного войска также с территории Кога, но несколько западнее через деревню Таматаки. Главным направлением их удара был г. Уэно. По сообщению «Иранки», когда этот отряд двигался через Кога некий госи Мотидзуки Тётаро, по-видимому, состоявший в союзе с буси из Ига, вместе со своей шайкой преградил путь одной из его колонн, возглавляемой неким Уманоути Дзаэмон-но дзё. В последовавшей дуэли Мотидзуки убил командира вражеского отряда, но был вынужден отступить под напором превосходящих сил противника.

4. Войско Хори Хидэмасы и Тарао Мицухиро в составе 2300 бойцов проникло в Ига через местечко Тарао тоже из Кога. Поначалу оно не встретило почти никакого сопротивления, поскольку госи северо-западных районов Ига предпочли сосредоточить своих бойцов в сильно укрепленном монастыре Каннон-дзи на горе Хидзи-яма к западу от Уэно.

5. Мощный, 10000-ный отряд во главе с Асано Нагамасой, Синдзё Суруга-но Ками, Икомой Ута Цумури, Мори Ики-но Ками, Тодой Дандзё Сёносукэ, Савой Гэнсиро, Акиямой Сакондаю и Ёсино Мияути Сёхо наступал с юга провинции Ямато через местечко Нагатани (Хасэ). Эта группировка осадил замок Касивабара, принадлежавший самому Момоти Сандаю. Гарнизон в это время командовал некий Такано, который был экспертом в области ночных нападений и активно использовал методы школы Кусуноки-рю. Однажды ночью он приказал женщинам и детям, бывшим в крепости, запалить множество факелов и начать размахивать ими. Враги подумали, что гарнизон готовится к вылазке, в их лагере начался переполох, все натягивали доспехи и выходили строиться в поле. Однако... ночь минула, а ниндзя из Касивабары так и не вышли. В результате нападение захватчиков, запланированное на утро было сорвано – просто воины валились с ног после ночного «бдения».

6. Последняя группировка армии Нобунаги численностью в 3000 самураев наступала также из Ямато, но севернее, через селение Касама. Во главе ее стояли известный полководец Цуцуи Дзюнкэй и его племянник Цуцуи Садацугу. Главный удар этого отряда был направлен на монастырь Каннон-дзи, где укрепились основные силы госи Ига.

Войска Нобунаги действовали зверски. Они выжигали целиком деревни и близлежащие леса, насиловали, уничтожали посевы, но в сражения не вступали, специально оставляя защитникам Ига проходы к крепостям. Ниндзя постоянно совершали ночные нападения, устраивали засады, вырезали небольшие авангардные и арьергардные отряды, заманивали врага в ущелья и обрушивали на него камнепады. Однако все было тщетно, враг методично отеснял их к старинным замкам.

Вскоре оказалось, что силы ниндзя расчленены и разбросаны по замкам, которые были обложены плотным кольцом войск Нобунаги. Прорвать осаду сил у них не было. Формально Нобунага еще не одержал ни одной победы, но фактически уже выиграл кампанию, навязав врагу свою игру.

На северо-востоке Ига находился буддийский храм Каннон-дзи, больше похожий на крепость, чем на мирную обитель. Располагался он на горе Хидзи-яма, где имелось еще несколько мелких храмов-крепостей. Именно сюда и была загнана главная группировка гози.

Глубокой ночью отряды Гамоу, Ямаоки и Цуцуи начали штурм монастыря. Основной удар был направлен против главных ворот. Здесь сосредоточилось более тысячи нападающих. Одновременно по штурмовым лестницам началась атака на стены крепости. Возглавил ее сам командующий осаждающей группировки опытный полководец Гамоу Удзисато, бок о бок с которым сражались два его малолетних сына.

Ига-моно сражались мужественно и умело. На головы нападающим дождем сыпались камни и бревна, покрытые шипами. Одновременно ниндзя сами предприняли контратаку через подкоп (по другим сведениям, отряды ниндзя заранее укрылись в кустах на склоне горы), внеся сумятицу в ряды нападающих. В результате войска, находившиеся прямо у стен монастыря, оказались в полном окружении. При этом ниндзя Момода Тобэй и Ёкояма Дзинсукэ спустились до самого подножия горы и отсекали головы обоим сыновьям Гамоу. Когда ниндзя с боевым кличем устремились на врага с короткими мечами в руках, штурмовые отряды обратились в бегство. И только вступление в бой свежих резервов спасло их от полного разгрома. В награду за героизм, проявленный в этом бою, 7 бойцов из Ига получили прозвище «7 копий с горы Хидзи-яма»: Момода Тобэй, Ёкояма Дзинсукэ, Фукукита Сёгэн, Мори Сиродзаэмон, Матии Киёбэй, Ямада Кансиро и еще один ниндзя, имя которого история не сохранила.

На военном совете предводителей гози, на котором присутствовали и «7 копий с горы Хидзи-яма», было решено ночью сделать вылазку против авангарда вражеской армии, которым командовал Цуцуи Дзюнкэй. Планировалось ворваться в лагерь противника и убить Дзюнкэя, который прославился особой жестокостью по отношению к Ига-моно – он вырезал целыми семьями, сжигал дотла деревни, пойманных ниндзя варил в течение нескольких дней на медленном огне, лично рубил руки и ноги.

Ниндзя понимали, что убийство Цуцуи не сможет изменить ход кампании в их пользу – в лагере Оды было еще немало военачальников, но рассчитывали посеять панику и страх в рядах осаждавших.

... Воины Цуцуи спокойно спали, лишь дозорные были начеку и зорко всматривались в ночную тьму. Внезапно тишина была словно взорвана, со всех сторон на лагерь посыпались стрелы. «Иранки» рассказывает: «Казалось, они летели со всех сторон, снизу и сверху. Поднялся странный шум, будто закипает вода в чайнике, и, как можно было ожидать, в лагере многие мудрые, опытные и смелые воины не имели времени даже, чтобы надеть свои доспехи и затянуть их на поясе, они хватали мечи и пики, с поспешностью сбегали вниз и стояли там с отчаянной безнадежностью, непрестанно сражаясь».

Неожиданно, как это часто бывает в предгорьях, налетел порывистый ветер и загасил факела, освещавшие лагерь. В темноте самураи Цуцуи пришли в полное смятение и в отчаянии принялись рубить направо и налево, надеясь поразить невидимых убийц. Панический страх охватил их – они не понимали: то ли враг окружил их со всех сторон, то ли нападает лишь с одной стороны. Да и где он – этот противник? Никого не было видно, лишь какие-то тени выныривали из темноты, наносили разящие удары короткими мечами и тотчас исчезали из поля зрения. Со всех сторон продолжали лететь стрелы. Боевые кони, отвязавшись от коновязи, носились по лагерю, сбивая воинов с ног. И тут произошло то, что уже когда-то было с войсками Нобуо, – воины, окончательно смешавшись, начали по ошибке убивать друг друга!

Ниндзя же, напротив, чувствовали себя во время этого кошмарного боя как рыба в воде. Они прекрасно ориентировались в темноте, опознавали друг друга при помощи особых паролей и неприметных меток на одежде.

Меньше чем через час все было кончено. Лагерь Цуцуи был полностью разгромлен, палатки повалены, кругом валялись окровавленные трупы без голов и с подрезанными подколенными жилами – именно эти уязвимые точки поражали «ночные дьяволы». Однако, хитрому Цуцуи удалось ускользнуть – он предпочитал не ночевать в лагере и всегда проводил ночи в отдельном биваке вдалеке от монастыря.

На фоне отдельных успехов гози из Ига, все яснее становилось, что победа в конце концов останется за многократно превосходящими силами врага. Через неделю после начала

вторжения почти вся провинция лежала в дымящихся руинах. В центре Ига еще держался один лишь монастырь Каннон-дзи.

На него было направлено главное острие атаки армии Нобунаги. Сюда стягивалось все больше и больше войск, пока их численность не достигла 30000 воинов. Судьба главного оплота госи Ига была предreshена.

Полководцы Нобунаги понимали, что штурм Каннон-дзи может стоить очень дорого, так как ниндзя были полны решимости драться до конца. Как сообщает «Иранки», в последний день обороны монастыря Каннон-дзи «лица [его защитников] напоминали деревянного Будду» – столь велико было их мужество и бесстрашие. И тогда 2 главных военачальника Оды, Цуцуи Дзюнкэй и Гамоу Удзисато предложили поджечь монастырь. Сотни смоляных «огненных бомб» градом посыпались через стены крепости. Начался грандиозный пожар, сухая погода и сильный ветер способствовали тому, что огонь запылал по всему монастырю. Воды внутри него почти не осталось, и тушить пожары было нечем. Дым окутал гору Хидзи-яма.

Точно так же были преданы огню и все другие, более мелкие замки и монастыри ниндзя. Но никто из госи наружу не вышел – они предпочитали смерть в огне постыдной капитуляции.

Часть ниндзя попыталась с боем прорваться в горы, но войска Нобунаги столь плотным кольцом охватили их укрепления, что сделать это было практически невозможно. Большинство беглецов пали под ударами воинов врага. Часть госи совершила сэппуку. Многие кончали с собой, бросаясь в огонь, в котором уже погибли сотни их товарищей, – так они соединялись духом с мужественными воинами Ига. В начале 10 месяца все укрепления ниндзя на горе Хидзи-яма пали.

Пожары полыхали несколько дней, и вскоре на месте некогда прекрасных буддийских монастырей остался лишь пепел, который порывистый ветер разметал по всей округе. Рассказывают, что еще через несколько месяцев после этой кровавой бойни деревья в этих местах все еще были покрыты копотью.

После падения Каннон-дзи, лишь на юге провинции еще в течение месяца, до конца 10 месяца, продолжал держаться замок Касивабара, родовое гнездо семьи Момоти. Оборону его возглавлял сам легендарный дзёнин Момоти Сандаю, и именно его изощренные уловки позволили этой крепости столь долго сопротивляться многократно превосходящим силам врага.

Нобунага приказал покончить с мятежными кланами госи раз и навсегда. Он требовал неукоснительного следования тактике «выжженной земли». Поэтому семьи госи из Ига вырезались под корень, а для отчета составлялись списки казненных. «Иран-ки» донесла до наших дней ужас той кошмарной резни: «Все [воины Нобунаги] продвигались как один через горы провинции Ига, и монастыри по всей провинции были полностью разрушены огнем... Такигава и Хори Кударо (командиры отрядов Нобунаги) лично спешили с лошадой и сумели уничтожить не одного умелого воина. Они заняли много районов и наказывали всех своими руками... Во время наступления на монастырь Кикё-дзи одним взмахом меча были преданы смерти тысячи людей, включая [дзёнина] Хаттори. Помимо этого многие были вырезаны и уничтожены до конца... Остатки бежали в горы Касуга-яма, что на границе с [провинцией] Ямато и рассеялись там. Но Цуцуи Дзюнкэй преследовал их через горы, наводя о них справки и разыскивая беглецов... Точное количество зарезанных и разоренных до сих пор неизвестно».

Казалось, разгром ниндзя был полным. В огне сражений погибли целые семьи. На территории Ига не осталось ни одного целого храма, стены замков зияли жуткими проломами. Деревни были обращены в пепел, а поля – выжжены и вытоптаны. В амбарах крестьян не осталось зерна для следующего посева.

Большинство жителей бежали в леса. «Темное» искусство ниндзя оказалось бессильно перед вооруженной мощью диктатора, перед бронированной многократно превосходящей ордой врага.

Но были ли ниндзя действительно сокрушены и изничтожены? Казалось бы вопрос глуп по сути. Тем более, что речь только что шла о жуткой резне и зверствах солдатни Нобунаги. Однако все не так просто. Уже говорилось, что профессиональные шпионы и диверсанты в армии госи составляли 600-700 человек. Что же мы знаем об их судьбах? Из источников той поры известно, что часть из них небольшими группами разбрелась по разным провинциям

страны и поступила на службу к разным даймё по всей Японии. Например, группы ниндзя пристроились в кланах Косити из провинции Ямато, Рюдзёдзи из провинции Ямасиро, другие укрылись в провинциях Тамба, Кавати и Кию, в княжестве Фукусима, где впоследствии возникла мощная школа нин-дзюцу Фукусима-рю, в княжестве Кага, где зародилась созданная на основе Ига-рю новая школа «искусства быть невидимым» Этидзэн-рю. Еще 50 человек поступили на службу к могущественной семье Маэда, превратившись в «Ига-моно годзюнин-гуми» – «Отряд Ига-моно в 50 человек».

Многие ниндзя скрылись в горах и позднее поселились на земле под видом обычных крестьян. О том, сколь много было таких ловкачей, показывает тот факт, что, когда Токугава Иэясу проезжал через провинцию Ига и ему срочно потребовалась надежная охрана (об этом речь впереди), его главный телохранитель и начальник разведки дзёнин Хаттори Хандзо запалил на перевале Отоги, что на границе Ига и Кога, сигнальные огни и в течение нескольких часов собрал отряд в составе 200 ниндзя из Ига и 100 ниндзя из Кога! Причем было это всего лишь через год после «поголовного истребления ниндзя»!

Добавьте сюда «невидимок», о судьбе которых мы попросту не знаем, и тех, кто, подобно знаменитому Исикаве Гоэмону, о котором речь пойдет далее, занялся разбоем и грабежом. Да погиб ли вообще хоть кто-нибудь из профессиональных «ночных воинов» во время Тэнсё Ига-но ран? Конечно, погиб. Но их были единицы в огромной общей массе госи, крестьян, буддийских монахов...

Кстати «вырезанные» после своего «истребления» едва не отправили на тот свет самого Нобунагу, когда тот решил лично удостовериться в полноте разгрома противника и в сопровождении многочисленной охраны приехал в Ига. Источники сообщают, что он, боясь покушения, почти нигде не останавливался, а бросив мельком взгляд на разрушенные замки, на груды еще не убраных трупов, на сожженные деревни и удовлетворившись увиденным, спешил далее. И все же ниндзя сумели выследить заклятого врага, когда тот отдыхал от тягот путешествия в старинном синтоистском храме Итиномия.

... Храм сильно пострадал во время боев, так что князю пришлось удовольствоваться лишь развалинами. Нобунага сидел на складном походном стульчике в плотном кольце телохранителей, военачальников и слуг и равнодушно созерцал руины храма, некогда бывшего центром паломничества жителей всей провинции. Он мог не беспокоиться за свою жизнь: специально натренированные мэакаси только что прочесали всю округу на расстояние мушкетного выстрела. Так что, даже если мятежники и укрылись где-нибудь неподалеку, до него им не добраться – ни мушкетной пулей, ни отравленной стрелой. И вдруг раздался оглушительный грохот. Над лесом взвились три облачка дыма, и свинец градом хлестнул по окружению Нобунаги...

Это три ниндзя Момоти – Отова Камбэ, Добаси Харада Кими и Инбанкан, – сумевшие незамеченными убраться из замка Касивабара за несколько часов до его падения, произвели залп с трех сторон сразу из оо-тэппо – «больших ружей» (Что представляли собой эти оо-тэппо не совсем ясно: то ли это были легкие переносные пушечки, то ли крупнокалиберные аркебузы.). Но судьба была милостива к Оде и на этот раз. Пули ниндзя разметали в клочки 7-8 человек из свиты, да ранили еще полтора десятка самураев, но самого князя миновали. Охрана немедля бросилась в погоню, но смельчаков уже и след простыл. Так что Нобунаге ничего не оставалось, как еще раз поблагодарить богов за свое чудесное спасение и подивиться замечательному мастерству отважных «невидимок».

Ниндзя потерпели поражение, но не были уничтожены. Только ветер войны разметал их по всей стране, благодаря чему школы, связанные с классической традицией нин-дзюцу Ига-рю, стали появляться в самых разных уголках страны Восходящего солнца. И это очень важное следствие Мятежа в Ига годов Тэнсё. Важное, но не единственное...

Во время Тэнсё Ига-но ран была уничтожена коалиция госи Ига, из-за чего ниндзя как самостоятельная фигура на исторической сцене попросту исчезла, лишившись своей традиционной базы, своей земли, своего единства.

Что же касается Нобунаги, он не долго наслаждался своей победой над Ига, так как то, что не удалось воинам-"теням", сделал предатель. В 1582 г. Ода осадил твердыню клана Мори крепость Такамацу и бросил на нее все свои войска, оставшись в Киото с горстью

телохранителей. Этим воспользовался один из его самых доверенных генералов Акэти Мицухидэ, который решил расплатиться с князем за его оскорбительное поведение по отношению к нему и совершил вероломное нападение на Оду, когда тот развлекался с мастерами чайной церемонии в монастыре Хонно-дзи. Нобунага был убит (или покончил жизнь самоубийством; монастырь сгорел дотла, и тело Оды не было найдено).

Впрочем и изменник не протянул долго. Главный военачальник Оды Тоётоми Хидэёси разгромил его армию и в 1590 г. объединил Японию.

Ниндзя из Кога и Тэнсё Ига-но ран

Интересной была реакция ниндзя из Кога на смертельную угрозу для их извечных союзников из Ига. Известно, что между этими двумя группировками ниндзя всегда существовали дружеские отношения, и они не раз сражались бок о бок на поле брани. Однако во время Тэнсё Ига-но ран госи из Кога не только не встали на сторону госи из Ига, но и открыли горные проходы армии Нобунаги: известно, что более половины войска заклятого врага ниндзя проникло в Ига по дорогам Цугэ, Таматаки и Тарао, которые контролировались одноименными семьями Кога-моно. Мало того, как уже говорилось, госи из Кога Тарао Сиробэй Мицухиро и Хори Хидэмаса лично командовали отрядами армии Оды. Таким образом, вековая связь между двумя группировками ниндзя неожиданно прервалась. Что же послужило тому причиной?

Незадолго до Тэнсё Ига-но ран, провинция Оми также подверглась вражескому нашествию – в 1570 г. войска Оды Нобунаги нанесли сокрушительный удар ее властителю Сасаки Ёсикате, на стороне которого обычно сражались Кога-моно.

Пока в стране полыхала гражданская война, Ёсиката выжидал. Он все раздумывал, на чью сторону встать. И, по-видимому, в итоге сделал неверный выбор. Сговорившись с даймё Асаи, Сасаки выступил против Нобунаги. Выбрав удобный момент, когда армия Оды завязла в боях с войсками Асаи у реки Анэ-гава, Сасаки неожиданно ударил ей в тыл. Однако попытка взять хитроумного Оду в «клещи» из-за его умелых действий и предательства союзников с треском провалилась: когда авангард армии Сасаки схватился с отрядами Оды, арьергард поднял мятеж и нанес предательский удар войсками провинции Оми в спину. А тут еще подошедшие войска Нобунаги повели столь мощное наступление в лоб и с флангов, что армия Сасаки целиком обратилась в бегство и была рассеяна по горам. Сам Ёсиката, спасаясь от неминуемой гибели бежал в труднодоступный район Кога в надежде найти поддержку у сильной коалиции 53 кланов госи. Тем временем провинция Оми была полностью захвачена отрядами Нобунаги.

Трудно сказать, что происходило в то время в Кога. Но, вероятно, единства среди тамошних госи не было. Известно, например, что многие из Кога-моно двумя годами ранее поступили на службу к Токугаве Иэясу, воевавшему на стороне Оды. В этой ситуации часть Кога-моно хотела поддержать Сасаки, другая выступала за подчинение Нобунаге. Когда же выяснилось, что Ода начал готовить карательную экспедицию против Кога, госи обратились к Токугаве Иэясу, чтобы через него уладить конфликт.

Токугава лично обратился к Нобунаге с просьбой отказаться от похода на Кога, пообещав взамен нейтралитет тамошних госи. Ода не мог не принять во внимание просьбу своего могущественного союзника и был вынужден отказаться от плана поголовного истребления мятежников.

В результате многие госи из Кога присягнули на верность Нобунаге, а некоторые даже поступили к нему на службу. Поэтому во время Тэнсё Ига-но ран они не могли поддержать своих сородичей, но и в армию Оды они, в подавляющем своем большинстве, не пошли. Что же касается поступка Тарао Сиробэя Мицухиро и Хори Хидэмасы, то он вызвал только презрение у остальных семей ниндзя Кога.

Судьба Момоти Сандаю и школа Кисю-рю

Текст «Иранки» хранит в себе несколько очень интересных загадок, которые мы и попытаемся разгадать.

Одной из главных действующих фигур событий Тэнсё Ига-но ран был дзёнин Момоти Сандаю, и вполне естественно, что источник уделяет ему немало внимания. Так, в «Иранки» подробно рассказывается, как ниндзя Момоти вели ожесточенное сражение с армией Нобуо на скалах на перевале Нагано-тогэ, как они в течение более чем двадцати дней отбивали все нападения врага в замке Касивабара на юге Ига. При этом, несмотря на детальное описание штурма и падения крепости Касивабара, в книге нет и намека на дальнейшую судьбу Момоти Тамба – то ли он погиб в пламени родового замка, то ли остался в живых и бежал, хотя «Иранки» подробно рассказывает о гибели десятков других, гораздо менее важных, героев обороны.

Второе, что сразу привлекает к себе внимание, так это то, что в «Иранки» ни разу не упомянуто имя Фудзибаяси Нагато-но Ками, тогда как, по другим источникам, он был вторым лидером коалиции госи Ига.

Эти 2 странности «Повести о мятеже в Ига» породили немало споров среди историков нин-дзюцу, но наибольший вклад в исследование проблемы внесли Окусэ Хэйситиро и Фудзита Сэйко. Они предположили, что Фудзибаяси Нагато и Момоти Тамба – одно и то же лицо, действовавшее в соответствии с принципом ёмогами-но дзюцу – «искусством нескольких жизней», которое подробно описано в «Бансэнсюкай». Смысл ёмогами-но дзюцу в том, что дзёнин должен иметь несколько усадеб в разных местах и играть при этом роли разных людей. Примеров следования ёмогами-но дзюцу в истории нин-дзюцу можно найти немало.

Окусэ и Фудзита смогли достаточно убедительно аргументировать свою версию. Так, уже в самом умолчании действий Фудзибаяси Нагато-но Ками в «Иранки» при пристальном внимании к Момоти Тамбе, по мнению «нин-дзюцуведов», кроется одно из важнейших доказательств их версии. Ведь, если человек упоминается под одним именем в каком-то эпизоде, вполне естественно, что его второе имя (или псевдоним) при этом не фигурирует.

Во время полевых изысканий на территории провинции Ига, Окусэ и Фудзита в разных местах обнаружили два захоронения – Фудзибаяси и Момоти. Казалось бы, это полностью опровергает их версию. Однако посмертные буддийские имена обоих дзёнинов оказались как две капли воды похожи и отличались друг от друга лишь одним иероглифом (посмертное имя Момоти Тамба – Хонкаку Рёсэй «Последователь Дзэн», а Фудзибаяси Нагато – Хонкаку Тансэй «Верующий воин»).

Что касается судьбы Момоти Сандаю, то версия единого Момоти-Фудзибаяси позволяет прояснить и этот вопрос. По-видимому, Момоти не погиб и сумел спастись во время кровавой резни. Предполагают, что он либо скрылся в своем поместье Рюгути в деревушке Удэ Санбонмацу в соседней провинции Ямато, либо сначала спрятался в одном из храмов ямабуси, с которыми имел крепкие связи, а затем по тайным горным тропам пробрался в сингонскую обитель Коя, а оттуда еще дальше – в монастырь Нэгоро-дзи, где и осел (Нэгоро и Коя, как говорилось ранее, в то время были оплотом враждебных Нобунаге сил и не раз становились приютом для всех врагов кровавого объединителя. Так, в 1580 г., за год до нашествия Оды на Ига, именно сюда, в Сайга Васиномори, бежал Кэндзё Дзёнин, настоятель разгромленного Одой монастыря Исияма Хонган-дзи).

Ряд фактов подтверждают эти предположения. Но самое интересное, пожалуй, вот что. Во второй половине XVII в. в Ига и в Кии, куда по предположениям Окусэ бежал Момоти-Фудзибаяси, почти одновременно появились два важнейших наставления по нин-дзюцу – «Бансэнсюкай» и «Сёнинки». Автором «Бансэнсюкай», как указано в тексте, был Фудзибаяси Ясутакэ, потомок Фудзибаяси Нагато. «Сёнинки» же подписана Фудзибаяси Масатакэ, патриархом школы Син Кусуноки-рю (известна также как Кисю-рю, Синнан-рю, Натори-рю и Мёэй-рю) и самураем из княжества Кисю, а создателем Син Кусуноки-рю в ней назван никто иной как Фудзибаяси Нагато.

Само сходство фамилий и имен авторов свидетельствует об их родстве. По-видимому, Фудзибаяси Ясутакэ и Фудзибаяси Масатакэ были братьями, возможно, даже родными, и внуками великого дзёнина. Имя их отца неизвестно, но, вероятно, он окончательно осел в провинции Кии и поступил на службу к какому-либо даймё. А вот сыновья его разделились. Ясутакэ, который, по-видимому, был старшим, отправился на родину и поступил на службу к Ясуде Унэмэ. Пользуясь тем, что он был близким родственником знаменитого ниндзя Токугавы

Хаттори Хандзо, Ясутакэ занял высокий пост и попытался возродить славу старого рода нин-дзюцу. Младший же брат, Масатакэ, остался в провинции Кии, служил тамошним даймё и кодифицировал собственную школу – Син Кусуноки-рю.

Впрочем, есть и иная версия происхождения Син Кусуноки-рю. По ней Фудзибаяси Масатакэ – это псевдоним известного самурая по имени Натори Сандзюро Масатакэ. Этот Масатакэ унаследовал родовую традицию нин-дзюцу Натори-рю, которая вышла из школы Косю-рю и была основана командующим авангарда армии Такэды, Натори Итинодзэ Масатоси, умершим в августе 1619 г. в местечке Санада провинции Синано.

Помимо родовой системы шпионажа Натори Сандзюро Масатакэ (или Масадзуми) изучал военную науку (гунгаку) школ Намбоку-рю и Мори-рю, на основе которых и создал Син Кусуноки-рю – «Новую Кусуноки-рю» (или Синнан-рю), само название которой указывает на следование традиции синоби-но дзюцу, заложенной великим полководцем Кусуноки Масасигэ. В 1654 г. Масатакэ был призван на службу в княжество Кисю, а умер в марте 1708 г. После этого Натори-рю передавалась по наследству среди его потомков, а члены семьи Усами, допущенной к изучению Натори-рю, неизменно занимали пост военных советников в княжестве Кисю.

Хотя эта версия возникновения Син Кусуноки-рю довольно сильно отличается от предложенной Окусэ Хэйситиро, думается, что и в этом случае без влияния Фудзибаяси не обошлось. Иначе как объяснить, что Натори выбрал своим псевдонимом старинную «ниндзевскую» фамилию Фудзибаяси?

Но почему же именно Фудзибаяси? А не Момоти, если речь идет об одном и том же человеке? Окусэ считает, что, оказавшись в Нэгоро, Момоти Тамба отказался от своего «засвеченного» в боях с армией Нобунаги псевдонима и стал пользоваться родным именем Фудзибаяси Нагато.

Укрывшись от преследователей на дружественной территории, старый ниндзя, по-видимому, не удалился «на пенсию» и после гибели Оды стал замышлять убийство его преемника, Тоётоми Хидэёси, вступив в сговор с монахами с горы Коя и племянником диктатора, Хидэцугу. Особые надежды он возлагал на ловкость своего лучшего гэнина – знаменитого Исикавы Гоэмона. Но план покушения провалился, а Исикава был казнен. Так что Момоти-Фудзибаяси умер в провинции Кии, так и не отомстив врагу.

Исикава Гоэмон – японский «Робин Гуд»

Мало кто из современных японцев не слышал имени знаменитого разбойника конца XVI в. Исикавы Гоэмона. Его подвиги красочно и с любовью описаны в многочисленных пьесах театров кабуки и дзёрури, в народных сказаниях и легендах.

По преданию, Исикава Гоэмон грабил и убивал богачей и раздавал добычу голодающим простолюдинам. Он был прекрасным мастером нин-дзюцу и, как утверждают легенды, запросто превращался в обыкновенную мышь. В целом Исикава сильно походит на благородного Робин Гуда, народного героя другого островного государства – Англии.

Реальная биография этого блестящего ниндзя известна очень плохо. По одной версии, он был уроженцем местечка Хамамацу, что в провинции Тотоми, а его настоящее имя было Санэгути Хатири. По другой – сыном знаменитого «призрака» Момоти Сандаю и его лучшим учеником.

Считается, что в «искусстве быть невидимым» он уступал лишь одному человеку во всей Японии – «невидимке» из Кога Сарутоби Сасукэ, с которым, по популярной народной легенде, ему довелось как-то померяться силами. Правда, рассказ об этом дзюцу-курабэ – «соизмерении искусств» – совершенно фантастичен.

... Столкнувшись с Сарутоби, Гоэмон тут же превратился в мышь, демонстрируя силу своей магии. Но и Сасукэ не оплошал: он обратился в кот! Разбойник подумал, что проиграл, и тут же выпустил на Сасукэ сноп огня, но ловкий ниндзя из Кога ответил на это фонтаном воды и погасил пламя. Тогда Исикава Гоэмон превратился в огненный шар и устремился в небо, но Прыгучая обезьяна предвидел и такой маневр и ударил разбойника боевым веером прямо в переносицу, после чего Гоэмон признал поражение и стал названным младшим братом

Сасукэ...

Не раз Исикаве поручались самые сложные задания, таившие в себе немалые опасности. Например, он неоднократно пытался убить Оду Нобунагу, но удача постоянно отворачивалась от него.

Гоэмон выжил в страшной бойне Тэнсё Ига-но ран и сумел бежать в монастырь Нэгоро-дзи. Одна любопытная легенда, зафиксированная в анналах Нэгоро, утверждает, что как-то раз он взобрался на самую высокую пагоду в монастыре и спрыгнул вниз с высоты шестизэтажного дома безо всякого вреда для себя.

Слава Гоэмона гремела по всей Японии. И однажды к нему обратился за помощью сам верховный советник (кампаку) Тоётоми Хидэцугу, не поладивший с дядей и решивший отделаться от родителя при помощи «невидимых убийц». По его заданию, Гоэмон пробрался в резиденцию Хидэеси в замке Момояма, но убить его не смог. Зато после этого все ищейки Тоётоми бросились по его следу и, в конце концов, Исикава был схвачен и живьем сварен в котле с кипящей водой вместе со своим единственным сыном. Эта страшная казнь надолго сохранилась в памяти народной как свидетельство лютой ненависти и панического страха властителей Японии перед неуловимыми «воинами ночи».

Тоётоми Хидэеси и гибель монастыря Нэгоро-дзи

Тоётоми Хидэеси, захвативший власть в стране после гибели Оды Нобунаги, во многом продолжал политику своего предшественника, столь же нещадно расправлялся со всеми противниками и громил буддийские монастыри: послал карательную экспедицию против горы Коя, спалил до тла Нэгоро-дзи.

При этом, как полагают авторы некоторых работ по истории японского шпионажа, Хидэеси сам был прекрасно знаком с методами нин-дзюцу.

Хидэеси происходил из крестьянской семьи. И само его восхождение до положения властителя страны свидетельствует о незаурядном таланте и колоссальном уме. В юности Хидэеси покинул родной дом и пустился в странствия. Об этом периоде его жизни никаких определенных сведений нет. Зато легенды утверждают, что он связался с разбойничьей шайкой некоего Короку и по его поручению стал высматривать подходящие для ограбления богатые дома. Хидэеси изучал расположение зданий, систему охраны, возможные пути проникновения вовнутрь и бегства. И наконец Короку согласился обобрать один из домов, присмотренных Хидэеси. Причем юноша не только изложил бандитам способ проникновения в него, но и сам встал впереди. Однако ограбление провалилось. Когда Хидэеси уже прокрался вовнутрь, слуги заметили его, подняли гам и устремились в погоню. Но Хидэеси все-таки сумел выбраться сухим из воды, прибегнув к известной «ниндзевской» уловке. Он бросил камень в колодез и, пока преследователи лазили в него, потихоньку смылся. Все бандиты были поражены находчивостью и отвагой мальчишки, и сам Короку подарил ему в награду меч работы знаменитого мастера.

Неизвестно, по какой причине Хидэеси расстался с шайкой Короку. Однако бродяжничать ему пришлось недолго. На этот раз его подобрал владелец небольшого замка Куно Мацусита Кахэй. Он, по-видимому, рассчитывал использовать находчивого и остроглазого мальчишку в качестве своего лазутчика в провинции Овари, откуда Хидэеси был родом. По легенде, Мацусита получил приказ своего господина Имагавы Ёсимото разузнать, какой панцирь носят воины армии Нобунаги, властителя Овари, и решил порасспросить об этом Хидэеси.

Хидэеси рассказал Мацусите, что панцирь в провинции Овари делали не из кожи, а из металла, и он защищал все тело. Речь шла, по-видимому, не об обычном панцире, который применялся в войсках других феодалов. Скорее всего имелся в виду какой-то новый вид. Во всяком случае, Имагава Ёсимото и его верный вассал Мацусита Кахэй хотели любой ценой раздобыть его образец.

Мацусита подробно объяснил смысл и значение этой операции Хидэеси, снарядил его в дорогу, дал денег, на которые тот должен был приобрести комплект воинского снаряжения, и пожелал скорого и благополучного возвращения. Хидэеси взял деньги, попрощался с Мацуситой и отправился в свою родную провинцию Овари. В замок Куно он так и не вернулся.

поступив на службу к... Нобунаге.

Даже став крупным военачальником, Тоётоми не позабыл навыков синоби. Предания рассказывают, что, узнав о гибели Нобунаги и мятеже Акэти Мицухидэ, он так спешил по дороге к столице, что, забыв о собственной безопасности, не заметил, как в одиночестве оторвался от эскорта. На подступах к Киото, близ г. Амагасаки, он столкнулся с группой людей в крестьянских одеждах, которые ремонтировали дорогу. Поравнявшись с ними, Хидэёси торжественным тоном заявил: «Работайте, работайте, друзья мои. Недолго осталось вам страдать. Скоро я облегчу вашу горькую участь».

Не успел он произнести эти слова, как раздался сигнал боевой раковины и словно из-под земли выросли вооруженные воины, которые заранее укрылись в засаде в ожидании Хидэёси. Они стремглав выбежали на дорогу, окружили полководца и обнажили мечи. Один из них повелительным тоном сказал: «Повинуясь приказу сёгуна Мицухидэ, мы прибыли сюда за твоей головой».

Пораженный таким оборотом, Хидэёси осмотрелся и стал лихорадочно соображать, что ему следует предпринять. Метрах в трехстах он увидел своего вассала Като Киёмасу, но путь ему преграждали враги, которые стекались со всех сторон. Вдруг он заметил узенькую тропинку, пролежавшую в рисовом поле, и во весь опор поскакал по ней. Он проделал это так стремительно, что никто не успел даже опомниться.

Тропинка вывела его к местному храму. Хидэёси быстро соскочил с коня, со всей силы вонзил нож в ногу загнанной лошади и пустил ее навстречу своим преследователям. Лошадь в бешенстве понеслась, врезалась в толпу воинов, раня их ударами копыт. Напуганные и искалеченные неприятели бросились врассыпную.

Тем временем Хидэёси, сбросив с себя доспехи, вошел в храм и пристроился к священнослужителям, которые собирались принимать ванну. После бани он обрил голову, переделся в костюм монаха и уже никак не выделялся в толпе.

К тому времени подоспел Киёмаса, а вслед за ним появился и Курода Ёситака с отрядом в несколько десятков человек. Они нагнали страху на наемных диверсантов, разогнали их и уничтожили. Главарь банды спасся бегством. Он вернулся к Акэти Мицухидэ, рассказал о том, что произошло, и, как не исполнивший своего долга и позорно покинувший поле боя, распорол себе живот.

Киёмаса и Ёситака в отчаянии ворвались в храм, разыскивая Хидэёси. Они с пристрастием допрашивали священнослужителей, но те были крайне удивлены и ничего не могли ни понять, ни ответить. Тогда вперед вышел сам Хидэёси в монашеских одеяниях.

Хидэёси тоже не раз прибегал к услугам кёдан и раппа, а своим военным советником (гунси) назначил Такэнаку Ханбэя, который был прекрасно осведомлен в «темных, иньских методах войны». Прийдя к власти он нанял огромную армию шпионов и разработал замечательный способ их использования. В те времена основной проблемой с разведывательной информацией было то, что она постоянно запаздывала, ведь передвигались агенты, как правило, на своих, хоть и довольно быстрых, двоих и, в лучшем случае, верхом. Чтобы решить эту проблему, Хидэёси приказал своим кёдан постоянно странствовать по всей стране, чтобы располагать полной информацией обо всем происходящем. Они должны были все время пребывать в движении в соответствии со строжайшим графиком, благодаря чему информацию, доставленную агентом, можно было сравнить с информацией, принесенной его соратником на следующий день и таким образом уяснить развитие событий и уточнить общую картину происходящего. Планируя начало военной кампании, Хидэёси всегда заранее направлял на вражескую территорию множество групп своих агентов с заданием, составить подробнейший отчет о тамошних делах. В этом плане представляет интерес деятельность шпионов Тоётоми во время похода на остров Кюсю в 1587 г.

В это время Кюсю почти целиком находился во владении мощной феодальной семьи Симадзу, которая контролировала 3 провинции. На территорию, подвластную Симадзу, не допускались уроженцы иных мест, включая даже торговцев. Из-за этого никто толком не знал тех мест, не имел представления о рельефе и мощи тамошней армии. А система мзакаси была у Симадзу отлажена наилучшим образом, что делало невозможным заброску агентов обычными способами. Требовалось придумать какую-то особую хитрость, чтобы собрать необходимые для

наступления разведданные.

Агентам Тоётоми удалось каким-то образом вызнать, что князь Симадзу Ёсихиса был большим поклонником буддизма и учеником известного священника Кэннэ, который как раз собирался посетить своего ученика, чтобы дать ему несколько наставлений. Тогда в свиту Кэннэ сумели внедриться несколько лучших агентов и личных вассалов Хидэёси, среди которых выделялись Касуя Такэмори и Хирано Нагаясу – оба замечательные мастера меча.

Ёсихиса принял своего наставника со всеми почестями. Ему и его свите было дозволено объехать все владения Симадзу с целью проповеди буддизма. Во время этих путешествий тайные агенты собрали огромное количество сведений. На это ушел почти год.

Когда же Тоётоми наконец двинул свою армию на покорение Кюсю, Кэннэ заявил Ёсихисе, что в условиях военного времени ему бы не хотелось быть лишней обузой, и он хотел бы покинуть владения Симадзу. Ёсихиса с этими доводами согласился и дал свите монаха своих проводников, которые по тайным тропам вывели ее на нейтральную территорию. В результате шпионы снабдили Хидэёси всеми необходимыми разведданными, включая подробнейшие карты дорог и троп, численность и вооружение войск и т.д. Добавим, что, согласно некоторым сведениям, сам Кэннэ был агентом Хидэёси и выведал самые сокровенные планы военной кампании у своего питомца. Победа Тоётоми была предreshена.

Таким образом, Хидэёси использовал шпионов чрезвычайно широко. Однако, как и Нобунага, он никогда не прибегал к услугам ниндзя из Ига и Кога.

И на то были причины. Так Ига-моно не раз пытались прикончить нового правителя, а ниндзя из Кога были ему неверны. Дело в том, что однажды во время встречи Тоётоми с Токугавой Иэясу, ему стало известно о существовании тайных сношений между службой разведки Токугавы и отрядом Кога-моно, состоявших на его службе. Виновные конечно же были немедленно казнены, но после этого случая Тоётоми навсегда отказался от услуг ниндзя из Кога и Ига. Кстати этот эпизод очень показателен в том смысле, что ниндзя всегда тяготели к Токугаве Иэясу, который к буддизму относился вполне лояльно.

С именем Хидэёси связана гибель 2-х других мощных объединений ниндзя – сингонского монастыря Нэгоро-дзи и объединения Сайга. В период междоусобной войны между Хидэёси и Токугавой Иэясу, которая развернулась после гибели Оды Нобунаги, сохэи из Нэгоро вместе с бойцами Сайга стали на сторону Токугавы и ударили в тыл Хидэёси. И допустили роковую ошибку, так как Тоётоми в войне победил.

В отместку за предательский удар в спину в 1585 г. Тоётоми бросил против ниндзя из Кии 25000ную карательную армию. В марте месяце она блокировала Нэгоро-дзи, в упорнейшем сражении разбила отряды монахов-воинов и предала монастырь огню. В пожаре, бушевавшем трое суток, погибли многие драгоценные творения искусства – сотни статуй, тысячи свитков, замечательные образцы зодчества. Лишь немногим ученым монахам удалось укрыться в Коя-сан – основном центре секты Сингон, а сохэи разбежались по всей стране. А еще через несколько дней, с падением замка Ота, пришел конец и мятежной лиге Сайга-икки.

Многие сохэи из Нэгоро и бойцы из Сайга, подобно уцелевшим ниндзя из Ига, стали поступать на службу к разным даймё по всей Японии. Например большой отряд Нэгоро-сю во главе с Ивамуробо нанялся к семье Мори. Находившийся в то время в замке Хамамацу Токугава Иэясу тоже решил извлечь пользу из этой ситуации и пригласил к себе на службу Нэгоро Окаси и еще около 200 монахов-воинов, нашедших убежище в провинции Исэ (по другим источникам, в 1585 г. на службу к Токугаве поступило лишь 16 человек, а на следующий год – еще 25; возможно, здесь идет речь лишь о предводителях сохэев). Монахи из Нэгоро были отправлены в Эдо, где из них был сформирован отряд Нэгоро-гуми из 20 всадников и 100 пехотинцев, вооруженных мушкетами. Его командиром стал Нарусэ Хаято Тадаси Масасигэ, вскоре превративший буйных сохэев в образцовых солдат, после чего Нэгоро-гуми вошел в состав гвардии Токугавы Иэясу.

Среди спасшихся предводителей Сайга-икки был и Сайга Магоити Сигэтомо, основатель школы Сайга-рю нин-дзюцу. Сайга Магоити был сыном мелкого феодала Судзуки Садаю из поместья Сайга, что в уезде Умабэ провинции Кии, и имел небольшую крепость в поместье Киси в деревушке Хираи. С детских лет он стремился стать великим полководцем и долгие часы посвящал воинским упражнениям. Известно, что как только Цула Кэммону начал обучать

братию из Нэгоро-дзи стрельбе из ружей Сайга Магоити стал одним из его первых учеников. А у брата Цуды Сугинобо Мёсана он изучил премудрости шпионской науки.

Поскольку Магоити был последователем учения Икко-икки и даже построил собственный буддийский храм, в котором был настоятелем, он стал полководцем Исияма Хонган-дзи и сражался на стороне лиги против Оды Нобунаги. По преданию, в одном из сражений с войсками Оды он с успехом использовал сяки-но дзюцу – «способ сбрасывания флагов», переодев своих ниндзя в союзников диктатора. В 1585 г., когда Тоётоми Хидэёси направил в Кии карательную экспедицию против Нэгоро-дзи и Сайга, Магоити сначала командовал одним из отрядов Нэгоро, но позже перешел на сторону Хидэёси и был назначен командиром отряда аркебузирова. Благодаря тому, что он прекрасно знал условия местности и возможности других отрядов Сайга и Нэгоро, Магоити внес немалый вклад в подавление мятежных лиг. Позже он сражался в битвах при Комаки и Нагахисатэ на стороне Токугавы, а во время похода армии Тоётоми против Одавары, родового замка Ходзё, командовал отрядом кавалерии в 150 человек.

В 1600 г., во время борьбы между Токугавой и антитокугавской коалицией во главе с Исидой Мицунари, он поначалу примкнул к антитокугавской коалиции и руководил отрядом синоби при нападении армии Исиды Мицунари на замок Фусими – оплот Токугавы в районе Кансай – и собственноручно обезглавил коменданта крепости Тории Хикозэмона. Однако в важнейшем сражении этой войны – в битве при Сэкигахаре – Сайга Магоити сражался в составе войска Датэ Масамунэ уже на стороне Токугавы. В 1606 г. он поступил на службу непосредственно к сёгуну Токугаве Иэясу, а позже служил другому представителю семьи Токугава – Ёрифусе из княжества Мито и даже стал одним из его главнейших вассалов, получавшим 3000 коку жалования.

Поскольку Сайга Магоити получил основную воинскую подготовку в монастыре Нэгоро-дзи, школа Сайга-рю была во многом похожа на Нэгоро-рю. В ней также основное внимание уделялось использованию огнестрельного оружия. Однако, из-за того, что в Сайга было много небольших бухточек, рыболовецких и торговых поселков, ниндзя из Сайга довели до высокого уровня и искусство боя на воде, что они с блеском продемонстрировали во время обороны Исияма Хонган-дзи. Другой оригинальной особенностью школы Сайга-рю, было то, что в ее программу вошла особая традиция изготовления шлемов и доспехов, поскольку сам Сайга Магоити был замечательным оружейником.

К периоду властвования Тоётоми Хидэёси относятся и первые сведения об использовании шпионов и в войнах с другими государствами. Так, во время так называемого Корейского похода своими подвигами прославился некий Ёдзиро (корейское Ёсира), вассал Кониси Юкинаги.

Японцам очень сильно досаждал мощный корейский флот, которым командовал гениальный флотоводец Ли Сунсин. Превосходство корейцев на море было столь велико, что японцам нечего было и надеяться на победу в открытом бою. Поэтому они решили прибегнуть к «темным» методам ниндзя, чтобы устранить Ли Сунсина и разгромить корейскую флотилию.

За осуществление этого замысла взялся Кониси Юкинага, находившийся с войсками в укрепленном районе Пусана и ожидавший прибытия огромной экспедиционной армии, чтобы начать новое наступление на Сеул. В начале января 1597 г., по его распоряжению, Ёдзиро проник в расположение войск Ким Ынсона, военачальника правой полупровинции Кёнсан, и заявил ему, что прибыл по поручению своего господина, чтобы сообщить корейскому командованию сведения чрезвычайной важности (по некоторым сведениям, Ёдзиро был двойным шпионом и одновременно служил и японцам, и корейцам. Этим объясняется совершенно беспрепятственное общение его с представителями корейского военного командования.). По словам Ёдзиро, Кониси велел передать корейской стороне следующее: «Лицом, которое всячески препятствует заключению мира, является Като Киёмаса. В ближайшее время он прибывает из Японии. Корея имеет явное превосходство на море; если немедленно направить военные корабли в район Киджа и предпринять совместные действия с военачальником левой полупровинции Кёнсан, можно будет перехватить войска Като, а его, негодника, убить. Сейчас представился самый подходящий случай, который нельзя упустить».

Ким Ынсон поверил этому сообщению и тут же направил соответствующее донесение корейскому царю. Двор тоже без тени сомнения внял словам Ёдзиро и решил действовать так.

как предлагал Кониси Юкинага.

Во второй половине января специальный королевский посланец прибыл в провинцию Чолла и передал Ли Сунсину высочайший приказ, в котором говорилось, что двор и правительство располагают неоспоримыми доказательствами, что в скором времени Като Киёмаса с войсками прибудет в Корею, а посему флотилии под командованием Ли Сунсина предписывается нанести противнику внезапный удар на море в районе Пусана.

Ли Сунсин выразил сомнение в целесообразности таких действий. Он заявил, что не верит в искреннюю заботу Кониси о скорейшем окончании войны и считает абсурдным, чтобы одна воюющая сторона добровольно предоставляла в распоряжение другой воюющей стороне секретные сведения о планируемых военных операциях с той только целью, чтобы избавиться от неугодного военачальника. Вернее всего, убежденно сказал он, речь идет о заговоре, «имеющем целью устроить засаду нашему флоту и одним ударом уничтожить его». При этом Ли Сунсин резонно доказывал нелепость задержки крупных кораблей в прибрежных водах, где их легко могут атаковать даже небольшие силы противника.

Однако все его доводы не принимались во внимание, от него требовали неукоснительного исполнения приказа. И тем не менее Ли Сунсин, убежденный в своей правоте, не подчинился приказу, и благодаря этому спас корейский флот от полного разгрома, на что надеялось японское командование, составившее коварный план использования дезинформации.

Вскоре войска Като, которые переправлялись совсем не тем путем, на который указывал Ёдзиро, благополучно высадились на корейском побережье. Спустя некоторое время Ёдзиро вновь появился у ворот военного лагеря Ким Ынсона и, изображая себя и своего господина обиженными и оскорбленными тем, что корейское командование не воспользовалось предоставленной ему ценной информацией, произнес такую тираду: «Почему вы не атаковали Като Киёмаса на море? Дать ему высадиться на берег все равно что выпустить кровожадного тигра в поле. Теперь японская армия, следуя его воле, вынуждена вопреки своему желанию начать второй корейский поход. Добрые намерения Кониси рассыпались прахом».

Нужно отметить, что в корейских высших кругах в то время шла острая борьба между двумя фракциями, постоянно нападавшими одна на другую. Особенно усердствовала так называемая западная группировка, которая плела интриги против Ли Сунсина, добиваясь отстранения его от командования корейским флотом и назначения вместо него бездарного Вон Гюна, примыкавшего к этой фракции. Вместе с тем удар направлялся и против премьер-министра, который в свое время назначил Ли Сунсина на этот пост. Поэтому, когда Ким Ынсон, ссылаясь на слова Ёдзиро, вновь донес двору на Ли Сунсина, обвиняя его в неповиновении приказу вана, этот донос был использован западной группировкой как главный козырь в политических интригах. Ей удалось навязать царскому двору решение о вынесении Ли Сунсину смертного приговора. Однако восточная фракция все же сумела добиться сохранения его жизни. В конце концов флотоводца разжаловали в рядовые, а Вон Гюна назначили командующим корейским флотом. Как показал ход событий, это была одна из самых роковых ошибок правящих кругов Кореи, которая привела, в сущности, к полному уничтожению, а точнее говоря, к самоуничтожению некогда могущественного корейского флота.

Когда Вон Гюн занял пост главнокомандующего военно-морскими силами, поступила новая информация – все от того же Ёдзиро. На этот раз он сообщил время прибытия в Пусан новых многочисленных японских вооруженных формирований и маршрут следования японской морской армады. При этом он выразил надежду, что на сей раз корейская сторона не оплошает и сможет раз и навсегда покончить с Киёмасой.

Реакция двора была немедленной. Вон Гюну предписывалось срочно направить флот в район Пусана. Но прежде чем выполнить этот приказ, Вон Гюн, не без основания опасавшийся встречи с японским флотом, направил царю депешу, настаивая на том, чтобы сухопутные войска тоже были подключены к этой операции и взаимодействовали с военно-морскими силами. Однако двор ответил отказом, мотивируя его тем, что регулярная корейская армия должна дожидаться прибытия китайских войск, чтобы выступить объединенными силами и тем самым добиться военно-стратегического превосходства над противником. Флоту предписывалось действовать автономно.

В первых числах июля 1597 г. по приказу Вон Гюна корабли корейского флота

базировавшиеся на острове Хансандо, снялись с якоря и взяли курс на Пусан. К вечеру 7 июля корейский флот подошел к острову Чоллендо, неподалеку от Пусана, где попал в сильный шторм. Большие волны и шквальный ветер швыряли, как щепки, огромные военные корабли, которые потеряли управление и лишились связи друг с другом. Оказавшись наедине с разбушевавшейся стихией, они становились мишенью, легко расстреливаемой противником. На острове Кадокто, где корейский флот искал убежища, он попал в ловушку, расставленную японской армией. Большое число корейских кораблей с их экипажами было уничтожено. Корейский флот почти полностью был разбит. А Ёдзиро и его хозяин Кониси могли радостно потирать руки.

В этой сложнейшей ситуации корейцам не оставалось ничего иного, как вернуть на место Ли Сунсина, и этот талантливый флотоводец приложил еще немало усилий для изгнания японских захватчиков с родной земли.

«Путешествие» Токугавы Иэясу по провинции Ига. Возникновение отряда Ига-гуми

После того, как армия Нобунаги превратила в пепел провинцию Ига, и многие ниндзя устремились за ее пределы, у даймё из разных концов Японии появилась прекрасная возможность пополнить свои армии настоящими профессионалами «плаща и кинжала». Одним из первых эту возможность оценил дзёнин Хаттори Хандзо Масасигэ, начальник разведки Токугавы Иэясу, который немедленно обратился к своему господину с предложением нанять беглых ниндзя. Иэясу поначалу не придавал значения словам своего военачальника, но вскоре обстоятельства сложились так, что ниндзя Ига оказались для него единственным спасением.

Токугава Иэясу по приглашению Нобунаги находился с инспекцией в г. Сакаи (ныне префектура Осака), когда до него дошла весть об убийстве Оды в монастыре Хонно-дзи. В поездке его сопровождало лишь несколько приближенных вассалов – Хонда Тадакацу, Сакаи Тадацугу, Ии Иэмаса, Хаттори Хандзо, Анаяма Байсэцу и некоторые другие. Охраны у него с собой не было, а тем временем все дороги заполнили войска изменника Акэти Мицухидэ. К тому же путь в Окадзаки, родовой замок Токугавы, перекрыли взбунтовавшиеся крестьяне. Казалось, выбраться живым из вражеского окружения уже не удастся. По легенде, Токугава в отчаянии едва не совершил самоубийство, но Хаттори Хандзо сумел убедить его, что выход все же есть. Он предложил князю отступать через провинцию Ига и прибегнуть к помощи тамошних ниндзя. Поскольку это был единственный реальный план спасения Токугаве ничего не оставалось как только согласиться с ним.

Хандзо немедленно помчался в местечко Тарао, что на границе Ига и Кога, и обратился за помощью к Тарао Сиробэю Мицухиро, главе одной из 53 семей Кога. Вскоре воины Тарао в качестве телохранителей окружили небольшую кавалькаду Токугавы, а Хандзо поднялся на перевал Отоги-тогэ, разделяющий Ига и Кога, запалил огни и стал подавать кодовые сигналы о немедленном сборе ниндзя на перевале. И когда Иэясу благополучно добрался до Отоги-тогэ, там его уже поджидал отряд в 300 синоби из Ига и Кога (200 ниндзя из Ига и 100 ниндзя из Кога).

На перевале Иэясу уселся в паланкин, а ниндзя во главе с Хандзо плотной стеной сомкнулись вокруг него и двинулись в путь по горным тропам. Часть «невидимок» постоянно обшаривала окрестные рощи и кусты, опасаясь засады.

Это был нелегкий путь. Ниндзя пришлось сражаться с бандитами и диверсантами Акэти. Мы почти не знаем подробностей этих столкновений. Известно только, что во время этого путешествия погиб один из близких друзей Токугавы Анаяма Байсэцу, вырвавшийся несколько вперед группы. Но все же, не останавливаясь ни днем ни ночью, Токугава и его телохранители сумели миновать опасный район Кабуто и, переправившись через реки Кидзу и Удзи, добрались до местечка Сироко в провинции Исэ, откуда Иэясу морем отплыл в свою вотчинную провинцию Микава и благополучно вернулся в Окадзаки. Об этом эпизоде имеется

специальное упоминание в «Токугава дзикки»⁶⁴, где он назван «Опасностью переезда через Ига».

Помимо Хаттори Хандзо и семьи Тарао безопасность Иэясу во время этого «путешествия» обеспечивали также буси из Кога Минобэ, Вада, Миядзима и другие (все эти кланы входили в знаменитые «53 семьи Кога»), а также дзёнин Цугэ Киёхиро из Ига и мастер нин-дзюцу Цугэ-рю.

Этот случай позволил Иэясу наглядно убедиться в невероятных способностях ниндзя и эффективности их организации. Кроме того князь высоко оценил их преданность. Таких воинов стоило пригласить на службу.

Поэтому Иэясу щедро наградил предводителя ниндзя Хаттори Хандзо за его службу, пожаловав ему 3000 коку риса, и поручил набрать из участников операции отряд стражников (досин), выделив на его содержание 1000 кан⁶⁵ риса. Так на службе у семьи Токугава появился отряд Ига-гуми.

В состав Ига-гуми вошли многие знаменитые ниндзя того времени: Гэнсукэ, Дэндзиро, Дэнъэмон, Магобэй, Утикура, Синкуро, Ситикуро, Канроку и другие из клана Хаттори; Саннодзё, Итиносукэ, Канхатири из семьи Цугэ; Собэй и Сукэдаю из рода Ямаока; Томита Яхэй; Фукумори Саданари; Яманака Тобэй; Кикүти Тоёфуси; Сибата Сухо; Ёнэти Хансукэ; Ямагути Кансукэ и другие. Все эти ниндзя получили земельные владения, что свидетельствует о высочайшей оценке их мастерства Токугавой – впоследствии воины из Ига-гуми получали лишь рисовый паек, а землю – никогда.

Под командованием Хаттори Хандзо отряд Ига-гуми принимал участие во многих сражениях. В июне 1584 г. он захватил замок Нисиэ, чуть позже бился у горы Нио-яма в провинции Идзу, участвовал в осаде крепости Одавара (1590 г.; за эту операцию Хаттори Хандзо получил поместье в провинции Тотоми с годовым доходом в 8000 коку) и карательных экспедициях в провинцию Муцу и против даймё Асааки. После смерти Хандзо в 1596 г. Ига-гуми сражался в крупнейшей битве при Сэкигахаре (1600) и в 2-х осадах замка Осака (1615).

После переезда ставки Токугавы в июне 1590 г. в город Эдо (будущий Токио), Ига-гуми также передислоцировался туда. Токугава, в благодарность за верность Хаттори Хандзо, пожаловал ему звание хатамото – прямого вассала – и подарил усадьбу неподалеку от одних из ворот замка Эдо, которые позже стали называться «Хандзо-мон» – «Ворота Хандзо» – то ли потому, что рядом была усадьба Хандзо, то ли потому, что он со своим отрядом должен был их защищать в случае опасности, а может быть из-за того, что этими воротами пользовались тайные агенты (оммицу), подчинявшиеся Хандзо, назначенному начальником (оммицу-гасира) тайной службы.

В это время Хаттори Хандзо в память о своем покойном отце, Хаттори Хандзо Ясунаге, принял прозвание Ивами-но Ками – Покровитель Ивами. Его годовое жалование составляло огромную сумму – 8000 коку. В это время в подчинении у него находилось 150 полицейских-ёрики (Кога-моно) и 300 стражников-досин (Ига-моно).

Став начальником секретной службы, Хандзо поместил своих ниндзя в качестве онива-бан – «садовников» – в замке Иэясу. Такая система обладала целым рядом плюсов. Во-первых, «садовники» постоянно находились поблизости от князя и были способны в любой ситуации защитить его от посягательств тайных агентов врага. Во-вторых, широкие просторные дворы замка позволяли ему или его начальнику разведслужбы Хаттори Хандзо незаметно отдавать приказы «садовникам»-ниндзя, которые немедленно отправлялись выполнять приказ, переодевшись соответствующим образом в особой комнатке. После возвращения агентов, точно таким же образом можно было выслушивать их доклады, без риска быть подслушанным непрошенным гостем и не привлекая к себе внимания.

Задания онива-бан получали самые разные: разузнать, кто из даймё тайно ремонтирует

⁶⁴ «Подлинная хроника Токугавы».

⁶⁵ 1 кан = 3,75 кг.

замок, закупает оружие, ведет переговоры с соседями, отправить на тот свет опасного противника и т.д. Ниндзя Токугавы действовали по всей стране, подмечая все явное и тайное.

Самым опасным заданием среди онива-бан считалось назначение на разведку в княжество Симадзу в провинции Сацума: из 10 посланных туда шпионов возвращался только один – столь эффективной была тамошняя контрразведка, укомплектованная мастерами нин-дзюцу местной традиции Сацума-рю.

Интересно, что мэакаси Симадзу, выпытав секреты организации службы шпионажа Токугавы у кого-то из ниндзя Ига, многое переняли у своих врагов. В частности, в княжестве Симадзу для решения разведывательных задач тоже была создана служба онива-бан. Там она просуществовала до конца XIX в. Известно, например, что знаменитый Сайго Такамори, руководитель мятежа в Сацума, направленного против буржуазных преобразований в стране, в молодости служил «садовником» и выполнял различные задания.

Всей работой онива-бан руководил хитроумный Хаттори Хандзо. Согласно преданиям, он был прекрасным мастером боя копьем, за что его прозвали Яри-но Хандзо – «Копейщик Хандзо». Он считал, что техника боя копьем замечательно гармонирует с общими принципами нин-дзюцу. Неожиданные проникновения во вражеские крепости с последующим мгновенным «растворением в пустоте» он сравнивал с уколами копья, молниеносными и разящими наповал.

Большое внимание в ведении войны этот дзёнин уделял обману. Он утверждал, что прежде, чем обмануть врага, иногда нужно ввести в заблуждение собственных союзников. По легенде, однажды, когда вражеский шпион попытался проникнуть во дворец Токугавы и был уничтожен «садовниками», Хандзо решил воспользоваться этим для того, чтобы усыпить подозрения врага и раскрыть логово заговорщиков, и приказал своим людям молчать об уничтожении вражеского ниндзя.

Тем временем в замке врагов Токугавы царил беспокойство, так как их лучший агент не вернулся с задания. Чтобы уточнить обстановку, было принято решение послать в резиденцию князя еще одного ниндзя.

Этот лазутчик обнаружил, что замок охранялся усиленной охраной, но проникнуть в него было все же возможно (об этом позаботился хитрый Хандзо). Далее он сумел подслушать разговор о замечательной ловушке, которая была расставлена против его предшественника, и о его не менее замечательном побеге. Хотя ему не удалось установить с исчезнувшим ниндзя связи, одной из ночей он увидел, как какой-то весьма похожий на его приятеля лазутчик незаметно подкрался к двум охранникам и молниеносно прикончил их. Окончательно уверившись, что шпион цел и невредим, он решил вернуться в замок своего господина.

По возвращении ниндзя подробно рассказал о том, что ему удалось подслушать и подсмотреть, и высказал предположение, что его товарищ сеет панику среди врагов и должен вскоре вернуться с ценными сведениями. Еще он предположил, что из-за проделок этого ловкого ниндзя Токугава будет слишком занят, чтобы организовать поход против мятежников. Но прежде чем шпион успел закончить свой доклад, замок был окружен войсками Иэясу.

Когда через несколько дней замок был взят штурмом, выяснилось, что в крушении заговора повинен Хаттори Хандзо, который сыграл роль погибшего вражеского агента, сумел выследить его товарища и таким образом раскрыл убежище заговорщиков.

Хаттори Хандзо умер в 14 день 11 месяца 1596 г. в возрасте 55 лет. Его наследником на должности начальника тайных агентов (оммицу-гасира) стал его старший сын Ивами-но Ками Масанари, человек крайне неуравновешенный и совершенно лишенный тех талантов, какими обладал его отец. К чему это привело, речь пойдет далее.

После памятного «путешествия» через Ига не были забыты и другие госи, обеспечивавшие безопасность Иэясу. Например, Токугава сделал Тарао Мицухиро своим хатамото и предоставил ему поместье в местечке Тарао, на родине ниндзя. Официально Иэясу назначил Мицухиро своим наместником в поместье Кицуноама, но секретным приказом поставил под его начало группу синоби-мэцукэ. Замок семьи Тарао сохранился до наших дней. Он знаменит тем, что это самый маленький замок в Японии. Расположен он на вершине горы, откуда открывается широкий обзор на всю провинцию Ига. Неподалеку проходит важнейший тракт средневековой Японии дорога Токайдо и находится г. Хиконэ, одна из резиденций Токугавы.

В 1608 г. провинция Ига была пожалована во владение даймё Тодо Такаторе. Для того, чтобы сделать более эффективным контроль за старыми родами ниндзя, ставшими главным источником формирования секретной агентуры, Иэясу приказал Такаторе создать специальное управление по их регистрации, а семья Тарао была передана к нему под начало. Но когда Токугава начал подготовку к войне против замка Осака, вокруг которого сплотились его враги, он назначил Тарао Сиробэя тайным мэцукэ и приказал ему следить за Тодо Такаторой и даймё Ии. Такая система взаимного явного и тайного контроля была вполне в духе недоверчивого и хитрого князя.

Глава 9

Тайная война Токугавы Иэясу

После смерти Тоётоми Хидэёси в Японии вновь сложилась взрывоопасная ситуация. Хотя походы Тоётоми вынудили могущественных даймё страны признать его власть, они не ликвидировали сепаратизма князей. Незадолго до своей смерти, предвидя возможность возобновления феодальных войн, Хидэёси создал верховный орган управления из 5 тайро – главных министров, в число которых вошли 5 самых могущественных даймё – Токугава Иэясу, Маэда Тосииэ, Уэсуги Кагэацу, Мори Тэрумото и Укита Хидэиэ. Хидэёси заставил их поклясться, что они будут поддерживать Хидэёси, его пятилетнего сына, до тех пор, пока он сам не сможет править. Маэде и Токугаве он доверил воспитание сына.

5 тайро должны были осуществлять управление страной совместно с 5 бугё – ранее назначенными столичными префектами.

Однако между тайро и бугё согласия не было. Самым могущественным среди тайро был Токугава Иэясу, владения которого еще при жизни Хидэёси включали все 8 провинций равнины Канто – самого доходного района Японии. Токугава не раз вступал в борьбу за власть в стране, однако его все время оттесняли более могущественные или удачливые соперники – Такэда Сингэн, Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Но теперь, когда звезды старой гвардии ушли в прошлое, настал его час.

Другие тайро и бугё видели усиление Токугавы. Поэтому они сформировали анитокугавскую коалицию, сердцем которой стал бугё Исида Мицунари, и начали плести заговор против Иэясу.

Прежде всего, Исида вступил в тайный сговор с Уэсуги Кагэацу, могущественным даймё из Айдзу. Владения Уэсуги располагались к северо-востоку от владений Иэясу, в то время как основные владения других даймё анитокугавской коалиции находились на западе о. Хонсю. По плану Исиды и Уэсуги они должны были одновременно ударить с двух сторон на Токугаву, взять его в клещи и разгромить.

Благодаря ловкости своих ниндзя, Иэясу вовремя выведал планы врага, но притворился, что проглотил приманку, и сделал вид, что выступает в поход против Уэсуги, чего только и ждал Исида, чтобы ударить ему в тыл. Медленное продвижение Токугавы на север к владениям Уэсуги создало у Исиды впечатление, что он успеет овладеть всем центром Хонсю, прежде чем Токугава сумеет вернуться назад. Однако Токугава обманул Исиду и вернулся назад тогда, когда его еще никто не ждал.

Кроме того Токугава, раскусив план врага, предвидел, что анитокугавская армия первым делом обрушится на его главную крепость в районе Кансай замок Фусими, находившийся неподалеку от Осаки. Во время похода против Уэсуги Кагэацу 25 июля 1600 г. Токугава остановился на ночь в Фусими и провел весь вечер в беседе с командиром гарнизона, старым и преданным другом Тории Хикоэмоном Мототадой. Оба прекрасно понимали, что, как только боевые действия начнутся всерьез, шансов устоять у крепости не будет. Но было ясно и другое: если она продержится хотя бы 2-3 дня, шансы Токугавы на победу резко возрастут.

Оборона замка Фусими

27 августа 1600 г., как и ожидал Иэясу, 30000ная армия Исиды Мицунари напала на замок Фусими. Узнав об этом, Токугава тут же приказал своему вассалу Ямаоке Митиами, младшему брату Ямаоки Кагэтаки, владельца замка в Сэта провинции Оми, подняться на борьбу буси из Кога. Сначала на помощь замку Фусими пришло около 100 ниндзя из Кога, а затем подтянулось еще 300 синоби. Всего под началом у Тории Мототады было около 2000 воинов.

Несмотря на многократное превосходство врага, крепость продержалась 10 дней и, возможно, простояла бы и дольше, если бы не предатель, семью которого Исида пригрозил распыть, не поджег главную башню замка. Тогда Мототада повел около 200 оставшихся в живых защитников крепости на вылазку и отбросил врага. Когда в живых осталось всего 10 воинов, он удалился во внутренние покои пылающего замка, чтобы совершить харакири. В это время в зал ворвался Сайга Сигэтомо Магоити, предводитель ниндзя из Сайга, и подбежал к нему с копьем наперевес. Но, когда Тории назвал свое имя, он остановился, дождался пока доблестный воин не совершил сэппуку и лишь после этого отрубил ему голову, которую затем выставили на Столичном мосту в Осаке. 6 сентября замок Фусими пал, но обошлось это Исиде очень недешево: в боях он потерял 3000 своих лучших воинов.

Многие буси из Кога погибли при защите Фусими. Свою смерть в бою нашел и Гэнта Кагэмицу нюдо, младший брат Ямаоки Митиами. После победы при Сэкигахаре Иэясу решил воздать по заслугам буси из Кога и создал отряд Кога-гуми из потомков погибших при защите Фусими ниндзя в составе 70 полицейских (ёрики) и 100 стражников (досин). Начальником его был назначен Ямаока Митиами, которому было подарено имение в провинции Оми с доходом в 9000 коку, 4000 из которых должны были идти на содержание Кога-гуми.

Митиами был четвертым сыном Ямаоки Нарисаку-но Ками Кагэюки. В молодости он постригся в монахи, принял буддийское имя Сэйхэй и поселился в храме Кодзё-ин в знаменитом монастыре Мии-дэра. Как это часто случалось с буси периода Сэнгоку-дзидай сначала он служил сёгуну Асикага, затем Нобунаге, а после убийства Оды – Хидэёси. После смерти Хидэёси Митиами поступил на службу к Токугаве Иэясу и во время битвы при Сэкигахаре совершил немало подвигов.

Постоянным местом дислокации отряда Кога-гуми стал квартал Кога-мати в г. Аояма. Днем рождения Кога-гуми был объявлен день памятного сражения за замок Фусими 1 сентября 1600 г. В уезде Кога в этот день каждый год проводились празднества и моления духам погибших в тот день героев, а по прошествии 250 лет со дня этого сражения в 1849 г. сёгунское правительство предоставило 70 пластин серебра на проведение заупокойной службы по погибшим. В это время во многих населенных пунктах уезда Кога появились надгробные памятники в честь героев обороны Фусими.

Ямаока Митиами пользовался большим доверием у Иэясу. Это подтверждается следующим фактом. Так как у Митиами не было детей, он решил усыновить Ямаоку Синтаро Кагэмото, сына Ямаоки Кагэмото, заведующего библиотекой сына Ямаоки Кагэнори. Первая официальная встреча Митиами с будущим наследником восьмилетним Кагэмото состоялась 3 октября 1603 г. В этот день сёгун Токугава Иэясу самолично посетил усадьбу Митиами и подарил ему замечательный меч-вакидзаси из коллекции Такэды Сингэна.

Гарнизон Фусими выполнил свою задачу и задержал врага до подхода основных сил Токугавы. По всей стране разгорелась широкомасштабная война, в которой приняли участие едва ли не все тогдашние даймё. В сражениях обе стороны активнейшим образом использовали ниндзя из Ига и Кога и многих других кланов, которые продемонстрировали в то время чудеса доблести и мастерства. Однако лучше всего показали себя ниндзя из Ига, служившие Токугаве. Тайная агентура, созданная знаменитым Хаттори Хандзо наглядно продемонстрировала свое превосходство в этот период. Благодаря умелым и ловким действиям «садовников», Иэясу всегда на шаг опережал своих врагов и был в курсе всех их коварных замыслов.

Нинпо княжества Сацума

21 октября 1600 г. армия Токугавы сошлась в решающей битве с войсками врага неподалеку от селения Сэкигахара, что на восточном побережье озера Бива. Это было грандиозное сражение, в котором участвовали около 160000 воинов! Токугава Иэясу сумел

одержать решительную победу. В битве обе стороны активно использовали отряды синоби. На стороне Токугавы сражались ниндзя из отрядов Ига-гуми и Нэгоро-гуми, многие госи из Кога. На стороне его врагов тоже были ниндзя из Ига, например, отряд князя Мори. Но больше всего в этом бою прославились сутэ-камари даймё Симадзу, воевавшего против Токугавы.

Слово «сутэ-камари» составлено из двух глаголов: «сутэру», что значит «выбрасывать, оставлять, забрасывать», и «кагамару» – «гнутья, пригибаться, наклоняться». Сутэ-камари представляли собой особые диверсионно-разведывательные группы, которые забрасывались во время сражения в межпозиционное пространство или оставлялись для прикрытия отхода армии. Укрывшись в траве или кустах они вели снайперский огонь из мушкетов и истребляли военачальников врага. Такая тактика получила название «сутэ-камари-но дзюцу». Существует и несколько иная, но довольно любопытная трактовка сущности этого метода. Согласно ей сутэ-камари-но дзюцу – это «искусство лежать неподвижно и не подавать признаков жизни». Ниндзя из Сацумы якобы с детства обучали своих детей прикидываться убитыми, принимать и сохранять часами неудобные позы. Они учились изо-бражать человека со сломанной ногой или рукой, с перебитым по-звоночником или сломанной шеей. Противник, ничего не подозревая, подходил к «убитому» или просто проходил мимо, и в этот момент «мертвец» оживал и наносил разящий удар. Ниндзя из Сацумы довели это искусство «ловушки из живых тел» до совершенства, используя при этом свое стрелковое искусство. И князя Симадзу стали использовать его активнейшим образом. Когда войска Симадзу отступали, они оставляли за собой целые поля якобы убитых ниндзя. Как только войска противника приближались к телам и углублялись в эти «мертвецкие поля», ниндзя открывали огонь из ружей, которые прятали под своими телами.

Этот прием был с большим успехом использован в битве при Сэкигахаре. Когда Симадзу начали отступать под ударами войск Токугавы, Симадзу Ёсихиро приказал своим ниндзя прикрыть отступление с помощью сутэ-камари-но дзюцу. Как только передовой отряд преследователей, который возглавлял Ии Наомаса, поравнялся с горами «убитых», диверсанты Симадзу открыли огонь из мушкетов. Одна пуля пробила живот лошади Ии Наомасы и ранила генерала в локоть. Лошадь рухнула, придавив седока. На помощь полководцу бросились его телохранители, закрыли его своими телами, извлекли из-под убитой лошади и повезли в лагерь для оказания помощи. Преследование Симадзу пришлось прекратить. Первую помощь Наомасе оказал один из его главных вассалов Миура Ёмон Мотосада, командир ниндзя из Ига на службе клана Ии. Его представил Наомасе в 1583 г. сам Иэясу, беспокоившийся за жизнь одного из своих самых талантливых военачальников. Ии Наомаса чрезвычайно ценил таланты Миуры и выделил ему жалованье в 650 коку риса, а в 1608 г. увеличил его до 824 коку.

Миура был дзёнином. Он прекрасно разбирался во всех тайнах «ночных демонов». И все же он не сумел уберечь господина от «искусства лежать неподвижно и притворяться мертвым». Этот промах оказался роковым для Наомасы.

Поскольку пуля была выпущена вражеским ниндзя, она вполне могла быть отравлена. Поэтому врачевать Наомасу стал именно Миура, поскольку считалось, что только ниндзя мог дать противоядие от яда, примененного другим «невидимкой». К тому же в семье Миуры издревле изучалась военно-прикладная медицина и анатомия.

Вероятно, пуля, попавшая в локоть Наомасе, действительно была обработана ядом, и кровотечение никак не прекращалось. Миура Ёмон всячески пытался облегчить страдания господина и давал ему пить какие-то тайные отвары «черной медицины», в которую были посвящены только ниндзя высшего уровня. Но увы, все усилия Миуры и других врачей оказались напрасными – от казавшейся пустяковой раны Ии Наомаса скончался.

Благодаря победе в битве при Сэкигахаре Токугава Иэясу смог расправиться со своими самыми могущественными врагами и в 1603 г. принял титул сёгуна и основал новый сёгунат со столицей в г. Эдо. Однако борьба была еще далека от завершения. Оставался в живых Тоётоми Хидэёри, официальный наследник Хидэёси, и многие даймё продолжали поддерживать его. Но пока в стране воцарился мир.

Одержав убедительную победу в битве при Сэкигахаре, Токугава продолжил политику Оды и Тоётоми, направленную на искоренение всех враждебных даймё, лиг, религиозных объединений. Многие князья, сражавшиеся на стороне его врагов, были обезглавлены, совершили сэппуку или лишились своих владений. Многие группы ниндзя потеряли нанимателей и были вынуждены либо поступить на службу к сёгунату, либо заняться разбоем. Вообще положение старинных кланов ниндзя в это время было довольно сложным. Поскольку войны на время прекратились, спроса на их услуги не стало. Ниндзя лишились привычного заработка шпионским и диверсионным ремеслом. Тогда ниндзя из Ига, располагавшие огромными шпионскими сетями, стали наниматься на службу к купцам из г. Сакаи, чтобы выведывать торговые и производственные секреты у их конкурентов. С тех пор в жаргоне Ига-моно прочно утвердился термин «Сакаи-си» – «служба в Сакаи». Хотя сами ниндзя из Ига пренебрежительно относились к такой неинтересной и бесславной работе, на некоторое время она стала их единственным источником дохода. Возможно, это был первый случай в мировой практике, когда шпионы использовались в целях коммерческого шпионажа.

Намного лучше было положение синоби, поступивших на службу к сёгуну и объединенных в особые «шпионские отряды» (синоби-гуми) – Ига-гуми, Кога-гуми, Нэгоро-гуми. Отряду Кога-гуми была доверена охрана трех главных ворот замка Эдо, а отряд Ига-гуми охранял внутренние покои самого князя. По сообщениям источников, оба отряда включали приблизительно по 200 синоби, но, возможно, численность их изменялась во времени. Так в материалах проверки строительного персонала во время работ по расширению замка Эдо в июне 1636 г. содержится запись о Тодо Такацугу из города Уэно провинции Ига, в которой он назван «Начальником над 500 синоби». Отсюда мы можем заключить, что к тому времени количество солдат в Ига-гуми увеличилось до 500 человек. Что касается Нэгоро-гуми, третьего отряда синоби, то он выполнял полицейские функции в столице.

Такое большое количество синоби в столице привело к тому, что сёгунское правительство (бакуфу) было вынуждено предоставить им землю для расселения. В результате в Эдо появились кварталы Ига-тё и Кога-тё. Все воины из синоби-гуми получали солидное жалование и находились на привилегированном положении. В их функции входили сопровождение и охрана сёгуна во время парадных и ритуальных выездов.

Впрочем, неплохое денежное содержание в условиях отсутствия войн не способствовало сохранению шпионских навыков синоби, которые все больше превращались в обычных солдат-асигару. Для примера, можно сказать, что во время последовавшей через несколько лет осады замка Осака воины из синоби-гуми Токугавы не совершили никаких особых подвигов, в отличие от знаменитых невидимок из Ига и Кога, служивших Санаде Юкимуре, который сражался на стороне Тоётоми Хидэёри.

В промежутке между битвой при Сэкигахара и осадой замка Осака в 1615 г. произошло одно любопытное событие – мятеж ниндзя из Ига-гуми. Дело было так. Хаттори Хандзо Ивами-но Ками Масанари, наследник знаменитого дзёнина Хаттори Хандзо, возглавивший Ига-гуми после смерти своего отца, оказался весьма буйным и своенравным человеком. Не прошло и 10 лет со дня смерти Хандзо, как Масанари из-за своего недостойного поведения попал в немилость к сёгуну и был отдан на поруки дедушке по материнской линии Мацудайре Садакацу. Но беспокойный синоби не уговорился и уже на следующий год учинил большой скандал. Он жестоко притеснял синоби Ига-гуми и эксплуатировал их словно прислугу. Например, во время строительства собственного дома он заставлял их выполнять различные хозяйственные работы, начиная со штукатурки и кончая рубкой леса. А если кто-то из солдат не подчинялся его приказам, Масанари уменьшал им жалование. Тогда 200 синоби, возмущенные таким обращением, послали тайный донос Главному управляющему. Вооружившись луками и ружьями, они затворились в храме и отказались повиноваться. Однако бакуфу арестовало и приговорило к смертной казни десятерых предводителей стражников. Жены и дети тех, кто сумел бежать, были взяты в качестве заложников. Были и такие, кто явился с повинной или совершил харакири. Судьба еще двух солдат осталась неизвестной.

Масанари же в гнев бродил по городским улицам с намерением зарубить любого стражника из Ига-гуми, попавшегося ему на глаза. Случайно он наткнулся на слугу из сопровождения Ина Кумалзо Таланугу и, по ошибке приняв его за солдата из своего отряда,

зарубил среди бела дня. Слуга скончался на месте. Поскольку Ина Кумадзо Тадацугу был губернатором 8 провинций Канто и пользовался большим доверием Токугавы, кара за это преступление была неотвратима. Хотя в то время случаи пробы нового меча на случайных прохожих на улицах Эдо были страшной реальностью, убийство слуги столь высокопоставленного человека обернулось для Масанари потерей должности и видного общественного положения. Более того, Масанари лишился самурайского звания.

Командование же над стражниками Ига-гуми было разделено между четырьмя военачальниками асигару (асигару-тайсё): Окубо Таданао, Кумэ Сигэкацу, Хаттори Накаясу и Като Масацугу. Отряд Ига получил свободные земли в Ёцуя (квартал Эдо), где появились так называемые Южный и Северный кварталы Ига.

Изгнание даймё Цуцуи. Ига – владение Тоды Такаторы

После Тэнсё Ига-но ран провинция Ига по распоряжению Оды Нобунаги перешла во владение Вакасаки Дзинна, который в 1584 г. после смерти Оды по распоряжению его преемника Тоётоми переехал в провинцию Авадзи, где ему был предоставлен новое поместье. А провинция Ига перешла в руки Цуцуи Садацугу, ранее владевшего замком в горах Ига. Цуцуи управлял Ига на протяжении 23 лет до 1607 г., когда Токугава Иэясу, разозленный его неповиновением, сослал его в Ивасиро, что на самом севере Хонсю.

В период войны при Сэкигахаре Цуцуи Садацугу воевал на стороне Токугавы, но в самом решающем сражении участия не принимал. Дело в том, что в это время на провинцию Ига напал Синдзё Суруга-но Ками, представитель старинного рода ниндзя и один из военачальников Исиды Мицунари. В это время старший брат Цуцуи Гэмбаносукэ бросил свой замок и бежал на гору Коя. Из-за этого Садацугу пришлось развернуть свои войска, двигавшиеся на восток, и вернуться в замок Уэно, где он и оборонялся до самого конца войны.

После разгрома врага Токугава Иэясу решил, что этот даймё, назначенный Тоётоми Хидэёси, попросту вел двойную игру, рассчитывая на победу антитокугавской коалиции, и сослал его в край Дэва. Понимая, что силы Осаки окончательно еще не подорваны, и продолжение военных действий неминуемо, Токугава решил, что очень важно установить полный контроль над Ига, через которую проходила дорога, соединявшая восток и запад Хонсю. К тому же, Ига была замечательным источником прекрасно подготовленных шпионов, которыми комплектовалась секретная служба семьи Токугава. Для решения этой задачи Иэясу решил передать провинцию в ведение какого-нибудь преданного вассала, но для этого сначала надо было разделаться с Садацугу. Для того, чтобы найти повод для его устранения, была проведена замечательная операция, разработанная на основе известной уловки ниндзя миномуси-но дзюцу – «метод червя в теле». В разработке ее активное участие принял Хаттори Хандзо Масанари.

По плану, разработанному ниндзя, следовало организовать мятеж среди вассалов Садацугу и обвинить его в небрежном отношении к обязанностям правителя. К участию в операции было решено привлечь одного из главных вассалов Цуцуи по имени Наканобо Хида-но Ками, который доводился родственником Иэясу. Наканобо был опытным интриганом. Известно, что еще до битвы при Сэкигахаре он поссорился с Симой Саконом, одним из главных вассалов семьи Цуцуи, и добился его отставки. Поэтому, начав действовать по сценарию Хаттори Масанари, он легко сумел сколотить группу заговорщиков, в которую вошли такие вассалы Цуцуи как Наканиси Корэясу, Ии-но Ками Дзюро и Фусэ Магобэй. Когда все приготовления были окончены, Наканобо устроил ссору с Аитой Окасивой, самым главным вассалом семьи Цуцуи. Скандал едва не перерос в прямое военное столкновение, и пока Цуцуи пытался решить, кто прав, а кто виноват, Наканобо выехал в Нару и подал жалобу бакуфу на беззакония Садацугу. Садацугу и Окасива были вызваны в суд, где, как и было задумано, Наканиси Корэясу, Ии-но Ками Дзюро и Фусэ Магобэй выступили с обличительными речами против них. В итоге Цуцуи Садацугу был признан виновным и приговорен к ссылке. По некоторым данным, в краю Дэва он покончил с собой, выстрелив из мушкета в живот, но точных данных на этот счет нет. А «черви», подточившие власть Садацугу, были щедро награждены Токугавой. Так, Наканобо, Наканиси и Ии-но Ками получили по 3000 коку, а

последний еще и новое имя – Вакаса-но Ками. Фусэ Магобэй получил 800 коку. Этот эпизод прекрасно иллюстрирует тактику Иэясу в отношениях с даймё, в которой принцип «разделяй и властвуй» занимал главное место.

После устранения Цуцуи Иэясу подарил замок в Ига Уэно своему верному вассалу Тодо Такаторе, передал ему всю провинцию Ига и часть провинции Исэ с годовым доходом в 220000 коку (позже доходность увеличилась до 323000 коку) и приказал укрепить замок Уэно и установить контроль за семьями ниндзя.

Выполняя приказы Иэясу, Такатора сильно укрепил Уэно и составил списки ниндзя из Ига. Он назначил своим советником Ясуду Унэмэ, родственника знаменитого Хаттори Хандзо. Ясуде была пожалована фамилия Тодо. Он был возведен в самурайское сословие (а вслед за ним и все остальные ниндзя из Ига), назначен главным вассалом (дзюсин) и стал активно участвовать в управлении провинцией.

Ниндзя пользовались огромным вниманием со стороны Тодо и самого Иэясу, которые делали все возможное, чтобы привлечь их на свою сторону. Ниндзя низшего уровня, гэнины, были прикреплены к тюнинам, ставшим вассалами семьи Тодо, и поселены в особом квартале Синоби-тё в приамковом городке Уэно. По требованию бакуфу, все они были занесены в специальный реестр «Ига-цуки сасидаси-тё» и служили основным источником агентов для тайной службы сёгуната.

По прошествии некоторого времени Такатора выстроил себе новый замок в местечке Цу, поселился в нем, а бразды правления передал смотрителю замка Уэно. Первым смотрителем Уэно-дзё стал Тодо Идзумо-но Ками Такакиё. Советником при нем был Тодо (Ясуда) Унэмэ, которому было поручено вести делами ниндзя. А несколько позже, в 1642 г., после смерти Идзумо-но Ками Такакиё Тодо Унэмэ сам стал смотрителем замка Уэно, и его потомки занимали эту должность до самой революции Мэйдзи во второй половине XIX в.

По-видимому, управление провинцией Ига было теснейшим образом связано с установлением контроля за ниндзя. Для этого сёгунское правительство приложило немало усилий, начиная с предоставления ниндзя права иметь фамилию и носить меч, что способствовало повышению их статуса. Кроме того, семьям ниндзя были предоставлены большие льготы в уплате ежегодных налогов. Взамен от них требовалось осуществлять охрану замка семьи Тодо, патрулировать горные пустоши, передавать сообщения при помощи сигнальных дымов. Всем гэнинам были предоставлены значительные земельные участки. И таким образом они превратились в военных поселенцев, которые занимались сельским хозяйством и одновременно несли военную службу. Все ниндзя были включены в единую организацию, носившую странное название «мусокунин» – «безногие люди». Каких только версий не выдвигалось, чтобы объяснить происхождение этого названия! Некоторые предлагали поменять иероглифы местами, и тогда получается слово «сокумунин», которое по-другому можно прочесть как «таринай хито» – «человек, которому чего-то не хватает». Полагают, что так первоначально называли мятежников, которые постоянно были недовольны правительством и то и дело устраивали бунты. Другие напоминали, что в период Камакура воинов, которые не получали жалования, называли «мусоку», то есть «безногие». Однако самым правдоподобным выглядит объяснение Окусэ Хэйситиро. Он указывает, что в нин-дзюцу существовал принцип «санму-нин» – «3 [свойства], которых у ниндзя нет». Первое свойство, которого у ниндзя нет, – это звук шагов. Ниндзя должен двигаться беззвучно, словно у него нет ног, по-японски – мусокунин, только «нин» здесь означает не человек, а «синоби», «ниндзя».

Шпионаж во время осады замка Осака

Осенью 1615 г. грянула гроза: армия Токугавы Иэясу двинулась на Осаку, последний оплот Тоётоми Хидэёри. Это было столь неожиданно, что сам Хидэёри всего за несколько дней до выступления сёгуна отказался от большой партии пороха, которую тут же перекупили его враги. Тем не менее восточная армия шла на Осаку с единственной целью сжечь ее дотла и искоренить семя Тоётоми.

Захватить осакский замок было совсем непросто. Эта твердыня была выстроена на месте

знаменитого монастыря Исияма Хонган-дзи, который выдержал многолетнюю осаду Нобунаги. Несколько поясов рвов, валов и мощных стен отделяли его от округи, а с одной стороны к стенам замка подступало море. Замок был выстроен с учетом всех достижений европейской фортификации и мог выдержать обстрел тяжелейших орудий, а его гарнизон составлял ни много, ни мало 90000 воинов! Такая огромная армия была набрана из ронинов, которые потеряли своих господ в битве при Сэкигахаре, и жаждала свести счеты с Токугавой. Немалое число воинов было завербовано из японских христиан, чью религию Токугава строжайше запретил в 1614 г. Кроме того в обороне принял участие и особый женский корпус, подчинявшийся Ёдогими, матери Хидэёри. Осака имела колоссальные запасы продовольствия, воды и вооружения и была способна обороняться в течение нескольких лет. Короче, во всей Японии не было более неприступной крепости, чем замок Осака.

Токугава двинул на Осаку огромную по японским меркам армию в 180000 воинов. Однако осада шла ни шатко, ни валко. Мощные укрепления замка и искусные действия полководцев Хидэёри срывали все попытки штурма замка. Особо следует отметить доблестного Санада Юкимура, который немало насолил Токугаве при помощи своих замечательных «невидимок».

В роду Юкимуры издревле передавались традиции нин-дзюцу, и он был замечательным знатоком всех уловок «воинов ночи». Во время осады Осаки войсками Токугавы Юкимура выстроил особое укрепление из частокола для своего отряда. Официально оно по имени военачальника именовалось «Санада-мару» – «укрепление Санады», но солдаты называли его «синоби-мару» – «укрепление синоби», так как на службе у Юкимуры состояли 50 ниндзя Кога.

Ближайшими соратниками Юкимуры были так называемые «10 храбрецов Санады», в число которых входили выдающиеся мастера различных видов бу-дзюцу, в том числе и 2 знаменитых ниндзя: Сарутоби Сасукэ из Кога и Киригакурэ Сайдзо из Ига, о подвигах которых повествуют сотни легенд, написаны десятки книг и пьес, снято множество художественных фильмов.

Имя Сарутоби Сасукэ ныне знают, пожалуй, все японцы до единого. Он стал своеобразным символом необычных возможностей ниндзя, их фантастического мастерства, воплотил в себя лучшие черты знаменитых шпионов средневековья: мужество, смелость, верность, блестящее владение телом. Иными словами, Сарутоби Сасукэ – это супер-ниндзя. Впрочем, до сего дня продолжают споры о том, существовал ли такой человек в действительности, или же образ Сарутоби – создание популярного осакского издательства «Татикава-бунко», которое первым стало издавать книги о ниндзя. Существует множество версий, идентифицирующих этого человека с тем или иным реальным лицом, известным из источников.

По одной версии, Сасукэ был сыном Васидзу Садаю, гози из провинции Синано и вассалом знатного самурая Мори Бидзэн-но Ками. Когда Сасукэ было 12 лет, отец отдал его на обучение к знаменитому наставнику нин-дзюцу Кога-рю Тодзаве Хакуунсаю, который в то время жил на горном перевале Тории в Синано. Три года продолжалось учение Васидзу Сасукэ, после чего Тодзава-сэнсэй заявил, что обучение закончено, и подарил ему как лучшему ученику драгоценный боевой веер тэссэн, инкрустированный серебром, и свиток с тайным трактатом по нин-дзюцу. В то время Сасукэ было 15 лет.

Однажды в этот район приехал на охоту знаменитый полководец Санада Юкимура, которому довелось увидеть, как некий молодой человек прыгал с ветки на ветку словно обезьяна. Санада немало подивился такому странному мастерству. Он наградил Сасукэ новым прозвищем «Сарутоби» – «Прыгучая обезьяна», после чего Васидзу Сасукэ стал именоваться Сарутоби Сасукэ Кокити.

Фудзита Сэйко выдвинул предположение, что прообразом для Сарутоби Сасукэ послужил гэнин из Ига по прозвищу Симоцугэ Кидзару, славившийся необычайной ловкостью и умением лазить и прятаться на деревьях, о чем свидетельствует сам его псевдоним, ведь «Кидзару» значит «Древесная обезьяна». Кроме того, настоящее имя Симоцугэ Кидзару было Уэдзуки Сасукэ.

А по версии известного историка и писателя-беллетриста Сибы Рётаро, Сарутоби Сасукэ был выходцем из знаменитой семьи гози Микумо, входившей в 53 клана Кога и построившей неприступный замок на горе Кизэй в Кога. В период Сэнгоку-дзидай Микумо Синдзаэмон

Ёсимоти, предок Сасукэ, служил клану Сасаки, занимался для него шпионажем и участвовал в знаменитом разгроме армии сёгуна Асикаги Ёсихисы в 1487 г.

Поскольку род Сасаки был истреблен Нобунагой, Микумо Ёсиката, сын Синдзаэмона Ёсимоти, был вынужден скрываться в горных лесах. Он взрастил трех сыновей. Двое старших служили в качестве ниндзя таким князьям как Уэсуги, Цуцуи и др. Младший же сын, Сасукэ, оставался при отце, который заставлял его постоянно тренироваться в нин-дзюцу. «Когда Сасукэ было 10 лет, [его отец] Синдаю заставлял его взбираться на утесы на горе Киэй. Он заставлял его вставать на вершины скал и, держа за ноги, бил ногами по туловищу, и мальчик падал с высоты в 10 дзё. Сделав в воздухе 9 оборотов сальто, Сасукэ приземлялся на ноги на отмель в долине внизу. И при этом, он даже не замачивал одежду!» – так описана тренировка Сарутоби Сасукэ в старинной книге «Мэйкэй дзисэки». Прозвище «Сарутоби» Сасукэ получил именно за эту невероятную ловкость.

Таким образом, возможно, что настоящее имя Сасукэ было Микумо Сасукэ Ёсихару. После смерти отца, Синдаю Ёсикаты, он спустился с гор Кога и, используя старые связи родителя, поступил на службу к Санаде Юкимуре.

Став агентом Санады, Сасукэ стал странствовать по всей стране, собирая информацию о деятельности враждебных даймё и уничтожая вражеских ниндзя. В своих странствиях Сасукэ наказал немало князей, предавших Тоётоми и заигрывавших с Токугавой. В частности, он отправил на тот свет владельца замка Окаяма Укиду Сю.

Сохранилось множество легенд о приключениях Сарутоби. В большинстве своем они носят совершенно фантастический характер. Вот, например, что рассказывают предания о его схватке с Ямамото Кухэем, шпионом на службе даймё Хосокавы Тадаоки из Огуры, что на Кюсю, получавшим за свою службу невиданное жалованье – 10000 коку!

В поединке, который состоялся во дворе замка Хосокавы, Кухэй решил использовать ка-дзюцу («методы применения огня») и неожиданно окружил Сасукэ огненной стеной. Тогда Сарутоби прокричал: «Я-а-а!» – И откуда ни возьмись водопадом хлынула вода, буквально затопившая двор. Огонь тут же потух, и на открытой галерее показалась фигура Ямамото Кухэя, который как раз сложил руки в один из знаков кудзи-ин. Поскольку магия его была слабее, чем у Сасукэ, Кухэй решил испробовать более простой способ и с криком «Эй!» метнул в Сарутоби сюрикэн. Фигура Сасукэ мгновенно исчезла, а брошенный сюрикэн остановился прямо в воздухе. Хитрый ниндзя Кога перехватил его и тут же метнул в Кухэя. Кухэй мгновенно «растворился». Но вскоре с верхушки дерева, стоявшего посреди двора, раздался возглас: «Черт возьми!» – И показался Кухэй, рукав которого был пришпилен сюрикэном к сосне, где он примостился. Ямамото быстро выдернул сюрикэн и спрыгнул на землю. Потом он схватил большой камень, поднял его над головой и швырнул в воду, напущенную Сасукэ. Но не успел он сделать это, как камень был выброшен из воды обратно и снова оказался у него в руках. И тут под огромной тяжестью глыбы Кухэй провалился под землю и таким образом нашел свой конец.

Конечно же, это сказки. В действительности же известно, что Сарутоби был знаменит своим обезьяньим проворством в акробатике и рукопашном бою. Он потратил долгие годы на усердные тренировки и превзошел большинство лазутчиков в физической подготовке. Про него рассказывали, что он даже жил на деревьях, качаясь и свисая с ветвей, как это делают обезьяны, которым он во всем старался подражать.

Благодаря таким тренировкам, Сарутоби приобрел такую ловкость, что даже небольшой отряд врага, не говоря уже об одном человеке, не был способен справиться с ним в рукопашной схватке. Прыгучая обезьяна мог уклоняться от самых быстрых ударов мечом, выпрыгивая высоко вверх и припадая к земле, молниеносно разрывал дистанцию, и ни один укол пикой не мог достать его. Бесплодные попытки прикончить ниндзя не раз приводили врага в раж, но в конце его неизменно ждало разочарование: поиздевавшись вдоволь над противником, Сарутоби молниеносно убегал и скрывался в чаще.

Однажды Сарутоби был послан на разведку в замок Токугавы. Он сумел успешно проникнуть в резиденцию сёгуна и даже подслушал секретное совещание полководцев Иэясу. Но когда он попытался выскользнуть из замка, его заметили охранники и немедленно забили тревогу. Однако Сасукэ был спокоен, ведь он не раз уже бывал в таких переделках. С помощью

миниатюрного трамплинчика, который он заранее припрятал в саду, Сарутоби буквально взлетел на высокую стену, ускользая от стражников.

Оказавшись на гребне стены, Сарутоби спокойно побежал вдоль нее, а потом спрыгнул с нее и... угодил прямо в медвежий капкан! Так как воины сёгуна уже приближались, отважному лазутчику ничего не оставалось, как отрубить мечом собственную ступню. Сасукэ перевязал ногу жгутом, за который сошел шнур от меча, поднял отрезанную часть ноги и захромал прочь. Однако уйти от погони ему было не суждено. Чрезвычайная боль и большая потеря крови от ампутации не оставляли ни шанса на спасение. Стоя на одной ноге, он прокричал проклятия своим преследователям и покончил с жизнью, перерезав яремную вену мечом. Охранники сёгуна, обозленные неудачей захватить знаменитого ниндзя живьем, бросили его труп в ров с водой, окружавший замок. Так погиб супер-ниндзя Сарутоби Сасукэ.

Товарищем Сарутоби был другой знаменитый ниндзя – Киригакурэ Сайдзо (настоящее имя – Киригакурэ Рокуэмон) из Ига. Сначала он был вассалом семьи Асина, а позже верой и правдой служил Санаде Юкимуре. Впрочем, Киригакурэ всегда оставался в тени из-за того, что рядом с ним блистал великолепный Сарутоби, которому Сайдзо проиграл в состязании в шпионском искусстве, после чего под начало к Сарутоби перешли несколько способных ниндзя из отряда Киригакурэ: Кумокадзэ Гунтодзи, Кайун Ёсицугу, Рюкан Тэнроку и другие. Может быть, оттого и легенды зачастую выставляют его неудачником. Например, согласно одной истории, Киригакурэ был однажды схвачен при выполнении задания. А дело было так.

Одной душной летней ночью Киригакурэ проник в замок влиятельного князя Киноситы Токитиро и тихо притаился под полом. Однако внимательный охранник сумел разгадать уловку шпиона и сквозь пол пронзил ему плечо копьем. Ошибка Сайдзо состояла в том, что он не обратил внимание на необыкновенную активность москитов, с гудением носившихся вокруг него. Зато стражник не пропустил этот чрезвычайно важный знак, свидетельствующий о присутствии человека. В итоге он ловко пригвоздил Киригакурэ к земле, после чего взять его в плен для мэакаси уже не составляло труда.

Впрочем, как выяснилось позже, эта неудача обернулась неожиданной удачей для Сайдзо. В тот самый момент, когда он был пришпилен к полу, другой ниндзя, Такигути Ясукэ, посланный убить Киригакурэ, уже незаметно подкрадывался сзади, чтобы прикончить своего врага одним уколом ядовитого кинжала. Появление же охраны сорвало все планы коварного Ясукэ. Да и князь оказался на редкость милосердным и отпустил неудачника на волю с условием, что тот никогда не будет заниматься шпионажем против него. О судьбе Сайдзо после падения Осаки нам ничего не известно.

По совету ниндзя Санада Юкимура возвел башню, которая нависала надо рвом, окружавшим Осацкий замок. Оборонительный ров давным-давно высох, и, несмотря на глубину, не был серьезным препятствием для осаждающих. Башня же позволяла вести прицельный огонь по нападающим, скапливавшимся во рву.

Это укрепление Санады немало беспокоило военачальников осаждающей армии и, в конце концов, они решили его разрушить. Темной ночью войска Ии Наотаки под его личным командованием тихо вошли в ров и начали окружать замок. Ров был полон камней и грязной жижи, поэтому двигаться было крайне трудно. К тому же густой туман мешал ориентировке, и отряды нередко сталкивались друг с другом. Вскоре стало ясно, что план нападения крайне неудачен, но Ии Наотака все же решил попытаться довести его до конца.

Синоби Санады давно уже заметили противника и лишь ждали, пока он подойдет поближе. Когда туман совсем сгустился, со стены на нападающих, скопившихся во рву, посыпался град стрел и камней, загремели мушкетные выстрелы. Наотака понял, что операция окончательно провалилась и, чтобы сохранить войска, отдал приказ отходить. Но в сильном тумане, в условиях паники, поразившей его солдат, этот приказ не был услышан. Воины заматались по рву. Некоторые пытались штурмовать стены. Наотака понимал, что в этом хаосе он рискует лишиться всех своих воинов, но был бессилен помешать этому. И здесь на помощь ему пришел хитроумный ниндзя Миура Ёэмон. В руку ему попала стрела, но он лишь отломил ее древко, оставив наконечник в руке. Понимая опасность ситуации, Ёэмон бросился на свою сторону рва. Туда же выскочили его ниндзя-подчиненные, пре-красно ориентировавшиеся и в темноте и в тумане. И тут Миура нашел выход из создавшегося положения. выход блестящий.

хотя и несколько жестокий. Он приказал своим ниндзя открыть огонь... по своим солдатам, метавшимся во рву! Воины, оказавшиеся под перекрестным огнем, подумали, что они окружены, и решили драться до конца. Пытаясь вырваться из «окружения» они всей массой ринулись на свой берег, надеясь смести в порыве «неприятеля». Благодаря этому отряд Наотакки благополучно отступил, нападая. Ии Наота-ка был столь восхищен находчивостью Миуры и его ниндзя, что пожаловал им специальную грамоту-рекомендацию.

В другой раз Иэясу приказал атаковать южный оборонительный рубеж замка, и отряды князя Маэды Тосииэ выдвинулись к укреплению Санады. Однако хитроумный Юкимура нашел способ извлечь пользу из этого маневра врага. Он послал на стену нескольких своих самых злословных самураев, которые принялись крыть врага по чем зря. Уловка удалась, и разъяренные воины Маэды беспорядочной толпой ринулись в атаку. Этого-то и добивался Юкимура: его воины буквально скосили вражеские шеренги метким огнем из мушкетов и аркебуз. На помощь попавшим в беду воинам пошел еще один отряд, но и его постигла та же участь. Наступление Токугавы сорвалось.

Иэясу понимал, что Осака была слишком неприступна, чтобы ею можно было овладеть приступом. Требовалась какая-то хитрость. Поэтому он приказал обстреливать замок в течение трех дней из всех орудий, а в это время его саперы и землекопы работали над подкопом под внешний пояс укреплений. Причем Иэясу ежедневно самолично проводил рекогносцировку укреплений врага, подвергаясь при этом большой опасности. И за это он едва не поплатился жизнью. Осажденные вскоре засекли перемещения его флэжка и буквально расстреляли из пушек и мушкетов одну из осадных башен, на которой в то время находился Иэясу. Лишь по счастливой случайности он не пострадал. Да и план с подкопом провалился: воины Тоётоми вовремя засекли вражеские работы и провели контрмину.

Поскольку осада затягивалась, Иэясу стал искать сторонников внутри замка при помощи взяток, которые были обычным средством в условиях осадной войны. Подходящий предатель был найден, но, прежде чем он смог осуществить свое обещание – открыть ворота замка, мэцукэ Хидэёри укоротили его на высоту головы. Тогда Токугава попытался подкупить отважного Санаду, пообещав ему в награду за предательство целую провинцию Синано. Но подкупить храброго самурая было невозможно, и он тут же рассказал об этом всем в замке и поиздевался над бессилием сёгуна. Но все же подходящий человек был найден и стал поставлять ценную информацию о положении в Осаке.

Большую работу во время осады Осаки вели и Ига-гуми и Кога-гуми. По утверждению некоторых авторов, группу ниндзя из Ига возглавлял Хаттори Масанари. Отрядом Кога-гуми командовал знаменитый ниндзя Ямаока Кагэцугэ. В помощь этим отрядам были приданы ниндзя из провинции Суруга, которые, по некоторым сведениям, обучались у диверсантов Сацумы и стреляли снайперски. Миуре Ёэмону перед началом военной операции было поручено провести переговоры с ниндзя из Ига и договориться о цене их «услуг». Миура, пользовавшийся огромным авторитетом среди шпионских кланов, отправился в Ига, в район Набари, и без труда провел мобилизацию местных синоби. Все эти приготовления велись под личным наблюдением Токугавы.

Ниндзя была поставлена задача своими тайными методами ослабить защитников Осаки. Несколько раз, прикинувшись сторонниками Хидэёри, они проникали в крепость и разведывали ее оборонительные сооружения. Но их отчеты приносили мало пользы, скорее даже вселяли уныние – было ясно, что столь хорошо укрепленную крепость быстро не взять. Как-то раз 10 ниндзя, в очередной раз проникнув в замок, получили задание по-сеять вражду и недоверие между военачальниками Хидэёри. Вероятно, операция прошла удачно – один из видных самураев в Осаке сделал себе сэппуку, возмущившись недоверием своих соратников.

Большую роль в организации шпионажа против Осаки сыграл и Обата Канбэй Кагэнори, человек необыкновенной судьбы, выходец из знатного самурайского рода, променявший высокочтимое сословное положение на полную превратностей жизнь шпиона.

Предки Обаты владели замком Кацумата в провинции Тотоми. Когда главой клана был Обата Ямасиро-но Ками Торамори, на его земли обрушился могущественный князь Имагава, который разрушил замок и изгнал его хозяев. Обате пришлось бежать в провинцию Каи, где он поступил на службу к клану Такэда. В 1575 г., когда в памятной битве при Нагасино была

сокрушена мощь Такэды, и в его земли вторглась соединенная армия Оды Нобунаги и Токугавы Иэясу, будущему шпиону Обате Канбэю было всего 4 года. Вся его семья погибла в боях, враг подступал все ближе, и тогда верный вассал рода Обата Ино Мотоэмон подвесил люльку с малышом за спину и бежал в горы провинции Каи. Однако воины Токугавы обнаружили и окружили их, и Мотоэмон и маленький хозяин уже попрощались с жизнью, когда смиростивившийся Иэясу принял решение сохранить им жизнь. Иэясу сделал Обату пажом при своем дворе, а когда тот достиг совершеннолетия назначил ему рисовый паек в 200 коку и приблизил к себе. Обата оказался весьма даровитым мальчиком и изучил все тонкости традиционной школы военного искусства клана Такэда Косю-рю, стал прекрасным мастером бу-дзюцу. Так что бывшего беглеца ждала блестящая карьера. К тому же Иэясу так любил Канбэя, что у него даже появились завистники. Но восемнадцатилетний Канбэй неожиданно круто изменил свою судьбу и, не испросив разрешения у своего господина, покинул замок Токугавы и отправился в муся-сюгё⁶⁶ по всей стране. Однако Токугава несколько не прогневался на своего приемыша. Возможно, это бегство было запланировано самим князем, так как известно, что Обата вскоре стал шпионить на Токугаву.

В то время как Канбэй странствовал по всей стране, он приказал своему верному вассалу Ино Мотоэмону под именем Садзи Сукээмона проникнуть в замок Тоётоми Хидэёри, что тот и сделал, поступив к нему на службу в качестве личного секретаря. Он собирал всю информации о положении в Осаке и тут же передавал ее Канбэю, который далее сообщал ее уже самому Иэясу. Обата вел свою шпионскую деятельность столь искусно, что никто и не заподозрил, что он – агент Токугавы. И ему удалось выведать немало вражеских секретов и оказать огромную помощь своему господину.

После окончания осакской войны Обата вернулся в Эдо, где сёгун воздал ему по заслугам, назначив жалование в 1500 коку в год. После этого Обата Канбэй Кагэнори, доживший до 90 лет, занялся обучением знатных самураев тайным методам ведения боевых действий, захвата замков, фортификации, стратегии и шпионажу. Всего у него было несколько тысяч учеников!

Одновременно с ведением шпионской войны, Токугава, по совету своих ниндзя, прибег к войне психологической. Было решено воздействовать на самое слабое звено в руководстве замка – на Ёдогими, мать Хидэёри. Иэясу подослал к ней некую даму по имени Атя Цубонэ с заданием склонить Ёдогими к соглашению на основе подложных условий. А чтобы помочь Цубонэ в этом задании, Иэясу решил привести Ёдогими в соответствующее состояние духа. Для этого его артиллеристы повели безостановочную пальбу из всех орудий, основной задачей которой было не столько нанести урон врагу, сколько лишить Ёдогими сна. Лучшие канониры Токугавы стали метить по покоям матери Хидэёри, и, хотя ее комнаты были скрыты в глубине замка, одно из 13-фунтовых ядер, пробив стену, все же разнесло вдребезги чайный домик Ёдогими вместе с двумя служанками. А еще через некоторое время пушкарИ Иэясу всадили ядро в синтоистский храм, воздвигнутый в память Хидэёси, да так, что оно едва не оторвало голову самому Хидэёри.

В конце концов, в замке начались споры о заключении мира. Многие не доверяли сёгуну. Тому было много причин. У всех на слуху был относительно недавний пример коварства Токугавы: когда Иэясу осадил одну из крепостей Икко-икки, тоже начались переговоры, и был заключен мир на том условии, что буддийские храмы должны были быть возвращены к их изначальному состоянию. Едва военные действия прекратились, Иэясу приказал спалить все храмы дотла на том основании, что, по его мнению, изначальным состоянием монастыря были зеленые поля!

Пока в Осаке шли споры Токугава продолжал свою политику методичного психологического запугивания. По его приказу 100000 самураев начинали неожиданно кричать все разом перед крепостным валом, и, хотя стены от этого не падали, бедная Ёдогими тряслась от страха.

В конце концов был подписан мирный договор, пожалуй самый низменный в истории самурайства. Токугаве мир был не нужен, ему были нужны победа и власть. И после шоу

⁶⁶ Путешествие с посещением залов бу-дзюцу с целью овладения боевым искусством.

«ропуска» армии, которое свелось к демонстративному шествию отряда князя Симадзу до ближайшей гавани и обратно, воины Токугавы принялись засыпать внешний ров крепости, да к тому же не землей, а обломками внешнего пояса укреплений, так что через неделю от них не осталось и следа. Конечно представители Осаки протестовали против подобных действий, и когда они появились в лагере токугавского военачальника Хонды Масадзуми, чьи солдаты стали заваливать второй ров, тот заявил им, что его подчиненные неверно поняли его приказ и демонстративно приказал остановить работы. Но едва осакцы убрались восвояси, работы возобновились с удвоенной энергией. Тогда возмущенная Ёдогими отправилась в Киото и потребовала, чтобы Хонда Масанобу, отец полководца, урезонил сына. Старый самурай заверил Ёдогими, что отдаст распоряжение о прекращении разрушения укреплений, ... как только у него пройдет простуда! Через несколько дней Масанобу действительно выехал в Осаку и попенял Масадзуми за его «глупость». Но при этом он заявил Ёдогими, что, поскольку для восстановления рва требуется в десять раз больше времени, чем для его засыпки, а война не предвидится, этот ров вовсе не нужен Осаке.

Таким образом, несмотря на все противодействие осакцев, через 26 дней после начала работ второй ров был окончательно завален, и укрепления замка сократились до одной стены и одного рва.

В этих условиях становилось ясно, что новая война неизбежна. И действительно, через 3 месяца Токугава вновь выступил в поход против Осаки, причем предлогом для нарушения мирного договора послужило распоряжение Хидэёри о восстановлении второго рва, а также слух о том, что осакские ронины собираются грабить Киото.

Хидэёри успел восстановить значительную часть второго рва и собрал под свое знамя еще больше ронинов – более 120000. Численность же армии Токугавы точно неизвестна, но историки предполагают, что она насчитывала около 250000 воинов.

Осакская армия первой пошла в наступление, пытаясь разбить отряды Токугавы по частям и помешать восточной армии приблизиться к стенам Осаки. Но все было тщетно, и к концу мая токугавские полчища вновь окружили замок.

Началась летняя осада Осаки. Однако шла она ни шатко, ни валко. За время перемирия лагерь токугавской армии превратился в бедлам. Повсюду ходили жители окрестных деревень, прибывали какие-то самураи со своими отрядами в надежде снискать славу или награду от сёгуна, тут и там слонялись проститутки. В таких условиях не могло быть и речи о проведении серьезных боевых операций. К тому же любой лазутчик из замка мог без труда выведать все планы осаждающих и незамеченным скрыться. Лагерь нужно было срочно очистить от сброда. И тут на помощь вновь пришел хитроумный Миура Ёэмон со своими ниндзя. Они, не задумываясь, открыли огонь по лагерю! Несколько человек были ранены, тысячи разбежались, на месте остались лишь преданные Токугаве, проверенные в боях воины. Лагерь был моментально очищен.

Что касается ниндзя, то во время перемирия большинство из них вернулось на родину. Полагают, что они были недовольны низким жалованьем. Поэтому Токугаве пришлось даже послать Миуру в Ига, чтобы уговорить тамошних синоби явиться под Осаку. Переговоры были трудными, ниндзя Ига были сильно обижены малой суммой вознаграждения, но в конце концов вновь стали под знамена Токугавы. И постепенно токугавская армия стала брать верх.

В этих условиях шпионы Санады Юкимуры рыскали по окрестностям в надежде отправить на тот свет Иэясу и таким образом остановить вражеское нашествие. Но все было тщетно. И тогда сам Юкимура, который уже был в преклонном возрасте, одной из темных ночей пробрался из укрепления Санада-мару во вражеский стан. Там он бесшумно прикончил часового и, переодевшись в его доспехи, прокрался в ставку Токугавы. Он укрылся в яме под полом коридора, соединявшего палатку главнокомандующего с туалетом, подстерег Иэясу, возвращавшегося из отхожего места и всадил в него пулю из мушкета. Однако замечательная толедская сталь доспеха спасла жизнь Иэясу. Хотя в лагере поднялся дикий переполох и ловить Санаду бросилась вся охрана сёгуна, он сумел бежать в замок.

Еще через несколько дней Санада повторил свою попытку убить сёгуна. Пробравшись ночью по тайной тропе на гору Тяусу, где располагался основной лагерь Токугавы, и заложив и взорвав для отвлечения врага мину в лагере даймё Хирано. Санада во главе своих синоби напал

на ставку сёгуна. В этом бою Иэясу едва не лишился жизни, но вылазка все же была отбита охраной.

В Осаке понимали, что оборонительный потенциал крепости сильно упал со времени зимней осады. Поэтому было принято решение дать Токугаве генеральное сражение. 3 июня 1615 г. у стен монастыря Тэнно-дзи к югу от Осаки в решающей битве сошлись восточная и западная армии. Бой долгое время шел с переменным успехом, и даже сам Токугава получил удар копьем в спину близ почек. Но постепенно его войска повсюду перешли в наступление.

Посреди грохота сражения по рядам токугавской армии пролетело известие о гибели доблестного Санады Юкимуры. Гибель Юкимуры стала предметом изображения многих художественных и литературных произведений. В бою старый ветеран был столь истощен, что просто уселся в своем лагере на скамеечку, чтобы оценить обстановку. И тут в его вставку ворвался некий самурай по имени Нисио Нидзаэмон и вызвал его на поединок. У старого воина уже не было сил сражаться. Он просто назвал свое имя и совершил сэппуку.

Воодушевленные гибелью Санады, токугавские самураи столь усилили свой напор, что опрокинули западную армию и на ее плечах ворвались в Осаку. Через несколько часов замок погрузился в дым и пламя пожаров. Хидэёри удалился в главную башню замка. Ее тут же начали расстреливать орудия Токугавы, и она вскоре запылала. К 5 часам пополудни весь замок был в руках Токугавы. Дело Тоётоми было проиграно. Посреди хаоса Хидэёри и его мать Ёдогими совершили сэппуку. А Иэясу, уничтожив своих врагов, превратился в единственного властелина страны и заложил фундамент новой династии сёгунов, которой было суждено править Японией около 250 лет.

Глава 10

Ниндзя на службе сёгуната Токугава. Упадок нин-дзюцу

После падения Осаки Токугава Иэясу начал проводить политику жесткого и скрупулезно разработанного контроля над всеми даймё страны. Он понимал, что, несмотря на тяжелейшие поражения в битвах при Сэкигахаре и Осаке, его враги все еще могли оправиться и нанести ему или его наследникам предательский удар в спину. Поэтому Иэясу приложил все усилия для того, чтобы обезопасить сёгунат от возможных заговоров и мятежей.

Иэясу разделил все дворянство на несколько разрядов и категорий. Придворная аристократия кугэ, составлявшая окружение императора, была объявлена самым высоким разрядом феодального дворянства, хотя и не имела реального экономического и политического влияния в стране. Остальная часть дворян была отнесена к категории букэ – «военных домов», которая реально господствовала в Японии. Букэ в свою очередь разделялись на владетельных князей (даймё) и рядовых дворян (буси), которые, как правило, не имели собственных земельных владений, но получали рисовый паек от своего господина.

Владельцы крупных княжеств стали объектом самого пристального внимания сёгунов. Самый верхний слой даймё составляли симпан, связанные с сёгуном родственными узами. Остальных князей, в зависимости от их участия в битвах при Сэкигахаре и Осаке на стороне Токугавы или его противников, Иэясу поделил на две категории: фудай-даймё и тодзама-даймё. Фудай-даймё поддерживали Токугаву еще до его прихода к власти. С установлением сёгуната они превратились в прямых вассалов военного диктатора. В число фудай-даймё входило свыше 150 князей. Из них составлялись высшие правительственные органы, заполнялись вакансии наместников в провинциях.

Тодзама-даймё были опальной группировкой феодалов. 80 князей, более богатых и влиятельных, чем фудай-даймё, и не уступавших по экономической силе самому дому Токугава, рассматривались сёгунами как постоянные и опасные соперники. Поэтому сёгунское правительство предприняло целый ряд мер, чтобы воспрепятствовать росту их политического и экономического могущества. Тодзама-даймё не разрешалось занимать правительственные посты. В отдаленных районах Кюсю, Сикоку и юга Хонсю бакуфу строило замки и крепости. Ряд княжеств был конфискован государством, чтобы предотвратить создание коалиций против

сёгуна.

Для подавления тодзама использовались и явно репрессивные меры. Наиболее серьезно подрывали их мощь и влияние конфискация и перераспределение земельных владений и заложничество. Уже вскоре после битвы при Сэкигахаре, в 1600-1602 гг. были полностью конфискованы владения 72 даймё, 61 князь был переведен из одного района в другой с увеличением владений. Во владениях таких богатых тодзама-даймё как Мори, Уэсуги, Хатакэ, Акита была проведена конфискация земель. И лишь 60 даймё не были затронуты ограничительными мерами. За двухлетний период больше половины княжеств сменили своих владельцев. Конфискация земель отражалась не только на положении даймё, но и на положении его вассалов, поскольку она превращала их в ронинов. В результате сотни тысяч самураев лишались источников пропитания.

Настоящим бичом для тодзама стала система заложничества (санкин котай), которая была официально введена третьим сёгуном Токугава Иэмицу в 1634 г. Иэмицу не был изобретателем системы санкин котай. Попытки ввести ее предпринимались и ранее. Например, еще Тоётоми Хидэёси обязал семьи всех даймё жить не в княжествах, а под постоянным наблюдением в Осаке и Фусими – официальных резиденциях диктатора.

Иэясу в начале правления стремился заставить тодзама-даймё приезжать в Эдо, добиваясь демонстрации признания ими верховной власти дома Токугава. После 1634 г. при сёгуне Иэмицу условия усложнились: все князья были обязаны через год приезжать в столицу с семьей и свитой. По истечении года даймё возвращались в княжества, а жены и дети оставались при дворе сёгуна в качестве заложников. Неповиновение, попытка создания антиправительственной коалиции вызывали незамедлительные репрессии в отношении членов семьи даймё. Кроме того, санкин котай возлагала на князей и дополнительное финансовое бремя: постоянные переезды, жизнь в столице, строительство и содержание там собственных дворцов ослабляли княжество, одновременно обогащая и украшая столицу Эдо.

Полицейская система мэцукэ

Для надзора за деятельностью всех слоев населения и, в первую очередь, за тодзама-даймё была создана мощная система сыска и тайной полиции. Особое место в ней занимали особые чиновники, называвшиеся «мэцукэ» – «цепляющие к глазам». Деятельность мэцукэ была направлена на выявление нарушений интересов сёгуна. Будучи независимыми от должностных лиц и совмещая функции полицейского и прокурорского надзора, мэцукэ осуществляли тайную и явную слежку за служилым самурайством центрального и местного аппарата и всеми даймё.

Мэцукэ сильно разнились по своим функциям и положению. Так назывались и высокопоставленные чиновники, которые контролировали деятельность губернаторов городов или провинций, и рядовые, никому неизвестные шпионы, совершенно неотличимые от серой массы горожан или крестьян. В мирное время в низовом звене мэцукэ различались хасири-мэцукэ – «бегущие мэцукэ», сёнин-мэцукэ – «карликовые мэцукэ», сэнтэ-гуми-но досин – «стражники отряда упреждения», о-нивабан – «садовники», тайоку-кэйко – «охрана внутренних покоев» и некоторые другие. Собственно тайные агенты, скрывавшие принадлежность к аппарату мэцукэ, назывались «оммицу» – «темная тайна».

Начальником над вновь созданным ведомством, или о-мэцукэ, был назначен знаменитый мастер кэн-дзюцу школы Ягю Синкагэ-рю и личный учитель фехтования сёгуна Ягю Дзюбэй Мицуёси, в семье которого передавалась и особая традиция нин-дзюцу, восходящая к Катори Синто-рю. Полагают, Ягю Дзюбэй был прекрасно знаком с работой мэцукэ на всех уровнях, вплоть до низового тайного агента. В его биографии есть один любопытный эпизод, который отмечают все историки нин-дзюцу. Однажды Дзюбэй неожиданно исчез из столицы и не появлялся целых 12 лет. Что он делал в этот период своей жизни, одному богу известно, но предполагают, что все это время он проработал рядовым ниндзя сёгуна. Причем для прикрытия накануне его исчезновения Токугава даже учинил скандал, обвинив Дзюбэя в пьянстве и официально уволив его с поста о-мэцукэ. Интересно, что по возвращении через 12 лет, Ягю Дзюбэй был немедленно восстановлен в прежней должности.

Первыми мэцукэ на службе сёгуната были ниндзя из отрядов Кога-гуми и Ига-гуми

Именно из них набирались оммицу, а также охрана сёгуна. Хотя новая работа сильно отличалась от прежнего ремесла лазутчика, многие шпионские навыкигодились новоявленным полицейским. Характерно, что переквалифицировавшиеся шпионы продолжали сохранять многие традиции ниндзя. Например, мэцукэ, следуя своему неписанному кодексу, скрывали свое имя, не рассказывали о задании, месте назначения, нанимателе и т.д.

Сёгунат располагал колоссальным аппаратом мэцукэ, который позволял ему контролировать абсолютно все слои населения. Любой человек мог быть шпионом бакуфу. Существует легенда, что даже величайший японский поэт, сочинитель хайку Басё Мацуо был шпионом сёгуната. Хотя большинство историков со скепсисом относятся к этой версии, можно привести и некоторые факты в ее подтверждение. Известно, например, что Басё был уроженцем г. Уэно провинции Ига и свободно перемещался по всем провинциям, для чего требовалось особое разрешение мэцукэ.

В первые годы после окончания войн большой проблемой для правительства было наличие огромного количества бесхозных самураев-ронинов, сюзерены которых были казнены или лишились своих владений. Однако аппарат мэцукэ и эту сложную ситуацию сумел использовать себе на пользу. В это время появилась особая буддийская секта Фукэ-сю, связанная с Дзэн-буддизмом. Комусо, последователи Фукэ-сю, являлись членами закрытой общины и выделялись своим необычным обликом: нестандартным монашеским одеянием, плетеной из тростника и полностью закрывающей голову и лицо шляпой-тэнгай и длинной бамбуковой флейтой сякухати. Членами секты могли быть только самураи, простолудинов в секту не допускали. Особым уложением секта Фукэ-сю была объявлена подподающей под юрисдикцию только самого сёгунского правительства. Ее членам предоставлялась неограниченная свобода передвижения, они освобождались от повинности платить пошлину на таможенных заставах и имели возможность проникать в любые места развлечений. Такая организация позволяла бакуфу легче контролировать большие группы ронинов. Кроме того, комусо использовались как шпионы и осведомители.

Ниндзя в охране сёгуна

Воинам из Ига-гуми кроме работы тайных агентов была доверена и охрана самого сёгуна. Существовало несколько групп ниндзя из Ига-гуми: акиясики-бан – «сторожа нежилых усадеб», о-хироясики-бан – «сторожа главных усадеб», сёфусин-гата – «служащие мелкого ремонта усадьбы», ямадзато-кэйби – «охрана горных деревень» и т.д.

О-хироясики Ига-моно охраняли вход во внутренние покои сёгуна. Интересно, что пост охраны в прихожей даже получил название «Ига-цумэдокоро» – «Пост службы Ига». Кроме того, Ига-моно следили за порядком во дворце. Особая группа этих охранников называлась «тэмбан» – «сопровождающие стражи». В обязанности тэмбан входило эскортирование членов государственного совета, гонцов и служанок при их выходе за пределы дворца. Тэмбан в числе 30 человек являли собой высший слой телохранителей сёгуна. Им разрешалось входить во дворец в сандалиях на кожаных подошвах с мечом в руках. За свою службу они получали по 100 мешков риса каждый – в 10 раз больше, чем обычный самурай. Охрана же прихожей, которая называлась «Ига-сю цумэдокоро-яку» – «Воины из Ига на посту», получала несколько меньше – по 30 мешков риса, но имела свои привилегии: ей разрешалось носить в замке гербовую куртку хаори и хакаму. У Ига-сю цумэдокоро-яку хранились ключи от запасного выхода. При входе они принимали мечи посетителей и сопровождали пожилых чиновников.

Акиясики-бан Ига-моно осуществляли надсмотр за приездом даймё и хатамото в столицу в целях заложничества и их отъездом в свои владения. Обычно они действовали тройками. Командир тройки получал за свою службу жалование трех самураев.

Сёфусин-гата Ига-моно подчинялись столичному префекту и надзирали за ремонтом дворцовых сооружений, чтобы враги не могли раздобыть точные планы потайных комнат и выходов. Их начальник получал жалование четырех воинов.

Ямадзато Ига-моно охраняли загородные резиденции сёгуна и получали оплату в размере 30 мешков риса каждый.

О-нивабан несли ночное дежурство в замке сёгуна, патрулировали цитадель, а также по

особому распоряжению сёгуна, выполняли функции оммицу. О-нивабан разделялись на 2 категории: рёбан-каку и сёдзюнин-каку. Охранники первой категории имели право на аудиенцию у сёгуна и получали жалование в размере 100 мешков риса, охраняли комнаты замка. В случае постоянного проживания в замке они получали жалование 20 воинов. Рёбан-каку было всего 6 человек.

Сёдзюнин-каку правом аудиенции не располагали и получали меньше, их было 8 человек.

При исполнении обязанностей оммицу, о-нивабан с бамбуковой метелкой в левой руке падали ниц у дороги, по которой несли паланкин с сёгуном, тем самым выражая свое почтение и одновременно приглядывая за окружающей толпой и заставляя ее тоже высказывать признаки уважения.

При отдаче о-нивабан приказа отправиться на задание в качестве оммицу, им либо вручали на дорожные расходы столовое серебро, либо выдавали через казначейство необходимую сумму денег. Кроме того они получали поручение к губернатору места назначения об уплате всех расходов. Если оммицу не хватало денег, он был вправе явиться к местному губернатору и на основании поручения потребовать от него уплаты всех своих расходов. Выполнив задание, оммицу отчитывался о результатах своего путешествия лично сёгуну или его секретарю. Существует легенда, что эти доклады проходили во время прогулок сёгуна по внутреннему двору замка, и что иногда сёгун лично отводил нужного ему о-нивабан в заросли бамбука, чтобы дать тайное поручение. Иногда оммицу действовали и по поручению государственного совета.

Для пресечения разглашения государственных тайн оммицу были разделены на несколько групп, которые проживали в разных местах: в укреплении клана Набэсима, где находилась одна из усадеб сёгуна, в усадьбе за воротами Тигра неподалеку от Эдо, внутри замка у моста «Пестрого фазана» и т.д. Им запрещалось иметь всякие контакты с посторонними людьми. Всего было 17 семей о-нивабан, которые служили бакуфу до самого падения сёгуната в 1867 г.

Стража внутренних покоев охраняла все входы и выходы из замка и пресекала все возможные контакты его жителей с внешними недругами сёгуна, препятствуя возникновению заговора в самом замке.

Сохранился любопытный анекдот о службе Ига-моно и Кога-моно в резиденции сёгуна в Эдо. В замке Тиёда, где жил сёгун, существовал обычай в период празднования нового года устраивать снежные баталии между красными и белыми отрядами служанок. Обычно на этих потешных сражениях присутствовал сам сёгун, его приближенные и совет старейшин. Во время баталий Кога-моно выстраивались рядами поодаль, чтобы охранять своего господина. А стражники Ига стояли спиной к полю боя и, взявшись за руки, образовывали живую стену и обозначали заднюю границу боевых порядков обеих «армий» прислужниц. При этом злонравные служанки, придя в возбуждение от битвы, нередко принимались пулять снежками по головам и спинам Ига-моно. Рассказывают, что сёгун весело смеялся, наблюдая за забавными содроганиями тел ниндзя, когда оледеневшие снежки попадали им в спину или голову.

Последняя операция ниндзя

В 1637 г. в Симабаре на о. Кюсю поблизости от Нагасаки вспыхнуло крестьянское восстание. Вызвано оно было притеснениями местного даймё. Вследствие широкого распространения христианства на Кюсю восстание проходило под христианскими лозунгами. Крестьяне, среди которых было немало ронинов, были вооружены огнестрельным оружием, полученным от миссионеров. 40000-ная армия повстанцев укрылась в древнем замке Хара, который располагался на южной оконечности полуострова Симабара, и успешно оборонялась в течение 10 месяцев против 130000-ной армии сёгуната. Отсутствие единства в стане даймё, низкая боеспособность самураев того времени долгое время не позволяли бакуфу одолеть врага и привели к ряду неудач. Так во время одного из штурмов погиб главнокомандующий князь Итакура. В том же бою тяжелые ранения получили специально присланные из столицы мэцукэ Иситани Дзюдзо Садакиё, Мацудайра Дзиндзабуро Юкитака и другие. Участвовавший в разработке провалившейся операции мэцукэ Иситани Дзюдзо позже даже оказался пол

следствием по обвинению в нарушении служебных обязанностей.

Поскольку восстание вызывало большое беспокойство у Токугавы Иэмицу, он назначил главнокомандующим своего верного вассала Мацудайру Идзу-но Ками Нобуцуна. Во время поездки в Симабару Мацудайра проезжал через станцию Мидзугути провинции Оми, где собралось около сотни ниндзя из Кога. Из их числа он отобрал 10 лучших профессионалом «плаща и кинжала»: Мотидзуки Хёдаю (63 года), Мотидзуки Ёэмон (33 года), Акутагава Сэйэмон (60 лет), Акутагава Ситиробэй (25 лет), Яманака Дзюдаю (24 года), Бан Гобэй (53 года), Нацуми Какусукэ (41 года), Угаи Канъэмон (54 года), Иванэ Камбэй (45 лет), Иванэ Кандзаэмон (56 лет). Все они были представителями известных родов из 53 кланов Кога.

К тому времени осада замка продолжалась уже 9 месяцев, и продовольственные запасы осажденных подходили к концу, но защитники крепости отчаянно защищались, воспринимая происходящее как мученичество за веру.

4 января 1638 г. Мацудайра Нобуцуна вместе с отрядом в 1300 воинов, 200 полицейских (ёрики) и стражников (досин) прибыл в Симабару. Мацудайра принял ряд мер для организации правильной блокады крепости. Диспозиция была в это время такова: в Хигасигути, напротив замка Хара, находились лагеря Хосокавы, Татибаны, Мацукуры, Аримы, Набэсимы, Огасавары и Тэрадзавы; на северном побережье – Симадзу; в Хамадэ, к западу от замка – Куроды. Основной лагерь всех даймё находился в Мидзуно. Ставка расположилась в Мидзугути, позади позиций Итакуры и Татибаны. Все базовые лагеря даймё были укреплены пуленепробиваемыми связками бамбука, зигзагообразными траншеями. В главной ставке была установлена высоченная наблюдательная вышка.

Отряд ниндзя расположился в лагере Накафусы Мино-но Ками. Им было предоставлено разрешение свободно перемещаться по всем позициям осаждающей армии. В обязанности ниндзя из Кога входило наблюдение за врагом из-за заградительного вала бамбука и с наблюдательной вышки, а также еженощная разведка обстановки в лагере врага. Результаты ее каждое утро сообщались непосредственно Мацудайре Нобуцуне. Действия отряда ниндзя из Кога были подробно описаны в записках Угаи Кацуямы, прямого потомка участника той операции Угаи Канъэмона.

6 января 1638 г. ниндзя получили приказ провести общую разведку укреплений замка Хара. Они измерили расстояние от оборонительного рва лагеря Аримы до второго пояса укреплений замка, глубину рва, высоту стен, установили условия подхода к крепости, наличие амбразур для стрельбы из лука и ружей. Результаты разведки были перенесены на карту, которую с гонцом отправили в Эдо. 19 января эта карта была представлена сёгуну Иэмицу.

21 января по приказу Нобуцуны ниндзя проникли во вражеский стан из лагеря Куроды и захватили 13 мешков продовольствия. Той же ночью они вновь проникли во вражескую крепость и подслушали вражеский пароль.

27 января главнокомандующий Мацудайра, не имевший никаких сведений о положении внутри замка, отдал ниндзя приказ, в котором говорилось: «Я хочу знать о положении в замке. Поэтому вы должны, используя свои уловки, прокрасться в замок и выяснить ситуацию. Даже если из вас десятерых в живых останутся 2-3 человека, я буду ждать вашего возвращения».

Ночью 5 ниндзя: Мотидзуки Ёэмон, Акутагава Ситиробэй, Нацуми Какусукэ, Яманака Дзюдаю и Бан Гобэй – приступили к выполнению операции. Переодевшись стрелками-асигару (тэппо-гуми), они пробрались на нейтральную территорию из лагеря Хосокавы Эттю-но Ками и произвели залп из мушкетов в воздух, чем переполошили весь вражеский лагерь. Военачальник повстанцев Амакуса Сиро подумал, что начался вражеский штурм и приказал свесить со стен замка фонари сару-би, которые светят и вверх и вниз, и бросать факела со стены. Он усилил оборону так, что и муравей не мог проскочить в крепость. В это время пятеро ниндзя спрятались в кустарнике и стали поджидать удобного момента, чтобы проникнуть в замок. Дождавшись пока во вражеском лагере все успокоилось, при помощи специальных веревочных лестниц они перебрались через стену. Акутагава Ситиробэй и Мотидзуки Ёэмон, которые первыми пробрались в замок, имели неосторожность свалиться в волчью яму. Враги, которые слышали шум падения, подняли крик: «Шпионы! Шпионы! Враги! Враги!» Тогда Ёэмон стал вытягивать Ситиробэя обратно наверх, но как раз в это время набежала куча врагов. Поскольку было очень темно, а оба ниндзя были переодемы во вражескую форму, они затесались в толпу и

начали бегать вместе с ней. Поэтому враг никак не мог их обнаружить. Однако, когда мятежники запалили факела, обман раскрылся, и ниндзя пришлось удирать. Кога-моно вырвались из вражеской толпы, схватили один из штандартов с крестом, какие во множестве развевались на стенах замка, и бросились через стену. Тут враг обрушил на них град камней, так что ниндзя свалились вниз полуживыми. Видевшие это Нацуми Какусукэ, Яманака Дзюдаю и Бан Гобэй, бывшие в резерве, немедленно бросились на помощь, подхватили их на плечи и вынесли с поля боя.

Наутро трое ниндзя явились в ставку главнокомандующего и доложили о результатах разведки. Мацудайра Нобуцуна был очень доволен и никак не мог нарадоваться на своих шпионов. Акутагава Ситиробэй и Мотидзуки Ёэмон, получившие тяжелые раны были переданы в руки лучших лекарей.

20 февраля повстанцы организовали вылазку. Воспользовавшись суматохой, ниндзя проникли в крепость и узнали, что из продовольствия у армии Амакусы остались только морские водоросли – голод был не за горами.

27 февраля начался генеральный штурм крепости. Ниндзя находились в непосредственном подчинении главнокомандующего, участвовали в захвате второго и третьего поясов обороны и до самого падения замка осуществляли связь со всеми даймё во время боя.

1 марта Мацудайра предал огню замок Хара. 12 мая он с триумфом вернулся в Эдо и на следующий день получил аудиенцию у сёгуна Иэмицу и сделал подробный доклад о кампании. Ниндзя получили большую награду. А в письме Дзимбо Сабуробэя, которое было адресовано Мотидзуки Хёдаю, Акутагаве Ситиробэю и другим ниндзя и ныне хранится в доме Иванэ Камбэя говорилось о том восхищении, которое вызвали у главнокомандующего подвиги ниндзя. Сам Дзимбо получил 500 коку за свою службу. А Мацудайра назвал свой замок в провинции Мусаси «Оси-дзё», где «оси» записывается тем же иероглифом, что и «синоби». Возможно, это было сделано в память о подвигах ниндзя во время осады Симабары.

Трансформация сущности оммицу

Начиная с эпохи Канъэй (1624.II-1644.XII) наметилась новая тенденция в развитии секретной службы оммицу. К этому времени ситуация в стране в значительной степени стабилизировалась, и период опасливого отношения к потенциальным мятежникам-даймё ушел в прошлое. Тайные агенты все меньше и меньше использовались для слежки за князьями и их вассалами, и в целом их численность резко сократилась. Однако система секретной агентуры не разрушилась окончательно, хотя и претерпела коренные изменения. Этому в немалой степени способствовало бурное развитие городов, прежде всего Эдо, Киото и Осаки, формирование городского сословия, увеличение численности населения в стране, рост числа крестьянских выступлений. В этих условиях усилия тайной службы все чаще направлялись на поддержание порядка и контроль за настроениями масс. Таким образом система мэцукэ постепенно трансформировалась из секретной службы политического и военного характера в полицейский аппарат. В этот период многие специалисты по нин-дзюцу стали переходить под начало городских и храмовых управляющих (бугё). А деятельность по контролю за даймё, хотя и не была полностью свернута, но продолжалась в гораздо меньших масштабах.

Так, многие ёрики (полицейские) из числа Кога-моно заняли важные посты в полицейской структуре, а Ига-моно по большей части остались на прежнем месте службы, в качестве садовников-телохранителей и лишь некоторые из них поступили на службу в полицию. Такая разница в судьбах Ига-моно и Кога-моно объясняется различиями в их подготовке. Дело в том, что Кога-моно по большей части были выходцами из слоя тюнинов. Поэтому они владели не только приемами рукопашного боя, разведки и маскировки, но и навыками анализа, оценки ситуации, глубоко разбирались в человеческой природе. А вот ниндзя из Ига, комплектовавшие ряды «садовников», владели, в основном, приемами уровня гэнин – могли тайком прокрасться куда надо, убить кого нужно и бесследно исчезнуть. Только все это для полицейского-стражника большого значения не имело.

Переход из службы безопасности сёгуната в полицейское ведомство не мог не повлиять на содержание подготовки бывших ниндзя. Теперь им приходилось разоблачать и задерживать

разного рода преступников. Отсюда повышенный интерес к технике обезоруживания, связывания, конвоирования, пыток и допроса свидетелей. С другой стороны, старинные шпионские методы проникновения в охраняемые помещения и крепости, сблизившие ниндзя с ворами, из системы обучения полицейских агентов были изъяты. Фактически, это привело к полному пересмотру наследия нин-дзюцу, которое теперь рассматривалось с точки зрения преследователя, а не с точки зрения преследуемого.

Интересно, что даже многие приемы боя новых полицейских были позаимствованы из арсенала синоби периода Сэнгоку-дзидай. Так классическим оружием мэцукэ стали дзюттэ (затупленная металлическая дубинка с «усиком» для защемления меча), манрики-гусари (цепь с грузиками на концах) и рокусяку-бо (шест около 180 см длиной). Эти 3 вида в период Токугава назывались «мицу-догу» – «3 приспособления». Они считались наиболее эффективными видами оружия в бою с фехтовальщиком, вооруженным мечом. Кроме того, манрики-гусари и дзюттэ можно было легко спрятать в складках одежды, чтобы не выдавать свою принадлежность к мэцукэ, и использовать в толпе или тесном пространстве. Известно, что древнейшей школой бу-дзюцу, специализировавшейся в овладении манрики-гусари, была Масаки-рю, которую основал Масаки Тосимицу, начальник охраны центральных ворот Эдо. По легенде, он стремился исключить всякую возможность вооруженного конфликта в таком ответственном месте. Однако, по мнению известного американского исследователя японских бу-дзюцу Дона Дрэгера, использование этих видов оружия отражало снижение мастерства фехтовальщиков, поскольку только в этом случае мэцукэ мог приблизиться достаточно близко к своему противнику, чтобы использовать такое короткое оружие как дзюттэ. Для сравнения, в период Сэнгоку-дзидай в число мицу-догу входили такие мало известные ныне виды оружия как сасумата (двузубое копье), содэгарамы (багор с шипами для зацепления клинка противника) и цукубо (Т-образное шипастое оружие). Эти 3 вида оружия имели длинные древки, позволявшие держать мастера кэн-дзюцу на дистанции.

Спрос на подготовленных ниндзя катастрофически упал. Многие отпрыски старинных семей, практиковавших нин-дзюцу, забросили тренировки по дедовским рецептам. И вправду, зачем было им истязать себя до изнеможения на протяжении целого ряда лет, если потом от полученных навыков все равно не было никакого проку? Период расцвета нин-дзюцу уже миновал, и оно неуклонно деградировало. Лишь единицы во всей стране Восходящего солнца овладевали приемами нин-дзюцу в полной мере. Те из них, кто не находил себе применения на государственной службе или на службе даймё, становились разбойниками. Возможно, именно поэтому документы XVII-XIII вв. содержат столь много сообщений о супер-ворах.

Но, что любопытно, именно в этот период японской истории было написано большинство наставлений по нин-дзюцу и кодифицировано множество школ этого искусства: Дзэн-рю (Итидзэн-рю; основана Токугавой Ёсимити в 1-й половине XVIII в.), Коё гункантэки-рю (одна из ветвей Кога-рю, основана Охарой Кадзумой во 2-й половине XVIII в.), Курама Ёсин-рю (Сиода Ёсин-рю; основана Сиодой Дзиндаю во 2-й половине XVIII в.), Мацуда-рю (основана Мацудой Кинситиро Хидэто, в начале XVII в.), Мори-рю (создана в середине XVII в.; использовалась Мори-гуми, одним из отрядов оммицу сёгуната), Мугоку Рёдзё-рю (возникла в середине XVII в.), Накагава-рю (создана Накагавой Кохаято, в середине XVII в.), Санто-рю (создана Сасаки Какоу Мунэ в начале XVIII в.), Таки-рю (создана Таки Фуюки во 2-й половине XVII в., соединила Ига-рю и Кога-рю), Унсю-дэн Ига-рю (основана Иноуэ Сёдзаэмоном Масаясу в середине XVII в.), Ямагата-рю (создана Ямагатой Сёгэном в 1-й половине XVII в.) и другие. По-видимому, в мирное время у ниндзя было больше времени, чтобы как-то осмыслить и систематизировать свой опыт и на этой основе разработать собственную школу. Характерно также, что большинство школ нин-дзюцу, появившихся в XVII-XVIII вв. были связаны не с сёгунатом, а с тодзама-даймё, которые опасались агрессии со стороны правительства.

Секретные службы даймё

В XVII в. многие даймё, отчасти в подражание бакуфу, отчасти для борьбы с его тайными агентами, стали создавать аналогичные службы оммицу. И надо отметить, что центральное правительство этому никак не препятствовало тем более, что по «Уложению о военной

службе» («Гунъяку ситэй»), принятому в 1651 г., всем даймё предписывалось содержать определенное количество синоби на случай войны.

В функции этих секретных служб входило наблюдение за порядком в княжестве, обеспечение безопасности даймё, а также выявление и обезвреживание соглядатаев сёгуната. Костяк этих разведывательно-контрразведывательных подразделений составляли все те же Ига-моно и Кога-моно, которые во множестве распространились по территории страны.

Характерным примером такой службы является отряд в 50 ниндзя из княжества Окабэ – Окабэ-хан годзюнин гуми. Происхождение его таково. Сёгунский отряд Кога-гуми состоял из 100 стражников-досин, во главе которых стояло 10 десятников – «полицейских» (ёрики). В число этих ёрики входили Умэда Такэдзаэмон и Вада Сохэй. Они снискали расположение Окабэ Найдзэнсё Нагамори, владельца замка Огаки, что в провинции Мино, и предложили ему создать собственный отряд из ниндзя Кога.

Нагамори, который был свидетелем храбрости и замечательного мастерства ниндзя из Кога во время обороны замка Фусими, пришел в восторг от такого предложения и собрал собственный отряд из 50 ниндзя из Кога. Произошло это в 1632 г. Позже, когда наследник Нагамори поселился в замке Кисивада в провинции Идзуми, с ним переехал и отряд из 50 ниндзя Кога. Согласно записям Накаи Ситироэмона, одного из этих ниндзя, Кога-моно, поселившиеся у замка Кисивада и состоявшие на действительной военной службе, получали за нее по 15 коку. Отставной синоби получал специальное денежное вспомоществование для обзаведения хозяйством в размере 5 коку и 5 то⁶⁷. Само собой разумеется, что вышедшие в отставку не прекращали тренировок по стрельбе из лука и мушкета и должны были в случае чрезвычайных обстоятельств немедленно явиться к замку и составить охрану князя. Записи Накаи датируются августом 1738 г. и в настоящее время хранятся в святилище Хатиман-гу г. Конан префектуры Сига. Согласно этому источнику, среди ниндзя этого отряда, кроме Накаи Ситироэмона, были также Охара Магобэй, Охара Какуэмон, Охара Канъэмон и другие.

Нередко для того, чтобы скрыть существование секретной службы, даймё прибегали к различным уловкам. Например, до наших дней сохранился поселок Курия-тё – «Дом среди каштанов» – в Огаки префектуры Гифу. Окусэ Хэйситиро указывает, что «Домом среди каштанов» даймё Огаки называл штаб-квартиру отряда ниндзя из Ига.

Даймё, боявшиеся происков бакуфу, прилагали все усилия, чтобы создать действительно мощную службу шпионажа и контрразведки и нанимали на службу лучших специалистов. Благодаря этому в ряде княжеств оммицу очень долгое время сохраняли высокий уровень шпионской подготовки. Помимо уже упоминавшейся традиции нин-дзюцу княжества Сацума, которое традиционно находилось в оппозиции правительству, здесь нужно отметить также отряд ниндзя из княжества Цугару.

Этот отряд появился во 2-й половине XVII в. при даймё Цугару Гэмбане. Цугару Гэмбан слыл большим поклонником «темного» искусства ниндзя и сумел собрать блестящую команду лазутчиков, которую возглавил знаменитейший «невидимка» по имени Накагава Кохаято (первое имя этого человека было Сёгэнта, но в 1681 г. он поменял его на «Кохаято»). Некоторые источники описывают Кохаято как настоящего кудесника. Например, в одном из преданий о нем говорится так: «Он мог превращаться в крысу или паука, мог трансформироваться в птиц и животных». В действительности же мы знаем лишь, что под началом у Кохаято состояло сначала 10, а затем 20 молодых самураев, упражнявшихся в приемах нин-дзюцу день и ночь, а также, что к тому месту в южной части двора замка, где они тренировались, было запрещено приближаться под страхом смерти. Этот отряд ниндзя назывался «хаямити-но моно» – «люди быстрой дороги», что отражает специфику его работы. Дело в том, что словом «хаямити» в средневековой Японии называли профессиональных гонцов-скакухидов. По некоторым данным подчиненные Накагавы Кохаято совершили десятки покушений на других даймё и держали в страхе всю округу.

Цугару Гэмбан чрезвычайно высоко ценил своего «хаямити-но моно хирай гасира» – так звучало официальное звание Накагавы – и назначил ему огромное жалованье в 200 коку.

⁶⁷ 1 то = 18,39 л.

Накагава Кохаято стал основателем школы Накагава-рю (Накагава Хаято-рю). Считается, что это была одна из самых сильных школ ниндзя за всю историю Японии. Техника Накагава-рю держалась в строжайшем секрете, и до сих пор о ней известно очень немного, хотя некоторые приемы все же можно восстановить по косвенным данным.

Например, одна из легенд подробно описывает испытание, которое прошел Накагава Кохаято при поступлении на службу к Гэмбану.

... Цугару Гэмбан давно искал отменного мастера нин-дзюцу для подготовки своих лазутчиков, но никак не мог найти достойного претендента на должность наставника. Наконец, к нему тайно явился Накагава Кохаято, представился знатоком нин-дзюцу Ига-рю, но своего имени называть не стал. Гэмбан тщательно осмотрел его и стал расспрашивать о тонкостях шпионской работы. Сделав вид, что он согласен взять незнакомца к на службу, он вдруг спросил:

– А сумеешь ли ты вытащить подушку из-под головы спящего, да так, чтобы тот ничего не заметил?

– Конечно, – уверенно отвечал ниндзя. – Я с детства натренирован в таких уловках.

– Ну что ж, – заявил Гэмбан, – тогда попробуй свое искусство на мне сегодня ночью!

Возможно, Гэмбан узнал в пришельце великого мастера Кохаято, о котором ходили слухи, что он в совершенстве владеет искусством незаметного проникновения в дома, похищения ценных документов и устранения знатных даймё. Цугару не сомневался в мастерстве ниндзя. К тому же ему очень польстило, что столь знаменитая персона желает наняться к нему на службу. Однако он считал себя специалистом в шпионских уловках и решил посостязаться в мастерстве с самим Кохаято.

В ту ночь Цугару Гэмбан был настороже, но прикинулся спящим и даже начал сладко посапывать, чтобы обмануть Кохаято. Прошло несколько часов, близилось утро, но все было спокойно. На улице моросил дождь. Двери спальни князя были крепко заперты, снаружи стояла вооруженная охрана. Подушка по-прежнему находилась под головой Цугару. Неожиданно ему на лицо упала капля холодной воды. Цугару вздрогнул, приоткрыл глаза. Тут новая капля ударила его по щеке. Цугару посмотрел вверх и увидел, что на потолке расплывается мокрое пятно. Самурай с досадой подумал, что потолок прохудился, и немного приподнял голову, чтобы рассмотреть получше повреждение. Когда же он опустил голову назад, оказалось, что подушка уже исчезла! Цугару резко повернулся и увидел у своего изголовья усмехающегося Кохаято.

После этого случая Накагава Кохаято был допущен к обучению шпионов князя и создал особый центр по подготовке суперагентов. Его ученики продолжили его дело, и должность хаямити-но хирай-гасира благополучно просуществовала до периода Хоряку (1751.10-1764.6), когда почетная должность начальника «гонцов» была по какой-то причине упразднена тогдашним князем. Впрочем, через несколько лет она была восстановлена и по некоторым сведениям дожила до XX в. Во всяком случае, еще в 60-х гг. некий Оцу Икусукэ утверждал, что является мастером школы нин-дзюцу Накагава-рю.

Хитрости Ига-моно

Как уже говорилось, ниндзя из Ига разбрелись по всей стране Восходящего солнца. И где только их не было! Ведь уже начиная с конца XV века, группами по 30-50 человек они стали покидать родную провинцию и наниматься на службу к враждующим даймё. Восстание в Ига годов Тэнсё, подобно взрыву, разметало их во все стороны. Именно в это время на службе у Маэды Тосиэ появился отряд в 50 ниндзя из Ига, которые несколько позже создали самостоятельную школу нин-дзюцу Этидзэн-рю. Точно также после того, как к князю Фукусиме Масанори прибились несколько десятков беглецов из Ига, возникла школа нин-дзюцу Фукусима-рю. Этот список можно продолжать и дальше. Но думается, что приведенных примеров достаточно, чтобы понять, сколь много ниндзя из Ига состояло на секретной службе у различных феодалов.

Большинство ниндзя, происходивших из небольшой гористой провинции с маленьким населением были так или иначе связаны друг с другом – были выходцами из одних и тех же

деревень, служили у одних и тех же дзёнинов, доводились друг другу родственниками. Но, когда по всей стране разгорелась тайная шпионская война, многие Ига-моно оказались по разные стороны баррикад и были вынуждены убивать друг друга темными ночами. Такая ситуация их совершенно не устраивала. И тогда руководители различных отрядов ниндзя из Ига собрались на совет, на котором была заключена «конвенция» о ненападении и взаимопомощи. Суть ее заключалась в том, что ниндзя стали воспринимать себя как самостоятельную организацию, имеющую свои собственные цели и задачи – сохранение жизней родственников и земляков. В связи с этим было решено организовать в рамках единой шпионской сети, которая фактически охватила всю Японию взаимобмен информацией и сделать это так, чтобы нанимателям об этом ничего не было известно. Как же реализовалось это на практике?

Предположим, что оммицу, состоявший на службе у сёгуната, получал приказание разведать положение дел в каком-нибудь далеком княжестве, например, в Токусиме на острове Сикоку. У своего начальника он прежде всего узнавал, состоит ли кто-нибудь из Ига-моно на службе в Токусиме. Если такой человек имелся, оммицу стремился заручиться поддержкой его родственников или попросту просил рекомендательное письмо. После этого он отправлялся на Сикоку, встречался с искомым ниндзя (Из наставлений по нин-дзюцу школы Ига-рю известно, что, отправляясь в другую провинцию ниндзя брал с собой факел особого вида. Он служил условным знаком, по которому его мог опознать сородич.) и получал от него всю необходимую информацию без всякого риска быть схваченным контрразведкой местного князя. При этом он, как правило, делился со своим приятелем собственными знаниями о планах бакуфу в отношении княжества, тем самым поддерживая паритет между сторонами, которые теперь были прекрасно осведомлены о намерениях друг друга. Такая система позволяла не только обезопасить тайного агента, но и получить необходимую информацию в кратчайшие сроки. Это сильно поднимало ценность Ига-моно в нанимателей, которые представления не имели о том, каким способом добывались разведданные. Именно поэтому власти стремились нанимать на должности тайных агентов именно выходцев из Ига. К тому же, как правило, все они были гэнинами, а следовательно и платить им можно было меньше.

Не так обстояло дело с Кога-моно. Как уже говорилось, в большинстве своем они были выходцами из слоя госи и занимали положение тюнинов. Соответственно, чтобы задействовать тюнина, требовалось больше платить. Да и мобильность у них была гораздо меньше – если гэнина из Ига можно было послать хоть к черту на куличики, то с офицером дело обстояло сложнее.

Оока Этидзэн-но Ками и стражники Нэгоро

При Ёсимунэ – восьмом сёгуне династии Токугава – основное место в системе аппарата оммицу стали занимать ниндзя из Нэгоро, оттеснив Ига-моно и Кога-моно на вторые роли. С одной стороны, это объяснялось тем, что они прибыли вместе с Ёсимунэ из его вотчинной провинции Кии, а с другой, – тем разочарованием, которое у нового сёгуна вызвало качество подготовки наследников ниндзя из Ига и Кога.

К власти Ёсимунэ пришел путем упорной борьбы и тайных интриг. Дело в том, что после смерти его предшественника, у кабинета министров не было единого мнения, кого из претендентов следует возвести на трон. Часть министров поддерживала семью Токугава из провинции Овари, другая – Ёсимунэ из Кисю. Между двумя группировками долгое время существовало напряженное противостояние, за кулисами которого развернулась война между секретными службами обоих претендентов. При этом противники Ёсимунэ опирались на штатную структуру оммицу сёгуната, то есть на Ига-моно и Кога-моно, а Ёсимунэ имел под началом отряд ниндзя из Нэгоро, владевших нин-дзюцу школы Кисю-рю. Начальником над Нэгоро-моно был Оока Этидзэн-но Ками Таданокэ – бугё сёгунской вотчины Ямада. Он-то и возглавил все тайные операции ниндзя из Кисю. После победы Ёсимунэ назначил Ооку Этидзэн-но Ками управляющим Минами-тё в Эдо передал в его ведение всю секретную службу. Оока предпринял немало усилий, чтобы вычистить ее от агентов, поддерживавших противоположную сторону и укомплектовал службу оммицу ниндзя из Нэгоро, которые

начиная с этого момента, стали называться стражниками из Нэгоро – Нэгоро-досин. Именно в это время в столице появился квартал Досин-тё. Таким образом ниндзя из Нэгоро заняли главные посты в столичной полиции, разрушив монополию Ига-моно и Кога-моно. Видимо, работали они на совесть, и Оока Этидзэн-но Ками стал одним из самых состоятельных и влиятельных людей в столице.

После свержения династии Токугава многие потомки ниндзя из Ига, Кога и Нэгоро продолжили службу в императорской полиции в качестве тайных агентов, сыщиков, следователей. Это подтверждается в частности регистрационными книгами полицейских служащих. По-видимому, по крайней мере некоторые из них еще владели секретным искусством нин-дзюцу. Так в период Тайсё одним из лучших сыщиков в Эдо был Фудзита Мориносукэ, потомок знаменитого ниндзя из Кога, Вада Ига-но Ками, и отец и наставник в нин-дзюцу последнего настоящего ниндзя Фудзиты Сэйко.

История 47 ронинов

Отголосок существования мощных служб оммицу у провинциальных даймё мы находим в знаменитой истории о 47 ронинах, в действиях которых явно проглядывают характерные уловки ниндзя.

... В замке сёгуна несли службу два знатных самурая – Кира Ёсихиса и Асано Наганори. Кира имел ранг Великого мастера церемоний, а Асано владел замком Ако и был наследником очень богатого и знатного рода. На службе у него состояли 300 самураев.

Жизнь в замке шла своим чередом до тех пор, пока Кира не воспылил страстью к молодой и красивой супруге Асано. Он даже попытался соблазнить ее, но она хранила верность своему мужу и гневно отвергла все притязания наглеца. Кира решил выместить злобу на Асано, которого он считал теперь свои главным врагом. Однако Кира был потомственным воином и прекрасно знал, что каждую минуту своей жизни он должен следовать кодексу бусидо, который запрещает делать все что ему вздумается. Злой ум Кира подсказал ему: надо заставить Асано нарушить бусидо. Удобный случай вскоре представился.

В марте 1701 г. сёгун принимал в своей резиденции трех посланников императора. На Асано лежала обязанность достойного приема. Кира отказал Асано в помощи, а в день официального приема всячески критиковал и открыто смеялся над ним, оскорбляя самурая перед всем двором.

Асано побледнел и поднес руку к своему мечу, который был неразлучно с ним. Перед Асано встала сложная проблема. Если он ответит на оскорбление, то он нарушит бусидо, согласно которому дворец сёгуна является священным местом, где под страхом смерти нельзя обнажать меч. Но если проигнорировать оскорбление, он станет трусом в глазах окружающих, и только смерть смоет позор. После недолгих колебаний Асано выхватил меч и ранил обидчика. Гнусный план Киры удался: Асано был тут же схвачен стражниками. Приговор сёгуна был жесток: сэппуку.

В молчании Асано вернулся в свой замок. Он был спокоен, так как знал, что его храбрый поступок зачтется ему на небесах и дарует ему новое перерождение в лучшем мире. Тщательно облачившись в белые ритуальные одежды, Асано написал прощальное стихотворение, воскрешая в памяти «свои 36 лет, опавшие как лепестки цветов в одночасье». Далее согласно обычаю он удалился в специальный павильон и совершил харакири по всем правилам.

Все имущество Асано было автоматически конфисковано, а его 300 вассалов в одночасье превратились в ронинов. После траурной церемонии все они разошлись кто куда. Все, кроме 47. Ведь согласно бусидо, хотя Асано и смыл свою «ошибку» кровью, он завещал своим верным вассалам отомстить за себя. Они должны либо сразу последовать за своим господином в загробный мир, либо смыть оскорбление, павшее на весь их клан.

И вот они в последний раз в доме господина – 47 верных вассалов, мужественных и благородных воинов. Все вспоминали тот день, когда поклялись хранить верность своему господину до конца дней своих. В тот день кисточкой, смоченной своей собственной кровью, на листе бумаги они записали клятву верности. Затем сожгли ее перед алтарем и, смешав золу с сака, выпили этот напиток до дна. Выполняя клятву верности, самураи решили отомстить Кира

за своего господина.

Кира догадывался о возможном отмищении. Удалившись в свой замок, он удвоил, а затем и утроил охрану, зная, что отныне его жизнь в опасности. Но Оиси Кураносукэ, предводитель ронинов, нашел способ усыпить подозрения Киры. Нарочно стали распускаться слухи, что ронины из Ако позабыли своего господина и их больше заботит собственное благосостояние, чем память об Асано. Они разошлись в разные стороны, и каждый занялся своим делом. Кто совершенствовался в кэн-дзюцу, кто нанялся телохранителем к богатому купцу. А Оиси, за которым неотступно следовал подосланный Кирой шпион, проводил все время в злочных кварталах Киото, предаваясь пьянству и разгулу, чтобы усыпить подозрения соглядатая. В течение двух лет ронины скитались по стране. Их очевидное забвение своего господина вызывали презрение и ненависть у других самураев. Над ними все потешались. И постепенно Кира забыл свои страхи и убрал охрану.

И вот декабрьской ночью по сигналу предводителя все 47 ронинов собрались вместе и направились к замку негодяя. Падающий снег заглушал шум их шагов, и они бесшумно проникли в замок, прошли многочисленные коридоры и подобрались к спальне Киры. После непродолжительной схватки его голова покатила по полу.

Одного из самураев послали известить семью Асано о свершении справедливого возмездия. После этого ронины торжественной процессией направились к замку Сэнгакудзи, где был похоронен Асано. Там они положили на его могилу голову обидчика и кинжал, которым она была отсечена. Затем все 47 самураев сдались властям. Их приветствовал народ. Сам сёгун выразил восхищение их беспредельной верностью и отвагой. Но закон есть закон. 4 февраля 1703 г. все они были приговорены к сэппуку, умерли достойно и были похоронены рядом со своим господином.

Последние ниндзя

В деревне Мионо провинции Ига (в настоящее время Ига-тё уезда Аяма) до сего времени проживает старинная семья ниндзя Савамура. Упоминания о ней имеются в «Ига-цуки сасидаситё»⁶⁸, где говорится что ниндзя Савамура Санкуро получает содержание в размере 15 коку. В этой семье по настоящее время хранится документ, написанный на английском языке, как гласит предание Савамура, самим командором Пэрри, эскадра которого посетила Японию в 1853 г. История, объясняющая происхождение этого документа весьма любопытна. 8 июля 1853 г. американская эскадра под командованием Пэрри вошла в бухту Урага, что к югу от Эдо. Пэрри передал сёгуну письмо от президента США с предложением о начале переговоров об «открытии» Японских островов для проникновения туда иностранных держав. Это предложение было поддержано десятками пушек эскадры, дула которых уставились в сторону японского берега. Все это вызвало немалый переполох. Администрация сёгуна не знала, что делать. В этой ситуации было решено прибегнуть к помощи ниндзя, чтобы выяснить истинные планы «заморских дьяволов». Однако столичные ниндзя уже окончательно утратили свою квалификацию, поэтому спешный гонец во весь опор помчался в Ига с приказом срочно направить в столицу лучших ниндзя. В результате в Эдо прибыл «невидимка» из семьи Савамура, имя которого неизвестно. По заданию японских властей он пробрался на флагманский корабль и обшарил его сверху донизу. С борта корабля он вернулся с карманами, набитыми всякой всячиной, наворованной у американских матросов. Среди предметов были: свечка, спички, кусок мыла, а также листок бумаги, исписанный непонятными «хитроумному» ниндзя знаками. Все эти предметы в процессе разбирательства сёгунской комиссии куда-то запропалились, а вот листок бумаги почему-то остался у семьи Савамура, которая на протяжении долгого времени считала его ценнейшим документом – каким-то приказом или секретной инструкцией. Где-то в 60х гг. нашего века специально, чтобы познакомиться с этим документом, семью Савамура посетил один из крупнейших специалистов по истории нин-дзюцу Окусэ Хэйситиро. Когда же он увидел этот загадочный листок, то разразился

⁶⁸ «Отчётная книга о прикреплённых к Ига».

смехом. Текст начинался словами: «Француженки – хороши в постели, немки – на кухне...» и т.д. Это были строки удалой матросской песни, в которой обсуждались достоинства женщин всего мира. По-видимому, Савамура был первоклассным ниндзя, но абсолютно не знал европейских языков...

Долгое время этот эпизод считался последним случаем, когда были задействованы ниндзя, но тщательные изыскания показали, что ниндзя использовались и позже.

Окусэ Хэйситиро приводит еще 2 эпизода, в которых, по его мнению, участвовали ниндзя. Первый из них вошел в историю как «Инцидент с прокламациями храма Исэ». По одной из версий его организаторами были два онива-бан из княжества Сацума: Сайго Такамори и Якимицу Кюносукэ, которые сыграли огромную роль в свержении бакуфу. Дело было так. Однажды в Эдо с неба посыпались бумажные прокламации Исэ-дзингу, крупнейшего храма главной японской богини Аматаэрасу Омиками. На них было написано: «Бакуфу пускает в Японию иностранцев и оскверняет землю страны богов. Божество храма Исэ рассержено этим и осыпает своими амулетами Эдо. Воля неба – изгнать варваров.» Это происшествие произвело настоящий фурор среди богобоязненных японцев и усилило антисёгунские настроения. На деле же все это было подстроено двумя ловкими ниндзя, которые однажды вечером, когда бушевал тайфун, поднялись на гору Айсэки и с ее вершины рассыпали тысячи заранее заготовленных прокламаций. Ветер, бушевавший всю ночь, разнес их по всему региону, и можно легко представить, какое впечатление это произвело на местных жителей, которые то и дело находили эти непонятно откуда взявшиеся листки на полях, крышах домов, на деревьях и кустах. Судя по всему эта операция имела колоссальный успех. Результатом ее стали массовые беспорядки и выступления против сёгуната. Таким образом старый рецепт «Сёнинки», известный под названием «Тэндо тидо-но нараи» – Изучение движений неба и движений земли – еще раз доказал свою эффективность.

Еще несколькими годами позднее уже после революции Мэйдзи, когда часть консервативно настроенного самурайства вступила в борьбу с новым буржуазным правительством, на стороне мятежников в районе Тохоку сражался отряд, называвшийся Кога-гуми. Во главе его стоял потомок знаменитого рода ниндзя из Кога Охара Кадзума из местечка Охара. Его отряд был сформирован из призывников, которые должны были идти служить в императорскую армию. Полагают, что этот отряд Кога-гуми целиком состоял из потомков ниндзя, которые все до единого в той или иной степени владели нин-дзюцу.

Глава 11

Ниндзя возвращаются?

Середина XIX в. принесла Японии колоссальные перемены. Вызревшие к этому времени экономические и политические предпосылки предопределили крах сёгуната и переход власти в руки императорского дома. Под давлением западных держав Япония была вынуждена открыть свои границы для иностранных государств. Становление национальной буржуазии и активное усвоение накопленных в мировой культуре знаний способствовали мощному экономическому рывку.

Одним из основных лозунгов этой эпохи был лозунг «Фукоку кохэй» – «Обогащение страны и вооружение армии». Необходимость создания мощной современной армии диктовалась угрозой колонизации страны западными державами, причем японцы имели перед глазами пример Китая, где уже на протяжении полувека бесчинствовали европейские колонизаторы. Старая система формирования и подготовки армии к этому времени совершенно устарела. Было необходимо создать армию нового, западного образца. В результате реформ 70-х – 80-х гг. XIX в. было упразднено самурайское сословие и создана регулярная армия, комплектовавшаяся на основе всеобщей воинской повинности и вооруженная в соответствии с европейскими стандартами. Всего через несколько лет вооруженные силы Японии не уступали по своей мощи армиям сильнейших западных держав.

В течении всего лишь одного поколения Япония превратилась в капиталистического

хищника, ставившего своей целью подчинить себе весь Дальний Восток и Юго-Восточную Азию. Однако в этом у Японии было немало конкурентов – Россия, Англия, США, Германия. Избавиться от них она могла только путем войны, но чтобы победить в ней требовалась долгая и кропотливая подготовка, одним из важнейших аспектов которой был сбор максимального объема разведывательных данных о военно-экономическом потенциале противника. Однако как раз в этом плане у Японии имелся весьма существенный пробел.

Создание современной системы шпионажа в Японии

Начиная с 1638 г. Япония официальным указом сегуна была закрыта для всех иностранцев и сама абсолютно не интересовалась внешним миром. Неудивительно, что к середине XIX в. японцы имели весьма смутное представление о зарубежных державах. Кроме того 250-летний мирный период правления Токугава, несмотря на разветвленную систему мэцукэ, отнюдь не способствовал сохранению и развитию традиций шпионажа. Многие школы нин-дзюцу просто исчезли за это время, не говоря уже о том, что технический арсенал искусства «невидимок» безнадежно устарел: средневековые ниндзя не умели пользоваться радио, водить машины, говорить на иностранных языках и т.д. Лишь немногие специалисты из аппарата мэцукэ или охраны императора еще могли поделиться своими познания в области нин-дзюцу. Однако эти традиции в то время рассматривались как проявление «варварского» наследия периода феодализма, и новые военные ориентировались исключительно на достижения западной военной мысли.

Япония почти не имела опыта ведения широкомасштабного международного шпионажа, который был столь необходим ей в борьбе с западными державами. Известно, что японцы посылали своих агентов в Корею и Китай, но в новых условиях эта система не могла удовлетворить все потребности нарождающегося капиталистического хищника. Требовалось создать новую шпионскую организацию, которая бы смогла снабжать японских правителей, военных и заинтересованных капиталистических магнатов точной и полной информацией о положении дел в многочисленных зарубежных государствах.

О становлении современной японской системы шпионажа к настоящему моменту написано немало. Одним из первых ее исследованием занялся известный политический деятель фашистской Германии Рудольф Гесс. Историю японского шпионажа он начинает с многочисленных дипломатических и торговых миссий в Европу и Америку. Эти миссии собирали детальные данные обо всех странах, выводили экономические и промышленные секреты. Для учебы в Европу засылались квалифицированные специалисты, которых как «лопухов»-студентов допускали на важнейшие заводы, в конструкторские бюро. Гесс отмечал, что японцы стремились добыть любые ценные сведения в любой области: военной, политической, экономической и даже культурной, включая данные о привычках и наклонностях крупных армейских чинов или лиц, играющих важную роль в оборонной индустрии возможных противников.

Шпионаж всегда был призванием японцев, – подчеркивал он. В течение ряда поколений японцы шпионили друг за другом: сосед за соседом, братом за братом. Власти широко использовали как профессиональных агентов, так и добровольных осведомителей. В результате шпионаж настолько вошел в плоть и кровь японцев, что они занимаются им при всякой возможности, особенно находясь за границей. Отсюда Гесс сделал вывод, что любой японский турист или командировочный является потенциальным шпионом.

Эти наблюдения Гесса делают понятным, почему при организации своей системы шпионажа японцы обратились к германской системе тотального шпионажа Вильгельма Штибера, шефа военной разведки канцлера Бисмарка.

Вильгельм Штибер родился в мае 1818 г. в Саксонии в семье мелкого служащего. Намереваясь сделать из него священника, отец отправил сына изучать богословие в Берлин, но тот очень скоро забросил религиозные занятия и занялся юриспруденцией. На этом поприще молодой человек сумел сделать замечательную карьеру и вскоре стал одним из лучших берлинских адвокатов. Редактируя «Полицейский журнал» и будучи тайным агентом-provokатором, Штибер мог заблаговременно знакомиться с судимками против своих

клиентов и выигрывал процесс за процессом.

Однако Штибер был честолобив, карьера адвоката его не удовлетворяла. Он стремился к более высоким постам. Благодаря острому уму, умению использовать любую возможность в 1850 г. он был назначен комиссаром полиции и вновь преуспел в работе.

После отстранения от власти кайзера Фридриха Вильгельма Штибер временно покидает Германию и перебирается в Санкт-Петербург, где содействует реорганизации русской разведки и одновременно собирает разведданные для немецкой разведки.

Работа Штибера получила высокую оценку начальства, и в 1863 г. он был представлен канцлеру Пруссии Бисмарку, который вынашивал планы превращения Пруссии в сильнейшее государство Европы и обеспечения ее господствующего положения. Первым шагом на пути к этой цели должен был стать разгром Австрии. Придавая огромное значение предварительной разведывательной работе, Бисмарк поручил это дело Штиберу. Такого случая талантливый шпион ждал давно и выполнил задание с блеском. На основании его отчета военное руководство Пруссии разработало план военных действий, которые завершились полным разгромом австрийцев в сражении при Садовой.

В период подготовки к кампании против Австрии Штибер создал совершенно новую отрасль тайной полиции, которая стала предшественницей современной внешней разведки. Одновременно служба Штибера выполняла и функции контрразведки.

При подготовке вторжения прусской армии во Францию в 1870 г. Штибер буквально наводнил эту страну своими агентами. Было учтено все: количество скота на фермах, сбережения сельских и городских общин, места нахождения складов оружия и боеприпасов, протяженность дорог, наличие транспортных средств и укреплений, дислокация войск, фамилии офицеров, их привычки и склонности и т.д. От внимательных глаз и ушей Штибера не ускользнуло ничего.

По окончании Франко-прусской войны Штибер приступил к созданию новой широко разветвленной заграничной шпионской сети. В качестве своих агентов он использовал буфетчиков, официанток, горничных, служащих в иностранных отелях, рабочих, бродячих немецких музыкантов, парикмахеров, женщин легкого поведения и даже аристократок. Вся Европа была опутана этой гигантской сетью осведомителей. Да и в самой Пруссии тайная полиция была вездесущей.

Вскоре доктрина тотального шпионажа, сформулированная Штибером, получила широкое распространение во всем мире. От прусских офицеров, помогавших Японии создавать собственную регулярную армию, узнали о ее существовании японцы и направили к Штиберу для консультаций особую делегацию. Штибер был хорошим учителем и познакомил японцев со своей доктриной в деталях, ну а те, в свою очередь, оказались прекрасными учениками и вскоре смогли продемонстрировать «учителю» результаты своих уроков.

Во всю ширь японский шпионаж развернулся накануне и во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Япония готовилась к войне тщательнейшим образом. Японские шпионы наводнили Приморье, Маньчжурию, Северный Китай и Монголию. Группа офицеров генерального штаба под видом инженеров работала на постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Там же были сконцентрированы большие группы тайных агентов из числа завербованных китайцев, маньчжуров и корейцев, работавших на строительстве.

Многие японские агенты, офицеры генерального штаба, «специализировались» в качестве содержателей публичных домов и курилен опиума. Причем «японские» улицы таких городов как Владивосток, Никольск и другие почти сплошь состояли из публичных домов. Шпионы скрывались под видом проституток и сутенеров. Они не гнались за деньгами, но вылавливали из портфелей и карманов посетителей важнейшие документы.

Одной из самых распространенных среди японских разведчиков была профессия фотографа. Из «фотографов» особенно прославился некий Нарита, который занимался шпионажем во Владивостоке. Нарита специализировался на групповых снимках военнослужащих и брал меньше, чем другие. Поэтому желающих сниматься у него всегда было хоть отбавляй. Недели за 2 до начала войны он исчез из города, имея в багаже точнейшие сведения об офицерском составе гарнизона, задокументированные фотографиями и автографами незадачливых офицеров!

Нередко японские шпионы скрывались под обликом приказчиков магазинов, парикмахеров, лакеев, кучеров, коммивояжеров, точильщиков ножей, скупщиков старья... Особенно успешно орудовали «домашние брадобреи» на службе российских чиновников, генералов и дипломатов. В домашней обстановке они преспокойно переписывали и перефотографировали секретные документы, нередко хранившиеся совершенно небрежно.

За какую только работу не брались японские шпионы! Известно, что подрядчиком по очистке нечистот в Порт-Артуре был помощник начальника 3-й японской армии! Частые поездки по городу этого «подрядчика», обычно сидевшего на ассенизационной бочке, оказались весьма полезными для японского командования. Когда 3-я японская армия генерала Ноги напала на Порт-Артур, ее офицеры были прекрасно осведомлены о каждом уголке крепости, включая расстановку кораблей на рейде, местонахождение мощных прожекторов, предназначенных для ослепления противника, и т.д.

Японцы располагали большим количеством шпионов, в совершенстве владевших русским языком. Для их подготовки перед началом русско-японской войны в ряде японских университетов были открыты кафедры русского языка и литературы.

Разведкой у японцев занимались: особое отделение генерального штаба, отдел разведки военно-морского ведомства, информационная служба министерства иностранных дел, а также различные националистические «тайные» общества.

Эти «тайные» общества были типично японским новшеством. Все они исповедовали идеи превращения Японии в гегемона на Востоке и божественного происхождения японского народа. Формально они не были тайными, скрывалась лишь их причастность к шпионажу.

Так уже в 1879 г. было создано общество «Гэньёся» – «Общество черного океана». «Гэньёся» открыто пропагандировало идеи захвата Китая, Кореи российского Дальнего Востока и тайно вело шпионаж против России.

Создание «Гэньёся» положило начало организации других националистических обществ, внешне имевших различные предназначения, но в тайне ставивших одну единственную цель – выявлять уязвимые места у китайцев и русских, вести подрывную и разведывательную работу на их территории, готовить почву для японского вторжения.

В 1898 г. 2 небольших общества, возникшие вскоре после «Гэньёся», объединились и образовали «Восточно-азиатское общество единой культуры». Официально его целью была объявлена выработка и распространение единой системы письменности для японо-китайского сближения. Деятельность этого общества ограничивалась территорией Китая.

В Шанхае японцы основали школу, известную как колледж Тун Вэня. Она готовила своих слушателей для работы в качестве тайных агентов в Восточной Азии. К 1908 г. колледж закончили 272 человека, которые затем были направлены на работу в Китай, Бирму, Индию и на Филиппины. Колледж продолжал свою бурную деятельность до самой капитуляции Японии в 1945 г.

Самым значительным из всех японских националистических обществ было Кокурюкай – «Общество черного дракона», основанное в 1901 г. Утидой Рёхэем. «Черный дракон» – это японское название реки Амур. В самом названии этой организации содержался намек на его главную цель – вытеснить русских за Амур. Вся деятельность Кокурюкай была направлена на войну с Россией, цель его работы заключалась в обеспечении успеха японской армии при помощи своих шпионских сетей. Все создатели «Кокурюкай» имели опыт шпионажа в Азии. К 1944 г. Кокурюкай насчитывало свыше 10000 членов. Его деятельность охватывала такие отдаленные друг от друга районы как Россия, Северная Африка, США и Латинская Америка.

Как и другие подобные организации, общество «Кокурюкай» имело ряд собственных учреждений. Так в Токио ему принадлежало 2 школы, где проводилось обучение шпионажу. Подобная же школа существовала и в Осаке.

Формально японские националистические общества – «Гэньёся», «Кокурюкай» и другие – были негосударственными организациями и не зависели друг от друга. На деле же, все они имели тесные связи с правительством и между собой и проводили единую политику, направленную на установление господства Японии в Азии, а затем во всем мире. Они оказывали постоянное сильное влияние на сторонников агрессивного курса в Японии, помогали тем, кто сочувствовал их целям занять высокие посты в правительстве и армии, устраняли их

противников – политически или физически.

Своих членов националистические общества вербовали среди представителей различных социальных слоев. Например, членом «Кокурюкай» был премьер-министр Хирота Хиротакэ. Основным требованием к членам была беззаветная верность. Именно замечательная преданность членов привела к тому, что деятельность этих организаций за пределами Японии стала весьма значительной и опасной для других стран, в первую очередь для России. Агентам не обещали никаких наград, да они и не рассчитывали на это, считая, что их наградят боги. В националистические общества входили многие военнослужащие, работники официальной службы разведки. В свою очередь националистические общества отдали разведке многих своих лучших агентов.

Все агенты националистических обществ проходили курс обучения в специальных школах, где они изучали иностранные языки, методы конспиративной работы, а также дзю-дзюцу. Возможно, некоторые из них осваивали определенные приемы и из арсенала ниндзя.

С началом русско-японской войны большинство японских агентов покинуло вражескую территорию и с этого момента основной ударной силой японского шпионажа стали наскоро обученные китайцы, монголы и корейцы. Это сильно снизило качество работы, но в условиях использования колоссального количества агентов и почти полного попустительства русской контрразведки все равно обеспечило японскую армию необходимыми данными.

Разведка внесла огромный вклад в победу Японии в русско-японской войне. Например, французский корреспондент Людовик Нодо так оценивал деятельность японских шпионов: «Если бы меня после моего 10-месячного пребывания в Маньчжурии спросили, чем объясняю я... тот успех, который японцы одержали над русскими, то я ответил бы: японцы знали, а русские не знали».

По оценкам специалистов, ни в одной из предыдущих войн шпионаж не применялся в столь широких размерах, как в русско-японской войне 1904-1905 гг. В 1904 г. на разведывательную деятельность против России японцы истратили более 10% всех средств, ассигнованных на войну. В результате японцы постоянно на шаг опережали русские войска. Например, о готовящемся кавалерийском рейде на Инькоу генерала Мищенко штаб фельдмаршала Оямы был осведомлен по крайней мере за 2 недели до того, как об этом узнали русские части, которые должны были принять участие в налете.

Хотя японский шпионаж в период русско-японской войны и по размаху, и по организации сильно отличался от старинного нин-дзюцу, анализ методов добывания сведений, которыми пользовались рядовые японские агенты показывает, что в ряде случаев они использовали традиционные уловки ниндзя. Приведем несколько примеров.

В одно селение, где был расквартирован Н-ский полк, пришел фокусник китаец, который оказался замечательным мастером своего дела. Его выступление немало потешило солдат и офицеров, и они щедро одарили его деньгами. Однако фокусник попросил еще написать ему рекомендацию и заверить ее полковой печатью, чтобы ему было легче пройти в расположение других военных частей. Просьба китайца была удовлетворена. Постепенно он переходил из одного селения в другое, где стояли воинские части и в каждой после представления получал рекомендации с печатями. В результате этого «турне» японский шпион собрал документальные данные о расположении ряда частей русской армии, скрепленные полковыми печатями...

Для передачи сообщений японские шпионы применяли следующую уловку. Нарядившись уличным торговцем, агент нес в корзине товары различных цветов. Каждый цвет обозначал определенный род войск, а мелкие предметы – различные виды оружия: трубки – тяжелую артиллерию, папиросы – полевые пушки. Количество предметов точно соответствовало количеству того или иного вооружения на данном участке фронта. Кроме того, на товарах мельчайшими иероглифами делались записи, которые по отдельности ничего не значили, но собранные воедино составляли шпионское донесение.

Основную проблему передачи информации через линию фронта японские шпионы решали вполне традиционным способом – при помощи сигнальных огней, флажков, солнечных зайчиков.

В принципе все эти методы были прекрасно известны средневековым ниндзя.

Большинство из них описаны, например, в «Сёнинки». Однако мы точно не знаем, обучали ли им своих агентов – по большей части китайцев, корейцев и маньчжуров – японские инструктора и, если да, то откуда сами они почерпнули эти знания, или же это было просто проявлением находчивости китайских осведомителей.

Никаких точных данных о задействовании в шпионаже ниндзя, натренированных по старинной методике, пока не найдено. Однако в истории японского шпионажа 20-40-х гг. XX в. встречается по крайней мере одна фигура, весь образ действий которой наводит на мысль о знакомстве с методами нин-дзюцу. Речь идет о генерале Доихара Кэндзи (1883-1948), который сначала был руководителем японского шпионажа в Китае и Маньчжурии, потом был назначен начальником всей системы японского военного шпионажа, в 1938-1940 гг. командовал Квантунской армии, в 1940-1943 гг. состоял Высшим Военным советником при императоре Хиро-хито, в 1944-1945 гг. командовал японской группировкой в Сингапуре. После войны Доихара был приговорен к повешению за распространение наркотиков в Маньчжурии и зверства.

Доихара Кэндзи был фигурой чрезвычайно таинственной. Это был человек маленького роста, склонный к полноте, носивший усики «а ля Чарли Чаплин» и в совершенстве владевший фехтованием мечом. По свидетельству сотрудников он был в состоянии в весьма короткий срок похудеть или пополнеть на 10 кг и умел столь изумительно преобразиться, что даже ближайшие коллеги не могли его опознать. При этом Доихара обладал фантастическими лингвистическими способностями, он в совершенстве владел 9 европейскими языками и 4 китайскими диалектами. На всех он говорил без малейшего акцента.

Как Доихара попал в японскую разведку точно неизвестно. По одной легенде, он якобы послал одному из японских принцев фотографии своей сестры, которая была замечательной красавицей, в обнаженном виде, сделал ее наложницей принца и через нее получил назначение на шпионскую работу в Китай в качестве помощника военного атташе в чине майора.

В Китае Доихара завертелся словно белка в колесе. Он стремился к практической реализации идеала «Азия для японцев», а для этого использовал весь спектр возможных тайных приемов: саботаж, подкуп, убийства, диверсии, развращение... По утверждению одного высокопоставленного китайского чиновника, «Доихара имел среди китайцев знакомых больше, чем любой китаец, занятый самой активной политической деятельностью».

Доихара вступил в сговор с влиятельной политической группировкой Аньфу в расчете на ее поддержку в покорении Китая. Однако его ставка оказалась битой: возмущенный предательством и продажностью руководителей китайский народ поднялся против правительства, а восставшие студенты осадили президентский дворец, где укрылся главный пособник японцев президент Сюй. Сюй был страшно напуган, так как боялся, что студенты убьют его, но никто не мог ему помочь. В этой ситуации только Доихара сохранил спокойствие и способность соображать. Он решил спасти Сюя, чтобы еще больше усилить свое влияние на китайское руководство, а для этого воспользовался классическим методом нин-дзюцу, имеющим колоритное название «какурэмино-но дзюцу» – «способ плаща-невидимки».

Доихара спрятал Сюя в большую плетеную корзину, забросал его грязным бельем, завязал крышку, приказал двум слугам нести корзину за собой и направился прямо навстречу разъяренным студентам. Подойдя к ним, он поднял руку для привлечения внимания. При виде его невозмутимого лица толпа замолчала.

– Если вы ищете президента Сюя, – крикнул он так громко, чтобы слышали все, – боюсь, вам не повезет! Я только что обошел весь дворец, но его нигде нет. А ну-ка, ребята, дайте пройти этим людям! Если у вас восстание, это еще не причина, чтобы белье не стирать!

Его улыбка и несоответствие бельевой корзины всему происходящему подействовали на толпу. Студенты со смехом расступились, и носильщики беспрепятственно вынесли корзину из дворца, после чего Сюй укрылся в японском посольстве.

Немало усилий приложил Доихара для установления контроля над Маньчжурией, которую японцы намеревались использовать в качестве плацдарма при завоевании северного Китая. Однако в Маньчжурии имелся сильный и решительный руководитель маршал Чжан Цзо-лин. В этой ситуации было принято решение о его физическом устранении. 4 июня 1928 г. киллеры Доихары организовали взрыв поезда Чжан Цзо-лина, при котором маршал был убит.

После устранения Чжан Цзо-лина перед Доихарой встала проблема организации буферного марионеточного государства в Маньчжурии для прикрытия действий японской военщины. Для этого на трон нужно было посадить последнего маньчжурского императора Генри Пу И. Однако безвольный робкий Пу И на сей раз наотрез отказался сотрудничать с японцами. Убить его так же как Чжан Цзо-лина, Доихара не мог, так как это сразу бы обнажило японские агрессивные планы. Оставалось только каким-то способом заставить Пу И изменить свое решение. Что только не делали для этого Доихара и его ближайшая помощница – некая Кавадзима Ёсико, гениальная шпионка и по некоторым сведениям 10-я дочь принца Су из маньчжурской династии. Ни женские чары Ёсико, ни бомбы, подложенные в кровать Пу И на него впечатления не произвели. Но в конце концов Ёсико сумела нащупать слабинку принца: он жутко боялся змей и испытывал к ним отвращение. Когда он увидел на своей постели гадюку, это произвело на него такое впечатление, что он тут же принял предложение Доихары.

Весь этот эпизод с поиском «ключика» к Пу И не может не напомнить известное учение ниндзя «годзё-гоёку-но дзюцу – „метод [использования] пяти слабостей (годзё) и пяти желаний (гоёку) [для манипулирования противником]. Нужно отметить, что случай с Пу И не был чем-то особенным или выдающимся в практике Доихары. Напротив, он показывает самый типичный образец его работы. Точно таким же образом Доихара подбирал «ключи» и к другим нужным ему людям. Вот, например, как он завербовал чиновника центрального банка Китая Хуан Шень.

... С завершением маньчжурского инцидента Доихара перенес свое внимание на северные провинции Китая. Первым делом он стал искать нужных ему людей среди лиц, занимавших высокие посты. Одним из них и был Хуан Шень, с которым японский шпион решил познакомиться лично.

Но как подойти к высокопоставленному китайцу? Как добиться его доверия? Как проникнуть в потаенные мысли? Осведомители Доихары сообщили, что Шень большой любитель золотых рыбок. «Вот и предмет для знакомства!» – решил японец. За несколько дней он выучил названия и особенности 600 различных видов золотых рыбок и поэтому, когда он «случайно» повстречался с Шенем у пруда с золотыми рыбками неподалеку от храма «Небесный алтарь», ему было о чем поговорить с «подопечным». Разговор о рыбках стал поводом для знакомства: Доихара представился финансистом и покровителем изящных искусств Ито Сомо. После знакомства «Ито» и Хуан Шень стали встречаться у храма чуть ли не каждый день и постепенно стали лучшими друзьями. Однажды после разговора о привычках одного из видов рыб Хуан Шень признался, что у него есть еще одна страсть – женщины. Но, к несчастью, он испытывает финансовые затруднения и не может позволить себе в должной степени отдаться этому увлечению. Через день или два Хуан Шень получил подарок в 200000 китайских долларов. Он удивился и поначалу отказался принять его, но Сомо успокоил чиновника, да и соблазн был велик. Короче, Хуан Шень не устоял, и попал на удочку Доихары. Через некоторое время он передал японцам план нападения на японскую речную флотилию, стоявшую на якорю в Ханькоу...

Японский шпионаж накануне второй мировой войны носил поистине тотальный характер. Японские агенты проникали во все страны, выведывали все тайны, готовясь к вступлению в войну за мировое господство. Подлинным триумфом японского шпионажа стало уничтожение американского флота на его базе в Пирл-Харборе 7 декабря 1941 г.

Во время боев в джунглях Индонезии и Индокитая японцы активно использовали специальные мобильные диверсионные группы, подготовленные к действиям во вражеском тылу, способные выживать в тяжелейших условиях. Уже через много лет после окончания войны эти группы произвели настоящий фурор: в периодической печати разных стран сообщалось, что они «продолжают выполнять неотмененные приказы своих начальников, полученные во время войны, ведя боевые действия». Особенно примечателен случай с лейтенантом Онода Хироо, который в течение 30 лет после капитуляции Японии вместе с несколькими подчиненными скрывался в джунглях филиппинского острова Лубанг, продолжая вести партизанскую войну. Когда Онода был обнаружен и разоружен, он рассказал о той специальной подготовке, которую прошел в диверсионной школе, с 1944 г. находившейся в местечке Футамата: «Наша подготовка сильно отличалась от той, которую мы получили в офицерском училище. Там нас учили ни о чем не думать и лишь вести свои подразделения в

бой, будучи готовыми умереть, если это необходимо. Единственной целью было атаковать силы противника и убить как можно больше врагов до того, как убьют тебя. В Футамата, однако, мы научились тому, что целью является остаться в живых и продолжать бой в качестве партизан как можно дольше, даже если это повлечет за собой такую ситуацию, которая в нормальных условиях рассматривалась бы как позор... Нас учили, что разрешается даже сдаваться в плен. Нам объясняли, что став пленниками, мы должны давать врагам ложную информацию. На самом деле, мог наступить даже такой момент, когда мы сами должны будем позволить нашим врагам захватить нас... Практически никто не должен был знать о нашей службе нашей стране – такова была судьба тех, кто вел тайную войну».

Аналогичная картина наблюдалась в начале 80-х гг. на Соломоновых островах. На острове Велья-Лавелья, по словам местных жителей, еще скрывались японские спецназовцы, не знавшие о давнем окончании войны. Министерством здравоохранения и социального обеспечения Японии была даже организована экспедиция для их отыскания.

Подготовка этих подразделений не может не вызвать удивления и восхищения. Причем речь идет не столько о физической натренированности, сколько о невероятной психологической закалке. Ведь просидеть в джунглях 30 лет в полном отрыве от внешнего мира и не сойти с ума вовсе не шутка.

Система подготовки японских диверсантов вызывает большой интерес у исследователей нин-дзюцу. Школа в Фу-тамата была филиалом центральной разведывательной школы Накано-гакко (помимо «Школы в Накано» подготовкой разведчиков и диверсантов занимались также такие заведения как Токуко – Особая высшая школа – и Бактериологический научно-исследовательский центр). По утверждению Кимуры Бумпэя, автора обстоятельного исследования системы подготовки японских диверсантов «Кёфу-но киндай борякусэн», опубликованного в 1957 г., в Накано-гакко курсанты практически овладевали самыми разными методами и уловками ниндзя, но упор делался на традиционную психологическую закалку.

Планам милитаристов не было суждено осуществиться. В войне Япония потерпела полное поражение. После капитуляции деятельность всех националистических обществ была запрещена, многие их руководители вместе с рядом работников официальных разведорганов оказались на скамье подсудимых по обвинению в преступлениях против человечества. По новой конституции страна Восходящего солнца отказалась от вооружений и создания армии. Однако японская разведка не сгинула бесследно. Многие специалисты получили приглашение на службу в ЦРУ. Авторы некоторых работ по ниндзя предполагают, что в их числе было и несколько мастеров нин-дзюцу. Туда же были вывезены архивы японских разведорганов...

Ниндзямания в Японии

В то время как японское правительство было озабочено созданием эффективных разведорганов, массовое сознание японцев оказалось в плену у очаровательного образа «ночных невидимок» ниндзя.

С конца прошлого века в Осаке существовало частное издательство «Татикавабунко». Оно специализировалось на дешевой развлекательной литературе – рассказах о похождениях самураев, знаменитых монахов, разбойников и т.д. Душой всего предприятия был старый профессиональный рассказчик Тамада Гёкусюсай, знавший тысячи занимательных сюжетов и обладавший выдающимся красноречием. Фактически, издатели просто переносили на бумагу его замечательные рассказы. Первой книгой «Татикава Бунко» стала книга «Дзэнский наставник на отдыхе», вышедшая в самом начале XX в. За ней последовали «Золотые ворота Мито», «Ивами Дзютаро», «Окубо Хикодзаэмон» и др. Эти книги пользовались большой популярностью, но постепенно объем продаж издательства стал падать. Требовалось найти нового героя, способного привлечь публику. И тут Тамаде вспомнились предания о знаменитых воинах Санады Юкимуры. В некоторых сказаниях упоминался ниндзя, который был прыгуч, словно обезьяна, и совершал невероятные проделки. Ну чем не герой?! Но как его назвать? Феноменальная память Тамады напомнила ему, что на о-ве Кюсю у подножия горы Исидзути есть мост «Сарутоби-хаси». Вот и имя для героя, ведь «Сарутоби» значит «прыгающая обезьяна». По замыслу создателей образа это должен был быть отважный воин, умный и

преданный, короче, классический герой. По ходу дела он будет расправляться с отступниками, нарушившими заповеди ниндзя. Их подобрали из все тех же героев устных сказаний: Исикава Гоэмон, Ники Дандзо, Дзирая и другие. Так появилась на свет книга «Мастер нин-дзюцу Сарутоби Сасу-кэ». Книга имела колоссальный успех. Тираж был раскуплен в мгновение ока. Жителям Осаки пришлось по душе деяния ниндзя-героя, защищавшего их родной город от врагов. К тому же книга была написана добротным языком и с немалой толикой юмора. Увидев такой успех «Сарутоби Сасукэ», редакция «Татикава бунко» решила продолжать в том же духе. Так появились на свет десятки замечательных романов о легендарных «невидимках»: «Сарутоби Котаро», «Маленький тэнгу Сарутоби», «Маленький тэнгу Санада», «Большие деяния нин-дзюцу», «Нин-дзюцу: буря в Эдо», «Маленький тэнгу Киритаро», «Дзинцу Котаро», «Нин-дзюцу: сто обезглавленных», «Маленький тэнгу Касумигакурэ», «Похвальное нин-дзюцу Сасукэ», «Состязание в нин-дзюцу», «Три героя нин-дзюцу», «Нин-дзюцу: Гэндзо из Набари», «Момоти Мицүэмару», «Четыре небесных царя нин-дзюцу», «Мастера нин-дзюцу в сборе», «Нин-дзюцу: Кумогакурэ Рютаро», «Саруватары Торатаро», «Синдо Хэбимару», «Сиратацу Мон-дзюмару», «Момоти Хатири», «Нин-дзюцу: Фума Рютаро», «Муракумо Рютаро», «Тацумаки Кумохира», «Киригакурэ Дайдзо», «Тодзава Ямасиро-но Ками», «Состязание в нин-дзюцу перед Тоётоми и Одой» и другие.

Эти книги в начале XX в. стали любимым чтивом для миллионов японцев. Многие хотели быть похожими на легендарных героев. Возможно, отчасти поэтому японцы вступали в националистические общества, шли работать в разведку, наполняли залы боевых искусств. Во всяком случае в Японии в этот период сложился благоприятный климат для развития шпионажа, который отнюдь не считался чем-то постыдным. Об этом свидетельствует, например, интерес японцев к экспозиции Токийского военного музея, где были выставлены портреты и костюмы легендарных агентов времен русско-японской войны.

На фоне повального интереса к ниндзя постепенно стали появляться и довольно серьезные работы на эту тему. Особо хотелось бы отметить исследование Буё Кэнкэнся «Со-кусэки кацүё. Нин-дзюцу кий-дзюцу хидэн» – «Секретные традиции нин-дзюцу и кий-дзюцу. Мгновенное применение», подготовленное Токийским научным обществом изучения гипноза и увидевшее свет в 1917 г.

Во время второй мировой войны, когда американская авиация бомбила японские города, и после нее, когда разруха и хаос не оставляли времени на развлечения, а боевые искусства были под запретом, о нин-дзюцу на некоторое время замолчали. Но ненадолго. С середины 50-х гг. одна за другой стали появляться многочисленные книги о «воинах ночи» средневековой Японии. Особенно плодовитым автором в этой области оказался Ямада Футаро, написавший несколько десятков повестей о ниндзя: «Книга о нинпо Кога», «Книга о нинпо Эдо», «Книга о нинпо Хида», «Книга о нинпо куно-ити», «Книга о нинпо Внешнего пути», «Книга о лунном свете ниндзя», «Сокровищница вассальной верности нинпо», «Книга о нинпо Сингэна», «Книга о нинпо Приходящего с ветром» (в 2-х частях), «Книга о нинпо Ягю» (в 3-х частях), «Книга о мимолетном нинпо», «Книга о нинпо побелевших костей скелета», «Книга о нинпо Ига», «Шпионская свастика», «Черт-меченосец – Будда Рама», «Веселый гадалщик», «Путешествие по миру злых духов» (в 2-х частях) и другие.

Его книги сильно отличались от изданий «Татикавы». Здесь уже не было конфуцианской морали, утверждающей победу добра над злом. Зато было полным-полно эротических сцен, крови и мистики. С творчеством Ямады Футаро россияне могли ознакомиться по телепостановкам одной из книг этого автора – «Книги о нинпо куноити», которые недавно появились на видеорынке.

Выход книг Ямады Футаро совпал со второй волной «нин-дзямании» в Японии. В 50-х-60-х гг. на помощь писателям пришли кино и телевидение со своими колоссальными возможностями. На экране ниндзя стали летать, прыгивать с невероятной высоты, мгновенно исчезать, превращаться в жабу или тигра, ходить по воде и т.д. В это время появляются такие сериалы как «Шпионы-фехтовальщики», «Фудзима-ру – Мальчик-ниндзя», яркие трюковые кинофильмы «Синоби-но моно» и «Синоби-но моно – 2», к постановке которых привлекался Окусэ Хэйситиро, «Замок совы» и «Нинпо куноити». Несколько позже на экраны вышли киновоевики с участием замечательной группы каскадеров и мастеров будо под руководством

Тибы Синъити (Сонни Шибя) «Момоти Сандаю» (прошел на российском телевидении под названием «Ниндзя правителя»), «Тень сегуна» и другие; прекрасный сериал «Одинокий волк с ребенком» («Убийца сегуна») с блистательным Вакаяма Томисабуро в главной роли и т.д. Публика, еще мало разбиравшаяся в тонкостях киносъемки, была просто очарована невероятными возможностями героев этих фильмов.

В начале 60-х гг. бум ниндзя в Японии достиг своего пика. По телевидению ежедневно шли сериалы о шпионах средневековья, все кинотеатры показывали фильмы о них. Волна «ниндзямании» захватила практически все возрастные категории – от пожилых до малышей. В это время игра в ниндзя стала самой распространенной детской игрой. Ямагути Масаюки отмечает такой факт: в январе 1964 г. все 3 крупнейших детских журнала Японии опубликовали специальные приложения с рассказами о похождениях ниндзя в виде комиксов. В прессе отмечалось, что первое место среди товаров, купленных в канун Нового года в подарок детям, занимали настольная игра с костями и фишками «Кога нинпо Сугороку», электрический возвращающийся сюрикэн и игрушечное ружье «Ниндзя», выстреливающее сюрикэны. Многие дети хотели стать настоящими ниндзя и всячески подражали любимым киногероям. Было зарегистрировано несколько случаев, когда дети «ниндзя» выпрыгивали из окон 2 – 3 этажа и разбивались насмерть. Кое-где ребяташки под-кладывали под колеса поездов гвозди, расплющивали их таким образом, а потом метали как сюрикэны или попросту вырезали звездочки из крышек консервных банок. Иногда такие сюрикэны выпускались и в живую мишень, например, в дядю-полицейского на соседней улице. Был даже зафиксирован случай, когда 13-летний подросток, одетый в полный костюм ниндзя, обвешанный звездочками, с мечом за спиной попытался перелезть через ограду императорского дворца в Киото. Когда охрана схватила его и притащила в полицейский участок, на удивленные вопросы он отвечал, что прекрасно знал, что дворец хорошо охраняется, и потому решил испытать свое шпионское умение именно в этом месте.

Нет ничего удивительного в том, что общественность стала выступать с протестами против раздувания «ниндзямании». В ряде японских городов образовательные комитеты приняли постановления, запрещающие игры «в ниндзя». С другой стороны, многие были не прочь погреть руки на интересе широкой публики. По утверждению Ямагути Масаюки к 1961 г. на тему нин-дзюцу было опубликовано около 10000 книг разного рода – от детских комиксов до серьезных исследований – снято огромное количество кино- и телефильмов. Магазины были забиты разного рода «ниндзевскими» штучками и примочками. Именно в это время на родине ниндзя в г. Ига Уэно был создан музей «Шпионская усадьба» – «Ниндзя ясики», который стал местом паломничества десятков тысяч японцев. Видя такой успех этого предприятия некоторые предприимчивые дельцы выстроили ниндзя-ясики и в других городах, выдавая их за подлинные дома ниндзя.

Естественно, что очень многие, посмотревшись фильмов и начитавшись книг, мечтали научиться нин-дзюцу. А как известно, спрос порождает предложение. В результате в Японии появились десятки самозванцев, объявивших себя «хранителями древних традиций». Так «Большой энциклопедический словарь школ боевых искусств» («Бугэй рюха дайджитэн»), созданный двумя крупнейшими специалистами по истории бу-дзюцу и будо Вататани Киёси и Ямадой Тадаси и изданный в 1969 г., к числу «подозрительных» относил такие школы как Ига-рю в исполнении «17-го патриарха» Ига Сиро Юсая Норихиро (приговор «Бугэй рюха дайджитэн» краток, но выразителен: «То, чем он занимается, не превышает уровня театрального искусства киай и счета в уме»), Курода-рю в исполнении Мацуо Кэнфу из Июкогамы («Выдаёт себя за представителя школы нин-дзюцу Курода-рю. Является мастером боя железным веером тэссэн и кусаригама школы Ягю-рю») и другие.

Фудзита Сэйко – последний ниндзя

Пожалуй, меньше всего претензий предъявлялось к Фуд-зите Сэйко, который называл себя 14-м патриархом школы нин-дзюцу Кога-рю ветви Вада-ха. Фудзита действительно был человеком незаурядным. Он утверждал, что в состоянии концентрации видел в 8 раз яснее и слышал в 14 раз лучше, чем обычные люди. Тренируя выдержку и способность переносить

боль, он втыкал в себя сотни иголок. Чтобы выработать невосприимчивость к ядам Фудзита «продегустировал» сотни ядов. В интервью, вошедшем в знаменитую заметку журнала «Ньюсуик» от 3 августа 1964 г., он сказал: «Я съел немало серной кислоты, крысиного яда, ящериц, 879 стаканов и 30 кирпичей». По признанию ниндзя, стаканы есть совсем несложно, а вот кирпичи... Чтобы съесть один кирпич требуется целых 40 минут! При всей невероятности этих утверждений, им можно доверять. Дело в том, что и в весьма преклонном возрасте Фудзита Сэйко демонстрировал вещи фантастические. По свидетельству одного из журналистов, в 63 года ниндзя левой рукой последовательно вынимал из суставов сначала пальцы, затем локоть и, наконец, плечо правой, после чего придавал ей самые невероятные положения, разве что не завязывал узлом.

Традицию нин-дзюцу он унаследовал у своего отца, Фудзиты Мориносукэ, который был потомком по прямой линии знаменитого ниндзя из Кога Вада Ига-но Ками и одним из лучших сыщиков начала XX века. Помимо родовой школы Фудзита владел еще бо-дзюцу и кэн-дзюцу школы Дайэн-рю, созданной ямабуси Дайэном, дзё-дзюцу школы Синдо Мусорю и рядом других школ традиционных боевых искусств.

По некоторым сведениям, Фудзита служил в разведывательных органах и выполнял ряд особых поручений в Китае и Маньчжурии, а во время второй мировой войны возглавлял отряд спецназа, действовавший где-то в джунглях Индокитая. Впрочем сам Фудзита эти страницы своей биографии не особенно афишировал.

Фудзита внес значительный вклад в изучение истории нин-дзюцу, облазив на пару с Окусэ Хэйситиро все горы Ига и Кога. Результатом его изысканий стали несколько книг и статьи о нин-дзюцу в ряде энциклопедий. К самым известным трудам Фудзиты относятся такие книги как «Нин-дзюцу хироку»⁶⁹ (1936), «Сюрикэн-дзюцудзукай кёхон»⁷⁰ (1953) и «Кога-рю ниндзя итидайки»⁷¹ (1968).

Будзинкан-додзё и Хацуми Масааки

В настоящее время во многих странах Европы и Америки огромную популярность завоевала «школа нин-дзюцу» Тогакурэ-рю, преподаваемая в рамках программы организации Будзинкан – «Дом божества войны», созданной японцем Хацуми Масааки (Ёсиаки) на основе 9 традиционных школ бу-дзюцу. Многочисленные приверженцы Будзинкана широко пропагандируют Тогакурэ-рю как единственную сохранившуюся до наших дней аутентичную школу нин-дзюцу, а Будзинкан – как воплощение подлинных боевых традиций «воинов-невидимок».

Согласно утверждениям Хацуми Масааки, он унаследовал у своего учителя Такамацу Тосицугу 9 древних школ ниндзя: Тогакурэ-рю, Кумогакурэ-рю, Куки синдэн-рю (Куки-син-рю), Такаги Ёсин-рю, Гекко-рю, Гёкусин-рю, Кото-рю, Гикан-рю и Синдэн фудо-рю. Такамацу же изучал их у Тоды Синрюкэна Масамицу и Иситани Мацутаро, которые оба были связаны с кланами ниндзя Ига: Тода Синрюкэн Масамицу как 32-й патриарх «древнейшей школы нин-дзюцу» То-гакурэ-рю, а Иситани как потомок семьи тюнинов из Ига.

Попытаемся разобраться в происхождении 9 рю, которые стали «фундаментом» Будзинкана, и выяснить их причастность к ниндзя. Для этого обратимся к данным весьма авторитетной энциклопедии «Бугэй рюха дайджитэн».

Из всех 9 школ Будзинкана только первые 2 – Тогакурэ-рю и Кумогакурэ-рю – являются непосредственно школами нин-дзюцу. Остальные 7 школ включают приемы боя различными видами оружия и без него. С них и начнем свой анализ.

Итак, Куки синдэн-рю. На этой школе нужно остановиться особо, так как практически вся

⁶⁹ «Тайные записки о нин-дзюцу».

⁷⁰ «Иллюстрированное наставление по сюрикэн-дзюцу».

⁷¹ «Записки одного поколения ниндзя школы Кога-рю».

техника работы с оружием в Будзинкане позаимствована из нее, что не скрывает сам Хацуми. К тому же Куки синдэн-рю школа очень влиятельная, оставившая большой след в истории японских бу-дзюцу.

Куки синдэн-рю – «божественная традиция семьи Куки» – является школой комплексного боевого искусства (сого бу-дзюцу) и включает в себя технику боя мечом, длинным шестом, короткой палкой, алебардой, копьем, приемы борьбы без оружия в доспехах (кумиути) и без них (дзю-дзюцу), серпом на цепи (кусаригама), метания сюрикэнов, боевого плавания и использования зажигательных средств, а также костоправные методы (сэйкоцу).

Как видно из самого названия школы, она передавалась в семье Куки. Основателем клана Куки и одновременно Куки синдэн-рю считается Куки Якусимару Курандо Такадзанэ, который прославился своими подвигами в 30-х гг. XIV в., когда он сражался на стороне императора Годайго против клана Ходзё и мятежника Асикаги.

Семья Куки принадлежала к слою мелких феодалов и активно занималась пиратством. Благодаря этому Куки прославились, прежде всего, как замечательные флотоводцы. Достаточно упомянуть знаменитого самурая этого клана Куки Ёситаку, «адмирала» Оды Нобунаги и Тоётоми Хидэёси.

Внук Ёситаки, Куки Садатака (XVII век) познакомил с учением семейной школы Окуни Кихэй Сигэнобу из провинции Идзумо, который к тому времени уже был 29-м патриархом школы Тёсуй-рю, созданной по преданию Отомо Кома-ро, изучавшим искусство рукопашного боя у китайского мастера Цзянь Чжэня, приехавшего в Японию в правление императрицы Кокэн (749-758), и известной под названием «Тёсуй-рю дакэн-дзюцу» – «Искусство кулачных ударов Тёсуй-рю». С Окуни Сигэнобу берет начало «внешняя» ветвь (в противоположность «внутренней» ветви семьи Куки) Куки синдэн-рю, традицию которой и унаследовал Хацуми Маса-аки. Никаких сведений о причастности Куки к ниндзя нет, как нет и упоминаний о передаче этой семейной традиции в руки кого-либо из «невидимок». Правда в источниках сообщается, что позже Окуни Кихэй стал ямабуси на горе Кума-но, но было это во второй половине XVII в., когда ямабуси уже давно утратили былую воинственность, а нин-дзюцу медленно умирало. Непричастность Куки синдэн-рю к ниндзя подтверждается и самой техникой школы, о чем свидетельствуют недавно выпущенные учебные фильмы самого Хацуми, в которых приемы боя с оружием (с мечом, копьем и шестом) и без него демонстрируются в тяжелом самурайском доспехе ёрои! Кстати, «секретная ниндзевская техника» фехтования мечом в Куки синдэн-рю в действительности по прямой линии восходит к таким «самурайским» школам как Катори Синто-рю (ее изучал Окуни Киёдзаэмон-но дзё у наставника Такатани Гэндзаэмона) и Бокудэн-рю, основанной одним из учеников Цукахары Бокудэна, последователя Катори Синто-рю и создателя Касима Синто-рю. Таким образом, практически вся техника боя с оружием и часть техники борьбы без оружия в Будзинкане никак не связаны с традициями рукопашного боя ниндзя.

Такаги Ёсин-рю, другая школа, входящая в программу Будзинкана, является родственницей Куки синдэн-рю. Такаги Ёсин-рю – «Школа возвышающегося сердца семьи Такаги» – ветвь одной из крупнейших школ японских бу-дзюцу Такаги-рю. Она включает в себя технику боя шестом, копьем, алебардой, метание сюрикэнов и дзю-дзюцу.

По преданию, основы Такаги-рю заложил буддийский монах Унрю – «Текущее облако» – из провинции Рикудзэн, что на севере Хонсю. Произошло это в 1570 г.

Унрю передал свое учение некоему Ито Кии-но Ками Сукэтаде, который положил в основу своей системы технику боя длинным шестом (бо-дзюцу) и разработал приемы с копьем, алебардой, короткой палкой, мечом и кодати.

С начала XVII в. эта традиция стала передаваться в небольшой самурайской семье Такаги, служившей князьям Сироиси и давшей свое имя этой школе бу-дзюцу. Большую роль в становлении Такаги-рю сыграл Такаги Ориуэмон Си-гэтоси (1625-1711), который добавил к имевшейся технике некоторые приемы сумо и разработал систему борьбы без оружия (тай-дзюцу) из 48 приемов.

Мастерство Ориуэмона было столь блестящим, что о нем уже при жизни ходили легенды. Так в одной из версий его биографии утверждается, что он был выходцем из знатного рода Огасавара, потерял господина в бою, стал понингом, но позже поступил на службу к сильному

клану Мори. В другой легенде говорится, что однажды он проиграл бой патриарху школы Такэноути-рю Такэноути Хитати-но сукэ Хисакацу и был вынужден пойти к нему в ученики, благодаря чему еще больше усовершенствовал свое искусство. В 1695 г. за выдающееся мастерство в бу-дзюцу его назначили главным наставником по 6 видам боевого искусства княжества Овари. Позже он служил телохранителем у Нарусэ Хаято и получал за свою службу 300 коку в год.

Такаги Ориуэмон передал секреты Такаги-рю своему сыну, Такаги Уманосукэ (1656-?), который начал открытое преподавание Такаги-рю как комплексного бу-дзюцу. Уманосукэ называл свою технику Такаги-рю тай-дзюцу косино-мавари, или эмоно-дори («захват оружия») и больше всего любил работать копьем. При нем Такаги-рю получила распространение во многих районах Овари.

Немалый вклад в развитие Такаги-рю внес и сын Уманосукэ, Такаги Гэнносин. Гэнносин стал ямабуси и удалился на священную гору Кумано, где познакомился с другим сюэн-дзя – Окуни Кихэем, основателем Куки синдэн-рю. Когда 2 мастера сравнили свои школы, выяснилось, что Такаги-рю была сильнее в дзю-дзюцу, а Кукисин-рю – в фехтовании бб. В итоге мастера решили объединить свои знания, после чего к Такаги-рю были добавлены приемы боя шестом, копьем и алебардой Кукисин-рю, а Кукисин-рю у Такаги-рю почерпнула немало техники дзю-дзюцу. После памятной встречи Гэнносина с Окуни Кихэем техника борьбы без оружия в Такаги-рю стала называться «дакэнтай-дзюцу» – буквально «искусство нанесения ударов кулаком по телу».

Со временем Такаги-рю разделилась на 3 ветви. Одна из них, созданная Иситани Такэои Масадзи, получила название Иситани Такаги Ёсин-рю.

Среди учеников Иситани были Такамацу Ёсиёси (отец Такамацу Тосицугу) и сын – Иситани Мацутаро. Мацутаро в детстве убежал из дома, поскольку не вынес тягот тех тренировок, которые заставлял выполнять его отец, изучил школу Кукисин-рю у Акиямы Ётаро и позже соединил Такаги Ёсин-рю и Кукисин-рю в единую систему, которую и преподавал Такамацу Тосицугу. Последний овладел также традицией Фудзита Такаги-рю.

Как видим, также, как и в случае с Куки синдэн-рю, связь Такаги-рю с ниндзя никак не прослеживается. Разве что поверить ничем не подкрепленному утверждению Хацуми, что семья Иситани была семьей тюнинов из Ига. Однако и к ним Такаги-рю попала из рук «самураев» не ранее 2-й половины XIX в. А между тем почти вся бросковая техника Будзинкана позаимствована именно из Такаги Ёсин-рю.

Если 2 вышеописанные школы благополучно дошли до наших дней и ныне преподаются в десятках додзё по всей Японии мастерами, не имеющими никаких связей с линией Такамацу – Хацуми, то остальные 7 школ являются исключительным достоянием этих двух «ниндзя». И ввиду полного отсутствия иных письменных источников, в их анализе нам придется опираться только на сведения, сообщаемые Хацуми Масааки.

Самой древней из этих школ считается Гёкко-рю – «Школа яшмового тигра», в которой преподается косей-дзюцу – «искусство костяных пальцев», или методы поражения уязвимых точек при помощи пальцев.

По утверждению Такамацу Тосицугу, корни этой школы уходят в Китай династии Тан. Считается, что основу этой системы заложил либо императорский телохранитель, не отличавшийся внушительными размерами и большой физической силой, либо какая-то принцесса, либо придворная дама. После падения Танской империи в 907 г. многие аристократы бежали в Японию. В их числе был и военачальник Те Гёкко, который, якобы, и передал японцам учение косси-дзюцу (методы поражения уязвимых точек пальцами).

Это учение на протяжении ряда веков передавалось в семье Судзуки, а в XVI в. перешло в клан Сакагами, член которого Сакагами Таро Кунисигэ и стал официальным основателем школы Гёкко-рю сито-дзюцу – «искусства кончика пальца». Затем патриархом Гёкко-рю стал монах Законник Гёккан – Созерцание яшмы. Он обучил этой технике четырех мастеров: 1) Сасаки Гэндаю Садаясу, сын которого, Са-саки Горозмон Акиёри позже основал школу Гёкусин-рю, также входящую в Будзинкан; 2) Судзуки Дайдзэн Таро Ти-камасу, последователь которого в 4-м поколении Фукао Цу-ноума Сигэёси основал ныне утраченную школу коппо-дзюцу («искусство учения о костях», использует мощные удары руками и ногами для

повреждения костей противника) Идзумо-рю; 3) Акимото Кавати-но Ками Ёси, ученик которого Урю ханган (судья) Гиканбо основал школу коппо-дзюцу Гикан-рю, также входящую в Будзинкан; 4) Тоду Сакё Иссинсая, ставшего создателем школы коппо-дзюцу Кото-рю и, якобы, передавшего Гёкко-рю и Кото-рю знаменитому дзёнину Момоти Сандаю.

Таким образом 4 школы, входящие в Будзинкан, – Гёкко-рю, Гёкусин-рю, Гикан-рю и, с некоторыми оговорками, Кото-рю (по утверждению Хацуми, Кото-рю основывается также на технике, переданной военачальником Те Бусё, бежавшим из одного из корейских царств) являются не отдельными школами, а лишь мастерскими вариациями на тему одной и той же техники.

Все эти школы сохранились только в Будзинкане, а единственным источником по их истории являются «устные предания» Тоды Синрюкэна Масамицу. Безусловно, что «устные предания» человека, жившего на рубеже XIX – XX вв. по надежности не идут ни в какое сравнение с аутентичными письменными источниками XVI в., хотя бы потому, что человеческая память – плохой хранитель знания. К тому же в генеалогиях, сообщенных Тодой содержатся десятки, если не сотни, имен, не зафиксированных ни в каких письменных источниках!

Интересен и технический состав этих четырех традиций. Для всех них характерны удары кончиком большого пальца (боси-кэн) или суставом указательного или среднего пальца при вертикальном положении кулака, а также отбивы хлесткими ударами кулаком типа уракэн-ути каратэ. Однако и то, и другое является стандартными приемами таких известных школ как Куки синдэн-рю и Такаги Ёсин-рю. К тому же вся техника такого рода рассчитана на бой с противником, не защищенным доспехами, а подобные системы дзю-дзюцу в Японии сложились не ранее XVII в., после прекращения войн в стране, когда доспехи стали применяться гораздо реже. Характерно, что Куки синдэн-рю и Такаги Ёсин-рю, где также применяются приемы поражения уязвимых точек, сложились лишь в XVII в. К тому же бросковая техника 4-х секретных школ почти ничем не отличается от Такаги Ёсин-рю.

Меньше всего автору известно о школе дакэнтай-дзюцу Синдэн фудо-рю – «Школа божественной передачи непоколебимости». По утверждению Хацуми, ее основателем был Идзумо кандзя Ёситэру, который, якобы, жил в XII в. Интересно, что Хацуми Масааки называет Идзумо-но кандзя Ёситэру основателем и Кукисин-рю. Однако в официальной генеалогии этой школы, опубликованной в «Бугэй рюха дайджитэн» такой человек не значится, зато важное место в ней занимает Идзумо-но кандзя Ёсихидэ, создавший в 1349 г. систему дакэнтай-дзюцу Кисин-рю, которую изучал основатель «внешней» ветви Куки синдэн-рю Окуни Сигэнобу.

Идзумо-но кандзя Ёситэру занимает важное место и в генеалогии нин-дзюцу, составленной Такамацу Тосицугу. Согласно этой генеалогии, нин-дзюцу – это искусство, развившееся из одного корня.

Такамацу утверждает, что все воинские искусства жителей Ига восходят к китайскому военачальнику Икаю (в другом прочтении – Иин), который был вынужден бежать из Китая и поселился в пещере на горе Такао в Ига. Произошло это где-то между 1040 и 1050 годами.

Икай прекрасно разбирался во всех аспектах военного дела и в совершенстве владел косси-дзюцу. В горах Ига он познакомился с местными ямабуси Гамоном Доси (Фудзи-вара Тиката) и Хогэмбо Тэссином и передал им секреты косси-дзюцу и способ маскировки «летающая птица» (хитё-но какурэгата). От них-то и пошла вся традиция нин-дзюцу Ига. Так, ученик Гамона Доси, Гарю Доси передал свои знания Иге Хэйнаю Ясукиё, который стал основателем знаменитой школы нин-дзюцу Ига-рю, или Кумогакурэ-рю – «Школа маскировки в облаках» – по его боевому псевдониму, а также Хатирю нёдо и уже упоминавшемуся Идзумо-но кандзя Ёси-тэру. Хатирю нёдо обучил секретам нин-дзюцу Тодзаву Ха-куунсая (Хакууна Доси), считающегося создателем школы нин-дзюцу Хакуун-рю и первым патриархом школы косси-дзюцу Гёкко-рю, знаменитого начальника разведки Мина-мото Ёсицунэ – Исэ Сабуро Ёсимори, мага-отшельника Хо-гэна, а также Кимона Хэйбэя. Кимон Хэйбэй учил нин-дзюцу Каина Доси, который, в свою очередь, стал учителем Тогакурэ Дайсукэ, основателя Тогакурэ-рю нин-дзюцу – главной школы Будзинкана. От Тодзавы Хакуунсая берет свое начало линия передачи нин-дзюцу, достигающая Сакагами Таро Кунисигэ, официального основателя школы Гёкко-рю, великого дзёнина Момоти Сандаю, Тоду Сакё Иссинсая, официального

основателя Кото-рю, и даже семью Натори. Линия передачи нин-дзюцу от Тогакурэ Дайсуке через Симу Косанту достигает семьи Тода, и лично Такамацу Тосицугу и Хацуми Масааки, а через Хату Сабуро – семей Уэно, Нарита и Тоду Гохэя.

В эту генеалогию оказались вписанными почти все знаменитые ниндзя из Ига и Кога, которые все увязаны здесь линиями передачи и наследования. Истоки нин-дзюцу уводятся к последователям сюэндо, а Тогакурэ-рю оказывается стержневой традицией нин-дзюцу Ига и Кога. Чудесная картина, в которой каждому знаменитому ниндзя отведена особая ячейка! Правда, непонятно, почему в исторических источниках не упоминается ни Тогакурэ-рю, ни семья ниндзя Тода.

Однако японские исследователи в большинстве своем встретили появление этой генеалогии со скепсисом. Вот что, например, написали о ней Ямада Тадаси и Вататани Киёси в «Бугэйрюхадайджитэн»: «Такамацу Тосицугу, воспользовавшись модой на литературу по нин-дзюцу в период после Тайсё (1912.7-1926.11), составил новую генеалогию этого искусства... Эта генеалогия, основанная на данных преданий, изобилует приукрашениями; реальные личности, известные из источников, перемешаны с вымышленными или легендарными героями. Поэтому проверить ее достоверность не представляется возможным».

В действительности никакие исторические источники не позволяют проследить передачу военного искусства, например, от Фудзивары Тикаты, выведенного в генеалогии Такамацу как Гамон Доси к Иге Хэйнаю Ясукиё, равно как и передачу секретов нин-дзюцу от мифического Тодзавы Ха-кунсая (интересно, что это имя носил и знаменитый мастер нин-дзюцу Кога-рю XVI в.) – к Момоти Сандаю. В ней начисто отрицается реальный исторический процесс постепенного и повсеместного накопления знаний в области шпионажа и разведки и реальный исторический фон, на котором это накопление и развитие происходило, например, все перипетии с семьей Хаттори, с выделением из нее Фудзібаяси и Момоти. Интересно, что ни Хаттори, ни Фудзібаяси в генеалогию не попали.

Сомнительной выглядит и личность «первооснователя» Икая. По утверждению Хацуми Масааки, Икай был военачальником киданьского государства и, якобы, потерпел поражение в борьбе с китайской династией Сун и был вынужден бежать из Китая на Японские острова. Однако в любой работе по истории Китая можно прочитать, что пик набегов киданей на Китай приходится на конец X в., и что только в 1004 г. китайцам удалось заключить с врагами мир, но на очень тяжелых условиях – они обязывались ежегодно платить киданям огромную дань. Однако набеги киданей продолжались и в последующие годы, и китайцы ничего не могли с ними поделать. И лишь в 1125 г. китайцы в союзе с чжурчженями сумели разгромить киданьское государство Ляо. Таким образом предание о бегстве Икая в Японию в середине XI в. совершенно несостоятельно.

Однако это не самый «убойный» аргумент в развенчании генеалогии Такамацу и Хацуми. В «Бугэй рюха дайджитэн» в статье «Тогакурэ-рю» мы читаем: «Он (Такамацу Тосицугу) утверждал, что унаследовал эту генеалогию (а также такие школы „ниндзя“ как Гёкко-рю, Кото-рю, Гёкусин-рю, Син-дэн фудо-рю, Гикан-рю, Кумогакурэ-рю и Тогакурэ-рю – добавим от себя) через устную передачу (кодэн) Тоды Син-рюкэна Масамицу. Однако Тода Синрюкэн (Иссинсай) умер в возрасте 73 лет в 13-й год Мэйдзи (1879 г.). Такамацу же родился через 4 года после смерти Тоды!»

Это одна из самых загадочных страниц истории Будзин-кана. Дело в том, что разные источники дают совершенно разные даты жизни Тоды Синрюкэна Масамицу и Такамацу Тосицугу. Например, в том же «Бугэй рюха дайджитэн» в статье «Гёкко-рю» сообщается, что Тода Синрюкэн Масамицу умер 6 декабря 4 года Мэйдзи (1870 г.). Последователи же Будзинкана утверждают, что Тода Синрюкэн жил в 1824 – 1909 гг., а Такамацу Тосицугу – в 1887 – 1972 гг.

К этой путанице в датах следует добавить и еще несколько любопытных деталей. В официальной генеалогии мастеров Такаги-рю, опубликованной в «Бугэй рюха дайджитэн», значится Такамацу Ёсиёси – отец Тосицугу, который, по непонятной для автора причине, не упоминается ни в одной из работ по истории Будзинкана. По-видимому, он-то и был первым учителем сына. Любопытно, что кроме генеалогии Такаги Ёсин-рю его имя больше нигде не встречается. Возникает законный вопрос: как же могло получиться, что сын Тоды Синрюкэна

не был знаком с «тайными традициями» Гёкко-рю, Кото-рю, Тогакурэ-рю и т.д., а вот внук, в обход папаши, стал их наследником?

Кроме того, в статьях и книгах последователей Будзинкана почему-то не упоминаются и другие учителя Тосицугу, принадлежавшие к традициям Кукисин-рю и Такаги-рю: Мидзута Ёситаро Тадафуса, Цуноно Яхэйта Масаёси и другие. Кстати, все источники, не связанные с Будзинканом, называют Тоду Синркжэна инструктором по кэндо в одном из военных училищ.

Что же представляют собой эти «школы нин-дзюцу» Тогакурэ-рю и Кумогакурэ-рю? В недавно выпущенном японской фирмой «Куест» учебном видеофильме «Нинпо тай-дзюцу школы Тогакурэ-рю» продемонстрировано несколько десятков приемов рукопашного боя, особенность которых состоит в постоянном использовании ослепляющих порошков. Показаны также приемы с использованием лазательных когтей (сюко) и сюрикэнов. В «Беседах ниндзя» Хацуми утверждает, что «Тогакурэ-рю преподает свое нинпо тай-дзюцу с некоторыми тайными видами оружия, такими как сэнбан (разновидность сюрикэна), синодакэ (дыхательная трубка) и сюко». По поводу Кумогакурэ-рю там же он говорит, что эту школу «характеризует похожая форма тай-дзюцу с использованием камаяри (разновидность копья с боковым серповидным отростком)». Кроме того, по словам Хацуми, «в Тогакурэ-рю... собрано все лучшее, что имеется в 9 рю». После разбора генеалогий школ Будзинкана это утверждение не может не вызвать недоумения, ведь по крайней мере 2 из них – Кукисин-рю и Такаги Ёсин-рю – с Тогакурэ-рю ничего общего не имеют. Фактически, под названием «нин-дзюцу» Хацуми Масааки преподает разновидность дзю-дзюцу

Впрочем, некоторыми уловками ниндзя он, по-видимому, все же владеет. Английский журналист Клиффорд Харрингтон рассказывает: «Пока мы беседовали, Хацуми Ёсиа-ки взял большую виноградину и проглотил ее. Затем продолжил разговор (к тому времени я уже забыл об этой мелочи) и вдруг раскрыл рот, глубоко засунул в него два пальца и... достал целую виноградину. Когда-то, по словам Хацуми, таким способом доставлялись секретные сообщения... Бой (показательный) завершился тем, что ниндзя стремительно бросился к стене своего двухэтажного дома, на бегу забросил на крышу прикрепленный к веревке крюк и в считанные секунды взобрался наверх. В этом ему помогли специальные петли на веревке, по которым он поднимался, как по ступеням лестницы».

Хацуми Масааки не был единственным учеником Такамацу Тосицугу, как утверждается во многих статьях. Напротив, у Такамацу было очень много учеников. Да и сам Хацуми смог познакомиться с Тосицугу только через своего первого наставника Уэно Ки Тёсуя, личного ученика Такамацу.

Уэно Ки Тёсуй (Ки Тэнсин) был наследником одной из ветвей школы Кукисин-рю, имевшей длинное официальное название Хонтай Кисин Уэно тэнсин-рю Куки синдэн дакэнтай-дзюцу – «дакэнтай-дзюцу божественной традиции семьи Куки основной школы небесного сердца семьи Уэно направления Кисин», позже замененное на более короткое Синто тэнсин-рю – «Синтоистская школа небесного сердца».

Основу этой школы заложил Уэно Тацуэмон Тацукара, который в начале XVII в. соединил технику кэн-дзюцу Като-ри Синто-рю с болевыми приемами торидэ Итидэн-рю. Позже его потомки многое позаимствовали из арсенала школ Кукисин-рю и Такаги-рю, а также из кэн-дзюцу Ходзан-рю и коппо-дзюцу Итидзё фуни-рю. Синтез с другими школами боевого искусства продолжал и восьмой патриарх Уэно Ки Тёсуй, который к семейной традиции добавил приемы каратэ школ Сито-рю и Синдо Дзинэн-рю, китайского кэмпо и различные техники крупной школы бу-дзюцу Асаяма итидэн-рю. Таким образом Хацуми Масааки изначально изучал именно те школы боевого искусства, которые преподавал Такамацу Тосицугу, но не в чистом виде, а в сложной смеси. Интересно, что многие ученики Уэно после смерти наставника перешли под крыло основателя современной школы дзю-дзюцу Хакко-рю Окуямы Рюхо и составили костяк его ближайших соратников-наставников.

Подведем итог нашему исследованию нин-дзюцу Будзинкана. На основе имеющихся данных, можно сделать вывод, что Будзинкан – это сложная синтетическая система рукопашного боя, вобравшая в себя традиции ряда древних школ бу-дзюцу и, возможно, гораздо более поздних каратэ, айкидо и даже китайского кэмпо. Нужно признать, что почти весь технический арсенал Будзинкана – вся работа с оружием и почти вся бросковая техника

тай-дзюцу – почерпнут из школ Куки синдэн-рю и Такаги Ёсин-рю, которые никакого отношения к кланам ниндзя из Ига и Кога не имеют. Впрочем, возможно, что Хацуми действительно изучал некоторые боевые приемы из арсенала «воинов ночи».

Одно можно утверждать наверняка: Хацуми Масааки нин-дзюцу как таковое не преподает. Это становится очевидным уже при рассмотрении программы обучения Будзинкана. Еще более показательно отношение японского правительства к Хацуми и его организации. Оно вполне лояльно, мол, играйте-играйте, чем бы дитя не тешилось, лишь бы не вешалось. Думается, если бы Хацуми организовал «крутую» школу для подготовки шпионов, диверсантов, террористов, киллеров эта позиция была бы совсем иной. Короче, Хацуми Масааки, хоть и мастер боевого искусства, но все же не ниндзя, как бы этого ни хотели десятки тысяч его последователей.

И всё таки, есть ли ниндзя сегодня ?

Думается, однозначного ответа здесь быть не может. Все зависит от того, кого считать ниндзя. Например, можно ли считать настоящим ниндзя человека, который в течение 2-3 лет занимался в каком-нибудь клубе на Западе и получил соответствующий сертификат? Ну а если человек занимался по книге какого-нибудь «западного» специалиста, который, на самом деле, имеет весьма смутное представление о нин-дзюцу и не обучался ни у одного из наставников? Вряд ли. Считать таких любителей ниндзя означало бы относиться к ним в десятки раз серьезнее, чем они того заслуживают.

Может быть, следует считать ниндзя современных шпионов или солдат из некоторых спецподразделений? По функциям они очень близки своим средневековым сородичам.

Зато очень и очень далеки по форме – слишком далеко шагнул технический прогресс со времени «золотого века» нин-дзюцу, да и с традиционной японской культурой и философией они, как правило, никак не связаны. К тому же, такое понимание терминов «ниндзя» и «нин-дзюцу» чересчур расширительно, и они становятся синонимами слов «шпион-диверсант» и «шпионаж».

Все-таки нельзя отрывать нин-дзюцу от того конкретного контекста японского средневековья, в котором оно сложилось. Это означает, что классическое нин-дзюцу «золотого века» сегодня – не более чем музейный экспонат. Хотя экспонат весьма интересный, поучительный и «научительный», в том смысле, что его исследование может дать немало ценного материала. Например, до сего дня не изучены и не разгаданы многие психотехники «ночных невидимок», методы их физической подготовки, способы «оттачивания» чувств – зрения, слуха – и т. д.

В завершение разговора хочется поделиться лишь одной мыслью: если вы когда-либо слышали от кого-то, что он – «ниндзя», можете считать его самозванцем, ибо это противоречит и духу, и традициям «ночных воинов» и реальной истории.

Заключение

Вот и завершилось наше путешествие по страницам истории нин-дзюцу. Многое осталось вне поля зрения автора или просто не вошло в книгу, многое нуждается в проверке и уточнении. Фактически, эта работа лишь намечает направления дальнейших более глубоких и основательных исследований истории «ночных воинов» средневековой Японии. И автор собирается продолжить разговор о ниндзя и нин-дзюцу в ряде последующих публикаций.

Так в настоящее время готовится к изданию второй том серии «Путь невидимых», который будет называться «Секреты ночных демонов. Подлинная техника нин-дзюцу». Он посвящен анализу философии, теории и практики нин-дзюцу периода его расцвета. В этой книге читатели смогут прочитать об основных принципах нин-дзюцу, структуре шпионских сетей, вербовке и засылке тайных агентов, кодовом языке и боевых псевдонимах ниндзя, методах шифрования информации, способах проникновения во вражеские крепости, приемах

маскировки, диверсионных акциях, о работе ниндзя в качестве телохранителей, методах их подготовки и тренировки, системе выживания; познакомятся с десятками видов снаряжения и оружия «ночных воинов», с рецептами лекарств и высококалорийных пилюль, секретными методами психологической войны, с мистическими ритуалами куд-зи-ин и кудзи-кири и т.д. Кроме того, в этот том войдут переводы десятков отрывков из старинных наставлений по разведке: глава о физиогномике ниндзя из «Сёнинки», рекомендации по организации засад и полевой разведке и т.д., и глава о дошедших до наших дней трактатах по нин-дзюцу.

Хочется подчеркнуть, что настоящая книга – плод работы не только автора, но и целого ряда его коллег по Московскому центру изучения нин-дзюцу «Синобикай».

«Синобикай» является независимой общественной организацией, занимающейся изучением истории, традиций и техники нин-дзюцу. Центр культивирует древнюю школу боевого искусства Катори Синто-рю. Он поддерживает отношения со многими общественными и научными организациями, со школами и мастерами боевых искусств, проводит учебные семинары, готовит методические разработки, книги и видеопособия по боевым искусствам, переводит важнейшие сочинения по бу-дзюцу, издает журнал «Додзё. Воинские искусства Японии».

Особенно автору хотелось бы поблагодарить наставника школы Катори Синто-рю Сергея Семенчука за те ценные замечания и советы, за те знания, которыми он поделился при подготовке книги к изданию, а также Алексея Астафьева, который, благодаря многолетнему опыту занятий и преподавания бу-дзюцу и незаурядному таланту художника, смог подготовить замечательные иллюстрации к книге.